ЗАРУБЕЖНЫЙ ТРИЛЛЕР

Майкл Пугнам

ВСЁ ПРОДАЕТСЯ

КРОН-ПРЕСС, 1992

Майкл Ридпат

Все продается

Первая глава

Меньше чем за полчаса я потерял полмиллиона долларов, а кофеварка не работала. День начинался не из лучших. Полмиллиона долларов на дороге не валяются. Мне позарез нужна была чашка кофе.

Между тем утро не предвещало никаких неприятностей. Спокойный июльский вторник в помещении инвестиционной фирмы «Де Джонг энд компани». Моего босса, Хамилтона Макензи, в офисе не было. Зевая, я перечитывал в «Файненшал таймс» скучнейшие репортажи о вчерашних событиях сомнительной важности. Больше половины столов пустовало: люди разъехались по командировкам, по отпускам. На осиротевших столах в беспорядке валялись бумаги и телефонные трубки. Застывший хаос. Наш офис походил скорее на библиотеку, чем на коммерческую фирму.

Я выглянул из окна. Над изнывавшими от жары улочками угрюмо нависли молчаливые серые громады лондонского Сити. На здании страховой компании «Меркантайл юнион иншуранс», в ста ярдах к западу от меня, по самому краешку крыши скользила пустельга. Гигантский финансовый центр дремал. Трудно было поверить, что в нем есть хоть одна живая душа.

Передо мной на пульте телефонной связи неуверенно мигнула одна из лампочек. Я взял трубку.

– Да?

– Пол? Это Кэш. Начинается. Мы уже работаем во всю.

Я сразу узнал режущий слух нью-йоркский акцент Кэша Каллахана, «ведущего продюсера» «Блумфилд Вайс», крупного американского инвестиционного банка. Настойчивый тон Кэша заставил меня подтянуться.

– Что начинается? Что вы делаете?

– Через десять минут мы выбрасываем новые шведские. Хочешь узнать условия?

– Да, пожалуйста.

– Тогда слушай. Их выпущено на пятьсот миллионов долларов с купоном на девять с четвертью процента. Погашение через десять лет. Предлагаются по девяносто девять. Доход – девять и сорок одна сотая процента. Понял?

– Понял.

Итак, шведы, выпустив еврооблигации, собираются взять взаймы пятьсот миллионов долларов. «Блумфилд Вайс» они используют в качестве андеррайтера[1] размещения. Теперь его дело продать облигации инвесторам. Приставка «евро» означает, что облигации международные, в одной из европейских валют, но не Швеции, и продажа их будет осуществляться по всему миру. Мое дело – решить, покупать нам эти облигации или нет.

– Девять сорок одна – очень хороший процент, – продолжал Кэш. – За десятилетние итальянские дают девять тридцать восемь, но никому и в голову не придет

---

[1] Андеррайтер – поручитель, который берет на себя обязательство разместить определенное количество ценных бумаг нового выпуска и закупает бумаги у эмитента для их последующей продажи инвесторам. – [Здесь и далее примечания переводчика.]

сравнивать итальянцев со шведами. Лучший пример для сравнения – Канада, но и то процент по канадским облигациям всего девять двадцать пять. Беспроигрышный вариант. Шведские поднимутся до небес, понимаешь, что я имею в виду? Я тебя записываю на десять миллионов?

И в худших обстоятельствах Кэш совершал сделки с напором, а если ему предстояло продать облигаций на пятьсот миллионов долларов, его энергия не знала границ. Впрочем, для него сейчас в этом был вполне определенный смысл. Я произвел несложные расчеты на своем калькуляторе. Если процент по новым облигациям упадет до канадского уровня, то есть до девяти и двадцати пяти сотых, то их курс поднимется от девяноста девяти до ста. Любой инвестор сможет получить неплохую прибыль, если вовремя сообразит быстро купить облигации по предлагаемой начальной цене. Конечно, окажись выпуск неудачным, «Блумфилд Вайс» будет вынужден понизить курс, пока процент не вырастет до величины, способной привлечь покупателей.

– Подожди. Мне нужно подумать.

– Хорошо. Только не слишком тяни. Кстати, тебе будет полезно узнать, что в Токио мы уже разместили облигаций на триста миллионов долларов.

В трубке послышались гудки. Кэш спешил уговорить следующего покупателя.

Времени на то, чтобы собрать сведения и принять решение, было в обрез. Я набрал номер Дейвида Барратта, сейлсмена [2] из «Харрисон бразерс». Я

---

[2] Сейлсмен – торговый агент, действующий в качестве посредника между покупателем и продавцом на рынке.

передал ему все, что услышал от Кэша, и спросил его мнение.

– Мне вся эта затея не нравится. Цена кажется вполне приемлемой, но помнишь, как печально закончилась история с облигациями, выпущенными Всемирным банком две недели назад? Сейчас никто не покупает еврооблигации. Думаю, ни один из моих британских клиентов не возьмет ни одной бумажки.

Четкий, размеренный голос Дейвида отражал его огромный опыт и трезвый, аналитический ум. В большинстве случаев он оказывался прав и благодаря этому приобрел множество надежных и верных клиентов.

– Благодарю за полезный совет, – сказал я и положил трубку.

Загорелась другая лампочка. Звонила Клер Дюамель, очень деловая француженка, которая продавала облигации от имени «Банк де Лозанн э Женев», или, короче, БЛЖ.

– Алло, Пол, как дела? Сегодня ты готов купить у меня пакет облигаций? – Ее хорошо поставленный низкий грудной голос заставлял задуматься даже самых жестокосердных покупателей.

Теперь у меня не оставалось времени для любезной болтовни с Клер. Она отличалась потрясающим здравомыслием (которое тщательно скрывала), и мне нужно было срочно узнать ее мнение.

– Что ты думаешь о новых шведских?

– Это же курам на смех! Барахло. Ужасное барахло. И вообще сегодняшний рынок мне совсем не нравится. И

моим покупателям. И моим трейдерам[3]. Но если ты захочешь купить, уверена, они продадут облигации очень дешево.

Она хотела сказать, что ее трейдерам эти облигации вовсе не нравятся, поэтому они попытаются их продать как можно быстрее – в надежде на то, что позднее выкупят их дешевле.

– «Блумфилд Вайс» говорит, что большая часть выпуска уже размещена в Токио.

На этот раз в голосе Клер прозвучала нотка раздражения:

– Я этому поверю, если увижу своими глазами. Будь осторожен. Пол. Многие потеряли массу денег, доверившись Кэшу Каллахану.

Несколько минут телефонный пульт подмигивал мне всеми лампочками сразу: многие хотели высказать свое мнение об облигациях. Никому они не нравились.

Мне нужно было подумать. Я попросил Карен, нашего секретаря, отвечать на все телефонные звонки. В предложенной Кэшем сделке было что-то привлекательное. Правильно, рынок сейчас на удивление пассивен. Верно также и то, что двухнедельной давности облигации Всемирного банка покупаются плохо. Но с того дня новых выпусков не предлагалось, и у меня создалось впечатление, что инвесторы приберегали деньги для более надежного выпуска. Таким может оказаться именно этот, шведский. Во всяком случае процент по облигациям определенно был заманчивым.

---

[3] Трейдер – лицо, покупающее и продающее ценные бумаги с целью получения прибыли от краткосрочных колебаний цен, биржевой игрок.

Наиболее убедительным аргументом казалась покупка облигации японцами. Если Кэш не наврал и они действительно продали в Токио на триста миллионов долларов из пятисот, то дела пойдут исключительно хорошо. Но можно ли доверять Кэшу? Не принимает ли он меня за сосунка – двадцативосьмилетнего несмышленыша со смешным полугодовым опытом работы на рынке ценных бумаг? Как бы поступил на моем месте Хамилтон?

Я повертел головой. Вероятно, мне следовало бы обсудить сделку с Джеффом Ричардзом. Он был заместителем Хамилтона и отвечал за стратегию компании во всем, что связано с процентными ставками и обменными курсами. Но Джефф предпочитал вступать в игру только после тщательного экономического анализа. Покупка нового выпуска облигаций его никогда не привлекала. Я бросил взгляд на его стол. Джефф переносил цифры из брошюрки по статистике в память компьютера. Пусть занимается своим любимым делом.

Кроме Карен и Джеффа в офисе была еще только Дебби Чейтер. До недавнего времени она присматривала только за юридической стороной фондов, которыми управляет наша фирма. Рынком ценных бумаг Дебби стала вплотную заниматься всего два месяца назад, значит, опыта ей не хватало даже больше моего. Но у нее был острый, цепкий ум, и я часто обсуждал с ней разные проекты. Она сидела за соседним столом и с интересом наблюдала за происходящим.

Роясь в собственных мыслях в поисках единственно верного решения, я рассеянно посмотрел на Дебби.

– Не знаю, в чем суть твоей проблемы, но самоубийство – не лучший выход. Ты выглядишь так,

словно собрался выброситься из окна, – заметила Дебби, и ее широкое лицо осветилось улыбкой.

Я улыбнулся ей в ответ.

– Я просто задумался, – сказал я и в нескольких словах объяснил Дебби суть предложения Кэша о покупке новых шведских облигаций, упомянув и об отсутствии энтузиазма в стане его конкурентов.

Дебби внимательно выслушала меня, с минуту подумала, потом сказала:

– Видишь ли, если бы Кэш предложил что-то мне, то я бы отказалась не раздумывая. – Она бросила мне номер «Мейл». – Если тебе в самом деле невтерпеж рискнуть деньгами наших клиентов, почему бы не выбрать что-нибудь более безопасное?

Я швырнул газету в мусорную корзину.

– Серьезно, мне кажется, в этом что-то есть.

– Серьезно, брось даже думать о том, в чем замешан Кэш, – парировала Дебби.

– Если бы здесь был Хамилтон, уверен, он бы принял предложение, – настаивал я.

– Что ж, спроси у него. Он сейчас, должно быть, уже вернулся в отель.

Дебби была права. Днем Хамилтон вел переговоры с руководством токийских компаний, деньгами которых управляет наша фирма. Переговоры должны были уже закончиться. Я повернулся к Карен.

– Свяжись с Хамилтоном. Думаю, он в «Империале». Поторопись.

У меня оставалось две-три минуты. Карен хватило одной, чтобы отыскать Хамилтона в отеле.

– Привет, Хамилтон. Прошу прощения за то, что беспокою вас вечером, – начал я.

– Никакого беспокойства. Я всего лишь читал всякую ерунду. Не знаю зачем. Так называемое «изучение рынка» – это просто бред. Что у вас?

Я в общих чертах рассказал о предложении Кэша, повторил нелестные комментарии Дейвида, Клер и других, упомянул и о том, что сообщил Кэш о японцах.

Последовала небольшая пауза, потом я снова услышал мягкий, спокойный голос с чуть заметным шотландским акцентом. Этот голос, как доброе солодовое виски, действовал на меня умиротворяюще.

– Очень интересно. Пол, малыш, возможно, нам следует что-то предпринять. Сегодня утром я вел переговоры в двух страховых компаниях. В обеих мне сказали, что их очень беспокоит состояние американского фондового рынка и поэтому они активно продают акции. Они готовы вложить в облигации несколько сотен миллионов долларов, но до последнего времени ждали крупного нового выпуска, чтобы сразу купить большой пакет. Вы знаете этих японцев: если двум японцам придет в голову какая-то разумная мысль, то скорее всего ее подхватят еще по меньшей мере десять.

– Значит, Кэш, возможно, говорит правду?

– Как ни удивительно, но это не исключено.

– Так мне купить на десять миллионов?

– Нет.

– Нет? – не понял я. Из того, что говорил Хамилтон, следовало, что сделка могла оказаться выгодной.

– Покупайте на сто.

– На сто миллионов? Вы уверены? Не многовато ли для сделки, которая не нравится решительно никому? В сущности, я думаю, что это многовато для любой сделки. Уверен, у нас даже не найдется столько свободных денег.

– Что ж, тогда продайте какие-нибудь другие ценные бумаги. Послушайте, Пол, случай сделать хорошие деньги выпадает не часто. Это один из таких случаев. Покупайте на сто.

– Хорошо. Вы будете в отеле весь вечер?

– Да, но у меня есть кое-какие дела, поэтому звоните мне только в случае крайней необходимости.

И Хамилтон повесил трубку.

Покупать облигации на сто миллионов долларов – это большой риск. Огромный риск. Если мы ошибемся, то не компенсируем потери и за год. С другой стороны, если японцы купили на триста миллионов долларов, а мы купим на сто миллионов, то на всех других останется только сто миллионов. Про Хамилтона говорили, что время от времени он крупно рискует, но рискует расчетливо – и всегда выигрывает.

Замигала лампочка. Это был Кэш.

– Мы запускаем. Что ты надумал, приятель? Берешь на десять? Думаю, здесь нам повезет. Давай немного заработаем!

У меня пересохло в горле, когда я медленно, слово за словом, сказал:

– Я беру на сто.

Эта цифра заставила замолчать даже Кэша. Я едва услышал, как он прошептал «Ого!» и попросил подождать пять секунд.

– Мы не можем продать на сто по девяносто девять. Можем уступить на пятьдесят по девяносто девять, но на вторые пятьдесят – только по девяносто девять и две.

Будь я проклят, если попадусь на такой дешевый трюк.

– Послушай, и мне и тебе хорошо известно, как относится рынок к этим облигациям. Мне они почему-то приглянулись, но только по курсу девяносто девять. Сто по девяносто девять или вообще ничего.

– Пол, ты не понимаешь, как делаются такие дела. Если ты покупаешь столько облигаций, ты должен быть готов заплатить за них больше.

Меня раздражал вкрадчиво-поучительный тон Кэша.

– Сто по девяносто девять или не получишь ничего.

Последовала пауза, потом:

– Ладно, решено. Продаем тебе новые шведские на сто миллионов по курсу девяносто девять.

Когда я опускал телефонную трубку, моя рука дрожала. Только что я совершил крупнейшую сделку в своей жизни. Вопреки единодушному мнению всего рынка я бросил в игру сто миллионов долларов. Не удивительно, что я разнервничался. Невольно в моей голове поплыли мысли об ужасных последствиях. А если мы просчитались? А если в ближайшие несколько минут мы потеряем сотни тысяч долларов? Как мы это объясним

мистеру де Джонгу? Как мы все это объясним тем компаниям, которые доверили нам свои деньги?

Так нельзя. Мне нужно выбросить из головы всякие «а что, если». Мой мозг должен быть надежнее любого суперкомпьютера, а не блуждать в джунглях эмоций по поводу возможных кошмарных последствий. Мне нужно расслабиться. Я сжал телефонную трубку и заметил, что костяшки пальцев побелели. Пришлось заставить себя ослабить хватку.

На пульте мигали одновременно все лампочки. Я выбрал наугад одну из линий. Это была Клер.

– Что я тебе говорила? Одно вранье. Вы купили?

– Да, честно говоря, уже немного купили.

– Ох нет, – голос Клер преисполнился сочувствием, – с этим Кэшем нужно быть очень осторожным. Впрочем, если ты хочешь еще, знай, куда обращаться. Мы их предлагаем по девяносто восемь и девять.

– Спасибо, больше не надо. Пока.

Итак, БЛЖ уже предлагает шведские облигации по курсу ниже начального. Но Клер и раньше говорила, что они намерены продавать краткосрочные облигации в надежде с выгодой выкупить их позже. Не удивительно, что они предлагали низкую цену.

– Привет, Пол, это Дейвид. Вы купили эти новые шведские?

– Немного.

– Так вот, эти бумаги катастрофически падают в цене. Мы покупаем по девяносто восемь и семьдесят пять

и предлагаем по девяносто восемь и восемьдесят. Никому из наших клиентов это не нравится.

О, Боже! Все пошло совсем не так, как я предполагал. Цена падала слишком быстро. При предлагаемой цене девяносто восемь и семьдесят пять я терял двести пятьдесят тысяч долларов. Что делать? Смириться с такой потерей? Я вспомнил старый афоризм:

«Сократи свои убытки и вырастут доходы». Потом я вспомнил другую максиму: «Выбрав точку зрения, не меняй ее». Афоризмы и максимы не помогут. Думай, Пол, думай.

Замигала еще одна лампочка. Опять Клер.

– Боюсь, дела складываются совсем плохо. Мы уже предлагаем только девяносто восемь и пятьдесят. Облигации продают повсюду, и их цена может только понижаться. Ты намерен что-нибудь предпринять?

Девяносто восемь с половиной! Теперь я терял уже полмиллиона долларов. Мой внутренний голос кричал: «Продавай!» К счастью, мне. удалось взять себя в руки. Я ответил охрипшим, но спокойным голосом:

– Нет, сейчас ничего, благодарю.

Я позвонил в «Блумфилд Вайс». Трубку взял .Кэш.

– Что там с этими шведскими облигациями? Я был уверен, что ты уже разместил почти весь выпуск? – спросил я, прилагая отчаянные усилия, чтобы не сорваться на крик.

– Пол, успокойся. На триста миллионов мы продали в Японию. На сто миллионов – тебе, еще на пятьдесят – американцам. И только что купили от других дилеров [4]

---

[4] Дилер – юридическое или физическое лицо, покупающее ценные бумаги за свой

примерно на пятьдесят миллионов. Итого пятьсот миллионов. Больше облигаций просто нет.

Я мог бы наорать на Кэша. Мог бы обругать его по телефону последними словами. Ничего этого я не сделал. Я просто пробормотал:

– Пока.

У меня было такое ощущение, словно меня обманули, предали. Больше того, я чувствовал себя полным дураком. На рынке ценных бумаг ошибиться может каждый, но только законченный идиот способен доверить сто миллионов долларов Кэшу Каллахану. Он даже не признался во лжи, когда катастрофическое падение курса облигаций уже все сказало. Я попытался дозвониться в Токио Хамилтону, но не смог его найти и поручил поиски Карен, а сам стал думать, как можно выйти из этого кошмара с наименьшими потерями.

Все это время мое внимание было полностью поглощено миром, находившимся на другом конце телефонной линии. Только теперь я осмотрелся и увидел, что с меня не сводит глаз Дебби. Она следила за каждым моим словом и жестом. На ее лице не было обычной улыбки, оно приняло озабоченное выражение.

– Кажется, ты что-то говорила про то, чтобы выброситься из окна? – возможно более ровным тоном спросил я.

счет или продающее их из собственного портфеля в отличие от брокера или сейлсмена, выступающих посредниками между продавцом и покупателем. На практике многие фирмы выполняют как те, так и другие функции.

Дебби с трудом заставила себя улыбнуться, но тут же на ее лице появилось прежнее выражение озабоченности.

– Есть какие-нибудь свежие идеи? – спросил я.

Дебби, нахмурившись, на минуту задумалась. Не стоило ее спрашивать. Магического решения проблемы вообще не существовало, и мне не следовало перекладывать на плечи Дебби тяжесть ответственности за свою ошибку. Но пока она раздумывала, я с удивлением заметил, что вопреки здравому смыслу во мне теплится надежда на какое-то простое решение, которое я упустил из виду, а Дебби его найдет.

– Ты можешь продать, – сказала наконец Дебби.

Я мог продать. И потерять полмиллиона долларов. Мог ничего не предпринимать, рискуя потерять еще больше.

Внезапно мне страшно захотелось кофе, чтобы лучше думалось или, на худой конец, чтобы чем-то занять руки. Я встал и направился в угол, где стоял кофейный автомат, готовивший «настоящий» отфильтрованный кофе. По вкусу он был хуже растворимого, зато кофеина в нем было предостаточно. Я нажал на кнопку и опустил рычаг. Никакого результата. Я стукнул по автомату ребром ладони. По-прежнему ничего. Тогда я ногой ударил по станине агрегата и, получив хоть какое-то удовлетворение от появившейся в ножке небольшой вмятины, поплелся к своему столу.

Думай! Если Кэш врал, что казалось наиболее вероятным, тогда на рынок будет выброшено большое количество непроданных облигаций и их курс какое-то время не будет подниматься. Но при курсе 98,50 процент

по облигациям поднялся до 9,49, то есть стал больше, чем у любой другой аналогичной еврооблигации. Со временем цена облигаций вырастет. Если Кэш врал, то мне не следует продавать, я должен выждать. При достаточном терпении, возможно, удастся компенсировать все потери и, быть может, даже получить какую-то прибыль.

А если Кэш не врал? Если ошибались все другие дилеры? Если «Блумфилд Вайс» действительно продал на триста миллионов в Японию? В таком случае, как только другие дилеры поймут свою ошибку, им придется оправдывать собственную игру на понижение. Иными словами, они станут покупать те же облигации, которые продавали раньше. Курс облигаций начнет стремительно подниматься. У кого хватит смелости купить сейчас много облигаций, тот заработает целое состояние.

Чем больше я думал, тем более вероятным мне казалось, что Кэш говорил правду. Кэшу я не доверял, но я верил чутью Хамилтона. Если Хамилтон не сомневался в том, что японцы могли бы купить облигации нового выпуска, то, скорее всего, он был прав. Как я мог сказать, кто прав, а кто не прав?

Потом у меня родилась одна мысль. Риск был немалым, но если все получится, то и результат будет отличным. Времени советоваться с Хамилтоном не оставалось. Если я хотел, чтобы вышло по-моему, мне нужно было действовать немедленно.

Я набрал номер Кэша. За ту секунду, что он брал трубку, мое сердце успело стукнуть полдесятка раз.

– Если мы договоримся о цене, то я хотел бы купить еще на пятьдесят миллионов, – сказал я и сам удивился, насколько спокойно прозвучал мой голос.

Кэш засмеялся.

– Правильно, Пол! Зарабатывать так зарабатывать! Подожди, не клади трубку.

Его реакция еще ни о чем не говорила. Чем больше объем продаж, тем больше комиссионных получает сейлсмен. Кэш заработает в любом случае. Надежным мерилом будет предложенная им цена. Если ему нужно продать облигаций еще на многие миллионы, он предложит низкую цену. В таком случае я поторгуюсь и, возможно, в последний момент откажусь от сделки. Если же Кэш действительно продал почти весь выпуск, то он с тысячами извинений предложит более высокую цену.

Вероятно, пришлось ждать не больше минуты, но мне показалось, что прошло не меньше десяти. Наконец в трубке снова зазвучал голос Кэша:

– Мне очень жаль, но, боюсь, мы можем предложить только на десять миллионов и только по курсу девяносто девять ровно.

По тону Кэша я понял, что он приготовился выслушать поток возражений, ведь он предлагал мне меньшее количество облигаций по курсу на полпункта выше, чем у его конкурентов. Но с моей стороны возражений не последовало. Я не сердился на Кэша. Мне представлялась редкая возможность, и я собирался воспользоваться ею в полной мере.

– Хорошо, беру десять по девяносто девять.

Теперь мне нужно было пошевеливаться. Следующий звонок был к Клер.

– Ты все еще горишь желанием продать новые шведские? – спросил я.

– О, ну конечно, – замурлыкала Клер. – Могу уступить пакет по девяносто восемь с половиной.

– Отлично. Покупаю на двадцать.

После двух других телефонных звонков мне удалось купить еще на пятнадцать миллионов по курсу девяносто восемь и шесть десятых. Итого, в моих руках оказалось новых шведских облигаций на .сто сорок пять миллионов долларов. Я откинулся на спинку кресла и ждал. Я все еще ощущал напряжение, но это было напряжение охотника, а не загнанного зверя.

Долго ждать мне не пришлось. Через две минуты на пульте замигали лампочки: дилеры умоляли продать облигации. Сначала они предлагали 98,60, потом 98,75, потом 98,90. Вскоре позвонил Дейвид Барратт.

– Я хотел бы купить этих шведских на двадцать миллионов по девяносто девять и десять, – сказал он.

– Это очень высокая цена для облигаций со столь туманной перспективой, – поддразнил его я, не в силах скрыть нотки торжества в голосе.

– Любопытная история, – объяснил Барратт. – Как я и предполагал, курс сначала падал. Потом кто-то где-то скупил сколько-то этих облигаций. С этого момента все дилеры забегали, пытаясь оправдать свои краткосрочные сделки. Но облигаций уже никто не предлагал, поэтому они подняли курс. Еще смешнее то, что двум моим английским клиентам, которые выжидали целый месяц,

тоже вдруг взбрело на ум купить эти облигации. Они уверены, что у шведских отличные перспективы, а быстрый рост курса напугал их; они боятся, что упустят выгодный момент на рынке.

Я продал Дейвиду на двадцать, а до конца дня еще на семьдесят пять миллионов. Меня особенно умоляла продать Клер. На операциях с этими облигациями БЛЖ потерял очень много. Я решил приберечь оставшиеся пятьдесят миллионов на тот случай, если через одну-две недели их курс еще немного подрастет, и продал другие облигации, чтобы иметь свободные средства. Потом я подсчитал результат. За день я получил четыреста тысяч долларов прибыли, и в запасе у меня оставалось на пятьдесят миллионов облигаций, которые могли дать еще триста тысяч долларов.

Я упал в кресло. Я чувствовал полную опустошенность. Казалось, меня крепко поколотили. Нервное напряжение, приток адреналина, изнурительное волнение нескольких последних часов вымотали меня. Но я все сделал правильно. По большому счету. Неважно, что скажет Хамилтон, этого он отрицать не сможет. Впервые в жизни я ощутил, что значит выйти на рынок ценных бумаг и победить. Ощущение было приятным. Я доказал себе, что могу быть хорошим трейдером, не хуже других. Я надеялся, что Хамилтон тоже это поймет.

– Видел бы ты, какое самодовольство написано у тебя на лице, – перебила ход моих мыслей Дебби. – Если у тебя еще раз появится такое же вдохновение на всякие махинации, дай мне знать. Уверена, за такой талант, как у тебя, дельцы по продаже подержанных автомобилей готовы отдать все. А пока не хочешь ли пригласить меня в бар?

– Интересно, почему я всегда должен приглашать тебя в бар? Или тебе здесь ничего не платят? – сказал я, надевая пиджак.

Потом в моей голове мелькнула смутная мысль.

– Подожди минутку, мне нужно позвонить.

Я набрал номер отеля «Империал» и попросил Хамилтона Макензи. Телефонистка ответила, что мистер Макензи настоятельно просил его не беспокоить. Я восхитился хладнокровием шефа. Такая крупная игра, а он не захотел даже узнать окончательный результат. Значит, он верил в меня настолько, что решил предоставить мне полную свободу действий. Как обычно, он оказался прав.

С той же самодовольной улыбкой я выключил все свои аппараты и вслед за Дебби пошел к лифту, оставив в офисе одного Джеффа, все еще погруженного в статистический анализ .

Вторая глава

Поезд замедлил ход и остановился на станции «Монумент». Добрая четверть пассажиров встала и молча потянулась к дверям. Я был одним из них. Мы вышли на платформу, поднялись по короткой лестнице, миновали контрольный барьер и оказались на залитой июльским солнцем улице. Здесь ручеек пассажиров влился в нестройный, но намного более мощный поток людей, спускавшихся с Лондонского моста. Я присоединился к тем, что направлялись по Грейсчерч-стрит к Бишопсгейт – туда, где располагался офис нашей компании. Несколько заблудших пешеходов, которым нужно было пройти по улице в противоположном направлении, безуспешно пытались противостоять натиску армии спешащих на работу чиновников. За такое безрассудство их безжалостно толкали и швыряли. Со времен «большого взрыва» это ежедневное переселение народов начиналось на лондонских улицах все раньше – банковский люд торопился не опоздать к своим рабочим местам, чтобы поговорить с Токио, Австралией или Бахрейном.

На первый взгляд казалось, что всей этой армией движет единая цель – поскорее добраться до рабочего места и быстрей начать делать деньги, но на самом деле каждый нес с собой свои заботы, тревоги и свою ответственность. Иногда я пробивался сквозь толпу, стремясь скорее оказаться за своим столом и заняться проблемой, которая не давала мне заснуть всю ночь. Иногда я едва волочил ноги и меня то и дело толкали в спину, потому что мне невольно хотелось оттянуть момент неизбежного возвращения к вчерашней

нерешенной задаче. Часто я просто плыл по течению вместе с толпой, мой мозг еще спал, отказываясь вникать в предстоящие дела, и просыпался лишь тогда, когда я садился за стол и в моих руках оказывалась чашка кофе.

Впрочем, сегодня я летел, как на крыльях. За последние двадцать четыре часа я заработал четыреста тысяч долларов; кто знает, сколько мне удастся заработать в следующие сутки? У меня появилась безрассудная уверенность в том, что любая операция, за какую бы я ни взялся, обязательно превратит деньги в еще большие деньги. Я понимал, что такая уверенность недолговечна, но мне хотелось наслаждаться ею, пока это возможно. В конце концов удача отвернется от меня. Я проиграю все сделки, в которых вероятности выигрыша и проигрыша будут одинаковыми. Казалось бы выигрышные сделки сорвутся из-за каких-то непредвиденных осложнений. К примеру, в моем компьютере заведется неуловимый вирус. Моя работа была сродни наркотику: я испытывал то ощущение безудержной эйфории, то тяжелейшую «ломку». Может, она вызывала и привыкание? Вполне вероятно.

Во всяком случае моя работа увлекала меня гораздо больше, чем безделье в крупном американском банке, куда меня приняли сразу после Кембриджа. Шесть лет я провел в кредитном отделе, анализируя деятельность и финансовое состояние компаний, которые брали займы в нашем банке. Мне нужно было решить, в состоянии ли будут эти компании вернуть деньги. В принципе такая работа могла быть интересной, но банк делал все возможное, чтобы превратить ее в скучнейшее занятие. У меня было ощущение, словно я тружусь в какой-то безликой конторе, укомплектованной безликими людьми,

где каждый еженедельно должен изучить определенное количество бумаг.

Впрочем, до поры до времени такое положение меня устраивало. Руководство банка закрывало глаза на мои опоздания, ранние уходы. Очевидно, они полагали, что я выполняю роль своего рода рекламы. Директором лондонского филиала банка был американец, игравший в колледже в футбол, который на всю жизнь остался страстным болельщиком. Он ничего не имел против, если я опаздывал или уходил из банка задолго до окончания рабочего дня. Мои выходные никто не считал, я мог взять неоплачиваемый отпуск на любой срок. Весь банк гордился олимпийским чемпионом, получившим бронзовую медаль в беге на восемьсот метров.

Меня никто не понял, когда я бросил большой спорт. Директор воспринял мое решение как личное оскорбление. По его мнению, у меня не было никаких проблем. Я был еще молод. Еще четыре года – и золотая олимпийская медаль у меня в руках. Как мог я так поступить?

Скучная работа стала еще скучней. Теперь мне нужно было проводить в банке весь рабочий день. Я потерял единственную отдушину, и рутина банковской жизни стала невыносимой. Мне нужно было что-то новое, такое, в чем я мог бы испытать свои силы и победить.

Поэтому, когда я увидел в «Файненшал таймс» объявление о том, что где-то требуется младший трейдер, я заполнил анкету и отправил ее по указанному адресу. В объявлении говорилось, что небольшая фирма по управлению фондами, «Де Джонг энд компани», ищет специалиста с опытом кредитных операций, с перспективой после соответствующего обучения стать

менеджером по инвестициям клиентов. Через две недели томительного ожидания я получил ответ. Со мной хотели встретиться! Мне понравились люди, которые проводили собеседование, они показались мне толковыми и дружелюбно настроенными, способными научить меня многому.

Особенно большое впечатление на меня произвел Хамилтон Макензи, под руководством которого я должен был работать. Макензи, стройному, худощавому шотландцу среднего роста, с аккуратно подстриженной короткой бородкой, было под сорок. Его преждевременно поседевшие волосы всегда выглядели так, словно он только что от парикмахера. Взгляд голубых глаз шотландца казался холодным и отрешенным, пока он не направлял его на вас. Тогда он как бы проникал в ваши самые сокровенные мысли, все видел, все замечал, все взвешивал и оценивал. Хамилтон и в самом деле ни на секунду не переставал думать, анализировать, выносить суждения, просчитывать варианты. Сначала меня это смущало, и в его присутствии я чувствовал себя скованно. Но он оказался превосходным учителем. Он хорошо знал свое дело и умел доходчиво и толково объяснять. Часто, не сумев сделать те же выводы, к которым пришел Макензи, я чувствовал себя полным дураком, но он никогда не жалел времени на то, чтобы объяснить ход своих мыслей. Его критика, хотя и высказанная в резкой форме, всегда была конструктивной. Самое главное, он был решительно настроен научить меня всему, что сам знал об управлении портфелем ценных бумаг.

А знал он очень многое. Он завоевал репутацию прирожденного игрока, который не может жить не рискуя. В большинстве современных руководств по

управлению ценными бумагами подчеркивается, что любые попытки обмануть рынок обречены на провал, поэтому обычно менеджеры страются подчиниться требованиям рынка, а если они решают отклониться от них, то, как правило, делают это в минимальной мере. Хамилтон находил такую стратегию смешной. Он полагал, что, если какая-то компания доверяет «Де Джонгу» управление своими деньгами, значит, она платит комиссионные не просто так, а за свежие идеи. Он считал своим долгом заработать для клиента столько денег, сколько он сможет, и такими путями, какими он сочтет нужным. Поэтому он рисковал, рисковал очень серьезно, но отнюдь не вслепую. Он выжидал, когда представится очередная благоприятная возможность, анализировал все опасности, устранял или обходил те из них, которые можно было устранить или обойти, и лишь после этого, когда был уверен, что все шансы на его стороне, делал решающий шаг. Результаты радовали клиентов «Де Джонга», и они доверяли Хамилтону большие суммы.

Компания была создана двадцать лет назад Джорджем де Джонгом и первое время занималась управлением некоторыми известными благотворительными фондами. Восемь лет назад в компании появился Хамилтон, и «Де Джонг» стал привлекать зарубежных клиентов, особенно японских. С тех пор объем фондов, которыми управляла компания, постоянно возрастал и теперь достиг двух миллиардов фунтов стерлингов. Последние пять лет мистер де Джонг, которому сейчас было под семьдесят, появлялся в офисе лишь три раза в неделю по утрам. Он сохранил за собой полный контроль над компанией, которая приносила ему немалый доход. Фонды инвестировались в облигации в

различных валютах, и управление этими операциями находилось целиком в руках Хамилтона. На него работали шесть человек, одним из которых был я.

Старшим из нас был Джефф Ричардз. У него за плечами был двадцатилетний опыт работы с инвестициями. Он должен был предугадывать предстоящие изменения обменных курсов и процентных ставок и соответствующим образом размещать ценные бумаги. Неизменно спокойный и вежливый. Джефф с его академическим подходом к анализу рынка обычно находил правильное решение. Ему помогал Роб Гринхалш; он отвечал также за управление недолларовыми облигациями. Роб, работавший в компании года два, был примерно моим ровесником. У нас был также «специалист по прогнозированию биржевой конъюнктуры» Гордон Херли. Он занимался анализом истории курсов ценных бумаг и на этой основе предсказывал будущие курсы. На первый взгляд такая работа была не многим надежнее гадания на кофейной гуще, но Гордон чаще угадывал, чем ошибался.

Я следил за долларовыми ценными бумагами, на долю которых приходилось больше половины наших фондов. Это была сфера интересов Хамилтона, в которой он и сам до сих пор работал очень активно. Предполагалось, что в будущем я передам часть своих функций Дебби. Пока что она, проработав в главном офисе даже меньше меня, большую часть времени уделяла документации и изредка оформляла более или менее безопасные сделки. У нас с Дебби была одна помощница, спокойная, но очень расторопная двадцатилетняя Карен.

Вот уже шесть месяцев я был частью этой команды, и мне она нравилась.

Шагая по Бишопсгейт, я наконец добрался до высокого здания с черными стеклами – «Колониал-банка». По мере того как таяло состояние этого банка, сокращалась и его потребность в помещениях, и теперь верхнюю часть здания занимали другие компании. «Де Джонг» располагался на предпоследнем, двадцатом, этаже. На лифте я поднялся на наш этаж и оказался в роскошной приемной. Здесь каждого посетителя должно было поразить обилие полированного красного дерева, дорогих книг в кожаных переплетах и гравюр восемнадцатого века, на которых были изображены древние торговые пути и чайные клиперы под всеми парусами. Приемная производила впечатление солидного, безупречного учреждения, напоминала о богатствах, завоеванных столетия назад финансистами имперской торговли. Здесь все говорило о том, что осторожные решения об инвестициях принимаются лишь после тщательнейшего взвешивания всех «за» и «против». На самом деле компании было всего двадцать лет от роду, а Хамилтон и его команда, укрывшись за дубовыми дверями, ежедневно рисковали деньгами своих клиентов.

Я прошел через эти дубовые двери и оказался в операционном помещении «Де Джонг энд компани». Оно было намного меньше операционных залов крупных инвестиционных банков или брокерских контор, где круглые сутки покупали и продавали ценные бумаги. «Де Джонг» был сравнительно небольшой инвестиционной компанией, в которой работали всего несколько сотрудников. Хотя по сравнению с другими инвестиционными фирмами мы были более активны,

наша компания работала далеко не все двадцать четыре часа в сутки. Мы покупали и продавали облигации только тогда, когда, на наш взгляд, на рынке складывалась благоприятная ситуация.

Тем не менее, даже в относительно спокойные часы в нашем операционном помещении царила атмосфера скрытого напряжения, и это мне было по душе. Здесь определялась судьба двух миллиардов фунтов стерлингов. Сюда со всего света стекалась информация – по телефону, с экранов компьютеров или на бумаге. Эту информацию мы анализировали, взвешивали, сортировали и затем сводили воедино. Потом принимали решение: продать одни ценные бумаги, купить другие или просто ничего не предпринимать. Каждое решение приводило в движение миллионы фунтов стерлингов. Если решение было правильным, то наши клиенты становились на десятки и сотни тысяч фунтов богаче. Если же мы ошибались... Все мы очень серьезно воспринимали лежавшую на нас ответственность.

Две стены комнаты, выходившие на юго-запад и юго-восток, были сплошь из толстого стекла. С высоты двадцатого этажа было хорошо видно не только лондонский Сити, но и низкие холмы за Апминстером на востоке, иглу «Кристал-пэлас» на юге и высокие дома-башни Мидлсекса на западе. На двух других стенах не было ничего, кроме обязательных часов, показывающих время в Токио, Франкфурте, Лондоне и Нью-Йорке, и большой белой доски, на которой синим мелом были нацарапаны результаты сделки, совершенной месяцы назад.

В операционной комнате было восемь рабочих мест. Каждое оборудовано обычными атрибутами,

необходимыми для перемещения денег по всему свету: экранами агентств «Рейтер» и «Телерейт», которые дают самую свежую информацию о курсах и рынках, сообщают все биржевые новости; персональным компьютером для анализа портфелей и истории изменения курсов; сложной системой телефонной связи с пультом примерно на десяток линий, которые обращали на себя внимание не звонком, а мигающей лампочкой; огромными корзинами для мусора, куда отправлялась большая часть бумаг из двухфутовой стопки, которые мы ежедневно получали по почте.

Один из столов, в те дни пустовавший, был больше других, чуть менее захламлен и стоял немного в стороне. Это был командный пункт, с которого Хамилтон руководил всеми нами и разрабатывал стратегию новых побед на рынке ценных бумаг. Достаточно близко, чтобы быть в курсе всех дел, достаточно далеко, чтобы контроль не казался слишком навязчивым.

Этим утром я появился на работе позже всех, в пять минут девятого, полагая, что имею на это полное право. Сегодня в операционной комнате было больше людей, чем вчера. Роб вернулся из отпуска, а Гордон – с семинара. Оба говорили по телефону, и Роб уже почти сорвался на крик; значит, его успели чем-то растревожить. Джефф сидел у своего компьютера в той же позе, что и вчера, словно не выходил.

– Доброе утро, – поздоровался я на ходу и услышал в ответ нечленораздельное мычание.

Я прошел к своему рабочему месту и нажал с десяток кнопок над столом и под ним. Тем временем со мной поздоровалась Дебби:

– Доброе утро, самодовольная рожа. Благодарю за вчерашнюю выпивку.

– Не издевайся, – сказал я. – Каждому хоть раз в жизни везет.

Я раскрыл портфель и высыпал на стол то, что собирался прочесть накануне вечером.

– Только не рассказывай, что тебе доставляет удовольствие читать такую дрянь, – сказала Дебби, показывая на желтую книжицу с эмблемой «Блумфилд Вайс». Она подошла к моему столу и взяла брошюру в руки. – «Недолговечность преходящего. Как со временем устаревает информация» доктора философии Джорджа Фейхтвангера. Многообещающее название. – Она раскрыла брошюру на странице, испещренной бесконечно длинными уравнениями вперемежку с заумными фразами. – Ладно, раз ты такой сообразительный, скажи, что значит вот это? – Дебби показала на особенно длинную цепочку греческих букв и арабских цифр.

– Это значит: «Доброе утро, Пол. Не принести ли тебе чашечку кофе?», – ответил я.

– А вот эта абракадабра переводится так: «Встань и налей кофе сам, ленивый сукин сын», – парировала Дебби, показывая на не менее сложное уравнение, стоявшее под первым. Потом она бросила брошюру на стол и направилась к кофеварке.

Дебби мне нравилась. Мы работали вместе всего два месяца, но даже за такое короткое время научились понимать друг друга. Она считала, что я слишком много внимания уделяю работе, я полагал, что она относится к своей работе слишком легкомысленно. Но она никогда не

унывала. Дебби анализировала сравнительно небольшие взлеты и падения курсов на рынке ценных бумаг. Рядом с Дебби было невозможно воспринимать всерьез даже самого себя.

Ей было около двадцати пяти. Светло-каштановые волосы она собирала в «конский хвост». Вероятно, она была чуть-чуть полнее, чем следовало бы, но даже эта полнота придавала ей привлекательную мягкость. С лица Дебби никогда не сходила широкая улыбка, а взгляд ее ярких карих глаз постоянно перепрыгивал с одного предмета на другой.

По образованию Дебби была юристом. После двух лет стажировки в не слишком известной адвокатской конторе она решила, что юриспруденцией сыта по горло, и перешла в «Де Джонг энд компани». Впрочем, совсем забыть свою специальность ей не удалось, и первые два года она провела в нашем «черном офисе», где большую часть времени у нее занимали правовые проблемы управления нашими фондами в соответствии с неисчерпаемым потоком новых законов, постановлений и правил, единственной целью которых было гарантировать, что мы не украдем деньги наших клиентов. В конце концов она убедила Хамилтона перевести ее на должность младшего трейдера. Обучалась она быстро, хотя со стороны могло показаться, что она лишь развлекается.

У Дебби сложились хорошие отношения со всеми сотрудниками нашей компании. Даже Джефф Ричардз добродушно прислушивался к ее болтовне. Лишь Хамилтон испытывал к Дебби противоречивые чувства. В его понимании даже намек на отсутствие преданности работе был непростителен.

Я бросил взгляд на лежавшую передо мной брошюру. Дебби случайно открыла ее именно на той странице, на которой я окончательно потерял нить рассуждений доктора Фейхтвангера. Накануне вечером я часа полтора бился над этими страницами и в конце концов сдался. Хотя тема брошюры не имела прямого отношения к нашей работе, я искренне стремился узнать о рынках ценных бумаг как можно больше. Разумеется, из книг о сделках с облигациями можно почерпнуть что-то полезное лишь до известного предела, но я хотел достичь хотя бы его. Как бы сложна и запутана ни была статья, я намерен был корпеть над ней, пытаясь уловить заложенный там обобщенный опыт всех этих брокеров, дилеров, трейдеров и управляющих ценными бумагами.

Вскоре вернулась Дебби с двумя пластиковыми чашками мутной черной жидкости. Одну чашку она подала мне и села за свой стол, на котором уже лежала «Файненшал таймс», раскрытая на полосах телевизионных обзоров. За день Дебби предстояло просмотреть «Файненшал таймс», «Таймс» и «Мейл».

Замигала одна из лампочек. Звонил Кэш.

– Послушайте, в вашем «Де Джонге» собрались одни везунчики, – начал он. – Вчера я подарил вам самую роскошную сделку. Сегодня я вытаскиваю вас из помойной ямы.

– И что это за помойная яма? – слегка забеспокоившись, спросил я.

На мой взгляд, мы вовсе не были ни в какой помойной яме. Я быстро пролистал в памяти все наши пакеты ценных бумаг, пытаясь догадаться, что Кэш имеет в виду.

– Я нашел покупателя на все ваши «Джипсам», – с ноткой триумфа в голосе объяснил Кэш. – Я буду предлагать все ваши облигации по курсу восемьдесят.

– Подожди, – сказал я.

Сначала я даже не понял, о чем он говорит. Потом, порывшись в бумагах на своем столе, я откопал один из почти забытых портфелей наших клиентов. Там среди пакетов странных старых облигаций я обнаружил «Джипсам компани оф Америка, 9%, 1995». Облигации были куплены три года назад; тогда курс их покупки был равен девяноста шести.

Прикрыв телефонную трубку рукой, я откинулся на спинку кресла и крикнул:

– Эй, Джефф!

Джефф отозвался не сразу. Его всегда немного раздражало, если его отрывали от компьютера.

– Да? – сказал наконец он.

– Тебе что-нибудь известно о «Джипсам оф Америка»? Похоже, три года назад мы купили их на полмиллиона долларов.

Джефф на минуту задумался.

– Да, кажется, я знаю, что ты имеешь в виду. Не лучшее из приобретений Хамилтона. Думаю, он купил их почти по номиналу. Потом у компании были крупные неприятности, и в последний раз ее облигации продавали по курсу около шестидесяти.

– Мне предлагают продать их по восемьдесят, – сказал я.

– Продавай.

Теперь настала моя очередь задуматься. Если Кэш вдруг предлагает купить у нас по восемьдесят облигации, которые только что шли в лучшем случае по шестьдесят, значит, ему известно что-то, чего не знаю я.

– Есть ли что-то такое, что я должен знать о «Джипсам»? – спросил я Кэша.

– Нет, ничего, клянусь. Во всяком случае мне ничего не известно. Дело в том, что весь прошлый год Хамилтон скулил, умоляя меня найти хорошего покупателя на этот пакет. Вот я в конце концов и нашел. Он будет доволен, когда узнает.

Это был старый прием. Сейлсмены часто прибегают к нему, пытаясь обмануть молодого менеджера, когда босса нет на месте. Достаточно намекнуть, что сделал бы босс в аналогичной ситуации, и убедишь новичка, что гораздо менее рискованно вступить в сделку, чем упустить ее. В первые два месяца моей работы в «Де Джонге» я сам раза два попадался на такую приманку. Хамилтон прочел мне лекцию о том, что я должен всегда доверять собственным суждениям и собственному чутью и никогда не принимать на веру то, что говорят другие.

– Гм-м-м, – сказал я. – Мне нужно подумать. Я тебе перезвоню.

– Ладно, но не позже сегодняшнего вечера. Завтра покупатель может исчезнуть, – предупредил Кэш.

– Хорошо. Я позвоню после обеда, – сказал я и повесил трубку. Мне нужно было разузнать побольше об этой «Джипсам компани оф Америка». Я встал и прошел в соседнюю с операционной комнатой библиотеку.

Наверно, маленькая комнатка без окон не заслуживала такого громкого названия. К тому же там

практически не было книг. Все стены комнатушки были заставлены стеллажами с папками, а в центре ее помещался компьютер, связанный с множеством информационных баз данных. Работавшего неполный рабочий день библиотекаря Алисона на месте не было, но я и сам умел находить нужную информацию. Через двадцать минут у меня в руках уже был проспект наших облигаций «Джипсам» и копии сообщений биржевых брокеров компании. Кроме того, я получил распечатки компьютерных данных о финансовых операциях компании и сообщения прессы за последние пять лет.

Я вернулся на свое рабочее место с охапкой бумаг.

Дебби оторвалась от «Таймс»:

– У нас не так уж холодно. Не обязательно разжигать костер.

– Я просто хочу поближе познакомиться с этой компанией, – объяснил я.

– В этом весь Пол, – не унималась Дебби. – Любой другой на твоем месте полистал бы последний выпуск «Вэльюлайн», а потом продал бы акции.

Я улыбнулся. Скорее всего, Дебби была права. Но в то время – и Дебби это отлично знала – я не успокоился бы до тех пор, пока не просмотрел бы отчеты о всех финансовых операциях компании за последние пять лет и не прочел бы все комментарии в прессе.

Следующие три часа я просидел над бумагами, прервавшись лишь однажды на четверть часа, чтобы сбегать за сэндвичами в магазинчик напротив.

Постепенно в моей голове стало складываться более или менее определенное представление о таинственной

компании, которая за два последних года из посредственной превратилась в убыточную. В этом была повинна не только сама компания. Темпы жилищного строительства снизились, упал и спрос на ее основную продукцию – сухую штукатурку. Свой вклад в разорение компании внес председатель ее правления и владелец тридцати процентов акций Нат Моррисон. Он взял крупные займы и на эти деньги построил фабрики, которые теперь работали в половину мощности. Кроме того, он одного за другим выгнал нескольких исполнительных директоров под предлогом разногласий в политике, проводимой компанией. По мере того как доходы «Джипсам» превращались в убытки, курс ее акций и облигаций уверенно падал. На рынке ценных бумаг поговаривали, что компания, скорее всего, окончательно обанкротится.

«Джипсам» получила несколько пробных предложений от крупных корпораций, которые рассчитывали дешево купить ее современные фабрики, очевидно, в надежде, что спад в строительстве в конце концов сменится ростом. Но Нат Моррисон не хотел отказываться от кресла председателя правления, а ни один здравомыслящий покупатель не хотел тратить деньги на компанию, которую возглавляет Нат Моррисон. Поскольку без согласия Моррисона продать заводы компании было невозможно, все оставалось на своих местах, а положение «Джипсам» продолжало ухудшаться.

Затем, перелистывая сообщения в прессе, я наткнулся на заметку примерно месячной давности, озаглавленную «Король сухой штукатурки погиб при падении вертолета». Возможно, назвав Ната Моррисона «королем сухой штукатурки», газета несколько

преувеличила его заслуги, но речь шла именно о нем. Он погиб, направляясь на одну из фабрик на своем вертолете. Я внимательно прочел сообщения нескольких последующих дней. Не удивительно, что после гибели Моррисона цена акций компании выросла на десять процентов. Очевидно, он оставил свои деньги в доверительном фонде, а доверенными лицами были его сын, удачливый чикагский адвокат, не имевший ни малейшего желания заниматься производством сухой штукатурки, и президент местного банка.

Я встал из-за своего обшарпанного стола и подошел к окну. Из нашего офиса открывался изумительный вид на Лондон. Я смотрел на серебристую ленту Темзы, которая упрямо пробивалась среди черно-серых громад Сити, более степенно текла мимо собора святого Павла и зданий парламента к приземистым коробкам электростанции Баттерси. Почему Кэш предлагает так много? В чьих руках окажутся в конце концов акции? И почему?

После смерти Моррисона переход компании в другие руки стал вполне реальным, тем более что адвокат и банкир, скорее всего, считали разумным продать семейную компанию. Если «Джипсам» будет куплена и поглощена более солидной корпорацией, то курс облигаций поднимется. Но это поглощение то ли состоится, то ли нет, а тем временем компания запросто может обанкротиться. Если кто-то хочет сыграть на продаже компании, то более разумно, было бы скупить акции, которые могут удвоиться в цене. Напротив, как бы сильна ни была корпорация, которая покупает «Джипсам», облигации всегда будут выкупаться по курсу сто, что при предложенном Кэшем курсе покупки

восемьдесят обещало лишь двадцать пять процентов прибыли.

Так кому же могли понадобиться облигации «Джипсам»? Может быть, самой компании, которая решила по дешевке скупить собственные облигации? Нет, у компании «Джипсам» на это не было свободных денег.

Я проводил взглядом баржу, скрывшуюся под мостом Блэк-фрайар.

Ну конечно! Мог быть только один здравомыслящий покупатель! Тот, кто собирается прибрать к рукам «Джипсам». Прежде чем о его решении станет известно на рынке, он хочет скупить по бросовой цене как можно больше облигаций «Джипсам». Всего в обращение их было выпущено на сто миллионов долларов. Если этот покупатель скупит их по среднему курсу восемьдесят, то при погашении облигаций двадцатипятипроцентная прибыль даст двадцать миллионов. Неплохие деньги! Чем больше я думал, тем больше убеждался в своей правоте. Я нашел единственно разумное объяснение. Теперь за работу!

Я вернулся к столу и позвонил Дейвиду Барратту.

– «Харрисон бразерс», – отозвался Барратт.

– Дейвид, вы когда-нибудь слышали о выпуске облигаций для «Джипсам компани оф Америка»? – начал я.

У Дейвида была превосходная память, он знал все о большинстве еще не погашенных облигаций.

– Слышал, конечно, – ответил он. – Девять процентов в девяносто пятом году. Когда я сталкивался с

ними последний раз, они шли по курсу шестьдесят пять, но это было месяцев шесть назад.

– У меня к вам большая просьба. Не могли бы вы разыскать для меня этих облигаций на пять миллионов долларов?

– Это не так просто, – ответил Дейвид. – На рынке их почти нет. Посмотрю, что смогу сделать.

Я отключил телефон. Как обычно, Дебби все слышала.

– Мне казалось, ты должен продавать эти облигации, а не покупать. Когда Хамилтон узнает, его хватит удар.

Я рассказал ей, что мне удалось узнать о «Джипсам» и к каким выводам я пришел.

– Если я прав, то облигации скупает тот, кто собирается приобрести компанию, а после смены владельца их цена поднимется до номинала. Если я сейчас куплю по восемьдесят, то двадцать пунктов прибыли обеспечены.

Дебби внимательно слушала.

– Мне твоя идея нравится. Но, думаю, Хамилтона все же хватит удар.

Я поморщился. Возможно, Дебби была права. Строго говоря, я не имел права без разрешения Хамилтона увеличивать расходы «Де Джонга» на покупку любых ценных бумаг, не имеющих высшего рейтинга. Но я был уверен, что мои расчеты верны.

Замигала лампочка. Это был Кэш.

– Ты решил, что будешь делать с «Джипсам»?

– Пока нет. Дай мне еще полчаса.

– Хорошо. Но мое предложение не вечно. Полчаса и ни минутой больше.

Кэш положил трубку. На этот раз он был как никогда сдержан. Ни намека на его привычную болтовню.

Через двадцать пять минут позвонил Дейвид.

– С этими облигациями творится что-то странное. На бирже их предлагают по курсу восемьдесят, одному Богу известно почему. Вы знаете, что все это значит, Пол?

– Не знаю, но догадываюсь, – сказал я.

– И что же?

– Прошу прощения, Дейвид, не могу сказать. Вы нашли облигации?

– Только на два миллиона. Предлагаем их по восемьдесят два.

Вероятно, «Харрисон бразерс» сама повысила цену по меньшей мере на пункт, но у меня не оставалось времени на торговлю.

– Беру, – сказал я.

– Итак, вы покупаете на два миллиона «Джипсам оф Америка», девятипроцентные, с погашением в 1995 году, по курсу восемьдесят два, – подвел итог Дейвид. – Спасибо.

– Благодарю вас, – ответил я. – Если вдруг попадутся еще, дайте мне знать.

– Непременно, – сказал Дейвид. – Но, думаю, это маловероятно. Даже эти два миллиона мы нашли только в Швейцарии. Кто-то успел подобрать все, что

продавалось. К кому бы мы ни обращались, все продали их за последние день-два.

Как бы то ни было, я набрал на два миллиона облигаций. Это сулило хорошую прибыль. Я вспомнил, что обещал перезвонить Кэшу.

– Ну так что? – спросил он.

– Извини, Кэш. Спасибо за предложение, но, думаю, нам не стоит их продавать.

– Эй, Пол, дружище! Подумай как следует! Хамилтон выйдет из себя, если узнает, что ты не принял мое предложение.

А что будет, когда ему станет известно, подумал я, что я купил еще на два миллиона?

– Мне жаль. Кэш, но мы ничем не можем тебе помочь.

С минуту Кэш молчал, потом в трубке снова зазвучал его голос, немного расстроенный, но не рассерженный.

– Что ж, тебе решать. Только не забывай, сколько сил я потратил на то, чтобы помочь вам выбраться из затруднительного положения с этой позицией [5]. Позже поговорим.

Я положил телефонную трубку и не в первый раз подивился умению Кэша заставить человека почувствовать себя виноватым, когда он только что пытался надуть тебя.

---

[5] Позиция – количество ценных бумаг определенного типа, находящихся во владении индивидуального или институционального инвестора.

– Купил? – поинтересовалась Дебби.

– Только на два миллиона, – ответил я.

– Неплохо. Имеешь шанс сделать приличные деньги. – Она откинулась на спинку кресла. – Жаль, что мы не можем купить их для себя, – сказала она. – Похоже, это гарантированный заработок.

– Почему не можем? – возразил я. – Все, что тебе нужно сделать, так это снять пару миллионов со счета в строительном обществе [6].

– Можно попытаться купить пакет поменьше. Еще один, – вслух размышляла Дебби.

– Это будет законно?

– Не знаю.

– Кому же знать, как не тебе? Ты же наш юрисконсульт, – заметил я.

Каждая компания, управляющая фондами, поручает одному из своих сотрудников выполнять функции юрисконсульта и следить за спорными ситуациями, чтобы ни у кого не возникло соблазна набить собственный карман, воспользовавшись конфиденциальной информацией. Дебби имела юридическое образование и потому стала нашим юрисконсультом.

– Да, конечно. – Дебби задумалась. – Честно говоря, это определенно смахивает на злоупотребление служебным положением.

– Жаль. Идея была неплоха, – отозвался я.

---

[6] Строительное общество – специализированное сберегательное учреждение в Великобритании.

– Но, конечно, мы можем купить акции, – продолжала Дебби. – Если компанию купят, их курс взлетит до небес.

– Почему бы и нет? – согласился я. – Мне кажется, это отличная мысль.

В строительном обществе у меня было десять тысяч фунтов. Я подумал, что вложить половину из них в акции «Джипсам» было бы весьма разумно.

– Но как, черт возьми, ты купишь американские акции? – тут же задумался я.

Мы с Дебби с минуту поразмышляли над этой проблемой, потом она рассмеялась:

– Это просто смешно! У нас есть связь с десятком крупнейших биржевых брокеров мира. Хотя бы один из них должен знать!

– Конечно! – воскликнул я. – Я позвоню Кэшу. Уж он-то точно все знает о таких делах.

Я снова набрал номер Кэша.

– Ты передумал? – сразу спросил он.

– Нет, – ответил я. – Но я хотел бы попросить тебя об одолжении.

– Пожалуйста, – отозвался Кэш, хотя с несколько меньшим энтузиазмом, чем обычно.

– Как проще всего купить акции на нью-йоркской фондовой бирже?

– О, нет проблем. Я могу открыть там счет на твое имя. Тебе нужно будет только позвонить Мириам Уолл из нашего отдела частной клиентуры. Подожди минут пять, я предупрежу ее, что ты будешь с ней разговаривать.

Еще через десять минут Дебби и я стали счастливыми обладателями двух тысяч акций «Джипсам оф Америка», которые мы купили по семь долларов за акцию.

Третья глава

В Кенсингтон-гарденс самым громким звуком был топот моих кроссовок по дорожкам. Я сосредоточил внимание на далеком Круглом пруду и остался доволен: пруд будто замер на месте. Когда я бегу, весь мир скользит мимо меня, ничто не должно двигаться вверх-вниз. Подталкиваемое размеренными толчками ног, мое тело движется только горизонтально. Малейшие подпрыгивания, раскачивания означают лишнюю трату сил/а лишняя трата сил – это потеря скорости.

Мне нравилась наука бега. Не просто сила воли, заставляющая твое тело двигаться, когда мышцы уже отказываются повиноваться, а наука заставить каждую мышцу работать так, как надо, и тогда, когда надо.

Спортивные комментаторы в один голос восхищались моим стилем бега. Но он достался мне не от природы. Ему меня научили долгие годы напряженных тренировок. И Фрэнк.

С Фрэнком я впервые познакомился, когда бегал за команду Кембриджа. Тогда он тренировал бегунов на средние дистанции в одном из клубов Северного Лондона и изредка приезжал в Кембридж, чтобы подучить кое-кого из нас. Впрочем, чаще я сам приезжал по воскресеньям к Фрэнку, чтобы учиться у него.

У меня определенно были способности к бегу. Даже в одиннадцать лет мне нравились кроссы. Я охотно бегал милю за милей по вересковым пустошам родного Йоркшира. Мои друзья никак не могли понять такого увлечения. С годами я возмужал, мышцы на ногах окрепли, и у меня появилась скорость, необходимая

хорошему бегуну на средние дистанции. В Кембридже я всерьез занялся легкой атлетикой и уже в первый год был включен в университетскую команду.

Но бегать по-настоящему меня научил только Фрэнк. Бегать не только ногами, но и головой. Настойчивости и трудолюбия у меня хватало, а Фрэнк знал, в какое русло их следует направить. Мы долго и напряженно работали над техникой. Во время тренировок на скорость он заставлял меня выкладываться на все сто процентов даже тогда, когда ноги подсказывали мне, что лучше остановиться на девяноста. Фрэнк научил меня рационально использовать не только физическую, но и психическую энергию.

И все получалось. Успех приходил медленно, после тяжких трудов, но каждый сезон я бежал немного быстрее, чем предыдущий. Через год после окончания Кембриджа я впервые выступил за команду Великобритании. В следующем сезоне мне не хватило чуть-чуть, чтобы попасть в олимпийскую сборную. Через шесть лет, немного улучшив скорость и выносливость, я пробился-таки на Олимпийские игры.

В том году Фрэнк и я прилагали все силы, чтобы добиться пика моей спортивной формы. Руководство банка относилось к моим тренировкам с пониманием, и на рабочем месте я появлялся лишь изредка.

Забеги прошли хорошо. Мне удалось пробежать их так, что я, не выкладываясь до конца, пробился в финал.

В день финального забега я испытывал небывалый подъем. Я был в отличной форме и полон решимости победить. В финал попали четыре бегуна, у которых личные рекорды были лучше моего, но я был настроен только на победу. Мой план был прост. С первых метров

дистанции я разовью высокую скорость и поведу бег. Два-три финалиста обладали более быстрым финишем. Мне нужно было заметно оторваться от них до последней стометровки.

Я придерживался своего плана, но первые шестьсот метров большинство финалистов и не думали отставать от меня. Стоило мне сделать рывок, как соперники тут же подтягивались, и я снова чувствовал за спиной их дыхание. За двести метров до финиша я немного увеличил шаг и начал медленно отрываться от основной группы финалистов. Сто пятьдесят метров я был на пять ярдов впереди всех сильнейших бегунов мира. Тысячи зрителей, собравшихся на олимпийском стадионе, подбадривали меня – я был уверен, что только меня. Это были лучшие пятнадцать секунд моей жизни.

Потом, когда до финиша оставалось всего пятьдесят метров, мимо меня проплыли две зеленые майки – за победу боролись кениец и ирландец. Я приказывал своим ногам передвигаться быстрее, удлинить шаг, но они не желали повиноваться. На самом деле зрители подбадривали не меня, а двух спортсменов, бежавших на один-два ярда впереди. Мне казалось, что я не приближаюсь к финишной ленточке, а медленно отдаляюсь от нее.

К финишу я пришел третьим и получил бронзовую медаль.

Первые месяцы после Олимпийских игр я купался в лучах славы. Меня поздравляли пресса и телевидение, коллеги по работе, все, с кем мне приходилось встречаться по делам банка, даже совсем незнакомые люди на улице. Несмотря на всю эйфорию, я не мог утаить от себя один простой факт. Я проиграл. В этот

забег я вложил всего себя, год моей жизни был целиком отдан полутораминутному финалу. И все же я проиграл.

Мой результат был намного выше личного рекорда. В следующем сезоне, возобновив тренировки, я не смог даже приблизиться к нему. Это действовало угнетающе. Я все больше и больше убеждался, что мне никогда не удастся не только показать лучшее время, но даже повторить его.

А между тем в жизни было много прекрасного. Друзья, например. Я хотел найти увлекательную работу. Мне нужно было попробовать свои силы в чем-то другом.

И я бросил легкую атлетику.

Я сказал о своем решении Фрэнку. Я был уверен, что он выйдет из себя. Но Фрэнк принял мое решение на удивление благожелательно. В сущности, он поддержал меня.

– Я знал многих парней, жертвовавших всем ради легкой атлетики, – сказал он. – Посмотри мир и выбери себе дело по душе.

Думаю, он понимал не хуже меня, что я достиг предела своих возможностей. Он не хотел, чтобы я тратил годы жизни на несбыточную мечту о золотой олимпийской медали.

Итак, я бросил спорт. Я стал смотреть на мир вокруг, собираясь победить в чем-то другом. Например, занявшись ценными бумагами.

Я устремился к пруду, пулей пролетев мимо пожилой пары, бежавшей трусцой со скоростью пешехода. За мной, не обращая внимания на умоляющие крики хозяина, увязался коричневый сеттер. Несколько

метров он прыгал рядом, а потом его внимание привлек терьер, который лаял на притаившуюся в ветках дерева белку. Сеттер одним прыжком перемахнул через обнявшуюся парочку; устроившиеся под деревом влюбленные даже не заметили собаку.

Бросить бег совсем я не мог. Три-четыре раза в неделю я пробегал несколько миль по периметру Гайд-парка так быстро, как только мог. Мне нужен был приток адреналина, я не мог жить, не ощущая время от времени мазохистского удовольствия от полного изнеможения.

Потом я вспомнил о вчерашней сделке со шведскими облигациями и невольно улыбнулся, снова почувствовав удовлетворение от того, что я был прав, а рынок ошибался. Точнее, были правы Хамилтон и я. Но все равно для начинающего трейдера я поработал неплохо. Впервые в жизни я был в напряжении, в настоящем напряжении, и я с ним справился. В какой-то момент я испугался, но тут же взял себя в руки. Страх всегда предшествует опьянению успехом. Как бегуну приходится испытывать болезненный прилив адреналина, так и трейдеру, принимая рискованное решение, не обойтись без страха.

Я попытался угадать, что скажет Хамилтон по возвращении. Мне впервые представилась возможность показать себя в деле, и я справился. Я надеялся, что Хамилтон будет доволен.

Я обогнал стайку весело щебечущих арабок, вышедших на вечернюю прогулку в черных яшмаках и золотых паранджах, и повернул налево к выходу из парка. На последних двухстах ярдах, отделявших меня от

моего дома, я увеличил скорость, не обращая внимания на протестующие против такого насилия мышцы.

Из кармана шортов я достал ключи. Обливаясь потом и тяжело дыша, открыл входную дверь, перешагнул через груду нераскрытой макулатуры, что пришла по почте, и с трудом втащился по лестнице на второй этаж.

В квартире я, наконец, позволил себе расслабиться и упал на диван. Я слишком обессилел, чтобы двигаться, и лишь повел глазами. Небольшая, удобная квартирка. Одна спальня, гостиная с кухней в нише и прихожая. Я поддерживал в квартире относительный порядок, приходилось это делать, потому что здесь было слишком мало места. Мебель была простой, практичной и дешевой. На камине стояли мои самые ценные спортивные трофеи и черно-белая фотография родителей. Они прислонились к каменной стене и улыбались мне радостной улыбкой счастья, потерянного двадцать лет назад.

Небогатая квартирка, но мне она нравилась. Удобная нора.

Я со стонами сполз с дивана и, с трудом переставляя непослушные ноги, побрел в ванную.

На следующий день, едва успев прийти на работу, я схватил со стола Карен свежий номер «Уолл-стрит джорнал». Эта газета лежала там каждое утро. Отыскивая в колонке биржевых котировок «Джипсам», я с удивлением обнаружил, что газета в моих руках немного дрожит.

Вот они. Двенадцать долларов с четвертью. За ночь курс акций поднялся больше чем на пятьдесят

процентов! Я обернулся и увидел, как в операционную комнату входит Дебби. В руках она сжимала чашку кофе. Дебби сразу поняла, что я ищу в газете.

– Ну и как? – спросила она.

– Двенадцать с четвертью, – не в силах сдержать счастливую ухмылку, ответил я.

– Невероятно! – воскликнула Дебби и выхватила газету у меня из рук. Она издала победный вопль и подбросила газету к потолку. Все повернулись к ней.

– Я разбогатела! – завопила Дебби.

– Не слишком, – возразил я. – Всего на несколько тысяч долларов.

– Ох, заткнись, старый зануда, – сказала она. – Я побежала за шампанским. У нас в холодильнике есть апельсиновый сок. Угощаю всех.

Я не был уверен, что нам стоит праздновать, но Гордон и Роб уже облизывались, и даже Джефф в предвкушении довольно потирал руки. У него были свои причины радоваться. За ночь доллар наконец сделал то, что предсказывала экономическая модель Джеффа.

Через четверть часа Дебби вернулась; Она несла корзину со льдом, в котором охлаждалась бутылка шампанского. Понятия не имею, где она умудрилась найти шампанское в этот ранний час. Мы достали бокалы, апельсиновый сок из холодильника. Не прошло и двух минут, как мы уже пили за успехи «Джипсам оф Америка».

– Вот так бы начинать каждый рабочий день, – заметил Роб, с удовольствием наблюдая, как поднимаются пузырьки в шампанском.

– Хозяина и нашего шефа хватил бы удар. – возразил Гордон.

– Как бы не так, – не согласилась Дебби. – Не могу себе представить ситуацию, в которой нашего шефа хватил бы удар. Скорее всего, был бы ледяной взгляд и очередная короткая отповедь. «"Де Джонг энд компани" всегда гордилась своим высоким профессионализмом, а вы, Роберт, поступили как дилетант», – напыщенно произнесла она с шотландским акцентом, сумев уловить интонации и суть типичных поучений Хамилтона.

Роберт рассмеялся.

– Лучше убери следы преступления со стола, – сказал он, показывая на полупустую бутылку.

– А, ерунда, до ленча он не появится, – беспечно отозвалась Дебби.

– Разве я уже не появился? – негромко произнес размеренный голос от двери.

Мгновенно в комнате воцарилась тишина. Джефф склонился над компьютерными распечатками, а Роб, Гордон и Карен уткнули носы в свои столы. Казалось, учитель застал отличников за каким-то неприличным занятием.

Это было нелепо. Мы – не школьники, а Хамилтон – не классный наставник.

После довольно долгого молчания я поднял бокал:

– С возвращением. Ваше здоровье.

Хамилтон удостоил меня лишь мимолетным взглядом.

Ободренная моим тостом, Дебби подошла к Хамилтону с бутылкой и бокалом.

– Не хотите к нам присоединиться? – предложила она.

Не отвечая на предложение, Хамилтон перевел взгляд на Дебби.

– Что вы празднуете? – спросил он.

– Я только что сорвала крупный куш, – ответила Дебби, еще не успев утратить энтузиазма.

– Рад слышать, – сказал Хамилтон. – Что за сделка?

Дебби рассмеялась.

– О нет, куш сорвала я сама, а не «Де Джонг». Вчера я купила несколько акций, а сегодня их курс поднялся на пятьдесят процентов.

Хамилтон какое-то время молча смотрел на Дебби, потом все тем же негромким, размеренным голосом, в котором не чувствовалось и намека на раздражение, сказал:

– Я только положу свои вещи, а потом зайдите, пожалуйста, в комнату для совещаний.

Дебби пожала плечами, поставила бокал и бутылку и последовала за Хамилтоном сначала к его столу, а потом к выходу из операционной комнаты.

Роб присвистнул.

– Не хотел бы я оказаться на ее месте, – сказал он.

Через десять минут Дебби вернулась. Глядя только перед собой, она направилась прямо к своему столу. На ее щеках выступил легкий румянец, губы были плотно сжаты. Она не плакала, но выглядела так, словно

боялась расслабиться даже на секунду, чтобы слезы не хлынули градом. Она села, уставилась на экран и принялась, отчаянно стуча по клавишам калькулятора, считать проценты по облигациям.

Потом появился и Хамилтон. В полной тишине он прошел к своему столу, из стопки бумаг отобрал адресованные лично ему и стал их просматривать. Напряженное молчание прервал лишь голос Роба, который преувеличенно бодро отвечал на звонок какого-то клиента.

Примерно через полчаса Хамилтон подошел ко мне и опустился в соседнее кресло. Дебби, продолжая нажимать на клавиши, старательно избегала смотреть в его сторону. Я работал с Хамилтоном уже шесть месяцев и тем не менее при разговоре с ним всегда чувствовал себя напряженно. Легкомысленная болтовня с Хамилтоном была невозможна. Мне казалось, что он прислушивается к каждому моему слову настолько внимательно, что я постоянно боялся ляпнуть какую-нибудь глупость или банальность.

Впрочем, пока он молча листал странички, на которых были отражены основные результаты всех сделок, совершенных нами в его отсутствие.

– Вы вернулись чуть раньше, чем мы ожидали, – сказал я, чтобы нарушить тягостное молчание. Хамилтон еле заметно улыбнулся.

– Да, мне удалось улететь более ранним рейсом.

– Как прошла поездка?

– Хорошо. Очень хорошо. «Де Джонг» начинает завоевывать японский рынок. Есть такая страховая компания, «Фудзи-лайф», я возлагаю на нее особенно

большие надежды. Кажется, руководство этой компании склоняется к тому, чтобы передать нам в управление свои финансы. Если мои ожидания оправдаются, то это будут большие суммы.

– Отлично.

Новость и в самом деле была отличной. Сила компании, занимающейся управлением фондами, заключается только в тех средствах, которыми она распоряжается. Новый крупный инвестор может принести нам международную известность.

– А как дела у вас? – спросил Хамилтон, водя пальцем по строкам отчета о сделках.

– Вы уже знаете, что мы немного поразвлекались с новыми облигациями, – ответил я.

– Ах, да. И что же с курсом шведских? – спросил Хамилтон.

– Растет. Медленно, но верно, – ответил я, стараясь говорить как можно более равнодушно.

– Что ж, не торопитесь их продавать, они еще долго будут подниматься в цене.

– Хорошо.

– И не упускайте из виду любые новые выпуски. После успеха шведских облигаций все будут стараться скупить любые подобные бумаги по мало-мальски сходной цене. И еще одно. Я вижу, мы купили на два миллиона облигаций «Джипсам оф Америка». Что это значит? Я целый год безуспешно пытался продать этот пакет.

Расстроенный и немного обиженный, я на минуту замолчал. Никаких «отлично». Шеф даже не улыбнулся.

Я понял, что ждал возвращения Хамилтона и рассчитывал на заслуженную благодарность. Ну и дурак. В мире Хамилтона и ему подобных рискованные операции и крупные выигрыши были чем-то само собой разумеющимся.

Стараясь говорить спокойно, я рассказал о неожиданном предложении Кэша купить наши облигации и о моем решении не продавать их. Потом я объяснил, почему решил купить еще на два миллиона этих бумаг.

– Гм-м, – промычал Хамилтон. – И какой же курс у них сейчас?

– Пока их спрашивают по тому, по какому купил я – по восемьдесят два, – ответил я. – Зато цена акций подскочила на двенадцать долларов с четвертью. Скоро должен вырасти и курс облигаций.

– Да, Дебби сказала мне, что вы купили и акции – за свой счет. – Хамилтон бросил на меня жесткий взгляд. – Будьте осторожны, Пол. Рассчитывать на постоянное везение нельзя. И когда вам не повезет, постарайтесь сделать так, чтобы вас не уничтожили.

Я почувствовал, что у меня горит лицо. Я сделал неплохие деньги на шведском выпуске. Все шло к тому, что мне удастся заработать и на «Джипсам». Видит Бог, я заслужил хотя бы доброе слово! Кому-кому, но уж никак не Хамилтону распекать меня за рискованные сделки.

– Благодарю, – сказал я. – Я запомню.

– Вот и хорошо, – сказал Хамилтон. – На этой неделе не было других интересных предложений?

– Было одно, – ответил я. – Сегодня во второй половине дня Кэш вместе со своей подругой попытаются уговорить нас на новую сделку.

– Нового выпуска нам не надо, – сказал Хамилтон. – Я всегда полагал, что одной крупной покупки в неделю вполне достаточно.

– Нет, здесь речь пойдет о другом. О бросовых облигациях. Для «Таити», нового отеля в Лас-Вегасе. Рискованная операция – ведь строительство казино финансировалось почти целиком в долг. Но доход по облигациям высокий – четырнадцать процентов.

– Ого. Это много. Думаю, нам стоит подумать. Здесь вы можете заработать себе на хлеб.

Мне очень хотелось надеяться, что Хамилтон прав. Бросовые, или, как их иногда более осторожно называют, «высокодоходные», облигации могут приносить большую прибыль, но могут оказаться и очень опасными. Первым названием они обязаны огромному проценту купонов, а вторым – их крайней ненадежностью. Обычно такие облигации выпускают компании, по уши увязшие в долгах. Если дела идут хорошо, то все остаются довольны: инвесторы, купившие бросовые облигации, получают свой высокий процент, а владельцы компании, вложив обычно поначалу ничтожную сумму, сколачивают состояния. Если же дела идут не очень хорошо, то компания оказывается не в силах заработать деньги даже на выплату процентов и становится банкротом, а бросовые облигации, купленные инвесторами, делаются бросовыми в полном смысле слова – отныне они годны только для мусорной корзины. Секрет успеха инвестиций заключается в выборе таких компаний, которые выживут после всех потрясений. Вот здесь-то и должен сказать

свое веское слово я, специалист по анализу кредитования. Хамилтон давно хотел взяться за сделки с бросовыми облигациями, поэтому он в помощь себе специально нанял человека, имеющего опыт работы с кредитами. Я очень надеялся, что смогу использовать свой опыт в этом первом деле, хотя ничего не понимал ни в казино, ни в игорном бизнесе вообще и относился к новой затее «Блумфилд Вайс» скорее с подозрением.

– Что ж, держите меня в курсе дел, – сказал Хамилтон, встал и вернулся к своему столу.

Дебби что-то неразборчиво пробормотала. Мне показалось, что она прошептала: «Сволочь!»

– Что ты сказала? – переспросил я.

– Ничего, – ответила Дебби, еще ниже склонившись над калькулятором. Даже ее стол прямо-таки излучал гнев и раздражение.

Я бросил взгляд на часы. Было без четверти двенадцать.

– Послушай, время идет к ленчу. Может, сходим куда-нибудь перекусить? – предложил я.

– Еще рано, – возразила Дебби.

– Ерунда, пойдем, – настаивал я. Дебби вздохнула и бросила ручку на стол.

– Ладно, пойдем.

На этот раз мы пренебрегли нашей привычной итальянской бутербродной по другую сторону улицы и решили прогуляться до кафе «Бирли», рядом с Мургейт. Взяв несуразно дорогие сандвичи с индюшатиной и авокадо, мы направились на площадь Финсбери.

День выдался великолепный. Светило солнце, и легкий ветерок трепал платья секретарш, высыпавших на лужайку в центре площади, чтобы принять солнечную ванну в обеденный перерыв. Мы отыскали незанятый пятачок травы, откуда открывался вид на площадку для игры в боулинг. Там развлекались молодые парни в ярко-синих полосатых майках и красных подтяжках. Над лужайкой стоял негромкий гул: это болтали, повернув к солнцу свои бледные лица, канцелярские служащие, усеявшие всю траву.

Мы молча жевали сандвичи, провожая взглядами прохожих.

– Ну, так в чем дело? – спросил я.

– Какое дело? – Дебби прикинулась непонимающей.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Дебби не ответила. Она закрыла глаза и, опершись на локти, подставила лицо солнечным лучам. Через минуту-другую она подняла веки и искоса взглянула на меня.

– Думаю, мне нужно бросить эту работу, – сказала она. – Хамилтон прав, я для нее не гожусь.

– Чепуха, – не согласился я. – Ты учишься очень быстро. У тебя есть все данные.

– Данные дилетанта, если верить Хамилтону. У меня неправильный подход. Трейдеры с таким подходом опасны. Они беспечны. Они теряют деньги клиентов. Если я не изменю своего отношения к работе, у меня здесь нет будущего. И знаешь, мне наплевать. Будь я проклята, если только для того, чтобы заработать для клиентов «Де Джонга» лишние полпроцента, я

превращусь в такого же мерзкого шотландского робота. С тобой все наоборот. Ты ему нравишься. Твое усердие и твоя преданность работе заслуживают всяческого поощрения. У тебя даже задница светится любовью к «Де Джонгу». Но это не для меня. Прошу прощения.

Дебби отвернулась и смахнула слезу.

– Посмотри вокруг себя, – сказал я, кивком показав на море развалившихся на траве человеческих тел. – Думаешь, тут собрались одни неудачники? В Сити далеко не все такие, как Хамилтон или даже я. Здесь сотни тех, кто любит добрую шутку, кому нравится во время ленча позагорать на солнце и кто, слава Богу, работает не без успеха.

Дебби смотрела на меня все еще с недоверием.

– Послушай, – продолжал я, – ты быстро схватываешь, ты всегда выполняешь свою работу, ты не ошибаешься в девяноста девяти случаях из ста. Что еще нужно? – Я взял Дебби за руку. – Больше того, у тебя есть то, чего лишены все мы. Люди охотно идут к тебе. Им нравится работать с тобой. Они многое тебе рассказывают. Они выбалтывают даже то, что, возможно, им вообще не стоило бы говорить. В знак особого расположения. А в нашем бизнесе это очень важно, не забывай.

– Значит, мне нельзя выйти замуж, завести кучу детей и каждый вечер наслаждаться мороженым в «Нейборсе»? У меня это хорошо бы получилось. Особенно насчет мороженого.

– Можно и так, если ты этого хочешь, но это было бы позорным бегством, – ответил я.

– Что ж, последнее слово, вероятно, будет не за мной, – сказала Дебби. – Если в течение месяца я не «возьмусь за ум», я лишусь работы.

– Так сказал Хамилтон?

– Так сказал Хамилтон. И будь я трижды проклята, если ради него буду ломать свой характер.

Дебби уперлась подбородком в колени и уставилась на ромашку в двух футах от ее ног.

– Как он прореагировал на нашу покупку акций «Джипсам»? – спросила она.

– Не могу сказать, что он обрадовался, – ответил я. – Правда, он не сказал прямо, что мы поступили неправильно. Он просто посоветовал быть осторожнее. Честно говоря, я так и не понял, что он имел в виду: то ли акции, которые я купил за свой счет, то ли облигации, которые я приобрел для фирмы. Впрочем, в любом случае не ему критиковать кого бы то ни было за рискованные сделки.

– Ведь он тебе нравится? – спросила Дебби.

– Пожалуй, нравится, – согласился я.

– Почему?

– Трудно сказать. Про него не скажешь, что он располагает к себе. Но он честен. Он прям. Он – отличный профессионал. Наверно, он – лучший фондовый менеджер в Сити.

Парочка, сидевшая перед нами на деревянной скамейке, встала, и их место тут же заняли два оживленно споривших банковских клерка. На коротко

подстриженной лужайке можно было увидеть много интересного.

– Сомневаюсь, чтобы в Сити можно было найти второго Хамилтона, – продолжал я. – Работать вместе с ним – это большая удача. Я не перестаю удивляться, когда вижу его в деле. Он всегда замечает подводные камни, которых не видит никто. И потом эта его манера вовлекать тебя в ход своих рассуждений, делать тебя соучастником любой блестящей сделки, над которой он раздумывает. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Дебби кивнула.

– Думаю, понимаю. – Она внимательно посмотрела на меня. – Зачем ты каждый день ходишь на работу? – спросила она.

– Чтобы заработать на хлеб, – ответил я.

– Но ведь не только для этого, правда?

Я на минуту задумался.

– Нет, не только. Я хочу стать хорошим трейдером. Я хочу научиться лучше всех продавать и покупать ценные бумаги.

– Зачем?

– Как зачем? Разве это не очевидно?

– Да нет, в общем-то не очевидно.

– Наверно, ты права, – согласился я и, сощурившись под слепящими лучами солнца, опустился на локти. – Мне постоянно нужно выкладываться, показывать все, на что я способен. А потом еще чуть больше. Я всегда был таким, сколько себя помню. Когда я бегал, я хотел быть

первым. Не вторым или третьим, а только первым. Видно, от этой привычки непросто избавиться.

– Я завидую таким, как ты. Интересно, откуда у тебя берутся силы?

– О, не знаю, – ответил я.

Но на самом деле я знал. Конечно же, у меня была своя причина, почему я еще подростком долгие часы добровольно терпел муки, причина той целеустремленности, которой Дебби, по ее словам, завидовала и которая лишала меня возможности беззаботно наслаждаться жизнью, как любой «нормальный» человек. Но об этой причине я не собирался рассказывать ни Дебби, ни кому другому в «Де Джонге».

Дебби не сводила с меня глаз. Потом ее губы расплылись в широкой улыбке.

– Ты чудак. Нет, не чудак, ты псих. Тебе нужно срочно обратиться к психиатру – пока ты не превратился в двойника Хамилтона. У тебя явные проблемы в общении с людьми.

Она встала и стряхнула травинки с платья.

– Ладно, пора возвращаться в наш офис. Мне – чтобы сделать маникюр, а тебе – чтобы подготовиться к битвам за своего хозяина и шефа. Пойдем.

Возвращались мы в гораздо лучшем настроении. Дебби не умела долго грустить.

Я остановился у кофейного автомата, чтобы восстановить уровень кофеина в своем организме. Пока я наблюдал, как мутная коричневая жидкость стекает в пластиковую чашку, ко мне подошел Роб.

– Ты не видел новости «Рейтер»?

– Нет, – ответил я. Вопрос Роба пробудил во мне любопытство.

– Так посмотри, – ухмыльнулся Роб.

– Плохие известия? – насторожился я.

Я вернулся к своему столу и бросил взгляд на экран. Там появилось сообщение о том, что конгресс США рассматривает изменения к договору между США и нидерландскими Антильскими островами о двойном налогообложении. Нидерландские Антиллы были излюбленным налоговым оазисом и домом родным для всех, кто выпускал новые облигации. Через свои антильские дочерние компании здесь выпускали облигации Ай-би-эн, «Дженерал электрик», Эй-ти-ти и множество более мелких заемщиков.

Я вздохнул. Теперь придется изучать эти новые правила налогообложения. Кому-то из нас нужно будет просмотреть проспекты всех облигаций, выпущенных на нидерландских Антиллах, которые имелись в нашем портфеле. Чертова тьма работы.

– Дебби! Тут сложилась очень интересная ситуация...

Дебби не дала мне закончить фразу. Она сразу сообразила, что ей с ее юридическим образованием и опытом работы в «черном офисе» нашей компании не увильнуть от этого дела.

– Знаю, чего ты от меня хочешь. Тебе нужно, чтобы я прочла проспекты всех облигаций, выпущенных на нидерландских Антиллах с сотворения мира.

– Э-э, видишь ли...

– И не пытайся возражать. В фирме это моя обязанность. Слабоумные вроде тебя мешками зарабатывают деньги на глупейших сделках, но действительно почетная работа выпадает только на мою долю.

Впрочем, когда Дебби стала собирать проспекты, у нее, похоже, улучшилось настроение.

Роб не отставал от меня. Не выпуская из рук чашку с, кофе, он уселся на мой стол, улыбнулся вслед Дебби и принялся бесцельно листать скопившиеся у меня научные работы. Скучнейшее занятие. Будь у Роба действительное желание углубиться в науку о ценных бумагах, он мог бы порыться в стопке на собственном столе.

– Тебе чем-нибудь помочь? – спросил я.

– Нет-нет. Я просто смотрю, – ответил Роб. Через минуту-другую он спросил:

– Ты занят чем-нибудь?

– Да нет. Разными мелочами. А ты?

– Тоже ничем особенным.

– Сегодня у тебя было что-нибудь интересное? – спросил Роб.

– Обычная рутина. – Я не собирался помогать ему. Снова воцарилось молчание. Роб пролистал еще несколько брошюр, негромко прокашлялся и наконец приступил к делу:

– Я вроде бы слышал, ты сказал, что сегодня приезжает Кэш Каллахан со своей подругой? – спросил он.

Так вот в чем дело!

– Да, – коротко ответил я.

– А его подруга – это Кэти Лейзенби?

– Кажется, именно так ее и зовут. Почему ты спрашиваешь?

Я улыбнулся. Мне было совсем нетрудно догадаться, что интересовало Роба. Дело в том, что он не мог спокойно смотреть на женщин. Но страсть Роба отличалась от обычной страсти большинства неженатых мужчин, в ней совершенно отсутствовало физическое влечение. Роб был постоянно влюблен. Чем более недостижим был объект его любви, тем лучше. Больше того, как только возлюбленная собиралась ответить ему взаимностью, весь пыл его пропадал, и Роб переключался на новый объект. Только что он оправился от страсти к Клер Дюамель. В конце концов он уговорил ее пойти с ним в ресторан. Во время обеда Клер сводила его с ума постоянными упоминаниями о своем парижском друге. Она сказала Робу, что для нее существует только один мужчина – ее Гастон. Роб был безутешен целых две недели.

Подобный энтузиазм он проявлял не только в любви. Роб был очень эмоциональным трейдером. Он «чувствовал» рынок. Он утверждал, что в принятии решений руководствуется не интуицией, а логикой, но тут он явно кривил душой. Сегодня рынок ему нравился, а на следующий день он его ненавидел. Далеко не всегда он делал правильный выбор, а если ошибался, то становился темнее тучи. Впрочем, как и наш специалист по прогнозированию биржевой конъюнктуры Гордон, Роб угадывал чаще, чем ошибался, и это было самое главное.

Тот, кто не знал Роба, ни за что бы не догадался, что его терзают столь сильные страсти. Он выглядел, как самый обыкновенный человек: светло-каштановые волосы, полное лицо, чуть ниже среднего роста. Но та искренность, с которой он выражал свои чувства, не лишена была обаяния. Женщины находили его «милым» и тянулись к нему, по крайней мере на первых порах. Должен признаться, что в последние месяцы он нравился мне все больше. Когда он зарабатывал деньги для фирмы, на него было приятно смотреть, а в те моменты, когда он терпел неудачу, я научился избегать его. Боюсь, нередко его романтические бури казались мне даже забавными. Во всяком случае не проходило дня, чтобы у нас не возникали слухи о его новом романе.

Роб не обратил внимания на мой насмешливый тон.

– Меня всегда привлекали бросовые облигации. Судя по всему, встреча обещает быть интересной. Ты не будешь возражать, если я приму в ней участие?

Я рассмеялся.

– Нет, конечно, не буду. Мы встречаемся в три часа. Ты еще не раз успеешь сбегать через дорогу в цветочный магазин.

Роб наконец-то нахмурился, встал и направился к своему столу. Впрочем, его лицо тут же расплылось в улыбке. Я ждал встречи с Каллаханом. С одной стороны, мне не терпелось снова вгрызться в кредитный анализ. С другой – хотелось взглянуть на женщину, которая возбудила у Роба такой интерес.

Они приехали ровно в три часа. Трудно было представить себе более неподходящую пару. Впереди шагал невысокий, полноватый Кэш. Уже от двери

комнаты для совещаний донесся его громкий голос: с грубоватым бруклинским акцентом он здоровался со всеми сразу. Кэш (прежде Чарлз) Каллахан заработал себе репутацию в Нью-Йорке, и эта репутация помогла ему неплохо устроиться в Лондоне. В «Блумфилд Вайс» он стал «ведущим продюсером»; это значило, что он продавал облигаций больше любого другого из доброй сотни сейлсменов инвестиционного банка. Стиль жизни Кэша соответствовал его успеху. Даже прозвище «Кэш» [7] свидетельствовало об огромных суммах, которые он зарабатывал и транжирил. Если кого-то в этом мире и стоило называть существом высшего порядка, то в первую очередь Кэша. Стоило ему появиться в любом помещении, как он, казалось, заполнял собой все пространство. Его неизменное благодушие и гортанное похохатывание притягивали людей. Он мгновенно заставлял собеседника почувствовать, что тот – его лучший друг и что быть другом такого известного человека, у которого уйма приятелей, но никто из них не важен так для Кэша, как его собеседник, – это большая честь. Собеседнику хотелось угодить Кэшу, показать ему, что он рад его расположению. Дело всегда кончалось тем, что собеседник принимал предложения и условия Кэша.

Эту притягательную силу Кэша ощущали все, в том числе и я. Правда, я, как мог, старался противостоять его обаянию. Я не доверял ему. Отчасти виной тому были его крохотные поросячьи голубые глазки, взгляд их, казалось, не имеет ничего общего с его широкой улыбкой и сверкающими зубами. Когда Кэш и все его окружение улыбались и смеялись, жесткий взгляд поросячьих глазок

---

[7] Cash (кэш) – наличные (англ.)

шарил вокруг, оценивая и взвешивая собеседников, выискивая любую возможность договориться о выгодной сделке. У меня были подозрения, что раза два он пытался надуть и меня. Я не сомневался, что он тысячи раз обманывал других клиентов, и все же их тянуло к нему снова и снова.

Вслед за Кэшем, воплощением энергии, в комнату скромно вошла высокая, стройная, немного нескладная Кэти. Ее темные волосы были собраны на затылке в плотный пучок. Она была в ослепительно белой блузке и с виду очень дорогом голубом костюме, в ушах у нее сверкали небольшие, но изящные жемчужные серьги. Ее стройная фигура словно специально была создана для элегантных туалетов со строгими линиями. Но меня больше всего поразил взгляд ее больших карих глаз – они старательно избегали останавливаться на ком бы то ни было. Теперь я понял Роба. Кэти казалась настолько недоступно красивой и в то же время настолько уязвимой и ранимой, что в ее лице перед Робом вставали все проблемы мира.

Мы сели, и Кэш приступил к представлениям.

– Пол, я рад познакомить тебя с моей коллегой, Кэти Лейзенби. Кэти, это Пол Марри, один из самых толковых наших клиентов. – Кэш широко мне улыбнулся. – А с Робом, насколько мне известно, вы уже встречались.

Кэти, едва приподняв уголки губ, приветствовала нас почти незаметной улыбкой. Я кивнул ей в ответ, а Роб глупо оскалился и пробормотал в ее сторону что-то совершенно нечленораздельное.

– Немногие из наших покупателей способны разглядеть такую удачную возможность, какая

представилась им в недавней операции со шведскими облигациями, и обладают достаточной выдержкой, чтобы заработать столько, сколько заработал Пол, – продолжал Кэш.

– Иногда везет и дуракам, – сказал я. – Там был еще один покупатель, из США. Он купил на пятьдесят миллионов. Должно быть, он сделал неплохие деньги. Интересно, кто это был.

– О, это был всего лишь небольшой ссудо-сберегательный банк из аризонского Финикса, – сказала Кэти.

У нее был удивительно чистый голос, а гортанное произношение и немного надменный тон выдавали воспитанницу дорогой частной школы. У меня всегда была слабость к таким голосам, мне они казались ужасно сексуальными.

– Он часто рискует подобным образом, – продолжала Кэти, – но по сути дела никогда не проигрывает.

Кэш на мгновение неодобрительно нахмурился. Покупатели ничего не должны знать о своих конкурентах, других покупателях. Теоретически таким образом защищается конфиденциальность клиентов. Я же подозревал, что на самом деле это изобретение инвестиционных банков, чтобы не допустить сговора между клиентами. Нарушив неписанное правило, Кэти продемонстрировала свою неопытность.

Она заметила неодобрительный взгляд босса и покраснела.

– Уверена, вы не станете разглашать эту информацию, – сказала она, глядя в мою сторону, но не на меня.

– О, разумеется, – ответил я.

– Как вам уже известно, мы приехали сюда, чтобы обсудить новые высокодоходные облигации, которые мы намерены выпустить для отеля «Таити». О деталях проекта вам расскажет Кэти, но сначала я хотел бы сообщить следующее: в «Блумфилд Вайс» сложилось мнение, что это будет чрезвычайно выгодное дело. Мы полагаем, что первоначально намеченная сумма подписки будет превышена в несколько раз. Спрос на эти облигации будет огромным. Сообразительные парни смогут заработать здесь бешеные деньги – если они сумеют достаточно быстро принять решение.

Интересно, подумал я, предлагал ли Кэш хоть раз в жизни бумаги, которые не пользовались «огромным спросом»?

– Продолжайте, – сказал я.

– Вы можете подумать, – начала Кэти, – что не может быть ничего менее надежного, чем вкладывать деньги в казино. Все слышали, как кто-то когда-то «разорил банк в Монте-Карло». Какой же смысл финансировать предприятие, которое может быть доведено до банкротства любым удачливым игроком?

Все дело в том, что если вы – владелец казино, то ваши выигрыши уже не зависят от случая, они составляют определенный процент от оборота. Доля ставок, выигранных казино за любой достаточно длительный период, поразительно постоянна. Различные игры дают разный процент. Игорные автоматы – это

крупномасштабный бизнес с низким уровнем прибыли. Наибольшую прибыль обеспечивают любители азартных игр, имеющие большие деньги, – таких в мире всего с тысячу. Они делают крупные ставки и много проигрывают.

Следовательно, секрет превращения казино в высокодоходное предприятие заключается в привлечении таких игроков. Они должны проводить в вашем казино как можно больше времени. С этой целью и было задумано строительство отеля «Таити». Это будет самый роскошный и самый привлекательный отель – и одновременно игровой комплекс – в Лас-Вегасе. Отель сооружается в стиле «южное море», с пальмами, прудами и даже с особым климатом внутри помещений.

Кэти протянула нам с Робом альбом с глянцевыми фотографиями макетов нового казино. Сооружение и впрямь производило впечатление, особенно две его части: высокая белая башня и огромный стеклянный атриум с деревьями и водоемами. Роб, я заметил, не сводил взгляда с Кэти и едва заглянул в альбом.

– Чтобы привлекать как можно больше посетителей, казино должно располагаться в особо выгодном месте, – продолжала Кэти, передавая нам карты Лас-Вегаса. – Отель «Таити» строится на Стрипе, узкой полоске между «Сандз» и «Сизар-паласом», это два самых популярных казино в Лас-Вегасе. Мы надеемся, что многие завсегдатаи этих заведений пожелают зайти и в «Таити» – хотя бы лишь для того, чтобы посмотреть, что это такое.

В отеле две тысячи пятьсот номеров, в том числе двенадцать роскошных многокомнатных люксов, предназначенных специально для самых богатых и самых

азартных игроков. Там будут площадка для стоянки четырех тысяч автомобилей и зал на тысячу зрителей, где каждый вечер станут выступать самые знаменитые звезды. Все это предназначено не столько для непосредственного получения прибыли, сколько для привлечения клиентов к игорным столам.

Весь комплекс будет стоить триста миллионов долларов. Строительные работы близятся к завершению, и комплекс должен открыться в начале сентября. Я хотела бы показать вам некоторые финансовые прогнозы. – Кэти передала Робу и мне два документа. – Как видите, согласно экономическим расчетам, в первый год через казино пройдет вдвое больше денег, чем составляет процент по облигациям. Если заглянуть чуть дальше, то с течением времени казино будет становиться все более и более прибыльным.

Новые облигации будут иметь четырнадцатипроцентный купон и десятилетний срок погашения. Облигации будут выпускаться под залог казино, поэтому, если комплекс не заработает столько, чтобы можно было выплатить долги, то вы станете владельцами очень выгодной недвижимости.

У вас есть вопросы?

Последнюю фразу Кэти бросила как вызов, а ее тон стал чуть более надменным.

На минуту воцарилось молчание. За эту минуту я быстро пробежал глазами листки с колонками цифр. На первый взгляд проект казался интересным, но прежде чем сделать выводы, мне хотелось бы узнать еще весьма многое.

– Должен признаться, что я не очень хорошо знаю игорный бизнес, – начал я. – Вместе с ним мне придется изучить и многое другое. Но уже сейчас у меня есть два вопроса. Во-первых, что случится с этими многообещающими прогнозами, если начнется экономический спад?

– Общеизвестно, что игорный бизнес не страдает во время депрессии, – менторским тоном ответила Кэти. – Более того, в годы депрессии начала восьмидесятых посещаемость игорных заведений возросла. Дело в том, что в трудных ситуациях человека тянет к игре.

Кэти бросила на меня высокомерный взгляд, как бы говоря: неужели кто-то осмелится мне возражать?

Я выдержал ее взгляд и замолчал. Мне не нравится, когда ко мне относятся покровительственно, каким бы ангелом в юбке ни казался покровитель. Я не собирался так просто сдаваться.

– Возможно, вы правы, – сказал я. – Но разве в Лас-Вегасе в последние годы строительство не было ориентировано на развитие семейного отдыха?

– Да, вы правы. Предполагается, что в следующее десятилетие «Таити» станет не только раем для богатых игроков, но и одним из самых роскошных центров семейного отдыха.

– Наследникам тоже надо где-то учиться играть в покер, – со смешком вставил Кэш.

– Понятно, – сказал я. – Но разве в трудное время доход от семейного отдыха не падает в первую очередь?

– Возможно.

– В таком случае в период экономического спада в Лас-Вегас приедет меньше людей и доходы резко упадут, не так ли?

Снова на минуту воцарилось молчание, прерываемое лишь шорохом страниц, которые нервно перелистывала Кэти.

– Как вы сами заметили, в этом бизнесе вы новичок. Специалисты в один голос утверждают, что влияние депрессии на игорный бизнес будет незначительным. Хорошо известно, что во время великой депрессии тридцатых годов посещаемость игорных заведений возросла.

Кэти запуталась, но определенно не собиралась уступать, поэтому я сменил тему.

– У меня еще один вопрос. Ссуживая кому-то деньги, желательно знать хотя бы немного об этом человеке, каким бы бизнесом он ни занимался. Кому принадлежит «Таити»?

Почувствовав более надежную почву под ногами, Кэти ответила не задумываясь:

– Владельцем его является мистер Ирвин Пайпер. На Уолл-стрите его хорошо знают как удачливого инвестора, выходящего победителем из самых трудных ситуаций. Около десяти лет назад Пайпер купил компанию «Мертон электроникс»; по общему мнению, это была одна из самых удачных финансовых операций восьмидесятых годов. За три года Пайпер увеличил свое состояние в четыре раза. В прошлом он также вкладывал деньги в индустрию отдыха и всегда зарабатывал на этом. Поверьте мне, на такого человека можно положиться.

– Понятно. – У меня был готов еще один вопрос: – Лас-Вегас завоевал репутацию центра притяжения организованной преступности, не так ли? Как я могу быть уверен, что этот человек не связан с преступным миром?

– Если человек владеет казино, то это еще не значит, что он – преступник, – высокомерно ответила Кэти. – Вы правы, в пятидесятые и шестидесятые годы в Лас-Вегасе существовала организованная преступность, но теперь Комиссия по контролю за азартными играми штата Невада, прежде чем выдать лицензию на право владения или управления казино, очень тщательно проверяет любую кандидатуру. Комиссия ни в коем случае не выдаст лицензию, если заявитель был когда-либо уличен или даже заподозрен в противозаконной деятельности. Уверяю вас, Ирвин Пайпер – человек с незапятнанной репутацией.

– Тем не менее, у меня не может не вызывать тревоги то обстоятельство, что я ссуживаю деньги людям, которых никогда не видел, – настаивал я.

– Послушайте, если вам недостаточно тщательнейшего расследования Комиссии по контролю за азартными играми, то вам невозможно угодить, – недовольно бросила Кэти.

Разговор стал раздражать меня всерьез. В конце концов, я – покупатель, и я не намерен покупать эти облигации, пока не буду совершенно убежден в надежности казино, его владельца и всего игорного бизнеса.

Кэш почувствовал перемену в моем настроении. Он никогда не стал бы ведущим агентом «Блумфилд Вайс», если бы в его арсенале были только методы грубого навязывания. Облигации нового выпуска обещали

рекордные комиссионные, и Кэш приготовился к долгой борьбе. Он будет пытаться продать облигации, даже если его шансы на успех будут не больше, чем пятьдесят на пятьдесят.

– Послушай, Пол, вы купите облигации, если мы дадим удовлетворительные ответы на все твои вопросы?

– Тогда мне нужно будет еще подумать. Но в таком случае вполне вероятно, что я их действительно куплю, – ответил я.

– Отлично. Тогда у меня есть два предложения. Во-первых, примерно через две недели Ирвин Пайпер будет в Лондоне. Я его знаю. Это птица высокого полета. Возможно, мне удастся договориться о встрече. Неофициальной. Это тебя устроит?

– Это было бы очень полезно. Спасибо.

– Хорошо. Завтра я тебе позвоню и скажу, где и когда. Во-вторых, я бы хотел напомнить о нашей годичной конференции по высокодоходным облигациям. Она состоится в Финиксе в начале сентября. По окончании конференции можно будет заглянуть в Лас-Вегас и познакомиться с руководителями других компаний, выпускающих высокодоходные облигации. Что ты об этом думаешь? Там должно быть интересно. Мы с Кэти тоже собираемся.

– Что ж, весьма признателен, – ответил я. – Мне нужно будет поговорить с Хамилтоном, но предложение кажется заманчивым. Возможно, мне удастся встретиться там и с директором того ссудо-сберегательного банка, о котором говорила Кэти.

Голубые поросячьи глазки Кэша с минуту вопросительно смотрели на меня. Потом он неловко

прокашлялся и опустил глаза на свои сцепленные пальцы.

– Прошу прощения, конфиденциальная информация. Понимаю, – сказал я, хотя, признаться, не вполне понимал причину беспокойства Кэша.

На этом разговор закончился.

Как только за Кэшем и Кэти захлопнулись двери лифта, Роб повернулся ко мне.

– Вот это да! Настоящая красавица, согласись! А ноги, какие ноги!

Насчет ног я не спорил. У меня вызывала сомнения обладательница этих ног.

– Она в твоем духе, Роб. Разговаривает почти надменно. Рядом с ней даже Кэш выглядит ласковым котенком.

– Тебе просто не понравилось, что она вывела тебя на чистую воду, – возразил Роб. – Совершенно очевидно, что ока знает свое дело. Красива и к тому же умна. Я почти уверен, что все время она смотрела только на меня. Думаю, надо ей звякнуть и спросить, что она делает вечером.

– Должно быть, ты свихнулся. Она проглотит тебя живьем, – заметил я.

Впрочем, я понимал, что зря сотрясаю воздух. Когда дело доходило до женщин, Роб неизменно сходил с ума и, возможно, ничего не имел против того, чтобы его съели с потрохами.

Мы вернулись в операционную комнату. Меня подозвал Хамилтон.

– Как переговоры? – поинтересовался он.

– Довольно успешно, – ответил я. – Мне придется еще изрядно поработать, но в конце концов я, скорее всего, соглашусь на покупку облигаций. – Я посвятил Хамилтона в детали нашего разговора. – Определенно стоит встретиться с владельцем казино. Кроме того, Кэш пригласил меня на их конференцию по высокодоходным облигациям. Он сказал, что там будут представители ряда компаний, которые выпускают такие облигации. Что вы об этом думаете?

Хамилтон далеко не всегда охотно соглашался на дополнительные расходы. Я опасался, что и на этот раз он будет возражать. Но я ошибся.

– Вам обязательно нужно поехать. В ближайшее время я намерен заняться бросовыми облигациями, и встреча с руководством таких компаний облегчила бы нашу задачу. Кое-чему вы можете научиться и у других инвесторов. Собирать информацию всегда полезно.

– Отлично, – сказал я.

Мне действительно очень хотелось съездить в Аризону, хотя я не был уверен, что легко вынесу долгое воздействие добродушия Кэша и менторских поучений Кэти.

– Раз уж вы будете в Америке, можете на время остановиться в Нью-Йорке. Всегда полезно посмотреть, что там творится.

– Обязательно. Очень вам признателен.

В Нью-Йорке я был и раньше, но не заходил ни в один из инвестиционных банков. Об их работе

рассказывали легенды, там находился центр всех финансовых рынков мира.

Я вернулся на свое рабочее место и взялся за документы «Таити». Возможно, там найдется что-то интересное.

– Дебби!

– Что?

– У тебя нет желания мне помочь?

– Нет.

– Я бы хотел попросить тебя об огромном одолжении.

– Никаких одолжений.

– Мне хотелось бы знать, что ты думаешь вот об этом, – Я бросил ей проспекты «Таити». – Цифрами займусь я сам, мне интересно знать твое мнение о договорах.

– Изумительное предложение, – откликнулась Дебби, показывая на горы проспектов на своем столе. – Я постараюсь уложиться в те полчаса, что остались мне на сон.

Я был уверен, что Дебби выполнит мою просьбу. Хотя она никогда в этом не признается, Дебби уже посматривала на материалы «Таити» с неподдельным интересом.

– Между прочим, – сказала она, – знаешь, утром курс акций «Джипсам оф Америка» поднялся до тринадцати долларов. Неплохо, а?

– Совсем неплохо, – согласился я.

По крайней мере эта небольшая инвестиция себя оправдывала.

Четвертая глава

Я подъезжал к дому. Чем меньше миль отделяло меня от той долины, Где я родился, тем более дикими становились места. Пологие спуски превращались в крутые склоны холмов, поросшие скошенной травой, папоротником и вереском. Утром прошел дождь, но теперь тучи рассеялись, обнажив бледно-голубое небо. Под солнечными лучами вымытые дождем травы окрасились в ярко-зеленые тона, и даже всегда угрюмые каменные стены теперь сверкали на склонах холмов, как серебристые змейки. Поездка по долине всегда вселяла в меня новые силы, сколько бы часов мне не пришлось просидеть за баранкой.

Наконец я оказался возле той развилки, где стоял знак «Бартуэйт 3», указывавший на вершину холма. Я свернул на дорогу, неправдоподобно круто поднимавшуюся вверх. Через Пять минут с высоты я уже смог заглянуть вниз, в крохотную долину, где ютился поселок Бартуэйт. На спуске я миновал солидные коттеджи, сложенные из серого камня. В ящиках под окнами росли герань и лобелия. Минуя узкую дорожку, которая вела к крупной ферме, я сбавил скорость. Над белыми воротами большими буквами было выведено: «Ферма „Яблоня“». Все здесь выглядело почти так же, как и в годы моего детства. Новый скотный двор, более современные машины, но все остальное осталось прежним.

Я проехал через поселок, по мосту пересек небольшую речку, на другом ее берегу поднялся по склону еще одного холма и остановился у последнего коттеджа, там, где кончался поселок и начиналась

вересковая пустошь. Я прошел по небольшому переднему дворику, где буйно цвели штокрозы, лаванда, гладиолусы, обычные розы и множество ярких цветов, названий которых я не знал, и стукнул железным кольцом в дверь, охраняемую полудесятком высоких наперстянок.

Через минуту в двери засуетилась невысокая фигурка моей матери.

– Входи, входи... – приговаривала она. – Садись. Ты хорошо доехал? Приготовить тебе чаю? Ты, должно быть, устал.

Мать провела меня в гостиную.

– Садись в отцовское кресло, – как всегда, сказала она. – Оно такое удобное.

Я опустился в старое кожаное кресло. Не прошло и минуты, как мать уже угощала меня испеченными ею лепешками и домашним клубничным вареньем. Я с восторгом отозвался о саде, и несколько минут мы обсуждали, что там можно было бы еще сделать. Потом очередь дошла до деревенских сплетен, и я узнал о последних скандальных проделках миссис Кирби, бартуэйтовской Памелы Бордес. Затем последовал долгий рассказ о проблемах моей сестры Линды, которая никак не могла подобрать подходящую обивку для своего дивана, и обычные мягкие упреки, что я редко заглядываю к ней. Все это время мать не сидела спокойно ни секунды. Любое слово она сопровождала красноречивыми жестами, каждую минуту вскакивала, чтобы долить мне чаю, поправить что-нибудь в гостиной или сбегать на кухню за очередной порцией лепешек. От разговоров, от постоянной беготни она даже немного раскраснелась. Она всегда была очень энергичной

женщиной, без ее участия не обходилось ни одно событие в поселке. Все ее любили. В словах и поступках матерью всегда руководили доброта и искреннее желание помочь людям. К тому же односельчане все еще жалели ее. В крохотном поселке семнадцать лет – не такой уж большой срок. В таких приятных разговорах прошел почти весь день. Потом, войдя в гостиную с очередной чашкой чаю, мать сказала:

– Все же твой отец мог бы и написать. Он уже давно осел в Австралии, можно было бы отправить хоть одно письмо. Я уверена, он давно нашел отличную овцеводческую ферму. На прошлой неделе я видела по телевизору одну такую. Она бы нам точно подошла.

– Конечно, он скоро напишет. Пойдем, посмотрим сад, – сказал я, пытаясь сменить тему. Мои усилия были напрасны.

– С его стороны это ужасно невнимательно. Кроме коротенького письмеца мне ничего не нужно. Понимаю, звонить из такой дали по телефону – это дороговато. А ты получил от него весточку?

– Нет, мама, к сожалению, тоже ничего не получил, – ответил я.

Я и не мог ничего получить. Мой отец не уехал в Австралию.

Не был он ни в Аргентине, ни в Канаде, как долгие годы была уверена мать. Отец давно умер.

Несчастье произошло, когда мне было одиннадцать лет, и хотя это было не на моих глазах, даже то, что я увидел, я не смогу забыть никогда. Отец работал на нашей ферме. Что-то попало в комбайн, машину заклинило, и отец попытался вытащить посторонний

предмет. Он забыл или не захотел выключить двигатель. В этот момент я стучал футбольным мячом в стенку амбара с другой его стороны. Я услышал истошный вопль, заглушивший грохот комбайна. Крик был недолгим. Я обежал вокруг амбара и увидел то, что осталось от моего отца.

В конце концов я более или менее оправился от потрясения, но моя мать так и не смогла примириться с утратой. Она очень любила отца и не могла признать, что его уже нет. Она создала свой собственный мир, где он был еще жив, и так чувствовала себя спокойней. Мой отец был арендатором одной из крупнейших ферм в округе. В поселке он пользовался всеобщим уважением, что немного облегчило жизнь матери, моей старшей сестре и мне. Владелец этих земель, лорд Маблторп, много времени проводил на ферме моего отца, обсуждая с ним всевозможные способы повышения урожайности земли. Они стали добрыми друзьями. Когда отец погиб, лорд Маблторп дал нам этот коттедж, сказав, что моя мать может жить в нем до конца своих дней. Страховая компания выплатила щедрую компенсацию, благодаря которой мы так и не узнали, что такое нищета. Нам помогали добрые соседи.

Мой отец был хорошим человеком. Так все о нем отзывались. Я отчетливо помнил этого крупного, энергичного мужчину с развитым чувством добра и зла. Я изо всех сил всегда старался угодить ему, и обычно мне это удавалось. Если же я не оправдывал надежд, то платил дорогой ценой. Однажды по окончании полугодия я принес домой не слишком хорошие оценки, да еще записку от учителя о том, что я валял дурака на уроках.

Отец прочел мне целую лекцию о важности учения. Следующее полугодие я закончил с отличием.

Смерть отца и то, что случилось потом с матерью, казалось мне несправедливым, жестоким наказанием. Меня убивала моя полная неспособность изменить что-либо, я был вне себя от собственного бессилия.

Именно в это время я начал бегать. Я заставлял себя носиться вверх-вниз по холмам до полного изнеможения, до тех пор, пока мои крохотные легкие не грозили вот-вот лопнуть. Я боролся с холодными зимними йоркширскими ветрами, искал утешения в битве один на один с темными вересковыми пустошами.

Кроме того, я очень усердно занимался в школе, я твердо решил жить так, как, по моему представлению, этого хотел отец. Я добился, что меня приняли в Кембридж. Легкая атлетика отнимала много времени, и все же мне удалось получить диплом с неплохими оценками. К тому времени, когда я начал подготовку к Олимпийским играм, целеустремленность и желание победить стали моей второй натурой. Я бы покривил душой, если бы сказал, что стремился к олимпийской медали только в память об отце, но в глубине души надеялся, что он видел, как я третьим пересек финишную черту.

Мать так и не смогла понять моих амбиций. Раз отец «уехал», она стала главой семьи. Мать хотела, чтобы моя сестра вышла замуж за местного фермера, а я окончил сельскохозяйственный колледж и занялся нашей фермой. Сестра выполнила желание матери, я – нет. После гибели отца я не мог даже думать о сельском хозяйстве. Впрочем, в своем мире мать поместила-таки меня в лондонский сельскохозяйственный колледж. Сначала я

пытался возражать, но она не слушала меня, и в конце концов я сдался. Она гордилась моими успехами на беговой дорожке, но боялась, что занятия легкой атлетикой помешают учебе.

– Отличная погода, – сказал я, еще раз пытаясь перейти на другую тему. – Давай погуляем.

Мы поднялись по склону холма. Мать привыкла много ходить, и скоро мы оказались в седловине, отделявшей нашу долину от соседней. Мы посмотрели на Хелмби-холл, строгое сооружение, построенное в начале двадцатого века отцом лорда Маблторпа на доходы от его текстильных фабрик.

Мать перевела дыхание.

– О, кажется, я забыла тебе сказать. Месяц назад умер лорд Маблторп. Сердечный удар. Твой отец расстроится, когда узнает.

– Очень жаль, – отозвался я.

– Мне тоже, – согласилась мать. – Он всегда был так добр ко мне. И ко всем в поселке.

– Значит, теперь владельцем Хелмби-холла стал его полоумный сын?

– Ну что ты. Пол. Он вовсе не полоумный. Он очень симпатичный молодой джентльмен. И к тому же умный. Кажется, он работает в Лондоне, в каком-то торговом банке. Я слышала, что он не собирается сюда переезжать. Будет, вроде, появляться по выходным.

– Что ж, чем меньше он будет совать свой нос в Бартуэйт, тем лучше, – сказал я. – Миссис Кирби его еще не видела? Интересно, что она скажет, – невинным тоном закончил я.

Мать рассмеялась.

– Уж она найдет, что сказать.

Мы возвратились в коттедж около семи, усталые, но довольные обществом друг друга.

Потом, когда я уже садился в автомобиль, собираясь возвращаться в Лондон, мать сказала:

– Дорогой, учись как следует. Перед отъездом твой отец сказал мне, что из тебя должен получиться хороший фермер, и я уверена, ты можешь доказать, что он был прав.

Как обычно после визита к матери, я возвращался в прескверном настроении. Я был зол на весь этот так несправедливо устроенный мир.

В понедельник утром я уже сидел за своим столом, когда появился Роб. На его лице сияла широкая, от уха до уха, улыбка. Я знал эту улыбку. Роб снова влюбился, и его дела шли на лад.

– Так что у тебя? Рассказывай.

Роба прямо-таки распирало от желания поделиться со мной.

– Так вот, вчера я позвонил Кэти и уговорил ее встретиться со мной. Она напридумывала тысячу причин, но от меня отделаться не так-то просто, и я твердо стоял на своем. В конце концов она сдалась, и Мы пошли в кино. Там шел фильм, который, как сказала Кэти, она хотела посмотреть уже не один год. Это оказался какой-то французский вздор Трюффо [8]. Мне смотреть

---

[8] Франсуа Трюффо (1932—1984) – французский кинорежиссер и киновед, один из

его стало так скучно, что очень скоро я потерял нить, а она не могла отвести глаз от экрана. Потом мы пошли в ресторан. Проболтали там несколько часов. Мне кажется, она понимает меня так, как никогда не понимала ни одна девушка.

Если не считать Клер месяц назад и Софи три месяца назад, с изрядной долей злорадства подумал я. Когда Роб изливал девушке душу, он забывал обо всем на свете. Самое смешное, что девушки при этом тоже проявляли странную забывчивость. Но я не отнес Кэти к числу тех, кто мог бы легко поддаться уговорам Роба.

– Ну и что было дальше? – спросил я.

– Да ничего, – улыбнулся Роб. – Она – прекрасная девушка. Она не станет заниматься такими вещами после первого же свидания. Но мы договорились на субботу. Я собираюсь покатать ее на яхте.

– Желаю успеха, – сказал я.

Это уже похоже на другие романы Роба, подумал я. Он начал сооружать пьедестал. Все же надо было отдать ему должное. Он был способен расколоть самый крепкий орешек.

На телефонной панели замигала лампочка. Это был Кэш.

– У меня два вопроса, – начал он. – Во-первых, ты летишь на нашу конференцию?

– Да, мне очень хотелось бы. Большое спасибо, – ответил я.

основателей направления «новая волна».

– Отлично, – продолжал Кэш. – А я обещаю устроить встречу с Ирвином Пайпером, как только у него выдастся свободная минута. У меня еще одно предложение. Ты не хочешь съездить на Хенлейскую регату в качестве гостя «Блумфилд Вайс»? Наш банк каждый год ставит там свою палатку. Я слышал, это очень интересно. Кэти и я тоже будем там. Если хочешь, возьми с собой кого-нибудь из своей фирмы.

У меня упало сердце. Меня совершенно не интересовала гребля. И тем более меня не радовала перспектива участия в подобных коллективных развлечениях. Там придется много пить с теми, кого я не знаю и не хочу знать. Единственное утешение: никто не будет обращать ни малейшего внимания на регату. Мне очень хотелось отказаться, но отказать Кэшу всегда было трудно.

– Спасибо за приглашение, мне нужно только проверить, не заняты ли у меня выходные. Я тебе перезвоню.

– Ладно. Жду звонка.

Я повесил трубку. Экспансивный американец разговаривает со сдержанным англичанином, и оба остаются недовольными, подумал я. Почему-то я почувствовал неловкость.

– В чем дело? – поинтересовался Роб.

– «Блумфилд Вайс» приглашает меня на Хенлейскую регату, и у меня не хватило мужества отказаться.

Роб навострил уши.

– Ах, «Блумфилд Вайс»? Кэти там тоже будет?

– Да, – сказал я.

– Знаешь, я думаю, ты должен согласиться. И должен взять меня с собой.

Я возражал, но все мой усилия были напрасны. Я не мог противостоять объединенной силе убеждений Кэша и Роба и взялся за телефонную трубку. Я сказал Кэшу, что с удовольствием поеду на регату и возьму с собой Роба. Судя по голосу, Кэш остался доволен.

Я сидел на своем рабочем месте и следил за ленивой летней борьбой на рынке. Мне умело помогала Дебби. Я мучался от безделья и был не в лучшем расположении духа, зато Дебби такая ситуация, очевидно, вполне устраивала. Она увлеченно сражалась с кроссвордом в «Файненшал таймс». Я отчаянно пытался найти какое-нибудь занятие и в безнадежной попытке наткнуться на свежие мысли стал рыться в нашем портфеле.

В конце концов я обнаружил пару пакетов облигаций с пометкой NV. Это навело меня на мысль.

– Дебби!

– Подожди, не видишь, я занята, – откликнулась она.

– Ты проверила все облигации, выпущенные на нидерландских Антиллах? Нам нужно что-нибудь предпринимать в связи с изменениями к договору о налогообложении?

Дебби отложила газету с кроссвордом.

– Как ни удивительно, но я все проверила. – Она показала на кипу проспектов. – Я просмотрела все наши портфели, и у нас везде все в порядке. Изменения не коснулись ни одного из наших пакетов. У нас только один

пакет нидерландских Антилл, и они сейчас котируются ниже ста, так что если эмитент будет погашать их по номиналу, то мы только выиграем.

– Уже легче. Отлично. Благодарю за труд, – сказал я.

– Не торопись благодарить. Что касается налогообложения, у нас действительно все в порядке, но я тут натолкнулась на один пакет облигаций, которые очень дурно пахнут.

– Продолжай.

– Вот эти.

Она положила мне на стол проспект. Я взял его. На обложке было тиснение: «"Тремонт-капитал NV" гарантирует 8 процентов с погашением 15 июня 2001 года». Внизу буквами поменьше: «Гарантом выступает „Хонсю-банк лимитед"», а еще ниже: «Ведущий менеджер – инвестиционный банк „Блумфилд Вайс"».

– Так что в них плохого? – не понял я.

– Точно сказать не могу... – начала Дебби, но тут же осеклась и резко выпрямилась. – Боже! Ты это видел?

– Что?

– Сообщение «Рейтер». – Она прочла с экрана: – Компания «Джипсам оф Америка» объявила о своем согласии на предложение ДГБ... Что это за чертов ДГБ?

– Думаю, это немецкая цементная компания, – предположил я. – Мы были правы. Что-то заваривается.

Тут же замигали лампочки. Я взял телефонную трубку. Это был Дейвид Барратт.

– Вы уже знаете, что ДГБ намеревается купить «Джипсам»?

– Да, – ответил я. – Если верить «Рейтер», они полюбовно договорились. Вам известны какие-то причины, по которым они не могли бы договориться?

– Нет, – ответил Дейвид. – ДГБ не проводит никаких финансовых операций на территории США, так что не должно возникнуть никаких проблем и с антимонопольным законодательством.

– Какова репутация ДГБ? – спросил я.

Если ДГБ считается надежной корпорацией, то риск проиграть на покупке облигаций «Джипсам» существенно уменьшается. Их курс взлетит до небес.

– Дубль А с минусом [9], – ответил Дейвид. Что касается деталей финансового состояния даже никому не известных компаний, его голова была не хуже компьютера. – Подождите, мой агент хочет что-то сказать. – С минуту в трубке слышался только неразборчивый шум. – Он говорит, что за покупку ДГБ платит наличными и размещением акций. Это не должно повредить рейтингу.

– Как продаются облигации? – спросил я.

– Подождите минутку. – Через несколько секунд Дейвид заговорил снова. – Он просит по девяносто пять. Хотите продать свои два миллиона?

Я задумался. Нет, девяносто пять – это слишком мало.

---

[9] Имеется в виду рейтинг ценных бумаг агентства «Стандард энд Пур корпореишн» – ведущей фирмы по установлению рейтингов ценных бумаг.

– Благодарю, но они должны еще подняться. Дайте мне знать, если курс подрастет.

Я положил телефонную трубку и крикнул Дебби:

– Что у тебя?!

– Все гоняются за этими «Джипсам». «Блумфилд Вайс» предлагает девяносто семь. У меня на связи Клер. Она предлагает девяносто семь с половиной. Продавать?

Я пощелкал на калькуляторе. По моим расчетам курс облигаций должен был вырасти по крайней мере до девяноста восьми с четвертью.

– Нет, потерпи.

– Давай продадим. Получим приличную прибыль, – предложила Дебби.

– Нет, эти бумажки стоят на три четверти пункта дороже.

– Ну и жадина ты, – прокомментировала Дебби.

Мы поговорили еще с тремя торговыми агентами, но никто не предлагал больше девяноста семи с половиной. Я уже готов был сдаться, когда Карен крикнула:

– Дебби, на четвертой линии «Лейпцигер банк»!

– Что еще за– «Лейпцигер банк»? – не поняла Дебби. – Скажи, пусть катятся к черту, мы заняты.

«Лейпцигер банк»? Интересно, подумал я, что от нас хочет эта темная немецкая лошадка?

– Карен, я с ним поговорю! – крикнул я.

– Доброе утро. Говорит Гюнтер. Как у вас погода? У нас отличный день.

– Доброе утро, – ответил я. Кончай попусту болтать, Гюнтер, мысленно добавил я, переходи к делу. После еще двух-трех ничего не значащих фраз Гюнтер поинтересовался, не слышал ли я об облигациях компании «Джипсам оф Америка».

– Слышал. Больше того, у меня на два с половиной миллиона долларов облигаций этого выпуска.

– Отлично. Мой трейдер предлагает по девяносто шесть. Уверен, это очень выгодное для вас предложение.

Ничего себе предложение! По меньшей мере на два пункта ниже рыночного курса!

– Послушайте, Гюнтер, – ответил я, – сейчас у меня на связи один из моих коллег. Он собирается продать эти облигации одному нашему старому другу по девяносто девять. Если вы сейчас же предложите девяносто девять с половиной, я продам их вам. В любом другом варианте вы их больше никогда не увидите.

– Дайте мне подумать хотя бы час, – взмолился потрясенный Гюнтер.

– Могу дать только пятнадцать секунд, – ответил я.

Последовало молчание. Через тринадцать секунд в трубке снова зазвучал голос Гюнтера:

– Хорошо, хорошо, мы покупаем девятипроцентные «Джипсам оф Америка» с погашением в 1995 году на два с половиной миллиона по курсу девяносто девять с половиной.

– Принято, – сказал я.

– Благодарю вас, – ответил Гюнтер. – Надеюсь на более тесное сотрудничество в будущем.

Как бы не так, подумал я, и положил трубку.

– Черт возьми, как тебе удалось заставить его раскошелиться на девяносто девять с половиной? – спросила Дебби.

– Я решил, что такая контора, как «Лейпцигер банк», может скупать эти облигации только по одной причине – если она является местным банком компании ДГБ. А раз ДГБ позарез нужно скупить облигации «Джипсам», она может себе позволить платить подороже. Ты хоть раз в жизни видела дельца, который, предлагая тебе бумаги по курсу девяносто шесть, готов заплатить за них девяносто девять с половиной? При случае напомни, чтобы впредь я не имел с ним никаких дел.

– Итак, сколько мы заработали? – спросила Дебби.

– Мы купили этих облигаций на два миллиона по курсу восемьдесят два и продали на семнадцать с половиной пунктов дороже, – прикинул я. – Значит, мы заработали триста пятьдесят тысяч долларов! Неплохо. И к тому же избавились от нашего пакета на полмиллиона. Любопытно, какой курс будет у наших акций, когда в игру вступит Нью-Йорк?

Дебби, казалось, не разделяет моего энтузиазма.

– В чем дело? – спросил я.

– Кто-то должен был знать о готовящейся продаже компании, – сказала она.

– Конечно, кто-то знал, – согласился я. – Кто-то всегда знает. Так устроен мир.

– Может быть, нам не стоило покупать эти акции, – засомневалась Дебби.

– Почему не стоило? Мы понятия не имели, что кто-то проглотит «Джипсам». Мы догадывались, но вовсе не были уверены. Мы не нарушили ни одного правила.

– Но ведь кто-то знал. Иначе почему бы курс акций так резко взлетел?

– Послушай, – возразил я, – Ты – наш юрисконсульт. Ты знаешь правила и законы. Мы их нарушили?

Дебби на минуту задумалась.

– Формально не нарушили.

– Вот и хорошо. А теперь дай мне пару бланков регистрации, я запишу результаты операции.

Следующий день, среда, получился сумасшедшим. Мне нужно было составить отчет для одного из наших клиентов, но результаты моих расчетов никак не сходились с теми цифрами, которые должны были получиться и которые я знал наизусть. Во второй половине дня я битых два часа просидел над колонками цифр, пока не нашел ошибку. Оказалось, мне дали неверные исходные данные. Проклиная себя за глупость, я отправился наверх, в административный отдел, чтобы показать его сотрудникам их ошибку. Теперь мне предстояло начинать все расчеты сначала. На это уйдет несколько часов, к тому же меня будут постоянно отвлекать торговые агенты. Значит, мне повезет, если я закончу работу до полуночи. Дебби вызвалась мне помочь, и я охотно согласился. Даже работая вдвоем, мы освободились только в восемь вечера.

Я положил готовый отчет на стол Карен. Утром его можно будет отправлять клиенту. Мы с Дебби перекинулись взглядами.

– Отметим? – предложила Дебби.

– Почему-то я был уверен, что ты предложишь что-нибудь в этом роде, – сказал я. – Куда пойдем?

– Ты был на том корабле на Темзе? Знаешь, возле станции метро «Темпл»?

– Корабль так корабль, – согласился я. – Подожди, я возьму портфель.

– О, ну хоть сегодня забудь о своем портфеле! – не вытерпела Дебби. – Дома ты его даже не откроешь и завтра снова принесешь сюда. Разве я не права?

– Э-э...

– Пойдем!

Перед уходом я осмотрелся. В офисе еще оставались Роб, игравший со своим компьютером, и Хамилтон, который неторопливо рылся в огромной кипе бумаг. Что касается Хамилтона, то его часто можно было застать в офисе в столь, позднее время, но Роб крайне редко задерживался после шести. Начинало смеркаться, и в окна операционной комнаты били почти горизонтальные красные лучи заходящего солнца. Они яркой полосой отделили серые и черные громады Сити от темнеющего неба.

– Собирается дождь... – неуверенно заметил я.

– Черт с ним, пойдем.

Дождь закапал, как только мы ступили на палубу бывшего корабля, а теперь плавучего ресторана. Мы

заняли столик в главном салоне и через иллюминатор поглядывали на серые волны Темзы, бегущей к Вестминстеру. Вокруг шестов, воткнутых в дно реки рядом с кораблем, закручивались сильные водовороты. В огромном городе в конце двадцатого столетия было странно наблюдать за этой дикой, необузданной стихией. Конечно, человек научился строить каменные берега и сложнейшие барьеры, чтобы направлять поток в нужное русло, но он никак не мог остановить его.

Потом дождь полил сильней, капли разбивались о волны, река, город и небо окрасились в один темно-серый свет. Поднялся ветер, и корабль с негромким скрипом закачался на волнах.

– Бр-р-р, – поежилась Дебби. – Трудно поверить, что сейчас лето. А здесь очень уютно, правда?

Я осмотрелся. В обшитом полированным деревом неярко освещенном салоне за столиками, вытянувшимися двумя рядами, разрозненными группками сидели немногочисленные посетители. В углу собралась чуть большая компания любителей выпить. Действительно, раскачивания и скрип корабля, приглушенный шум непринужденной болтовни, влажный, но теплый воздух создавали здесь особый уют.

Мы заказали бутылку санчерре. Официант мгновенно принес вино и розлил его по бокалам. Я поднял свой.

– Твое здоровье, – сказал я. – Благодарю за помощь. Если бы не ты, я еще сидел бы за своим столом.

– Не за что, – ответила Дебби, отпив глоток. – Видишь ли, я вовсе не такая отпетая лентяйка, как обо мне думают.

– Что ж, я уверен, Хамилтон это тоже заметил.

– Пусть он катится ко всем чертям. Я вызвалась помочь тебе только по одной причине – потому что ты весь день казался мне ужасно несчастным. Ты такими словами обзывал эту выверку начисленных процентов, что вогнал меня в краску.

– Что ж, все равно я тебе очень благодарен, – сказал я.

Я подумал, что едва ли мог найти такие слова, которые вогнали бы Дебби в краску, но здесь, в прокуренной, насыщенной парами алкоголя атмосфере, ее щеки и впрямь зарумянились.

– Похоже, последние дни ты работаешь ненормально много, – заметил я. – Ты уверена, что у тебя все в порядке?

Действительно, на работе Дебби почти не отрывала голову от стола.

– Может быть. Но ведь это ты дал мне на просмотр гору проспектов, так что благодарить нужно тебя. – Она нахмурилась. – Впрочем, кое-что меня и в самом деле тревожит, сильно тревожит.

– Что, например? – заинтересовался я. Дебби с минуту подумала, потом покачала головой.

– Нет, забудь об этом. Сегодня я достаточно провозилась с этими чертовыми проспектами, мои проблемы могут подождать до завтра. У нас еще будет возможность поболтать и о них.

Я и сам видел, что Дебби расстроена, а расстроить Дебби. могло только что-то из ряда вон выходящее. Но

сейчас она определенно не настроена была обсуждать свои проблемы, поэтому я сменил тему.

– Ты знаешь трейдеров «Блумфилд Вайс», не так ли?

– Да, а зачем тебе они?

– А того, кто продает облигации «Джипсам», тоже знаешь?

– Да. Это Джо Финлей. Он торгует в «Блумфилд Вайс» бумагами всех американских корпораций. Очень хорош. Говорят, он – лучший корпоративный трейдер на «стрите», умеет делать деньги и на покупке и на продаже. Трейдеры из других фирм стараются поддерживать с ним хорошие отношения.

– Почему?

– Он законченный мерзавец.

Дебби сказала это так убежденно, что я подумал, уж не пришла ли она к такому выводу на собственном опыте. Что-то в ее тоне помешало мне попросить объяснений.

– Он честен?

Дебби рассмеялась.

– Трейдер из «Блумфилд Вайс»? Думаю, это крайне маловероятно, ты согласен? А почему ты спрашиваешь?

– Я просто не могу понять, почему «Блумфилд Вайс» так заинтересовался этими облигациями за день до сообщения о поглощении компании «Джипсам».

– Ты хочешь сказать, что Джо знал об этом заранее? Я бы нисколько не удивилась.

Я снова наполнил наши бокалы.

– На что ты собираешься потратить деньги «Джипсам»? – с изрядной долей иронии поинтересовалась Дебби.

– Ты имеешь в виду доход от купленных нами акций? Не знаю. Думаю, просто положу в банк.

– Зачем? На черный день? – не унималась Дебби, кивнув в сторону иллюминатора, за которым стало совсем темно. Дождь лил как из ведра.

Я улыбнулся, почувствовав себя отчасти дураком.

– Видишь ли, мне не на что их тратить. Моя квартира меня вполне устраивает. «Де Джонг» дал мне автомашину. Похоже, что даже в отпуск уехать у меня не будет времени.

– Что тебе действительно нужно, так это очень дорогая любовница, – посоветовала Дебби. – Такая, на которую ты смог бы потратить свои нечестно заработанные деньги.

– Прошу прощения, но сейчас у меня нет любовницы.

– Что? У молодого финансиста, такого завидного кандидата в мужья? Не верю, – сказала Дебби с деланным удивлением. – Конечно, иногда ты бываешь грубоват, да и нос у тебя мог бы быть более классическим. И к парикмахеру ты давно не заглядывал, да? В общем, твои проблемы мне понятны.

– Благодарю за лестную оценку. Не знаю, мне кажется, у меня просто не хватает времени.

– Слишком много работы?

– Слишком много работы, слишком много тренировок.

– Типичная ситуация. Так кто же ты? Труженик-девственник?

– Ну, не совсем, – улыбаясь, ответил я.

– Ах, так? Расскажи, как это у тебя было.

Дебби, вся внимание, подалась вперед.

– Это не твое дело, – нерешительно попытался отказаться я.

– Конечно, не мое, – согласилась Дебби. – Расскажи.

Не сводя с меня умоляющего взгляда сверкающих глаз, Дебби уперлась локтями в стол. Рассказывать мне совсем не хотелось, но я не мог разочаровывать Дебби.

– Понимаешь, в университете у меня была одна девушка. Ее звали Джейн, – начал я. – Она была очень хорошенькой. И очень терпеливой.

– Терпеливой?

– Да. Тренировки отнимали у меня почти все свободное время. Я бегал не меньше сорока миль в неделю, и это не считая спринтерской подготовки и упражнений с отягощениями. И еще я хотел получить диплом с неплохими оценками. На все остальное у меня просто не оставалось времени.

– И она все это терпела?

– Какое-то время. Мне трудно было ее в чем-то упрекнуть. Она приходила на все соревнования, а иногда даже на тренировки.

– Должно быть, она тебя очень любила, – сделала вывод Дебби.

– Наверно. Но в конце концов ее терпение лопнуло. Или я, или легкая атлетика, сказала она. Можешь догадаться, что я выбрал.

– Бедная Джейн.

– Я не уверен, что она такая уж бедная. Без меня она только выиграла. Через два месяца она встретила Мартина, а еще через год они обвенчались. Наверно, у нее сейчас двое детей и счастливая семейная жизнь.

– И с тех пор у тебя никого не было?

– Иногда появлялась девушка. Но всегда ненадолго, – ответил я.

Каждое мое увлечение очень скоро превращалось в борьбу между легкой атлетикой и девушкой, а я вовсе не был склонен жертвовать спортом. Иногда я сожалел о своем решении, но оно всегда было частью той цены, которую мне приходилось платить за путевку на Олимпийские игры. Честно говоря, я всегда был готов платить такую цену.

– Ладно, а теперь что тебя останавливает? – спросила Дебби.

– Останавливает перед чем?

– Ну, завести девушку.

– Не могу же я просто пойти куда-то и, как ты говоришь, «завести», – запротестовал я. – Я хочу сказать, это не так просто. С этой работой и всем прочим у меня просто нет времени.

Дебби засмеялась.

– Но ты мог бы выкроить полчаса от девяти до девяти тридцати по вторникам и четвергам. Этого должно быть достаточно, правда?

Я пожал плечами и тоже улыбнулся.

– Да, ты права. Я просто вышел из формы. Я немедленно исправлю ошибку. Ровно через неделю я представлю на твой суд сразу трех женщин.

Мы допили вино, расплатились и встали, приготовившись храбро встретить дождь и ветер. Над неспокойной водой мы прошли по закрытому трапу и остановились под навесом на тротуаре. Ни у меня, ни у Дебби не было ни плаща, ни зонтика. Мы в нерешительности всматривались в холодную сырую темноту, когда перед нами вдруг возникла фигура мужчины. Он на мгновение остановился перед Дебби, протянул руку и схватил ее за грудь.

– Скучаешь без меня, любимая? – сказал он и издал короткий сухой смешок.

Потом он повернулся ко мне, не больше секунды смотрел на меня странным, будто нетрезвым взглядом голубых глаз, изогнул уголки губ в фальшивой улыбке и тут же нырнул в дождь.

Мгновение я ошарашенно стоял, не двигаясь с места, мою реакцию замедлило вино, а потом ринулся в темноту за наглым незнакомцем. Дебби успела схватить меня за рукав.

– Не надо. Пол! Остановись!

– Но ты же видела, что он сделал, – сказал я, нерешительно стараясь освободиться от хватки Дебби.

– Пол, я тебя прошу. Не обращай внимания. Пожалуйста. Я всматривался в темноту, но незнакомец уже исчез. Дебби не сводила с меня умоляющего и теперь очень посерьезневшего взгляда. Она определенно испугалась.

Я пожал плечами и вернулся под навес. За несколько секунд я промок до нитки.

– Кто это был, черт возьми?

– Не спрашивай.

– Но нельзя же такое спускать с рук!

– Послушай меня, Пол, пожалуйста. Забудь об этом. Пожалуйста.

– Хорошо, хорошо. Давай посадим тебя в такси.

Ничего удивительного, что в такую погоду ни одного такси так и не показалось. Мы решили добираться на метро. Дебби нужно было на станцию «Эмбанкмент», мне – на «Темпл».

Поезд метро двинулся по своему бесконечному пути кольцевой линии, и я задумался о человеке, который на моих глазах оскорбил Дебби. Кто бы это мог быть? Бывший любовник? Коллега по прежней работе? Вообще незнакомый ей человек? Пьяница? Я понятия не имел. Не мог я понять и другое: почему Дебби не захотела ничего сказать о нем. Мне показалось, что она была скорее напугана, чем шокирована или оскорблена. Очень странно.

Я видел его лишь мгновение, когда он повернулся ко мне лицом. Это был худой, но крепкий мужчина лет тридцати пяти в самом обычном костюме служащего. Мне

запомнились его глаза, бледно-голубые, безжизненные, с крохотными зрачками. Я поежился.

Поезд остановился на станции «Виктория». Из вагонов высыпали толпы пассажиров, а сели всего несколько человек. Поезд двинулся дальше, и мои мысли переключились на другие проблемы. Я попытался читать газету, которую держал в руках сидевший передо мной старик, но никак не мог сосредоточиться. Я вспомнил разговор о моих девушках, вернее, об их отсутствии. Честно говоря, несколько последних лет женщины меня не интересовали. Не могу сказать, что я был противником женской компании, скорее наоборот, просто столько моих романов начиналось большими надеждами, а заканчивалось полным разочарованием, что дальнейшие попытки казались бессмысленными. Наверно, мне нужно было как-то попытаться изменить положение. Дебби была права; как бы ни был я поглощен работой, следует находить время и для чего-то другого.

Мысль о Дебби заставила меня улыбнуться. Ничто не могло испортить ей настроение. Я вдруг понял, что каждый день, собираясь на работу, жду встречи с ее широкой улыбкой, с ее добродушным поддразниванием. За несколько последних месяцев я к ней очень привязался. Стоп. Что Дебби имела в виду, когда говорила, что мне нужно найти девушку? Неужели я, как обычно, проглядел весьма прозрачный намек? Нет, этого не может быть, это просто плод моего воображения. Только не Дебби. Только не я. Но почему-то мне не хотелось расставаться с этой мыслью.

Пятая глава

На следующий день я был занят с самого утра. Лампочки на телефонном пульте мигали непрестанно. Рынок был очень активен. Прошел слух, что Федеральный банк ФРГ собирается урезать процентные ставки, и менеджеры фондовых компаний торопились перевести немецкие марки в доллары. Биржи были застигнуты врасплох. Там быстро скупили почти все скопившиеся за долгое время еврооблигации, выпущенные ранее шведских, и многим брокерам нечего стало предлагать. Сейлсмены пытались уговорить нас продать пакеты облигаций, которые контролировала наша фирма. Но мы держались твердо. Пусть попотеют.

Дебби опаздывала, и на все звонки пришлось отвечать мне. Это была нелегкая работа.

В девять я окликнул Карен:

– От Дебби ничего не слышно?

Прошлым вечером мы выпили совсем немного; у нее должно было хватить сил, чтобы дотащиться до нашего офиса.

– Пока нет, – ответила Карен.

В половине девятого ко мне подошел Хамилтон.

– От Дебби ничего?

– Пока ничего.

– Хотя бы соблаговолила позвонить и сказаться больной, – заметил Хамилтон.

Я не стал спорить. Если нет серьезной причины, глупо просто не показываться на работе. Любое

объяснение лучше молчания. Дебби часто отсутствовала на работе, но обычно она звонила и ссылалась на недомогание или придумывала другое более или менее правдоподобное объяснение.

Время шло к ленчу. Несмотря на титанические усилия Кэша, Клер, Дейвида и других, мне удалось сохранить все наши пакеты ценных бумаг.

От напряженной работы меня оторвал голос Карен. Звучавшие в нем озабоченность и даже страх привлекли внимание всех, кто был в операционной комнате.

– Хамилтон! Это из полиции. Они хотят поговорить с кем-нибудь о Дебби.

Хамилтон взял телефонную трубку. Все мы не сводили с него глаз. Уже через несколько секунд он слегка нахмурил брови. Хамилтон вполголоса говорил около пяти минут, медленно положил трубку, встал, подошел к моему столу, потом к столу Дебби и знаком подозвал всех к себе.

– Плохие новости. Дебби нет в живых. Этой ночью она утонула.

Я был потрясен. От слов Хамилтона у меня зазвенело в ушах, комната поплыла перед глазами. Я упал в кресло. Пока Хамилтон разговаривал с полицией, в моей голове пронеслись тысячи мыслей, я со страхом думал о тех несчастьях, которые могли обрушиться на голову Дебби, и все же оказался совсем не готов к жестокому удару. Я болезненно остро ощутил пустоту стола, стоявшего за моей спиной, обычно центра веселой болтовни, сплетен и смеха. Словно издалека до меня доносились слова Хамилтона:

– Ее тело обнаружили сегодня в шесть часов утра в Темзе, недалеко от Миллуолл-докс. После полудня здесь будет полиция. Меня просили проверить, кто вчера последним видел Дебби.

– Я, – сказал я. Точнее, хотел сказать. Вместо этого из моего горла вырвался лишь непонятный хрип. – Я, – повторил я на этот раз более отчетливо.

Хамилтон повернулся ко мне и серьезным тоном сказал:

– В таком случае, Пол, очевидно, полиции потребуются ваши показания.

На меня устремились вопросительные взгляды.

– Последний раз я видел ее около половины десятого вечера, – объяснил я. – Мы только зашли выпить по бокалу вина. Потом она пошла по набережной. Больше я ее не видел.

Несмотря на сумятицу чувств, мне удалось овладеть своим голосом.

– Полиции известно, как это произошло? – спросил Роб.

– Пока ничего не известно, – ответил Хамилтон. – Полицейский сказал, что они не исключают любую возможность.

Как это могло случиться? Очевидно, она упала в воду. Но обычно человек не падает в Темзу ни с того ни с сего. Это не так-то просто сделать, даже в самую отвратительную погоду. Значит, или она намеренно прыгнула в реку, или кто-то ее столкнул. Я вспомнил неподвижный взгляд и вытянутое лицо того человека,

что оскорбил Дебби у выхода из плавучего ресторана. Я готов был поклясться, что без него здесь не обошлось.

На наших телефонных панелях неистово мигали лампочки. Хамилтон сказал:

– Давайте пока ответим на эти звонки.

Мы не разговаривали друг с другом. Трудно было даже представить себе, что можно сказать в такой ситуации. Каждый переживал удар по-своему. Карен тихо всхлипывала, утирая слезы платком. Роб и Гордон выискивали, чем бы заняться.

Я просто смотрел на стол Дебби.

До вчерашнего вечера я не осознавал, насколько мы сблизились за последние два-три месяца. У меня перед глазами до сих пор стояли ее пухлые щечки, веселые искорки в ее глазах. Это было всего несколько часов назад, четырнадцать часов, если уж быть совсем точным. Разве может вдруг исчезнуть человек, в котором было столько жизни? Просто прекратить существовать. Это казалось нелепым. Я почувствовал, как у меня защипало глаза. Я опустил голову па руки и замер.

Не знаю, сколько времени я так просидел, пока не почувствовал на своем плече чью-то руку. Я поднял глаза. Это был Хамилтон.

– Примите мои соболезнования, – сказал он. – Вы были очень хорошей командой.

Я выпрямился и кивнул.

– Не хотите пойти домой? – спросил Хамилтон. Я покачал головой.

– Хотите совет? – спросил Хамилтон.

– Какой? – хрипло сказал я.

– Возьмитесь за телефонную трубку и поговорите с людьми.

Хамилтон был прав. Мне нужно было занять себя безопасной ежедневной рутиной – ценами, курсами, слухами, процентами, спредами [10].

Я не мог заставить себя сообщать коллегам о смерти Дебби. Впрочем, прошло совсем немного времени, но о несчастье знали уже все. Для меня наступили особенно трудные часы, когда мне пришлось сотни раз поддакивать, соглашаясь, что Дебби была чудесной, очень веселой девушкой и как это ужасно, что ее уже нет.

В обеденный перерыв пришли полицейские. Полчаса они разговаривали с Хамилтоном, потом в комнату для совещаний вызвали меня. Там уже дожидались двое мужчин в штатском. Тот, что покрупнее, представился инспектором сыскной полиции Пауэллом. Он был плотным мужчиной лет тридцати пяти в распахнутом дешевом двубортном пиджаке и ярком галстуке. По его быстрым, ловким движениям чувствовалось, что пиджак скрывает крепкие мышцы, а не жир. Он был человеком действия и в просторной комнате для совещаний компании «Де Джонг» ощущал определенную неловкость. Его коллега, констебль сыскной полиции Джонс, приготовив ручку и блокнот, держался в тени.

---

[10] Спред – разница, разрыв (англ.). Различие между процентными ставками, по которым банк получает средства и по которым выдает их заемщикам.

– Мистер Макензи говорит, что из сотрудников компании вы последний видели мисс Чейтер живой? – начал Пауэлл.

Он говорил с четким лондонским акцентом и таким тоном, что в его устах даже самый невинный вопрос звучал как обвинение. К тому же инспектор Пауэлл прямо-таки излучал нетерпение.

– Да, это так. Вчера вечером мы решили немного выпить.

Я рассказал полицейским все, что произошло накануне. Констебль старательно записывал, не упуская ни слова. Вопросы стали более настойчивыми, когда я упомянул о человеке, который напал на Дебби и потом исчез в темноте. Я ответил на добрый десяток вопросов, насколько мог точно описал незнакомца и сказал, что, если это нужно, я готов потратить время с художником на составление портрета по описанию. Потом Пауэлл резко сменил тему.

– Мистер Макензи сказал, что из всех сотрудников компании у вас с мисс Чейтер были самые близкие отношения?

– Да, думаю, так оно и было.

– Не была ли мисс Чейтер в последнее время чем-то подавлена? – спросил Пауэлл.

– Да нет, пожалуй, ничем.

– Никаких проблем с друзьями?

– Во всяком случае мне она об этом не говорила.

– Какие-нибудь неприятности на работе?

Я заколебался.

– Пожалуй, тоже нет.

– Совсем ничего? – настаивал Пауэлл, глядя мне прямо в глаза. Он уловил мою неуверенность.

– Видите ли, недавно у нее действительно были небольшие неприятности. – Я рассказал о разговоре Дебби с Хамилтоном и о нашей беседе на площади Финсбери. – Но во всяком случае она не настолько огорчилась, чтобы решиться на самоубийство, – закончил я.

– Это как сказать, сэр, – возразил Пауэлл. – Вы не представляете себе, насколько часто внешне вполне уравновешенные люди кончают жизнь самоубийством по таким поводам, которые их друзьям или родственникам показались бы пустяковыми.

– Нет, вы меня не поняли, – возразил я. – Дебби никогда не была в состоянии депрессии. Наоборот, она всегда смеялась. Она радовалась жизни.

Пауэлл, казалось, слушал меня вполуха. Он кивнул констеблю, и тот закрыл блокнот. Потом инспектор сказал:

– Благодарю вас, мистер Марри. Прошу прощения за то, что мы отняли у вас столько времени. Если у нас возникнут еще вопросы, надеюсь, мы сможем с вами связаться?

Я кивнул. Полицейские ушли.

Я с трудом дождался конца рабочего дня. Около шести часов я выключил свои машины и направился к выходу.

У двери лифта я столкнулся с Хамилтоном. В ожидании кабины мы неловко молчали. Для меня непринужденная болтовня с боссом была невозможной и в лучшие времена. Теперь же у меня просто не было сил, чтобы выдумывать что-то умное или интересное.

Наконец подошел лифт, и мы вошли в кабину. Хамилтон спросил:

– Какие у вас планы на сегодня. Пол?

– Никаких. Поеду домой, – ответил я.

– Не хотите по пути заглянуть ко мне и пропустить рюмку-другую? – предложил Хамилтон.

Я ответил не сразу. Я был поражен, настолько приглашение Хамилтона не вязалось с моим представлением о нем. Признаться, перспектива трудного разговора с Хамилтоном в тот момент меня вовсе не радовала, но отказаться я не мог.

– С удовольствием, – ответил я.

Хамилтон жил в одной из серых бетонных башен Барбикана, охранявшего подходы к Сити с севера. От офиса до его дома было от силы пятнадцать минут пешком; с трудом пробивая путь в людских толпах и потоках машин, мы молчали почти все эти четверть часа. Барбикан – это лабиринт бетонных башен, галерей и пешеходных дорожек, которые извиваются вокруг старинных стен и соборов Сити на высоте около двадцати футов над уровнем улиц. Лабиринт настолько запутан, что на пешеходных дорожках желтой краской начерчены линии и указатели, чтобы человек не заблудился в этом бездушном бетонном мире.

В конце концов мы подошли к башне, в которой жил Хамилтон, и на лифте поднялись на последний этаж. Квартира оказалась небольшой и удобной. Она была обставлена минимумом дорогой, но неброской мебели – ее было ровно столько, чтобы здесь можно было жить, но не более того. Единственным украшением были гравюры девятнадцатого века с изображением шотландских аббатств. Разумеется, на стенах должны висеть картины, но до этого дня я не представлял, что гравюры могут быть настолько серыми. Через открытую дверь я заглянул в другую комнату: там был виден только письменный стол.

– Это мой кабинет, – пояснил Хамилтон. – Разрешите, я вам покажу.

Мы вошли в кабинет. Письменный стол стоял у окна, а все стены от пола до потолка были не видны за полками и картотечными ящиками. В этой небольшой комнате были собраны тысячи книг и документов. Кабинет немного напоминал комнату преподавателя в Кембридже, но в отличие от нее содержался в идеальном порядке. Здесь каждая бумага имела свое, строго определенное место. Кроме компьютера на столе не было абсолютно ничего.

Я пробежал взглядом по полкам. Судя по названиям, почти все книги имели то или иное отношение к финансам или экономике. Здесь были даже фолианты девятнадцатого века. Потом мое внимание привлекли полки с другими книгами: я заметил «Теорию хаоса» Глика, «Роль толпы в истории» Руда и даже «Происхождение видов» Дарвина. Рядом стояли труды по психологии, физике, религии и лингвистике.

Хамилтон подошел ко мне.

– Я бы рекомендовал вам прочесть кое-что из этих книг. Они помогут понять суть нашей работы.

Я удивленно посмотрел на него.

– Рынки – это постоянное изменение цен, это взаимосвязанные группы людей, это конкуренция, это информация, это страх, жадность, вера, – объяснял Хамилтон. – Все это является предметом исследования ряда наук, каждая из которых позволяет со своей точки зрения понять, почему рынок ведет себя так, а не иначе.

– Понимаю, – сказал я.

Я действительно понял Хамилтона. В его представлении все, что сделали великие ученые в естественных и гуманитарных науках, так разве лишь внесли какой-то вклад в теорию финансов. Что ж, значит, и от них была какая-то польза.

Я снял с полки книгу. Это был «Государь» Никколо Макиавелли.

– А это? – спросил я, показывая книгу Хамилтону. Он улыбнулся.

– О, Макиавелли понимал, что такое власть. Это книга о власти и о том, как ее использовать. А что такое финансовые рынки? Деньги – это власть, информация – это власть, аналитические способности – это тоже власть.

– Но разве он не писал о том, как стать безжалостным диктатором?

– Нет, нет, вы чрезмерно упрощаете. Конечно, он верил в то, что цель оправдывает средства. Умелый государь ради достижения своей цели способен на все,

но он постоянно должен поддерживать видимость добродетели. Это жизненно важно.

Я озадаченно моргнул. Хамилтон рассмеялся.

– На рынке это значит быть умным, быть прозорливым, но прежде всего беречь свою репутацию. Запомните это.

– Запомню, – сказал я, ставя книгу на место.

– Мне нравится мой кабинет, – довольным тоном продолжал Хамилтон. – Я провожу здесь почти все свободное время. Посмотрите, какой отсюда открывается вид.

В самом деле, вид был изумительным. Передо мной лежал весь Сити от собора святого Павла до Ист-энда, в том числе и то банковское здание, где располагался офис нашей компании. Источник вдохновения для Хамилтона, когда он склонялся над трудами по исследованию рынков.

Мы вернулись в гостиную.

– Скотч? – предложил Хамилтон.

– Да, пожалуйста.

Он плеснул щедрую порцию виски в два стакана и разбавил его небольшим количеством воды. Хамилтон протянул мне один стакан. Мы сели.

С видимым удовольствием попробовав напиток, Хамилтон спросил:

– Вы полагаете, это было самоубийством?

Он внимательно следил за моей реакцией. Я вздохнул.

– Нет, – сказал я. – Полиция может говорить все что угодно, но я никогда не поверю, что Дебби могла решиться на что-то подобное.

– Впрочем, у нее были проблемы с работой, не так ли? – заметил Хамилтон. – Не знаю, рассказывала ли она вам, что незадолго до ее смерти у нас была довольно трудная беседа о её будущем.

– Да, я знаю, – ответил я. – Она говорила мне и действительно была немного расстроена. Но надолго ее не хватило, она скоро обо всем забыла. Она была не из тех, кто из-за такой мелочи, как работа, станет портить себе жизнь. Я совершенно уверен, что ее смерть никак не связана с вашей беседой.

Хамилтон заметно успокоился.

– Да, на самоубийцу она была совсем не похожа, – согласился он. – Думаю, это был несчастный случай. —На минуту воцарилось молчание.

– Я в этом не вполне уверен, – наконец сказал я.

– Что вы имеете в виду?

– Незадолго до ее смерти мы встретили подозрительного человека.

– Подозрительного человека? Кого же?

– Я его не знаю. Возможно, он работает в Сити. Худой, лет тридцати пяти, очень крепкий физически, с недобрым взглядом.

– Что он сделал? Вы видели что-нибудь?

– Он появился, как только мы вышли из ресторана. Он просто подошел к ней, схватил ее за грудь, а потом скрылся в темноте. Через минуту-другую она тоже ушла.

– Поразительная наглость. А что вы сделали?

– Меня остановила Дебби, – ответил я. – Мне показалось, что она испугалась. Этот человек был очень странным.

– Вы сообщили о нем полиции?

– Да.

– И что полиция думает?

– Полицейские все записали, а о том, что они думают, мне ничего не сообщили. Но мне кажется, тот тип вполне мог столкнуть Дебби в Темзу. Как вы думаете?

Хамилтон немного помолчал, как обычно в минуты раздумья осторожно поглаживая бородку.

– Вполне возможно, что вы правы. Но кто он? И почему бы он мог решиться на такое?

Занятые своими мыслями, мы снова замолчали. Хамилтон, разумеется, пытался свести в этой истории концы с концами. Я думал о Дебби. День выдался нелегким.

Я залпом допил виски.

– Разрешите. – Хамилтон протянул руку к моему стакану.

Вцепившись во вновь наполненный стакан, я сменил тему.

– Вы давно живете здесь? – спросил я.

– Уже лет пять, – ответил Хамилтон. – Сразу после развода. Очень удобно – рядом с офисом нашей компании.

– Я не знал, что вы разведены, – смущенно признался я.

Я понятия не имел, позволит ли мне Хамилтон вторгаться в его личную жизнь и если позволит, то в какой мере. Но тема была интересной. В компании «Де Джонг» никто не знал ровным счетом ничего о жизни нашего босса вне стен офиса. На эту тему было немало сплетен и разговоров.

– Не знали? Впрочем, разумеется, не знали. Я не люблю говорить об этом. Но у меня есть сын, Аласдер. – Хамилтон жестом показал на фотографию улыбающегося мальчика лет семи-восьми, играющего в футбол. Мальчик был очень похож на Хамилтона, только не такой серьезный, конечно.

– Вы часто с ним встречаетесь? – спросил я.

– О да, раз в две недели, по выходным, – сказал Хамилтон. – У меня есть коттедж в Пертшире, недалеко от дома его матери. Очень удобно. И мальчику там гораздо лучше, чем в этом ужасном городе. Там хорошо. Когда гуляешь по холмам, забываешь обо всем этом. – Хамилтон жестом обвел городской пейзаж за окном.

Я рассказал ему о Бартуэйте и о том, как в детстве бегал по вересковым пустошам. Хамилтон внимательно слушал. Я не привык говорить с ним на подобные темы, но его, казалось, мой рассказ искренне заинтересовал, и постепенно я чувствовал себя все уверенней. Лучше болтать о событиях, от которых нас отделяют сотни миль и долгие годы, чем о том, что случилось сегодня в этом городе.

– Иногда я жалею о том, что не остался в Эдинбурге, – сказал Хамилтон. – Там я без труда нашел

бы нехлопотную работу, например, был бы управляющим в какой-нибудь страховой компании с несколькими сотнями миллионов.

– Почему же вы не остались? – поинтересовался я.

– Я попытался, но все было мне не по душе, – объяснил Хамилтон. – Шотландские ценные бумаги надежны, но шотландцы не склонны рисковать. Я решил перебраться сюда. В самую гущу событий. – Он заглянул в свой стакан. – Конечно, Мойре это не понравилось. Она не понимала, почему моя работа отнимает так много времени. Она думала, что я вполне могу работать с девяти до пяти, а все свободное время проводить дома. Но эта работа требует гораздо большего, а Мойра мне просто не верила. Поэтому мы разошлись.

– Понимаю, – сказал я.

Я действительно понимал Хамилтона. Он был одинок, а без сына и жены должен был еще острее ощущать свое одиночество. Конечно, он сам принял такое решение; ему следовало бы сначала честно рассказать о своей работе, а уж потом жениться. Тем не менее, я ему сочувствовал. Возможно, лет через десять я сам окажусь в таком же положении. Я пожал плечами, вспомнил разговор с Дебби и стал склоняться к мысли, что, пожалуй, она была права.

Хамилтон оторвал глаза от стакана с виски.

– Какое впечатление сложилось у вас о «Де Джонге»? Вы ведь работаете у нас уже полгода. Вам нравится?

– Да, нравится. Очень нравится. Я искренне рад, что перешел в вашу команду.

– А операции с ценными бумагами?

– Я в восторге от них. Хотелось бы только набраться опыта. Иногда мне кажется, что я уловил самую суть, а потом все идет не так. Возможно, все дело просто в везении.

Хамилтон улыбнулся.

– Отбросьте подобные мысли раз и навсегда. Конечно, везение всегда играет определенную роль, по крайней мере в каждой операции. Но если вы научитесь принимать решение только в том случае, когда обстоятельства складываются в вашу пользу, то в конце концов вы наверняка останетесь в выигрыше. Это элементарная статистика.

Хамилтон заметил мое недоумение и еще раз улыбнулся.

– Нет, конечно, вы правы, все не так просто. Главное в том, чтобы научиться распознавать, когда именно обстоятельства складываются в вашу пользу, а это возможно только после многих лет работы. Но не расстраивайтесь. Вы на правильном пути. Не отступайте, всегда обдумывайте, что вы делаете и почему, учитесь на своих ошибках – и все будет отлично. У нас сложится превосходная команда.

Я искренне надеялся, что так оно и будет. Я даже немного разволновался. Хамилтон никогда не сказал бы о единой команде, если бы действительно так не думал. Я был полон решимости стараться изо всех сил и следовать всем его наставлениям.

– Я видел, как вы бегали, – заметил Хамилтон.

– О, я и не знал, что вы следите за легкой атлетикой.

– Олимпийские игры смотрят все, даже я. А легкая атлетика мне действительно нравится. Очарование спорта неодолимо. Я видел вас по телевидению несколько раз, но лучше всего запомнил олимпийский финальный забег, когда вы со старта вырвались вперед. Ваше лицо показали крупным планом. Полная самоотдача и дьявольское терпение. Я был уверен, что вы выиграете, но потом вас обошли кениец и испанец.

– Ирландец, – пробормотал я.

– Кто?

– Ирландец. Это был ирландец, а не испанец, – пояснил я. – Очень быстрый ирландец.

Хамилтон засмеялся.

– Что ж, я очень рад, что теперь вы работаете со мной. Надеюсь, вдвоем мы превратим «Де Джонг» в нечто стоящее.

– Мне бы тоже этого очень хотелось, – сказал я. Действительно очень хотелось бы.

Дебби хоронили на тихом церковном кладбище в небольшой кентской деревушке. На похоронах я представлял компанию «Де Джонг». Погода была изумительной, ярко светило солнце. В костюме мне было жарко, я чувствовал, как по спине у меня стекают струйки нота. В рощице рядом с кладбищенскими воротами громко кричали грачи, но эти звуки не нарушали, а скорее дополняли тишину. Идеальное

сопровождение для печального обряда скромных деревенских похорон.

Священник сделал все от него зависящее, чтобы облегчить тяжесть утраты. Он сказал, что Дебби хотела бы, чтобы на ее похоронах люди не плакали, а улыбались, и что мы должны быть благодарны Всевышнему за то время, которое Дебби провела с нами. Я не очень внимательно следил за логикой его рассуждений, в любом случае его слова меня мало утешали. В смерти любого молодого человека есть что-то противоестественное, невыносимо тяжелое, и никакие слова не могут облегчить эту тяжесть. Тем более тяжко было свыкнуться с мыслью, что от нас ушла Дебби, которая так любила жизнь.

На похоронах присутствовали ее родители. И мать и отец чем-то напоминали Дебби. Две невысокие сгорбленные фигурки, поддерживающие друг друга в эти минуты скорби.

Мы медленно возвращались к дороге, где стояли наши машины. Рядом со мной шла высокая, худая, рыжеволосая девушка. Она была в туфлях на высоких каблуках. Каблук застрял в щели между камнями, которыми была вымощена тропинка. Наклонившись, я помог девушке.

– Спасибо, – сказала она. – Ненавижу эти проклятые каблуки. – Потом, осмотревшись, она добавила: – Вы всех здесь знаете?

– Очень немногих, – ответил я. – А вы?

– Одного-двух, не больше. Мы с Дебби снимали одну квартиру на двоих, так что мне пришлось познакомиться со многими ее приятелями.

– Со многими? – удивленно переспросил я. – А сколько из них пришли на похороны?

Она повертела головой.

– Человека два. Вы не из их числа? – спросила она, бросив на меня поддразнивающий взгляд.

– Нет, – грубоватым тоном ответил я, немного шокированный неуместным на мой взгляд вопросом. – Мы вместе работали.

– Я не хотела вас обидеть. Обычно у Дебби был неплохой вкус, – сказала девушка. – Вы поедете мимо станции?

– Да. Разрешите вас подвезти?

– Это было бы очень любезно с вашей стороны. Между прочим, меня зовут Фелисити.

– А меня – Пол.

Мы миновали ворота кладбища и оказались на шоссе.

– Садитесь, – сказал я, показывая на мой маленький «пежо».

Мы сели, и я поехал к ближайшей станции, до которой было около трех миль.

– Признаться, никогда не думал, что у Дебби было много приятелей, – заметил я. – Мне она всегда казалась однолюбом.

– Не могу сказать, что Дебби была распущенной, но она любила жизнь. В нашу квартиру то и дело заходили мужчины. Большей частью ничего, но иногда очень противные. Думаю, человека два были с ее работы.

– Надеюсь, не противные?

Фелисити рассмеялась.

– Нет, думаю, не те. Хотя недавно к ней приходил один тип, который заставил ее помучиться. Кажется, он имел какое-то отношение к ее работе.

Меня разобрало любопытство. Кто бы это мог быть? Не в силах сдержаться, я спросил Фелисити.

– Не помню, как его звали, – ответила она. – Последний раз я его видела года два назад. Он был просто невыносим.

Я переключился на другую тему.

– Когда вы познакомились с Дебби? – спросил я.

– О, мы с ней составляли договоры в одной адвокатской конторе, «Денни энд Кларк». Я до сих пор работаю там, а Дебби, как вы знаете, пошла в гору. И я и она искали себе квартиру в Лондоне, так что казалось вполне естественным снять одну на двоих. – Фелисити прикусила губу. – Мне будет не хватать ее.

– Не только вам, – сказал я.

Мы подъехали к станции, и я остановил машину возле входа в здание вокзала.

– Большое спасибо, – сказала Фелисити, вылезая из машины. – Надеюсь, мы еще встретимся не по такому печальному поводу.

Фелисити скрылась в здании вокзала, а я поехал в Лондон. На обратном пути я пытался привыкнуть к тому портрету Дебби, который нарисовала Фелисити, той Дебби, что ложилась в постель то с одним, то с другим

мужчиной. Это было на нее не похоже. Но, с другой стороны, почему бы и нет?

Стол Дебби был в таком виде, в каком мы его оставили. Горы бумаг свидетельствовали о сотнях незаконченных дел. На маленьких липких бумажках было написано множество напоминаний – что нужно сделать, кому позвонить. В центре стола обложкой кверху лежал раскрытый справочник Ассоциации дилеров по международным облигациям. Дебби должна была взять его утром раскрытым на той же странице, на какой она оставила вечером. Я бы предпочел, чтобы ее стол был в идеальном порядке – как свидетельство оконченной, а не неожиданно прерванной жизни.

Тут же лежал и большой черный настольный ежедневник с эмблемой «Харрисон бразерс» на обложке. Подарок к последнему Рождеству. Я полистал ежедневник. Ничего особенного. На следующую неделю у Дебби было намечено много дел и встреч, а на август – почти ничего. Начиная от сентября шли пустые страницы.

Потом одна запись привлекла мое внимание. На следующий день после ее смерти в десять часов тридцать минут была назначена встреча с мистером де Джонгом. Странно, что Дебби собиралась встретиться с владельцем компании. Мы его почти не видели. Де Джонг изредка разговаривал с Хамилтоном, но я был в его кабинете только один раз, когда меня принимали на работу. Он слыл неплохим человеком, но не из тех, кто легко идет на контакты.

Я стал наводить порядок, начав с того, что сложил все личные вещи Дебби в старую коробку из-под

копировальной бумаги. Вещей оказалось немного, и среди них определенно ничего такого, что могло бы заинтересовать меня. Старая пудреница, несколько пар колготок, три баночки с йогуртом, уйма пластиковых ложечек, нож для бумаг (на его рукоятке было вырезано название договора, над которым она работала еще в адвокатской конторе), несколько пакетов с салфетками и потрепанный роман Джилли Купер. Я не мог заставить себя выбросить все эти мелочи и, отставив йогурт, уложил их в коробку, чтобы позже отвезти на квартиру Дебби.

Затем я принялся за разборку папок и бумаг. Большую часть бумаг я выбросил, оставив для архива лишь несколько документов и писем.

Потом настала очередь проспектов. Большей частью они были посвящены облигациям, выпущенным разными компаниями на нидерландских Антильских островах. Сверху лежал проспект «Тремонт-капитала», который Дебби бросила мне на стол. Тогда она сказала, что от него дурно пахнет. Я полистал проспект, но на первый взгляд не нашел ничего необычного или подозрительного. На полях были карандашные пометки, которые тоже поначалу показались мне не слишком важными.

Я отложил проспект в сторону и занялся другими бумагами. Вскоре мне попался информационный бюллетень о «Таити». Я, не торопясь, полистал и его. Желтым маркером Дебби отмечала то, что казалось ей интересным. В бюллетене было отмечено всего несколько фраз, но они привлекли мое внимание. Дебби выделила маркером имя Ирвина Пайпера и ссылку на

Комиссию по азартным играм штата Невада. Один абзац был обведен дважды:

«Мы хотели бы привлечь внимание потенциальных инвесторов к политике Комиссии по азартным играм. Эта комиссия отказывает в выдаче лицензий любому заявителю, замешанному когда-либо в уголовном преступлении. Основанием для выдачи лицензии может служить только незапятнанная репутация заявителя.»

Об этом же во время нашей встречи, доказывая честность Пайпера, говорила Кэти Лейзенби. Возможно, уверенность Кэти не имела под собой достаточные оснований. Может быть, Дебби раскопала факты, которые свидетельствовали о далеко не безупречной деятельности Пайпера как бизнесмена.

Может быть, потому ее и убили.

Я встал и подошел к окну. Передо мной лежал весь лондонский Уэст-энд. Я был уверен, что Дебби не покончила жизнь самоубийством. Возможность несчастного случая я не исключал, но не верил и в это. Кто-то столкнул ее в Темзу, и почти наверняка это был тот человек, который так напугал Дебби у выхода из плавучего ресторана. А если ее убили, то не без причины. Я не понимал, зачем кому-то понадобилось ее убивать.

Я снова сел за стол Дебби и продолжил разборку бумаг. Часа через полтора, когда я почти закончил эту работу, ко мне подошла Карен. В ее руке было письмо.

– Что мне делать с почтой Дебби? – спросила она.

Интересно, подумал я, как долго мертвые еще получают письма?

– Наверно, передавать мне, – ответил я.

Карен вручила мне белый конверт со штампом «Блумфилд Вайс». На конверте было написано: Лично и конфиденциально. Вскрыть только адресату. Теперь это невозможно, мрачно подумал я, и вскрыл письмо.

Уважаемая мисс Чейтер!

Благодарю Вас за Ваше письмо, касающееся операций с акциями компании «Джипсам оф Америка». В связи с тем, что отдельные сотрудники «Блумфилд Вайс», возможно, нарушили при этом закон, мы предприняли собственное расследование. Я хотел бы, чтобы мы с вами поделились информацией по этому вопросу при личной встрече. Я позвоню Вам в начале следующей недели, и мы договоримся о ее времени.

Искренне Ваш,

Роналд Боуэн, старший юрисконсульт.

Письмо меня заинтриговало. Я точно знал, что курс акций «Джипсам» резко вырос еще до официального объявления о слиянии этой компании с ДГБ. Письмо свидетельствовало о том, что подозрения Дебби имели основания. Но кому же теперь заниматься этим в нашей компании? Наверно, мне следовало отдать письмо Хамилтону, поскольку у нас не стало юрисконсульта. Но меня разбирало любопытство. Раз я взял на себя обязанности Дебби, почему бы мне не довести до конца и это дело?

Я взялся за телефонную трубку, набрал номер «Блумфилд Вайс» и попросил мистера Боуэна.

– Боуэн слушает, – отозвался приятный хрипловатый голос.

Крупные компании, такие как «Блумфилд Вайс», относились к подобным проблемам серьезно. Скандал может обойтись им не только в многомиллионный штраф, но и стоить потери репутации. После дела «Блу Арроу», когда руководство банка «Каунти Натуэст» недальновидно проигнорировало обоснованные замечания своего юрисконсульта, большие компании предпочитали иметь зубастых юристов. Они руководствовались только законами, и запугать их было непросто.

– Доброе утро, мистер Боуэн, говорит Пол Марри из компании «Де Джонг», – начал я. – Я звоню по поводу письма, которое вы недавно отправили Дебби Чейтер, нашему юрисконсульту.

– Да-да.

– Сожалею, но должен сообщить, что Дебби погибла.

Теперь, по прошествии нескольких дней и после тысяч объяснений, подобные фразы давались мне легче.

– Я вам очень сочувствую, – сказал Боуэн таким тоном, словно смерть Дебби его совершенно не касалась.

– Я подумал, не могу ли я заменить ее в выяснении вопроса об акциях «Джипсам оф Америка»? Мы работали вместе. Утром я прочел ваше письмо.

– Возможно. Позвольте, я просмотрю дело. – В телефонной трубке послышалось шуршание страниц. – Да, один наш коллега из Нью-Йорка предупредил нас о внезапном изменении курса акций «Джипсам». Наше

расследование позволило вскрыть несколько любопытных фактов, но ничего такого, что дало бы нам право предпринять конкретные действия. Письмо мисс Чейтер, в котором она изложила свои подозрения, нас очень заинтересовало. Вы согласны, что на этом этапе расследование должно проводиться строго конфиденциально?

– Да, конечно, – сказал я.

– Отлично. Мы присматриваемся к двум сотрудникам «Блумфилд Вайс» и к одному клиенту нашей компании. И есть еще один человек... – Боуэн замолчал, и какое-то время я слышал только шуршание бумаг. – Как, вы сказали, ваше имя? Пол Марри? – спросил Боуэн чуть более строгим, более низким голосом.

– Да, – подтвердил я.

– Прошу прощения. Боюсь, в нашем деле больше ничего нет. Всего хорошего, мистер Марри.

– Но вы же сами предложили встретиться? – забеспокоился я.

– Думаю, в этом нет необходимости, – не допускающим возражений тоном сказал Боуэн. – До свидания.

Боуэн положил трубку. Я упал в кресло и задумался. Мне определенно не понравился ход этого расследования.

У меня в голове пронеслись смутные мысли о судах, о тюрьмах. Потом я взял себя в руки. Я не сделал ничего противозаконного. Так сказала Дебби, а она знала законы. В моем распоряжении не было никакой конфиденциальной информации. Ничего удивительного,

если кто-то, узнав, что я купил акции, решил меня проверить. У меня нет оснований для тревоги. Ни малейших оснований.

Но все же лучше убедиться самому. Я снова набрал номер «Блумфилд Вайс». Мне ответила Кэти.

– Кэш на месте? – спросил я.

– Нет, он только что выбежал за чашкой кофе, – ответил чистый голос Кэти. – Он вернется через минуту.

– Возможно, вы сможете мне помочь, – сказал я.

– Если вы так думаете... – с ноткой сарказма заметила Кэти.

Возможно, ее оскорбило то, что я не обратился к ней сразу, а сначала попросил Кэша, подумал я. Возможно, она считает, что я сомневаюсь в ее способностях. Я хотел было извиниться, но тут же передумал. Пошла она к черту! Иногда люди бывают слишком обидчивыми.

– Меня заинтересовали облигации «Джипсам», которые вы приобрели на прошлой неделе, – объяснил я. – Вы купили их для себя?

– Нет, для одного из наших клиентов.

– Должно быть, он неплохо заработал, – заметил я.

– Конечно, – подтвердила Кэти. – В сущности...

Она вдруг замолчала, и я услышал недовольное ворчание Кэша.

– Подождите минутку, – сказала Кэти и отключила микрофон. Через минуту она продолжила: – Прошу прощения, у меня срочные дела. Я передам Кэшу, что вы звонили.

Она положила трубку.

Мимо моего стола проходил Роб. Увидев, что я отсутствующим взглядом смотрю на телефонную трубку, он шутливо заметил:

– В чем дело? Увидел привидение? – Улыбка тотчас сошла с его лица. – Прошу прощения. Я сказал глупость.

–Жизнь продолжается, – сказал я. – Но мне не хватает Дебби.

– Мне тоже, – сказал Роб.

– У нее было много приятелей, не так ли?

– Наверно, были. – Роб перехватил мой взгляд и покраснел. – Были, – повторил он и отвернулся.

Я пожал плечами и снова занялся своими делами. У моих ног стояла коробка с вещами Дебби. Надо бы отвезти коробку на ее квартиру, подумал я, достал телефонный справочник, позвонил в адвокатскую контору «Денни энд Кларк» и попросил Фелисити. К счастью, в конторе работала только одна женщина с таким именем. Она оказалась на месте.

– Здравствуйте, – сказал я. – Это Пол Марри. Мы познакомились на похоронах Дебби.

– Да, помню, – отозвалась Фелисити. – Вы работали вместе с Дебби.

– Правильно. Я собрал ее вещи. Немного, одни мелочи. Могу я привезти их вам на квартиру?

– Конечно. Когда вам удобнее? – спросила она.

– Сегодня вечером вас устроит?

– Вполне. Приезжайте часов в семь. Адрес – Кавендиш-роуд, двадцать пять. Ближайшая станция метро – «Клапхэм-саут». До встречи.

Шестая глава

Кавендиш-роуд оказалась частью южной окружной дороги, одной из самых старых и перегруженных транспортных артерий Лондона. Легковые автомашины и грузовики ползли со скоростью черепахи, потом ожесточенно бросались на зеленый свет, но через пятьдесят-сто ярдов снова почти останавливались. Вечерний июльский воздух был насыщен пылью и угарным газом, от рева двигателей закладывало уши.

Дом номер двадцать пять оказался небольшим строением с террасой, почти неотличимым от других домов на этой улице. Рядом с дверью было два звонка. Я нажал на тот, под которым синей шариковой ручкой было выведено: «Чейтер» и «Уилсон». Зажужжал замок, и дверь отворилась.

Квартира Дебби и Фелисити находилась на втором этаже. Не идеально чистая, но и не запущенная, она была обставлена дешевой, но со вкусом подобранной мебелью. Фелисити встретила меня в узких джинсах и в свободной черной майке. Ее огненно-рыжие волосы рассыпались по плечам. Она провела меня в гостиную, где кроме дивана и разбросанных по полу больших подушек почти ничего не было. Фелисити жестом пригласила меня сесть на диван, а сама устроилась на одной из подушек.

– Прошу прощения за небольшой беспорядок, – сказала она. Я протянул ей коробку.

– Спасибо, – сказала Фелисити. – В выходные за вещами Дебби приедут ее родители. Могу я предложить вам бокал вина?

Она скрылась на кухне и через минуту снова появилась с бутылкой мюскаде и двумя бокалами.

– Значит, вы с Дебби жили здесь с тех пор, как приехали в Лондон? – спросил я.

– Нет-нет, – возразила Фелисити. – Сначала мы снимали квартиру в Эрлз-корте. Квартиру, это, пожалуй, слишком громко сказано, в сущности, это была одна большая спальня. А года два назад мы вдвоем купили вот эту. Здесь шумновато, но к шуму привыкаешь.

– Должно быть, вы были очень близкими подругами, – предположил я.

– Думаю, да, – согласилась Фелисити. – С Дебби было очень легко и просто, мы часто хохотали вдвоем. Но она была по-своему очень замкнутым человеком. Если разобраться, то и я такая же. Наверно, поэтому мы легко находили общий язык. Нам нравилось жить вдвоем, но я с уважением относилась к ее личной жизни, а она – к моей.

– Надеюсь, вы не будете возражать, если я задам вам один вопрос, – сказал я. – Недавно я встретил человека, который мог быть приятелем Дебби. Худой, лет тридцати пяти, с голубыми глазами, брюнет.

Фелисити на минуту задумалась.

– Да, был такой. Он в точности соответствует вашему описанию. .В прошлом году у Дебби был с ним роман. Но он продолжался недолго. Мне этот субъект вообще не нравился. Как вспомню, какие он на меня бросал взгляды... – Фелисити поежилась.

Скорее всего, это и был тот, что встретился нам у плавучего ресторана.

– Как его звали? – спросил я.

Пытаясь вспомнить, Фелисити наморщила лоб.

– Нет, не помню. Я знаю, что он имел какое-то отношение к ее работе. Ужасный человек. Сначала одно очарование. Но очень скоро он стал просто помыкать Дебби. За завтраком на них было невыносимо смотреть. И Дебби выполняла все его приказы! Мне это казалось очень странным. Вы знаете Дебби, она никак не годилась на роль послушной домашней рабыни. А этот тип прямо-таки излучал какую-то злую силу. Дебби это приводило в восторг. А меня пугало.

Потом как-то раз я пришла домой часов в десять и застала Дебби в ужасном состоянии. У нее на лбу была большая ссадина, а один глаз совсем заплыл. Она тихонько всхлипывала, но у меня было такое впечатление, что она проревела уже не один час.

Я спросила, что случилось. Она сказала... О, как же я не запомнила его имя! Но черт с ним, как бы этого мерзавца ни звали, он ее избил. Она узнала, что он женат, и устроила ему небольшой скандал. А он ее избил и ушел.

Потом несколько дней этот мерзавец звонил или даже приходил сюда. Дебби его к себе не пускала и вообще перестала с ним разговаривать. Раза два она была готова сдаться, но в конце концов у нее хватило здравого смысла. Мы были напуганы. Я в любом случае не хотела иметь с ним ничего общего. Мы боялись выходить из дома – а вдруг он ждет внизу и пойдет за нами? Кажется, однажды он в самом деле пошел за Дебби, но она закричала, и он исчез. Примерно через неделю он перестал звонить, и мы его больше не видели.

Не видели – до того самого вечера, когда нас с Дебби черт занес в тот проклятый плавучий ресторан, подумал я. Теперь я был почти уверен, что это именно он столкнул Дебби в Темзу. Как его разыскать?

– Вы ничего о нем не помните? Где он жил, чем занимался, где работал?

– К сожалению, нет. В личную жизнь друг друга мы обычно не совали носа. Иногда я сталкивалась с приятелями Дебби, но она очень редко рассказывала о них. А я тоже старалась с ними не встречаться.

– Вы не о нем говорили на похоронах? О ком-то, кто сравнительно недавно не давал ей покоя?

– Нет, нет, то был другой. Этого мы не боялись. Немного странноватый парень, но не более того. Кстати, я помню, как его зовут. Роб.

Роб! Невероятно! Я никогда не замечал ничего особенного в их отношениях. Казалось, на работе они ведут себя совершенно естественно. Впрочем, если подумать, в этом не было ничего удивительного. В какой-то мере это было даже неизбежно. Рано или поздно Роб должен был приударить за Дебби.

Фелисити заметила мое удивление.

– Вы, конечно, знаете его. Очевидно, это для вас новость.

Я лишь покачал головой.

– Видите ли, они стали встречаться, как только Дебби перешла в «Де Джонг». Впрочем, продолжалось это недолго, месяца два. Потом он надоел Дебби. Она сказала, что он стал ее тяготить. Роб сначала обиделся,

но спустя какое-то время Дебби его убедила, что на работе они могут поддерживать прежние отношения.

Фелисити отпила глоток вина и продолжила:

– Потом, примерно за неделю до того, как Дебби... – она помедлила, – утонула, этот Роб снова ей позвонил. Было уже поздно, кажется, пошел первый час. Он сказал, что они должны возобновить прежние отношения. Сказал, что хочет, чтобы Дебби стала его женой. Дебби посоветовала ему не быть дураком, но он продолжал звонить каждый вечер. Эти звонки стали ее раздражать. Она сказала, чтобы он от нее отвязался, но на него, похоже, ее слова не действовали.

– Почему он вдруг решил сделать Дебби предложение? – недоумевал я. – Странно, ни с того ни с сего...

– Да. Я уже говорила, что он вообще чудаковатый парень. Дебби тоже так о нем отзывалась. Это так и есть?

Я кивнул. Глупо отрицать, что Роб – человек не без странностей.

– И все же я не вполне понимаю, почему Роб ждал до последнего момента.

– Он стал ее ревновать. По крайней мере так объяснила Дебби.

– Ревновать? К кому?

– Не знаю. Дебби сказала, что из ее коллег ей более интересен другой, а Робу это не понравилось. Он становился все более назойливым, а Дебби это раздражало.

Я недолго думал о том, кого имела в виду Дебби. Это мог быть только один человек. Я.

Я чувствовал себя полным идиотом. Не только Дебби, даже Робу было ясно, насколько близкими стали наши отношения. А до меня это дошло только после ее смерти.

Меня снова охватило чувство полной безысходности. Оно преследовало меня с того момента, как я узнал о смерти Дебби. Я лишился не только Дебби, я потерял надежду разорвать смирительную рубашку своей жизни, покончить с самодисциплиной, одиночеством, работой до изнеможения, глупой целеустремленностью. Дебби олицетворяла веселье, дружбу, безответственность. Все это было рядом, стоило только протянуть руку. Теперь все ушло. Вернее, теперь все отнял у меня тот тощий субъект с остекленевшим взглядом.

Я допил вино и встал.

– Еще раз спасибо за вещи Дебби, – сказала Фелисити, кивком показав на коробку. – Разумеется, я все передам ее родителям.

Коробка напомнила мне о беспорядочно набросанных на столе Дебби бумагах. И о проспектах. В двери я остановился.

– Вы случайно не слышали о некоем Ирвине Пайпере?

– Кажется, слышала. – Фелисити на минуту задумалась. – Я почти уверена, что несколько лет назад он обращался в нашу контору. А почему вы спрашиваете?

– Это связано с работой Дебби, с тем, что она не успела закончить. Мне хотелось бы все привести в порядок. Вы ничего не помните о том деле?

– Нет, я не имела к нему никакого отношения. Думаю, Дебби была в курсе дел. Если для вас это важно, я могу посмотреть, кто именно им занимался. Должно быть, Дебби работала с одним из старших партнеров фирмы.

– Это было бы очень полезно, – сказал я. – Я бы очень хотел с кем-нибудь поговорить об этом деле. – Я открыл дверь. – Вино было отличное, большое спасибо.

– Не за что. Было приятно с вами поболтать. В этой квартире одной как-то неуютно.

Я попрощался и ушел.

Когда я вернулся домой, в моей голове все перепуталось. В какой-то мере причиной тому было вино, но большей частью – лавина новых сведений, которая обрушилась на меня за несколько последних дней. Итак, перед смертью Дебби не пришлось скучать. Трудный разговор с Хамилтоном, ее озабоченность делом «Таити» и личностью Пайпера, да еще Роб – подумать только! – с его предложением.

Все это тесно перемешалось с теми чувствами, которые я испытывал к ней. Я стал более или менее понимать Дебби лишь после ее смерти. Ах, если бы только я мог поговорить с ней обо всем, что стало мне известно теперь! А поговорить было о чем. Если бы тот сукин сын не убил ее. Я все больше и больше убеждался, что смерть Дебби была далеко не несчастным случаем.

Я натянул тренировочный костюм, кроссовки и отправился в парк. Бегать, предварительно выпив

вина, – далеко не самое легкое занятие, но мне было все равно. Я преодолевал круг за кругом, пока ноги не перестали слушаться меня, но и тогда я не остановился. Я еле доплелся домой, принял ванну и лег спать.

Утром на работе я хотел заняться своими делами, но это оказалось невозможным. В отсутствие Дебби мне пришлось отвечать на все телефонные звонки. На рынке ценных бумаг атмосфера была неспокойной. Японцы старались продавать, потому что по сравнению с иеной доллар подешевел, но в США за одну ночь родились какие-то грандиозные программы скупки бумаг. В такие часы для того, кто умеет быстро поворачиваться, предоставляются тысячи возможностей. Но мне было трудно сосредоточиться, и я упускал один шанс за другим.

Я бросил взгляд на стол Роба. Покусывая губы, он смотрел на экран. Похоже, дела у него шли неважно. На его столе замигала лампочка, он, не сводя взгляда с экрана, схватил телефонную трубку, несколько секунд слушал, нахмурился и бросил трубку на стол. Этим утром Робу не везло.

Я попытался припомнить какой-нибудь жест или знак, которыми обменивались бы Роб и Дебби, но так ничего и не вспомнил. Ни взглядов украдкой, ни попыток сторониться друг друга, ни смущенного молчания. Между ними, насколько я помнил, всегда были добрые отношения. Я не слышал никаких сплетен. Впрочем, главным источником слухов и сплетен у нас была сама Дебби. Интересно, задумался я, знал ли кто-то об этой истории?

Я встал и направился к кофейному автомату.

– Тебе приготовить чашечку? – предложил я Карен, проходя мимо ее стола.

– Да, пожалуйста. Со сливками, без сахара.

Через минуту я уже нес две чашки, одну – для Карен. Я сел на ее стол. Карен была поражена. Я определенно не относился к числу любителей поболтать в рабочее время.

– Вчера я узнал нечто любопытное, – негромко сказал я.

– Что же именно? – с неподдельным интересом спросила Карен.

– О Дебби. И Робе.

Карен подняла брови.

– Только и всего? А ты не знал? Видишь ли, это было задолго до твоего появления у нас. Должно быть, года два назад.

– Никогда бы не подумал.

– Тут не о чем думать. Роман быстро закончился. Они пытались хранить все в тайне, но все равно мы знали. Теперь это старая история. Бедный Роб, должно быть, он очень переживает.

– Да. Бедняга, – согласился я и вернулся на свое рабочее место.

Роба нельзя было не пожалеть. Он был явно не в своей тарелке.

Я все еще безуспешно пытался сосредоточиться, чтобы разобраться в ситуации на рынке, когда позвонила Фелисити.

– Я узнала, кто занимался делом Пайпера, – сообщила она. – Это был Роберт Денни, старший партнер нашей фирмы.

– Ото, – отозвался я. – Вы полагаете, у него найдется время для разговора со мной?

– Не беспокойтесь, – ответила Фелисити. – Он очень хороший человек и совершенно лишен самомнения. К тому же Дебби ему нравилась. Когда она уходила, он был ужасно расстроен. Я сказала, что у вас к нему есть несколько вопросов, и он ответил, что вам достаточно позвонить секретарю и договориться о времени встречи.

Я поблагодарил Фелисити и последовал ее совету. Секретарь мистера Денни была настроена очень дружелюбно и по-деловому. В четверг, в три часа.

Потом я позвонил Кэшу. Мне нужно было поговорить с ним о многом. Например, о том, что ему известно о ходе расследования возможных махинаций при покупке акций «Джипсам оф Америка». От чьего имени он действовал, когда умолял нас продать наши облигации «Джипсам»? Что он еще знает об Ирвине Пайпере?

– «Блумфилд Вайс», любые операции с ценными бумагами. – прозвучал голос Кэша.

– Привет, это Пол. Можно задать тебе несколько вопросов?

– Разумеется. Валяй, я слушаю.

– Нет, не по телефону. Я бы предпочел встретиться за ленчем, в баре или еще где-нибудь.

Кэш уловил мой необычно серьезный тон. Он подумал, потом сказал:

– На этой неделе я очень занят. Ты не можешь подождать до субботы, до Хенлейской регаты?

– Нет, я бы хотел побыстрее. Сегодня или в крайнем случае завтра, – настаивал я.

Кэш вздохнул.

– Ну ладно. Сегодня вечером ты встречаешься с Ирвином Пайпером у него в отеле, не так ли? Если после вашей встречи? Я присоединюсь к вам, а потом мы найдем укромный уголок, выпьем и поговорим. Идет?

– Отлично, – сказал я. – До вечера.

Ирвин Пайпер остановился в «Стаффорде», небольшом, но уютном отеле рядом с Сейнт-Джеймс-сквер. Мы должны были встретиться в семь часов. Я пришел на несколько минут раньше и направился в бар. В отделанном деревянными панелями полутемном баре стояли удобные кресла, обшитые зеленой кожей. Здесь царили комфорт, тепло, снобизм. Не считая пожилой американской четы, неторопливо потягивавшей мартини за угловым столиком, бар был пуст. Я хотел было попросить пинту пива, но в таком месте пиво казалось почему-то неуместным, поэтому пришлось заказать солодовое виски. Бармен показал мне впечатляюще обширное меню, в котором самым дешевым напитком был гленливит, а самым дорогим – арманьяк 1809 года. Восьмидесяти девяти фунтов на арманьяк у

меня не было, поэтому я остановил свой выбор на «Нокандо» и в ожидании Пайпера неспешно наслаждался светло-золотистым напитком.

Я не заметил высокого мужчину в очень дорогом костюме, пока тот не подошел к моему столику и не спросил:

– Мистер Марри?

Он ничем не напоминал владельца казино, во всяком случае такого, какими я их себе представлял. Он был во всем английском, без сомнения, ручной работы, и скорее всего, купленном не дальше, чем в четверти мили от отеля. Но ни один англичанин никогда так не оденется. Спортивный пиджак, брюки, и зеленый галстук с фазанами представляли собой странное сочетание, которое, очевидно, должно было подчеркивать «повседневность» одежды Пайпера. Он оказался дюйма на два выше меня, его седые со стальным отливом волосы были тщательно зачесаны назад, а его мощным подбородком мог бы гордиться любой киногерой. До меня донесся аромат дорогого лосьона.

– Да, я – Пол Марри.

Я спустился с табурета и протянул руку.

– Добрый вечер. Пол. Ирвин Пайпер. Рад познакомиться. – Мы обменялись рукопожатиями. – Вы не будете возражать, если мы расположимся вон там?

Он провел меня в тот угол бара, где не было ни одного посетителя, знаком подозвал официанта и заказал виски с содовой.

– Вы давно в Лондоне? – поинтересовался я.

– Около недели, – ответил Пайпер. – Собираюсь снова приехать сюда примерно через месяц. Поеду в Шотландию охотиться на куропаток.

Я вспомнил, как за пять фунтов и бутылку пива в день водил охотников на куропаток по йоркширским вересковым пустошам, но решил сейчас лучше об этом не упоминать. Прежде всего мне нужно было задать Пайперу несколько вопросов, которые помогли бы подобрать ключи к темным моментам его биографии. Меня нисколько не беспокоило, что он попытается меня запугать. На нападки я с удовольствием отвечу нападками. Трудность заключалась в том, что Пайпер настолько располагал к себе, настолько светился уверенностью в собственных силах, что задавать ему неудобные вопросы было крайне неловко.

– Я очень признателен вам за то, что вы сочли возможным уделить мне время, – начал я. – Если вы не возражаете, прежде всего я бы хотел узнать о вашем опыте работы в игорном бизнесе.

В знак неодобрения Пайпер слегка насупил брови.

– К сожалению, я не могу похвастать большим опытом в этой области. Разумеется, в тех отелях, которые я строил, были казино, однако прежде всего это были центры отдыха, а не азартных игр. – Он говорил почти без американского акцента, хорошо поставленным голосом, напомнившим мне голоса миллионеров в довоенных фильмах. По крайней мере одному из его соотечественников такой голос нравился.

– Но вы зарабатываете на азартных играх, не так ли?

– Да, вы правы. – Пайпер поднял руку и принялся изучать свой маникюр. Видите, у меня чистые руки, говорил этот жест. – Но сам я игорным бизнесом практически не занимаюсь. Я организую дело. Я нанимаю лучших специалистов.

Теперь Пайпер почувствовал привычную почву под ногами и заговорил быстрее, по ходу объяснений загибая пальцы.

– У меня работает лучший постановщик игорного бизнеса и развлечений Арт Бакси. У меня есть доктор математики из Принстона, который следит за тем, чтобы шансы на выигрыш и проигрыш всегда были, как мы говорим, правильно сбалансированы. Я нанял управляющего лучшим женевским отелем, и у меня есть гениальный программист, который создал самую совершенную базу данных о клиентах и для клиентов.

– В чем же заключается ваша роль? – спросил я.

– Я собираю всех в одну команду. Обеспечиваю финансирование. Делаю так, чтобы все цифры были такими, какими нужно, – улыбнулся Пайпер. – Почти все оперативные вопросы решает Арт. Он руководит всеми работами.

– Следовательно, сам отель «Таити» вас не интересует? – уточнил я.

– Боюсь, вы меня неправильно поняли, – возразил Пайпер. – Я хотел построить самый большой отель в мире. .«Таити» и будет самым большим отелем в мире. Возможно, он не вполне в моем вкусе, – Пайпер одобрительным взглядом обвел бар отеля «Стаффорд», – но, поверьте мне, люди будут стремиться туда попасть.

– Вам и прежде приходилось финансировать строительство казино – простите, отелей? – спросил я.

– Да, одного-двух.

– Вы не могли бы уточнить, каких именно?

– К сожалению, не могу. Это были частные инвестиции. – Пайпер, без сомнения, обратил внимание на мою настойчивость. – Но все было согласовано с Комиссией по азартным играм, если вас интересует именно эта сторона, – закончил он слегка обиженным тоном и бросил на меня вопросительный взгляд.

– Нет-нет, я не сомневаюсь, что в этом смысле у вас все в порядке, – поторопился я с ответом и тут же осекся. Пайпер бросил мне вызов, он сам предложил мне проверить его честность, а я уклонился от вызова.

Пайпер откинулся на спинку кресла и улыбнулся.

– Вы занимаетесь и более пассивными инвестициями, не так ли? Вы ведь из тех, кого называют арбами? – спросил я, имея в виду арбитражеров риска, которые при малейшем намеке на переход какой-либо компании из одних рук в другие отчаянно бросаются покупать пакеты акций в надежде сорвать крупный куш.

Я не удивился, что Пайперу не понравились мои слова.

– У меня большой портфель, и я предпочитаю активную работу с ценными бумагами, – сказал он. – Если я вижу, что рынок просмотрел нечто потенциально ценное, тогда, да, я покупаю большой пакет акций.

– И такая стратегия всегда была успешной?

– Раза два я ошибался, но в целом я добился больших успехов, – сказал Пайпер.

– Не могли бы вы подробнее рассказать о ваших последних достижениях? – настаивал я.

Пайпер снисходительно улыбнулся.

– К сожалению, я не могу обсуждать частные инвестиции. Я в принципе против, потому что иначе станет известно слишком многое о моих методах работы. В покере никогда не показывают свои карты и после игры.

Мне стало ясно, что я ничего не добьюсь. Пайпер мог до утра разыгрывать роль состоятельного американского джентльмена. Кто знает, может быть, он и в самом деле был честным, состоятельным американским джентльменом. У меня осталась последняя попытка.

– Что ж, благодарю вас, мистер Пайпер, за то, что вы уделили мне столько времени. Вы мне очень помогли, – солгал я. – Если разрешите, последний вопрос. Вы никогда не имели никаких дел с Деборой Чейтер?

Казалось, Пайпер был искренне удивлен.

– Нет, насколько я помню, никогда.

– Или с Денни Кларком?

Я не сводил с Пайпера взгляда. Он это почувствовал и не счел нужным скрывать раздражение.

– Нет, и с Денни Кларком, кем бы он ни был, тоже никогда не имел никаких дел. Мне кажется, эту тему можно считать исчерпанной.

Мы встали, и я направился к выходу из бара. Не успел я дойти до двери, как в ней показалась квадратная фигура Кэша. Безмятежно спокойную атмосферу нарушил его хриплый возглас:

– Пол! Вот ты где! Ирвин! Как ваши дела? Решили все проблемы?

Я не произнес ни слова. Я просто стоял как вкопанный. Вслед за Кэшем в бар вошел еще один человек.

Я сразу узнал этого человека. На этот раз я мог рассмотреть его более тщательно. Худой, с узким лицом мужчина шести футов ростом. От переносицы к уголкам губ сбегали глубокие морщины. Под пиджаком, свисавшим с широких, несмотря на худобу, плеч, угадывалось тело атлета. Крепкий парень. И сильный. Его невыразительные бледно-голубые глаза смотрели в пустоту, во взгляде не было ни любопытства, ни даже интереса. Белки глаз возле зрачков пожелтели, их пересекала тончайшая сеть капилляров.

Эти глаза я уже видел.

– Ирвин, вы знакомы с Джо, – продолжал Кэш. – Джо Финлей – Пол Марри. Вы еще не встречались, не так ли? Джо распоряжается нашим портфелем американских корпораций.

Я молча пожал неохотно протянутую мне руку. Джо тоже не произнес ни слова. По его взгляду нельзя было сказать, что он узнал меня. По его взгляду вообще ничего нельзя было сказать.

– Вы нашли общий язык? – спросил Кэш. – Пол, теперь ты удовлетворен?

Мне пришлось заставить себя отвечать.

– Да, спасибо. Встреча была очень полезной. Я весьма признателен вам, мистер Пайпер, за то, что вы уделили мне столько времени.

Под натиском оживленной болтовни Кэша раздражение Пайпера испарилось.

– Не за что. Надеюсь, вы поймете, что «Таити» – это поистине выгоднейшая возможность для инвесторов.

– Это точно, – подтвердил Кэш. – А Пол обычно не упускает такой возможности. Пойдем куда-нибудь. Еще не поздно.

С Пайпером мы расстались в вестибюле. Едва мы переступили порог отеля, как Кэш бросился на середину проезжей части ловить такси. Джо закурил сигарету. Он уловил мой взгляд и неохотно протянул мне пачку. Я покачал головой. За ту минуту, что потребовалась Кэшу, чтобы остановить машину, мы не произнесли ни слова. Я чувствовал какую-то неловкость.

– «Биарриц!» – крикнул Кэш водителю.

– «Биарриц» – это что? – спросил я Кэша, садясь в такси.

– Это бар шампанского, – ответил он. – Тебе понравится. Там будет много трейдеров из «Блумфилд Вайс». Тебе представится редкая возможность познакомиться с ними.

Одно из правил Хамилтона гласило: «Никогда не знакомься с трейдерами». Пусть с ними работают сейлсмены. Чем меньше о тебе знают, тем менее вероятно, что кто-то сумеет воспользоваться твоими слабостями. Но я был рад возможности узнать побольше

о Джо. Машина остановилась перед светофором, водитель повернулся к заднему сиденью и, глядя на Джо, сказал:

– Вы не умеете читать?

Вся машина была обклеена плакатиками с надписью «Не курить». Джо, не сводя взгляда с водителя, глубоко затянулся и выдохнул облако дыма. Водитель был крупным толстяком. Он вышел из себя.

– Мистер, у вас не все дома? Я спросил, вы не умеете читать?

Со стороны Джо не последовало никакой реакции.

– Джо, погаси, пожалуйста, сигарету, будь добр, – негромко попросил Кэш.

По-прежнему никакой реакции.

Загорелся зеленый свет, и водитель, включая сцепление, отвернулся от нас.

– Если вы не погасите эту мерзость, ищите другую машину.

Джо медленно оторвал сигарету от губ. Я заметил, что Кэш немного успокоился. Джо подержал сигарету перед собой, его тонкие губы чуть заметно растянулись в улыбке, потом он подался вперед и горящим концом воткнул сигарету в толстую шею таксиста.

– ... твою мать! – заорал таксист, сворачивая к тротуару. Джо быстро открыл дверцу, спрыгнул на тротуар, тут же остановил другую машину и сел в нее. Кэш и я поспешили за ним, а водитель первой машины, раскачиваясь и хватаясь рукой за обожженную шею, вопил благим матом.

– Что он так разошелся? – спросил второй таксист.

– Сумасшедший, – с легкой улыбкой пояснил Джо.

До «Биаррица» мы ехали молча. В переполненном баре было сильно накурено. Черно-белые квадраты пола, хромированный металл бара, мебель «ар нуво». Кэш подтолкнул нас к столу, за которым уже сидели несколько трейдеров, занимающихся еврооблигациями. Тех, кто торгует еврооблигациями, узнаешь сразу. Они могут быть высокими и коротышками, толстяками и тощими, старыми и молодыми, но все они взвинчены до предела. Глаза у них постоянно бегают, они взрываются смехом и через несколько секунд мрачно замолкают. Многие преждевременно поседели. Молодые мужчины с лицами, изборожденными старческими морщинами.

На столе стояли уже три пустых бутылки «Боллинжера». Начался процесс расслабления. Кэш поочередно представил меня каждому трейдеру. Я поймал на себе несколько подозрительных взглядов. Продавцы ценных бумаг относятся к своим «покупателям» не менее настороженно, чем те – к продавцам. Впрочем, в ту минуту все развлекались, и никто из них не собирался позволить мне испортить им настроение. Кэша приветствовали дружеским похлопыванием по спине. С Джо здоровались кивками.

К счастью, перед этой сворой я не остался без защиты. Кэш сначала усадил меня, а потом без разговоров занял соседнее кресло. Я был ему благодарен. Трейдеры, то и дело срываясь на крик, обсуждали и переживали свои проблемы, а я наклонился с Кэшу.

– Тебе часто приходится иметь дело с этими парнями?

– Не часто, по приходится, – ответил Кэш. – Для меня важно поддерживать хорошие отношения не только с покупателями, но и с продавцами.

Я отпил глоток шампанского.

– Объясни, что произошло в такси? – спросил я.

– Это в духе Джо, – ответил Кэш, одним глотком наполовину осушив бокал. – Он – человек со странностями. С большими странностями. Когда на него находит, лучше отойти в сторону.

– Могу себе представить, – согласился я. – Но на работе он не такой?

– Кажется, из коллег он пока не покалечил никого, – сказал Кэш, – разве только себя самого.

– Что ты имеешь в виду?

– Помню, как-то он играл на повышение двадцатью миллионами десятипроцентных европейских. Джо сидел в глубокой яме, но на рынке курс этих облигаций медленно поднимался. Примерно час он не сводил глаз с экрана, туда поступала информация «Телерейт», и ждал, когда курс поднимется до уровня, который был нужен его клиенту. Тогда Джо мог бы выпутаться без прибыли, но и без убытка. А потом изображение на экране застыло. Что-то сломалось в интерфейсе или в терминале. Я наблюдал за Джо. Он не вскрикнул, не выругался, вообще не издал ни звука. На его лице нельзя было прочесть ничего. Потом он встал и кулаком с размаху ударил по экрану. Здорово повредил запястье. А после этого он взял телефонную трубку, продал свой пакет с

убытком и ушел. С руки капала кровь, а он вроде бы ничего не замечал.

Говорят, он служил в армии, точнее, в войсках специального назначения, – продолжал Кэш. – Однажды в Северной Ирландии он застрелил невооруженного шестнадцатилетнего мальчишку. Тогда так и не удалось доказать, знал он, что мальчишка не вооружен, или не знал. Но вскоре Джо демобилизовался.

– Как же он попал в «Блумфилд Вайс»?

– Видишь ли, его принял один бывший американский морской пехотинец. Наверно, думал, что нашел родственную душу. Он у нас работает уже больше четырех лет.

– И как работает?

– Хорошо. Очень хорошо. Лучший на «стрите». Никому не хочется иметь с ним дело, но приходится. У него очень острый ум и великолепный нюх. Но я стараюсь держать клиентов подальше от него.

– Кроме меня? – уточнил я.

– Да, прошу прощения. – Кэш сделал еще один большой глоток и подался ко мне. – Итак, ты сказал, что у тебя есть срочное дело. Что за дело? О чем ты хотел поговорить?

Я посвятил Кэша в суть моего разговора с Боуэном, юрисконсультом «Блумфилд Вайс».

Кэш слушал меня внимательно. Когда я замолчал, он негромко присвистнул сквозь зубы.

– Будь поосторожней. Этот Боуэн – очень въедливый сукин сын. Он так просто не отстанет.

– Кэш, что тебе известно о расследовании? – спросил я.

– Ничего не известно, – ответил он невинным тоном школьника, пойманного с пачкой сигарет в кармане.

– Перестань, что-то ты должен знать, – настаивал я. – Для кого ты скупал эти облигации? Ведь не для ДГБ, не так ли? Наверняка для кого-то другого.

– О чем ты. Пол? Ты же понимаешь, я не могу тебе этого сказать.

– Чепуха. Можешь, конечно, можешь. Дело серьезное. Ты знаешь, кто скупил акции «Джипсам» еще до того, как было объявлено о поглощении компании?

– Послушай, Пол, я действительно очень хотел бы тебе помочь, – все тем же невинным голосом сказал Кэш. – Но ты же представляешь себе, как делаются такие дела. Я не знаю, что курс акций поднимается. Я даже не знаю, для кого мы покупаем облигации. С нами имеет дело другой посредник.

Я сдался. Кэш был профессиональным лгуном. Он врал днем и ночью, и чем удачнее оказывалось это вранье, тем больше ему платили. Он не собирался ничего мне рассказывать, это было совершенно очевидно. Я даже понятия не имел, скрывает ли он от меня только личность покупателя ценных бумаг «Джипсам» или нечто большее.

Какое-то время мы молча наблюдали за веселившимися трейдерами. Те чувствовали себя уже вполне раскованно. В разговорах они перешли от облигаций к женщинам и своим сплетням.

Джо встал и пошатываясь направился к нам с Кэшем. В принципе я хотел поговорить с ним, но теперь одно его соседство заставляло меня нервничать. Джо был непредсказуем и опасен.

– Развлекаетесь? – спросил он, не сводя остекленевшего взгляда с моего лица.

Он был заметно пьян. Язык у него пока не заплетался, но говорил он очень медленно, отделяя слово от слова.

– Интересно посмотреть на моих противников во плоти, – неуверенно ответил я.

Джо, все так же ни на мгновение не сводя с меня взгляда немигающих глаз, медленно отпил из бокала. Боже, пронеслось у меня в голове, он узнал меня!

Кэш изо всех сил старался ослабить напряжение.

– Знаешь, Пол был бегуном, участвовал в Олимпийских играх, – сказал он. – Помнишь Пола Марри? Восемьсот метров? Несколько лет назад он завоевал бронзовую медаль.

– Ах так, – сказал Джо. – То-то мне показалось знакомым твое лицо. Я тоже люблю бег. Ты поддерживаешь форму?.

– Скорее нет, – ответил я. – Я все еще немного бегаю, но теперь больше для отдыха, чем для спортивной формы.

– Как-нибудь нам нужно потренироваться вдвоем, – без всякого выражения сказал Джо.

Я не знал, что мне ответить на такое предложение. Джо не сводил с меня взгляда с того момента, как опустился в соседнее кресло. Я чувствовал себя крайне

неуютно. Мне даже показалось, что за все это время он ни разу не мигнул, хотя это было, конечно, маловероятно.

Пытаясь сбросить с себя неприятный Взгляд, я осмотрелся вокруг. Никакого эффекта.

– Значит, ты работаешь на де Джонга? – спросил он.

– Да.

– Хамилтон Макензи – настоящий подонок, правда?

Я рассмеялся, стараясь не выдать овладевавшего мной раздражения.

– Возможно, он кажется таким со стороны, но на самом деле Макензи – очень толковый руководитель. И великолепно управляет портфелем инвестиций.

– Нет. Он – мошенник. И сукин сын.

Что я мог сказать?

– А эта потаскушка Дебби, она тоже работала с вами, да?

Я промолчал, и Джо продолжил:

– Я слышал, она недавно свалилась в реку. Прискорбно.

Все это он произнес с таким безразличием, что его сочувствие прозвучало неприятной насмешкой. Я сделал вид, что ничего не заметил.

– Да. Ужасная трагедия.

– Ты с ней спал?

– Нет, конечно, нет.

Мне пришлось приложить немалое усилие, чтобы не сорваться. Я выдержал взгляд Джо.

– Нет? Это интересно. С ней все успели переспать, кому не лень, – сказал Джо с едва заметной улыбкой. – Она пользовалась большим успехом, эта Дебби. И всегда сама напрашивалась. Я тоже переспал с ней пару раз. Потаскуха. – Улыбка Джо стала чуть шире.

За столом воцарилось молчание. Все взгляды были устремлены на меня. Я понимал, что он нарочно заводит меня, напрашивается на драку. И я был очень зол.

Я медленно встал. Он все с той же улыбкой молча смотрел на меня. Меня остановил Кэш. Схватил меня за руку.

– Эй, Пол, пойдем. Ты говорил, что хочешь пораньше лечь. Пойдем поймаем такси.

Я понимал, что Кэш прав, и позволил ему вывести меня из бара.

– Послушай, с этим парнем драться не стоит, – говорил Кэш, когда мы садились в такси. – Посмотри на все это с другой стороны. Он хотел устроить драку, но у него ничего не получилось.

– Подонок, – сказал я. – Вот уж он – настоящий подонок.

Я был взбешен. Мысленно я представлял себе, что бы я сделал с Джо в «Биаррице», если бы Кэш не остановил меня.

Через несколько минут, немного успокоившись, я спросил Кэша:

– Это правда – то, что Джо сказал о себе и Дебби?

– М-м, не знаю. Кажется, пару лет назад они какое-то время встречались. Наверно, поэтому он все еще зол на нее. – Кэш похлопал меня по руке. – Послушай, забудь о том, что он говорил. Дебби была отличной девушкой.

– Да, – подтвердил я.

Такси остановилось возле моего подъезда.

– Да, – повторил я.

Седьмая глава

Я не мог успокоиться весь следующий день. Я видел того сукиного сына рядом с тем местом, где погибла Дебби. Очевидно, он и был тем мерзавцем, о котором рассказывала Фелисити. Тем самым, который помыкал Дебби и избил ее, когда она узнала, что он женат, и сказала ему об этом.

Чем больше я думал о Джо, тем больше выходил из себя. Я был недоволен собой, недоволен тем, что накануне вечером ушел из бара, не поколотив его. Я решил пойти к Джо и узнать, что же произошло той ночью. Я понимал, что это глупо, но был полон решимости выполнить свое намерение.

Я позвонил Кэшу и спросил адрес Джо – Кэш не хотел говорить, но я настоял на своем. Я выждал до семи часов – по моим расчетам к этому времени Джо уже должен был быть дома – и отправился в Уондзуорт.

Джо жил в тупике. По обе стороны узкой улочки стояли большие красные дома времен Эдуарда – типичные жилища банкиров среднего достатка начала двадцатого столетия.

Спокойная безлюдная улочка изнывала от жары и духоты. Дома здесь давно не ремонтировались, на дверях и оконных рамах облупилась краска, грязные, пыльные стекла в окнах нередко были разбиты. Большинство коттеджей было перестроено в многоквартирные дома для одиноких жильцов или бездетных пар, работавших в Сити. Между мусорными контейнерами шмыгнул какой-то зверек. Я замер. Кошка? Городская лиса?

Во мне росла неуверенность. Я понятия не имел, какой будет реакция Джо, когда он увидит меня. Я не знал о нем ровным счетом ничего, разве лишь то, что он непредсказуем и иногда очень агрессивен. Весь день я придумывал слова, которые скажу ему при встрече; теперь все они казались мне совсем неубедительными. Я остановился на проезжей части улицы. Тут я вспомнил Дебби. Я представил себе, как она, облокотясь на стол с развернутой на нем «Мейл», дразнит меня своей широкой улыбкой, искрящимся взглядом. Я ощутил новый прилив злости.

Дом Джо оказался в самом конце улицы. Он стоял одиноко, высокий, узкий, выложенный из красного кирпича, с двумя крохотными башенками в викторианско-готическом стиле. Я сделал всего несколько шагов по узкой дорожке, и большие кусты рододендрона, блестящие темно-зеленые листья которых давали немного тени, заслонили от меня улицу.

Откуда-то доносился приглушенный детский плач, быть может, из комнат на противоположной стороне дома. Я нажал на кнопку звонка. Никакого ответа. Впрочем, ребенок, похоже, услышал звонок и закричал громче. Его охрипший, рассерженный голос прорезал удушающее молчание улицы.

Неужели Джо оставил в доме плачущего ребенка? Возможно, но где же его мать? Лавируя между клумбами, я подошел к окнам. В просторной кухне весь стол был завален полуприготовленной пищей. На полу валялись кухонный нож и кусочки мелконарезанного лука. В стоявшей на плите сковородке готовилось какое-то мясное блюдо, соус и жир выплескивались на пламя.

Я перешел к следующему окну. Так и есть: в гостиной, съежившись в клубок на диване, неслышно всхлипывала женщина.. Она спрятала лицо в коленях, и я не мог его видеть, но ее плечи время от времени вздрагивали.

Я постучал в окно. Женщина на диване, казалось, не слышала стука. Я постучал сильней, так, что стекла задребезжали. Женщина подняла заплаканное худое лицо, обрамленное влажными локонами свето-каштановых волос. Она вроде бы попыталась сосредоточить взгляд на окне, потом снова бессильно опустила голову на подушку.

В противоположной стене гостиной я заметил застекленную дверь, выходившую в небольшой садик. Я обогнул дом, перепрыгнул через закрытую калитку и оказался в садике.

Я стоял у застекленной двери, на пороге со вкусом обставленной гостиной. Ноги женщины в мягких сандалиях находились в нескольких футах от меня. Ребенок на минуту замолчал; конечно, он прислушивался к новым звукам, доносившимся до него из мира взрослых. Теперь я слышал негромкие, глубокие всхлипывания женщины. Я прокашлялся.

– Добрый день.

Никакого ответа. Женщина должна была слышать меня. И все же она не обращала на меня внимания.

Я подошел к дивану и, осторожно прикоснувшись к ее плечу, спросил:

– Может быть, я могу вам чем-нибудь помочь?

Женщина с трудом приподнялась и села, все еще обхватив колени руками. Она несколько раз глубоко вздохнула. Всхлипывания прекратились.

– Кто вы, черт возьми?

У нее было красивое, тонкое, но очень бледное лицо. Это было лицо человека, которому часто приходится плакать. Слезы, стекая ручейками из ее покрасневших, опухших глаз, оставили на щеках полосы до самых губ. Раскачиваясь взад-вперед, она прижимала к груди руку, поддерживаемую другой рукой. Она не скрывала боли.

– Меня зовут Пол Марри. Может быть, приготовить вам чаю?

Она с подозрением смотрела на меня, очевидно, размышляя, не послать ли меня к черту, потом молча кивнула.

Я пошел на кухню, снял с плиты сковородку с мясом и включил электрический чайник. Ребенок молчал. Должно быть, он все же заснул. Я ждал, когда закипит вода. Женщина не давала о себе знать.

Я нашел пакетики с чаем, бросил один в чашку, налил кипятку, добавил молока из холодильника, вытащил пакетик из чашки, вернулся в гостиную и подал женщине чай.

– Вам с сахаром?

Она подняла голову, посмотрела на меня непонимающим взглядом и потянулась за чашкой. Даже это простое движение причинило ей боль, и она поморщилась. Я опустился в кресло, стоявшее напротив дивана.

– У вас что-нибудь повреждено?

Сгорбившись над чашкой, женщина молчала. Минуту-другую молчал и я.

– Может быть, вызвать врача?

Она покачала головой.

– Вы уверены? Возможно, у вас сломано ребро. – сказал я, встал и направился к телефону.

– Нет, – сказала она неожиданно четко. – Нет, – повторила она шепотом. – Пожалуйста.

Я снова сел в кресло. Стараясь говорить как можно мягче, я спросил:

– Как вас зовут?

– Салли. Салли Финлей.

– Вас избил Джо?

Она не ответила, но ее тело снова содрогнулось от рыданий. Я подошел и положил руку на ее плечо. Рыдания утихли, она немного успокоилась.

– Куда он пошел?

Тыльной стороной руки она вытерла нос.

– В магазин. За пивом. Он всегда пьет после... – Она не закончила фразу.

Я понял, что ничего не добьюсь и, убрав руку с ее плеча, собрался уходить.

– Останьтесь, – умоляюще сказала она.

Она даже попыталась улыбнуться, но у нее слишком дрожали губы. Мне ничего не оставалось, как, положив

руку на плечо плачущей женщине, стоять в ожидании Джо.

Следовало уйти. Здравый смысл подсказывал мне: и немедленно. Но я не мог оставить Салли. Пришлось стоять и ждать Джо. Я совершенно не представлял себе, что буду делать и говорить, когда он придет.

Мы ждали довольно долго, слушая тиканье часов в прихожей и щебет птиц в саду. Салли, прижав мою руку своей, решительно не хотела отпускать меня.

Я уже было окончательно решил уйти, когда услышал шорох гравия под быстрыми шагами. Потом, после недолгой паузы, звякнули ключи, негромко щелкнул замок, скрипнули дверные петли и приглушенно хлопнула закрывшаяся дверь. Наконец, в прихожей послышались легкие шаги.

Я повернулся лицом к открытой двери гостиной. Я почувствовал, как Салли напряглась и замерла.

Увидев меня, Джо удивился, но его удивление продолжалось не более ничтожной доли секунды. Его взгляд перебежал с меня на Салли, потом снова замер на мне. Холодный, неподвижный, безжизненный взгляд.

Салли сняла свою руку с моей и опустила глаза.

Джо улыбнулся своей обычной едва заметной улыбкой.

– Вижу, у нас гость. Могу я предложить пива? Позвольте, я поставлю вот это в холодильник.

Он показал мне коробку с шестью бутылками и исчез на кухне. Салли и я ждали.

Через минуту он снова появился в гостиной, на этот раз с ножом, с тем самым, который лежал на кухонном

полу. Нож был небольшим, но казался очень острым. К его лезвию прилипли две стружки лука.

– Дорогая, не прилечь ли тебе? Ты выглядишь неважно, – сказал он.

Салли встала, бросила на меня взгляд, полный страха и сочувствия, и выскользнула из гостиной. Я слышал ее быстрые шаги, когда она поднималась по лестнице.

В гостиной остались я и Джо с ножом в руке. Очевидно, он собирался пустить оружие в ход. Я не обманывал себя: защитить его жену не в моих силах, а задавать непростые вопросы было явно не время.

Сохраняй хладнокровие и убирайся.

Джо занял позицию между мной и застекленной дверью. Я бросил взгляд на другую дверь, которая вела в прихожую. От нее меня отделяли три шага. Я успел сделать только два. Очевидно, Джо заметил мой взгляд. Я остановился вовремя, иначе напоролся бы на нож.

Загоняя меня в угол, Джо медленно помахивал перед собой ножом. Заливавшие гостиную солнечные лучи окрасили его лицо в желтые тона. Он прищурился, и его зрачки превратились в крохотные черные булавочные головки. Лучи отражались от лезвия ножа.

От громкого вечернего крика дроздов в саду у меня звенело в ушах. Я кожей ощущал намокшую от пота тяжелую ткань белой сорочки под пиджаком. Спиной я уперся в книжный шкаф. Я внимательно следил за ножом.

Может быть, попробовать нырнуть под руку с ножом? Лезвие у него небольшое, в худшем случае Джо

только поцарапает меня. Сбить его с ног и убежать. Как можно быстрей.

Джо крепко стоял на ногах. Нож он держал свободно. Вся его жилистая фигура не была напряжена, но я понимал, что Джо готов сделать выпад в любое мгновение. Он умел драться с ножом.

Я заглянул ему в глаза. Он меня провоцировал. Он хотел, чтобы я бросился на него. Поэтому я опустил руки.

– Пропусти меня, – сказал я как можно более рассудительно. – Я никому не скажу о Салли.

– Марри, ты мне надоел, – прошипел Джо. – Зачем ты сюда приплелся?

– Поговорить с тобой о смерти Дебби, – ответил я.

– Почему я должен об этом что-то знать?

– Я был с ней, когда возле плавучего ресторана ты напал на нее. В ту ночь она и погибла.

Джо хмыкнул.

– То-то мне показалось знакомым твое лицо. Значит, ты думаешь, что это я убил ее? Что ж, если хочешь узнать, убил ее я или кто другой, спроси меня.

Теперь Джо улыбался. Он был доволен собой. Я молчал.

– В чем же дело? Ты боишься, что раз я убил ту шлюху, то могу прикончить и тебя? Возможно, ты прав. Ну давай. Спроси меня. Спроси меня! – заорал он.

Я испугался. Испугался не на шутку. Может, подумал я, лучше всего подыграть ему? Я сглотнул слюну и сказал:

– Ты ее убил?

– Прошу прощения, не расслышал. Что ты сказал?

Я стоял на своем.

– Ты убил Дебби?

Джо улыбнулся. Последовала долгая пауза. Джо определенно наслаждался своей властью надо мной.

– Может, и так, – сказал он и фыркнул. – Но давай поговорим о тебе. Ты мне очень не нравишься, Марри. Мне очень не нравится, что ты всюду суешь свой нос, пристаешь к моей жене. Думаю, мне придется оставить заметку, чтобы ты помнил, что от меня нужно держаться подальше.

Он сделал шаг в мою сторону. Я стоял совершенно неподвижно. Он медленно поднес нож к моему горлу. Сероватый отблеск на кромке лезвия подтверждал мою догадку – нож был заточен превосходно. Я почувствовал запах лука, но по-прежнему не двигался.

Я был очень близок к панике. Сохраняй спокойствие, приказал я себе. Без паники! Только не стой, когда он будет перерезать тебе горло. Ну, давай!

Я хотел перехватить нож. Свободной левой рукой Джо вцепился в мое запястье, вывернул мне руку и резко дернул ее вверх. В мгновение ока он пригвоздил меня к полу.

Джо схватил меня за мизинец левой руки.

– Расставь пальцы, – приказал он. Я пытался сжать руку в кулак, по он отогнул мизинец. – Расставь пальцы или я переломаю их по одному!

Я разжал руку.

– В сущности, тебе ведь не нужен этот палец, правда? – хмыкнул Джо. – Он тебе совсем ни к чему. Ты даже не почувствуешь, что его нет. Зато будешь помнить, что от меня лучше держаться подальше.

Я хотел высвободиться, но он железной хваткой держал мою руку на полу, прямо перед моими глазами. Я видел, как нож медленно опускается, почувствовал, как он коснулся моего пальца ниже костяшки, ощутил боль, когда лезвие разрезало кожу. С пальца на ковер побежали капельки крови. Потом Джо, сильнее нажав на нож, стал очень медленно водить им по пальцу, все глубже и глубже разрезая его. Боль стала почти нестерпимой. Я сжал зубы, уперся подбородком в ковер, решив ни за что на свете не кричать. Не в силах отвести взгляд от ножа, я пытался вывернуться, но Джо накрепко пригвоздил меня к полу. Я беспомощно болтал ногами.

Оставалось только смотреть, как Джо отрезает мне палец.

Потом он вдруг убрал нож и расхохотался.

– Вставай и катись отсюда, – сказал он поднимаясь.

Я почувствовал страшное облегчение. Я в точности выполнил его приказ: встал и, зажав правой рукой кровоточащий палец, помчался к двери. Я пулей вылетел из дома, пробежал всю улочку и не остановился даже на более людной улице.

Лишь в районе магазинов я перешел на шаг. Боже, ну и псих, думал я, пытаясь успокоить дыхание. К тому же сильный и ловкий. Я чувствовал, как кровь стекает по руке. Порез был довольно глубоким. К счастью, на другой стороне улицы я заметил аптеку. Через пару минут моя рана была промыта и забинтована.

Чтобы собраться с мыслями, я сел на скамейку. У меня больно дергало палец, но, слава Богу, я его не лишился. Сердце бешено колотилось – и не только от бега. Лишь минут через десять у меня перестали дрожать руки, а мой пульс замедлился до обычного.

Больше всего мне хотелось пойти домой и забыть о Джо. Но я еще слышал всхлипывания Салли, еще видел ее лицо, все в слезах от собственного бессилия. Более близкое знакомство с Джо произвело на меня ужасное впечатление. Его даже нельзя было назвать человеком. Я просто не мог допустить, чтобы он и дальше избивал свою жену, когда ему только подскажет его больной разум. Одному Богу известно, что он делал с ребенком. Хорошо это или плохо, но я был единственным человеком, который мог что-то предпринять, чтобы прекратить эти издевательства. Больше того, совесть подсказывала мне, что я просто обязан что-то сделать. Поэтому я решил сообщить обо всем в полицию. Обманывая себя, я говорил, что Джо, конечно, никогда не узнает, кто именно рассказал о нем полицейским. И еще я решил ни при каких обстоятельствах впредь не оставаться с Джо один на один.

На улице я остановил пожилую женщину и спросил, где находится местный полицейский участок. Оказалось, что до ближайшего участка всего четверть мили.

Я рассказал дежурному сержанту, как обнаружил избитую Салли. Я не стал говорить о том, что Джо покалечил и меня. Сержант выслушал меня на удивление внимательно, и я испытал какое-то облегчение. Я был почти готов к тому, что никто не станет меня даже слушать. Правда, сержант заметил, что если жена Джо откажется давать показания, то доказать что-либо будет

очень трудно. Он сказал также, что с недавнего времени в его участке работает бригада по расследованию семейных преступлений и что он направит в нее мое сообщение. Он заверил меня, что вечером в дом Финлеев заглянут дежурные полицейские.

Потом я спросил, нельзя ли из участка позвонить инспектору Пауэллу, для которого у меня есть новые данные, имеющие отношение к расследованию одного убийства. Дежурный сержант немного опешил, но раз он уже решил, что я не псих, то после минутного колебания все же отвел меня в небольшую комнату, где стоял телефон. Через несколько минут он соединил меня с инспектором Пауэллом.

– Здравствуйте, это Пол Марри. Я звоню по поводу гибели Дебби Чейтер.

– Слушаю вас, мистер Марри. Я помню. У вас есть что-нибудь новое? – В голосе Пауэлла слышалось нетерпение.

– Вы помните, я вам рассказывал об одном человеке? Который напал на Дебби в ночь ее гибели?

– Да, и что?

– Так вот, два дня назад я с ним случайно встретился. Его зовут Джо Финлей. Он работает трейдером в инвестиционном банке «Блумфилд Вайс». Примерно год назад у него с Дебби была связь.

Я сообщил Пауэллу адрес Джо в Уондзуорте.

– Большое спасибо, мистер Марри. Мы проверим эту версию. Впрочем, нам кажется, что мы имеем дело с несчастным случаем или, возможно, с самоубийством. Я свяжусь с вами через несколько дней.

Судя по тону, нетерпение Пауэлла сменилось раздражением. Очевидно, он уже решил, что дело о смерти Дебби практически закрыто, и пропустил мимо ушей мой рассказ о Джо. Его ждали более важные дела.

– Буду рад вам помочь в любое время, – сказал я и положил телефонную трубку.

Я вышел из полицейского участка и отправился домой. По пути я размышлял о том, как прореагирует Джо, когда его станет опрашивать полиция. Меня он не помянет добрым словом, это точно. Все же я надеялся, что полиция найдет способ призвать этого подонка к порядку.

Восьмая глава

На встречу с Робертом Денни я пришел точно в назначенное время. Адвокатская контора «Денни энд Кларк» располагалась на Эссекс-стрит, крошечном кривом переулочке, спускавшемся от Стрэнда к Темзе, в старом кирпичном здании георгианской постройки. О том, что здесь находится известная адвокатская контора, свидетельствовала лишь небольшая бронзовая табличка. Секретарша, очень ухоженная блондинка с сочным голосом, взяла мой плащ и предложила мне сесть. Я выбрал удобное кожаное кресло и упал в него.

Я осмотрелся. Вдоль стен, от пола до потолка, протянулись книжные полки со старинными фолиантами в кожаных переплетах. Передо мной на столе красного дерева возле вазы с оранжевыми лилиями лежали газеты и журналы – «Экономист», «Таймс», «Кантри лайф», «Филд» и «Инвестор кроникл». Мне стало ясно, каких клиентов обслуживает «Денни энд Кларк». Меня не удивило, что Ирвин Пайпер остановил свой выбор на этой фирме. Мне было не вполне понятно, почему Денни и Кларк согласились помогать Пайперу. Впрочем, комиссионные есть комиссионные.

Через пять минут появилась проворная секретарша, с которой я говорил по телефону несколько дней назад, и проводила меня в кабинет мистера Денни. Большой, просторный кабинет, окна которого выходили на тихую улицу, находился на втором этаже. Здесь тоже стояли полки с книгами в кожаных переплетах, хотя этими фолиантами, похоже, время от времени все же пользовались. На одной из стен над столом для совещаний висел портрет представительного

джентльмена времен королевы Виктории. В руке джентльмен держал гусиное перо. Первый мистер Денни, догадался я.

Потомок изображенного на портрете Денни сидел за огромным столом и что-то писал. Через несколько секунд он поставил точку, поднял голову, улыбнулся мне и встал. Денни оказался опрятным седоволосым мужчиной чуть ниже среднего роста. Очевидно, ему было за шестьдесят, но в нем не было ничего от мудрого старшего партнера фирмы. Его движения были быстрыми, глаза – зоркими, манеры – уверенными. Толковый адвокат на вершине своей карьеры.

Он протянул мне руку:

– Для меня большая честь познакомиться с вами, мистер Марри.

Я был слегка ошарашен таким приемом и неловко ответил:

– Я тоже рад видеть вас.

Заговорщически подмигнув, Денни рассмеялся.

– Я очень люблю смотреть по телевизору соревнования по легкой атлетике. Мне всегда нравился ваш стиль бега. Я очень сожалея, когда вы расстались с большим спортом. Уверен, через два года олимпийское золото было бы вашим. Вы окончательно бросили легкую атлетику?

– О, я все еще бегаю довольно регулярно, но лишь для того, чтобы сохранить форму. В соревнованиях я больше не участвую.

– Обидно. Выпьете чаю? Или кофе? – спросил он.

– Чаю, пожалуйста, – ответил я.

Денни кивнул секретарше. Та вышла и очень быстро вернулась с подносом, на котором стояли чайник, две чашки и вазочка с бисквитами. Мы сели в кресла рядом с журнальным столиком. Почувствовав себя совершенно свободно, я откинулся на спинку кресла. Денни был одним из тех немногих уверенных в себе людей, которые используют свой ум и обаяние, чтобы собеседник ощутил себя равным ему, а не полным дураком. Мне Денни нравился.

Денни с удовольствием отпил глоток.

– Фелисити сказала мне, что вы были другом Дебби Чейтер, – сказал он, не отрываясь от чашки, но и не спуская с меня внимательного взгляда.

– Да, мы были друзьями, – подтвердил я. – Или по меньшей мере добрыми коллегами. Мы работали вместе только три месяца, но отлично понимали друг друга.

– Очевидно, это было в компании «Де Джонг»?

– Вы правы.

– Уверен, для вашей компании Дебби была находкой, – очень серьезно сказал Денни. – Мне ужасно не хотелось ее отпускать. Она была блестящим юристом. – Должно быть, Денни заметил удивление на моем лице. – Да-да, – продолжал он. – Возможно, у нее не хватало внимания и усидчивости. Но для специалиста с ее опытом она умела поразительно быстро схватывать самую суть проблемы. И никогда ничего не упускала из виду. Жаль, что она оставила юриспруденцию. – Он прокашлялся. Вероятно, у нас одновременно мелькнула

одна и та же мысль. Впрочем, теперь это не имело значения. – Чем я могу вам помочь?

– Я хотел узнать об одном деле, которым занималась Дебби, – начал я. – Это дело кажется мне несколько странным. Возможно, все это лишь плод моего воображения. Но, может быть, и нет.

– Это как-то связано с ее смертью?

– О нет, уверен, здесь нет никакой связи, – поспешно возразил я.

– Но вы полагаете, что такая возможность не исключена? – Удобно устроившись в кресле, Денни внимательно прислушивался не только к моим словам, но и к моему тону. В его позе, в его неподдельном внимании я ощутил нечто такое, что позволило мне быть совершенно откровенным.

– Быть может, это лишь мои фантазии, но, признаюсь, вы правы, я думаю, что такая возможность не исключена. Впрочем, пока я ничего не знаю наверняка. Поэтому я и пришел к вам.

– Понятно, – сказал Денни. – Продолжайте.

– Это связано с одним американцем, которого зовут Ирвин Пайпер. Фелисити сказала, что вы вели дело Пайпера. А Дебби вам помогала.

– Да, Пайпер был клиентом нашей фирмы. Кажется, Дебби и я действительно однажды работали по его поручению, – сказал Денни.

– Я изучал новые облигации для одного казино в США, – продолжал я. – Владелец этого казино – Ирвин Пайпер. Я попросил Дебби просмотреть имеющуюся у нас информацию. После ее смерти я сам пролистал

документы. Дебби отметила несколько фраз, в том числе абзац, в котором разъяснялось, что лицензия на строительство казино не может быть выдана лицу, совершившему уголовное преступление.

Я бросил взгляд на Денни. Он слушал меня все так же внимательно.

– Пайпер был признан виновным в каком-либо преступлении? – спросил я.

– Насколько мне известно, нет, – ответил Денни.

– Что вы можете сказать о том деле Пайпера, которым занимались вы и Дебби? – спросил я.

Денни на минуту задумался.

– Здесь есть определенные трудности. Пайпер был моим клиентом. Я не хотел бы повредить его репутации или обсуждать его личные проблемы.

– Но вы поможете мне, – твердо заявил я. – Сейчас не время для всякого рода юридических тонкостей.

– Уважать закон нужно в любое время, молодой человек, – строго сказал Денни, но тут же улыбнулся. – Все же я постараюсь помочь вам. Вся эта история, за исключением мелких деталей, стала достоянием прессы. Я опущу минимум таких деталей.

Ирвин Пайпер с партнером, английской фирмой-застройщиком, купили большой сельский дом в Суррее. Дом назывался «Блейденем-холл». Они реставрировали здание и создали там клинику под тем же названием. Это было фешенебельное заведение для излечения последствий стресса. В нем никогда не находилось одновременно более десяти «пациентов». Нечто вроде рекреационного центра для отдыха и

лечения перетрудившихся бизнесменов. Понятно, что клиника была очень дорогой. Естественно, она была полностью изолирована от внешнего мира.

Так вот, примерно через год полиция нагрянула в клинику, арестовала ее менеджера и несколько сотрудников женского пола. Впоследствии полиция обвинила моего клиента и его партнера в том, что они содержали публичный дом. На суде эти обвинения не удалось доказать. Обвинение, как выяснилось, было построено на противоречивых косвенных уликах, добытых недопустимыми способами.

– Благодаря вашим усилиям, – прервал я Денни.

Денни улыбнулся.

– Видите ли, наша контора обычно не берется за ведение уголовных дел, поэтому я передал дело в другую фирму. Но я полагал, что нам не следует упускать его из виду, поэтому указал своим коллегам на ряд довольно неявных противоречий, которые обвинение проглядело. Впрочем, должен признаться, что большую часть этих противоречий обнаружила Дебби.

– И Пайпера освободили? – спросил я.

– Да, его оправдали, – подтвердил Денни. – Он продал дом. Кажется, теперь там отель. Хороший отель.

– Но полиция была права? Там действительно был публичный дом?

Денни помедлил с ответом.

– Предъявленные полицией улики вроде бы говорили об этом, но улики эти были несостоятельными.

– Значит, там был бордель, – резюмировал я. – Пайпер об этом знал?

– Он редко бывал в нашей стране. Если бы полиции удалось доказать, что «Блейденем-холл» был публичным домом, то я бы нашел свидетельства того, что мой клиент ничего об этом не знал.

Я начал выходить из себя. Уклончивость Денни заставила меня говорить без обиняков.

– Пайпер – мошенник?

– На суде я узнал о нем такое, что никогда не согласился бы еще раз защищать его, – ответил Денни.

Яснее сказать было трудно. Я на минуту задумался.

– Если бы об этом стало известно Комиссии по азартным играм штата Невада, не потерял бы Пайпер свою лицензию? – И «Таити» тоже, добавил я про себя.

Денни сложил руки кончиками пальцев и упер их в подбородок.

– Трудно сказать. Я очень плохо знаю специфику законов Невады. Пайпер не был признан виновным, так что об автоматическом лишении лицензии не могло быть и речи. Решение зависело бы от того, насколько тщательно Комиссия изучает аппликанта и каким критериям она отдает предпочтение. Но в любом случае подобное известие по меньшей мере затруднило бы выдачу лицензии.

Я встал.

– Благодарю вас, мистер Денни. Вы мне очень помогли.

– Не за что. В любое время к вашим услугам.

Мы пожали друг другу руки, и я направился к двери. Денни окликнул меня:

– Пол!

Я повернулся.

– Не знаю, что вы имели в виду, когда сказали, что, возможно, здесь есть какая-то связь с гибелью Дебби, – проговорил мистер Денни, – но у меня сложилось определенное представление о методах работы Пайпера. Несмотря на внешность джентльмена, он опасен. Мне нравилась Дебби. Мне очень горько, что ее уже нет. Если вам потребуется любая помощь, звоните мне.

– Благодарю, – сказал я.

– Будьте осторожны, – еще раз предупредил Денни, когда я уже выходил.

Вечером пошел дождь. Тем не менее я отправился на обычную пробежку. Теплый августовский дождь, под которым моя спортивная куртка очень скоро промокла, лишь освежал. Я вернулся домой усталый, промокший до нитки, но в отличном настроении.

Постепенно эффект эндорфинов сошел на нет, и у меня снова стало дергать палец. Я осторожно снял бинт и осмотрел рану. Порез был глубоким, но довольно тонким – очевидно, потому что нож был очень острым, – и рана уже начала затягиваться. Чтобы не схватить простуду, я прыгнул в ванну, опустил раненую руку под воду и полностью расслабил мышцы.

Зазвонил телефон. Я негромко выругался и не двинулся с места. Телефон звонил не умолкая. Я неохотно выполз из ванны и, оставляя мокрые следы, пошлепал в спальню.

– Алло.

– Я тебя предупреждал, чтобы ты не путался у меня под ногами.

Капли горячей воды на моем теле вдруг показались мне ледяными. Это был бесстрастный голос Джо Финлея.

Я не знал, что ответить. Джо был прав. Он сказал мне, чтобы я не лез в его дела. Зачем мне это было нужно? Я не придумал ничего лучше, как спросить:

– Как ты узнал номер моего телефона?

– А как ты узнал номер моего?

Хороший ответ. Как и я, он мог, например, спросить у Кэша. В таком случае, очевидно, он знает и мой адрес. У меня по коже пробежали мурашки. Я стянул с кровати одеяло и завернулся в него.

– Я тебя предупреждал, чтобы ты не путался у меня под ногами, – повторил Джо. – За последние двадцать четыре часа ко мне два раза заходили полицейские. Сначала какая-то шлюха в форме спрашивала про меня и Салли. Салли ничего ей не сказала. И не скажет. Она знает, что с ней может случиться. – Свою угрозу Джо проговорил все тем же монотонным, безразличным тоном. – Потом заявился какой-то зануда-детектив и замучал меня вопросами о смерти той потаскухи. Он тоже ушел ни с чем. Но меня все это раздражает. Сильно раздражает. Тебе повезло, что ты не потерял свой палец. Если ты от меня не отстанешь, то потеряешь гораздо больше. Понял?

Я не на шутку испугался. И зачем мне нужно было с ним связываться? Потому что я думал, что он убил

Дебби, напомнил я себе. Что ж, раз полицейские уже опросили Джо, пусть они теперь им и занимаются.

– Понял, – сказал я.

Джо на октаву понизил голос, отчего его слова зазвучали еще более угрожающе.

– Послушай, Марри, я больше ничего не хочу слышать о той потаскухе. А если ты еще раз подойдешь к моей жене или скажешь кому-то о ней, то считай, ты уже покойник.

Я был напуган, но не хотел, чтобы Джо это понял. Мне вовсе не нравилось, когда меня унижали.

– Если ты будешь обращаться с ней по-человечески, – сказал я, – никто тебя не станет беспокоить. Твои угрозы теперь тебе не помогут.

Я положил трубку, вытерся и позвонил Пауэллу домой. В свое время он дал мне номер домашнего телфона. Мне не терпелось узнать, что Джо рассказал ему о Дебби.

– Пауэлл слушает, – отозвался раздраженный, неприветливый голос.

– Это Пол Марри.

– Слушаю вас, мистер Марри.

– Мне только что позвонил Джо Финлей. Он сказал, что вы с ним говорили.

– Да. Сегодня мы его опросили.

– И что же вам удалось выяснить?

– Ничего нового. Финлей сказал, что он уехал на такси с двумя своими приятелями сразу после того, как они вышли из ресторана. Приятели все подтвердили. Все

трое сказали, что в последний раз видели Дебби вместе с вами.

– Но этого не может быть! – запротестовал я. – Вы нашли водителя этого такси?

В телефонной трубке прозвучал тяжелый вздох Пауэлла.

– Нет, мистер Марри, не нашли. Без объявлений в средствах массовой информации это практически невозможно. Но если только вы не абсолютно уверены, что они совершили убийство втроем, думаю, мы можем исключить Финлея из числа подозреваемых.

– Нет, не можете. Вы видели его, вы представляете себе, что это за тип. Я уверен, он убил Дебби. Вы проверили, какие у него были отношения с нею?

– Мы говорили с Фелисити Уилсон. Совершенно очевидно, что Финлей – подонок, но у нас нет ни одной улики, которая подтверждала бы его вину в смерти Дебби Чейтер. Больше того, у нас нет никаких доказательств того, что ее смерть была насильственной. И даже если это так, то последним человеком, который видел ее живой, были вы.

– Надеюсь, вы не думаете, что Дебби убил я?

– Нет, мистер Марри, думаю, что и вы ее не убивали, – ответил Пауэлл голосом великомученика. – Лично я полагаю, что это было самоубийство, но и для такого утверждения у меня нет никаких данных. Предварительное слушание назначено на завтра, и я не удивлюсь, если факт самоубийства не будет признан доказанным. Чтобы не причинять лишнее горе родственникам, суды признают самоубийство самоубийством только при наличии очень веских

доказательств. Благодарю вас за помощь в расследовании, мистер Марри. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответил я и положил трубку.

Итак, Джо каким-то образом вышел сухим из воды. Я ему не верил. Я не верил ему ни на йоту.

Я налил большую порцию виски и попытался уснуть. У меня в голове звенела мелодия колыбельной песенки «Три слепых мышонка». Наконец я задремал. Мне приснилась тощая фермерша, которая бегала, размахивая огромным ножом.

Утром в субботу за мной заехал Кэш. Он оделся специально для Хенлейской регаты – блейзер, белые брюки и невероятно яркий галстук в пурпурную, золотую и серебряную полоску. Он приехал на сером «Астон-мартине» шестидесятого года. Я не очень хорошо разбираюсь в старых спортивных автомобилях, но мне показалось, что такую же модель я видел в фильме про Джеймза Бонда. Я не мог скрыть свое восхищение и чуть было не стал осматриваться в поисках скрытых пулеметов и приспособленных для катапультирования сидений.

Кэш заметил мою реакцию и осклабился в довольной улыбке.

– Нравится? – спросил он. – Я помешан на старых автомобилях. У меня в Штатах старый «мерседес» и два «ягуара». Летом в выходные я обожаю кататься в «мерсе» с опущенным верхом.

– Должно быть, в седом старом Лондоне ощущения другие, – заметил я.

– О да. Но мне здесь нравится. Видишь ли, к европейцам, особенно к британцам, привыкаешь не сразу.

– Что ты имеешь в виду?

– При первой встрече от них всегда за милю несет враждебностью. Ты всего лишь поздороваешься, но тебе сразу кажется, что ты нарушил какие-то правила этикета. Когда их узнаешь поближе, они оказываются отличными парнями. Не сочти за оскорбление.

– Я и не думал обижаться. Кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду. Британцы не любят иметь дело с незнакомыми им людьми.

Я вполне мог себе представить ужас, который охватывает какого-нибудь сдержанного британского клиента при первой встрече с Кэшем. Но затем клиент постепенно поддается его чарам.

– И не говори. Сначала британец обязательно несет какую-нибудь чепуху насчет того, что все они очень осторожны и консервативны. Можно подумать, что покупка казначейского векселя была самым рискованным приключением в его жизни. Но после недолгих уговоров он как зверь бросается на мои облигации. Я живу в Британии год и за это время совершил несколько очень удачных сделок.

Мы остановились перед светофором. Кэш сосредоточился и при первой возможности рванул с места так, что стоявший бок о бок с нами «порше» словно застыл на месте. Лавируя между машинами, Кэш продолжал:

– В Лондоне многие понятия не имеют, что такое сделки с облигациями. Если они скормят какому-нибудь

швейцарскому гному на миллион долларов бумаг нового выпуска, то уже считают, что они продали облигации. Чепуха. Они ничего не понимают. Продажа облигаций – это движение огромной массы денег по всему свету. Это финансирование одной части света другой. Понимаешь, о чем я?

Я кивнул и вжался в спинку сиденья, потому что в этот момент Кэш, стремясь поскорей преодолеть особенно забитый участок дороги, вырвался на полосу встречного движения и ракетой устремился вперед. Казалось, он не слышит рева автомобильных клаксонов, который подняли возмущенные водители.

– Расскажу тебе одну историю про то, как крутятся деньги. В Бостоне был один парень, который хотел вложить пятьсот миллионов долларов в еврооблигации. Мы напечатали три новых выпуска и отдали ему половину каждого. Через три месяца мы становимся обладателями обеспеченных недвижимостью облигаций, от которых не можем избавиться. Облигаций на пятьсот миллионов долларов. Кредитные ставки вырастают в три раза. Тогда я убеждаю того парня из Бостона, что в конечном счете ему нужны не еврооблигации, а закладные. Он продает свои еврооблигации и покупает наши, обеспеченные закладными.

Итак, наша фирма решила одну проблему. Беда в том, что теперь у нас на пятьсот миллионов никому не нужных еврооблигаций. Я выжидаю неделю. Трейдер в отчаянии, он никак не может продать свои еврооблигации. Кредиты снова вырастают в три раза, и я решаю позвонить своему приятелю из калифорнийской страховой компании, у которого на руках миллиард долларов. Он хотел бы их во что-то вложить, но во что

именно – он не знает. Получается, что для него я нашел идеальное место для инвестиций.

Рассказывая эту историю, Кэш постоянно смеялся.

– Знаешь, почему меня зовут Кэшем? Слышал когда-нибудь поговорку «cash is king»*? *< Наличные – это король (англ.).>* Так вот, я – король наличных денег. Я ими управляю. Менеджеры разных фирм верят, что они распоряжаются деньгами своих фондов, но на самом деле ими распоряжаюсь я. Парни вроде меня приводят деньги в движение, а я – самый ловкий из таких парней. И как только деньги начинают двигаться, часть их попадает в мой карман. Знаешь, сколько составляют комиссионные от полумиллиардной сделки с тройной ставкой кредита? Прикинь.

Я прикинул. Существуют разные системы подсчета комиссионных; согласно моим расчетам получалось чуть меньше миллиона долларов. Теперь я понял, почему Кэш может позволить себе дорогие игрушки.

– Но я вижу, что ты не такой, как все, – продолжал Кэш. – Ты не боишься рисковать. Если представляется возможность, ты готов поставить на кон большие деньги. Думаю, мы с тобой можем делать крупные дела.

Определенно, на Кэше замыкалась масса рынков облигаций. Ради него и ради таких, как он, я и ушел из своего старого степенного банка. Я не сомневался, что тоже смогу стать крупным игроком на этом рынке. Мы с Кэшем могли бы всех оставить в дураках.

Потом я мысленно стукнул себя по лбу. Наверно, Кэш говорил то же самое всем своим клиентам. Нет, он не специально завлекал их в сети, на Кэша работала его репутация. Но я не мог отделаться от одной мысли: когда

Кэш катал своего бостонского приятеля в «мерседесе» с опущенным верхом, он, очевидно, так же презрительно отзывался о своих британских клиентах и партнерах.

– Ты еще сохранил связи с американскими клиентами?

– Регулярные связи я поддерживаю только с одним. У меня с ним, можно сказать, особые отношения. Но если вздумаю возобновить старые связи, мне достаточно поднять телефонную трубку. Клиенты меня не забывают.

На развязке мы свернули на автомагистраль М4. Движение и здесь было довольно плотным, но по крайней мере не было пробок. Кэш перестроился в правый ряд и, сигналя фарами, обгонял одну машину за другой.

– Каким образом ты попал в этот бизнес? – поинтересовался я.

– Как-то раз в баре я встретился с неким ирландцем. Мы жили в одном районе Бронкса, но прежде я его не видел. Мы быстро нашли общий язык и здорово набрались. Разница между нами была в том, что мне было двадцать лет, и я пришел в джинсах, а ему – пятьдесят, и на нем был дорогой костюм. У него выдался неудачный день. Я ему посочувствовал. Он спросил, чем я занимаюсь. Я сказал, что работаю в скобяной лавке. Он спросил, не хочу ли я поработать в его лавке. Я согласился. Я начал с разноса почты и сам пробивался наверх. Это была постоянная борьба.

– Как тогда было в Бронксе? Не опасно? – спросил я.

– Опасно, конечно, но только для чужаков. В своем квартале ты был в полной безопасности. Любой защитил

бы тебя. Сейчас, когда на каждом углу продают крэк, конечно, все изменилось. Раньше тоже были преступления, убийства, но не без причин, а теперь тебя могут убить просто так. Меня от этого тошнит.

Я бросил взгляд на Кэша. Он стиснул зубы, его щеки порозовели. Воспоминания только расстроили его.

– В нашем районе живут умнейшие люди, – продолжал Кэш. – Но страна не обращает на них внимания, не замечает их. Я никогда не забуду, что тот ирландец сделал для меня. Я тебе не говорил, что потом купил этот бар?

– Нет, – сказал я.

– В самом деле купил. Это было прелестное небольшое заведение рядом с моим домом. Несколько лет назад пришлось его закрыть. Когда появился крэк, стало твориться что-то совсем дикое. Но я вывел на Уолл-стрит тридцать ребят. Кое-кто из них уже пошел далеко.

Кэш бросил на меня взгляд и улыбнулся. Он явно гордился тем, чего достиг он сам, и тем, что он помог добиться успеха другим. Я не сомневался, что ему было чем гордиться.

Хенлейская регата оправдала все мои опасения. День выдался самым обычным для июля в Англии. Резкие порывы ветра, ливневые дожди, которые, не успев закончиться, начинались снова.

Очень скоро все перестали даже делать вид, что их интересует регата. В палатке собралось около сотни сотрудников и клиентов банка «Блумфилд Вайс». Все

поглощали лососину и запивали ее шампанским. Воздух был настолько насыщен влагой, что, казалось, стало даже трудно дышать. Душную атмосферу палатки дополнял неумолчный шум: стук дождевых капель по крыше, звон тарелок, одновременная болтовня по меньшей мере пятидесяти человек, изредка все эти звуки заглушал чей-то истерический смех – очевидно, результат неумеренного потребления шампанского. Великолепный отдых за городом, ничего не скажешь.

В толпе я заметил высокую Кэти, которая беседовала с группой японцев. Она перехватила мой взгляд, извинилась перед японцами и стала медленно, но верно пробираться сквозь толпу ко мне. О Боже, ее мне только не хватало.

– Надеюсь, вам здесь понравилось, – сказала она.

В ответ я пробормотал что-то насчет того, что прием «Блумфилд Вайс» превзошел все мои ожидания.

Кэти посмотрела на меня и рассмеялась.

– Ужасно, не правда ли? Не знаю, зачем мы все это устраиваем. Впрочем, думаю, некоторым нужен только предлог, чтобы в субботний вечер как следует напиться. Я здесь по обязанности. А вас как сюда занесло?

Я впервые услышал, как Кэти смеется. Ее непринужденный, чистый смех разительно отличался от пьяных воплей, доносившихся со всех сторон. Я решил, что выдавать Роба мне не стоит, и поэтому сказал:

– Понимаете, Кэш очень настаивал.

– Конечно, понимаю, – с улыбкой сказала Кэти. – На работе я сталкиваюсь с ним каждый день.

– Должно быть, это очень интересно, – сказал я.

Кэти сделала гримасу и тут же, держа бокал с шампанским на уровне глаз, снова улыбнулась мне.

– По этому поводу заявлений не будет, – ответила она.

– Вы не знаете, кто тот ваш американский клиент, с которым Кэш и сейчас поддерживает «особые отношения»? Не тот ли ссудо-сберегательный банк, который купил на пятьдесят миллионов шведских облигаций?

Улыбка сбежала с лица Кэти. Я переступил черту дозволенного.

– Теперь я действительно ничего не могу сказать, – резко ответила она, в мгновение ока снова перевоплотившись в сейлсмена в юбке. – Я не имею права обсуждать одного клиента с другим.

Очевидно, она запомнила урок, который недавно преподал ей Кэш. Моему любопытству было суждено остаться неудовлетворенным.

Я отчаянно пытался найти менее опасную тему для разговора, когда рядом со мной откуда-то возник Роб.

– Привет, Пол, – сказал он. Потом он бросил строгий взгляд на Кэти. – Здравствуйте.

– Здравствуйте, – холодно ответила она. – Как дела?

– Отлично.

– Почему вы не отвечаете на мои звонки?

– О, я не знала, что вы звонили, – ответила Кэти.

– Вчера вечером я звонил четыре раза, а днем раньше – шесть раз. Мне отвечала ваша соседка. Она

должна была передать вам. Вы получили записку с букетом цветов?

– К сожалению, у моей соседки очень плохая память, – в отчаянии оглядываясь по сторонам, сказала Кэти.

– А что вы делаете сегодня вечером? Может быть, мы пойдем пообедаем?

Кэти наконец перехватила чей-то взгляд в дальнем углу палатки и повернулась ко мне и Робу.

– Прошу прощения. Там стоит мой клиент, которого я обязательно должна увидеть. Пока.

И она ушла.

– Знаешь, мне кажется, она избегает меня, – озадаченно заметил Роб.

Сдержать улыбку было выше моих сил.

– Ты действительно так думаешь?

– Ты ничего не понимаешь. Я тоже не понимаю. Она – чудесная женщина. Мы встречались три раза. Она не похожа ни на кого. Я таких женщин не видел. Между нами что-то есть. В этом я уверен.

– Ты еще не сделал ей предложения?

Обычно девушки убегали от Роба, как только он делал им предложение, но предлагать руку и сердце уже на третьем свидании, пожалуй, быстровато даже для Роба.

– Нет, до этого еще не дошло, – серьезно ответил он. Впрочем, по его виду нетрудно было догадаться, что ждать осталось недолго. – Но я прямо сказал ей, что она мне очень нужна.

– Роб, я уже не раз говорил тебе, останавливай себя, – с отчаянием в голосе сказал я. – Подобным образом ты отпугиваешь уже третью девушку.

– Четвертую, – поправил меня Роб.

В обычной ситуации у меня хватило бы сил утешить Роба. Но эта неделя выдалась крайне неудачной, погода была отвратительной, и мне ужасно хотелось домой.

Я знал, что Кэш уедет не раньше, чем через два-три часа. К тому же мне вовсе не хотелось терпеть его самодовольную болтовню и на обратном пути. Поэтому я вышел из палатки, сел на автобус, доехал до вокзала и на поезде вернулся домой. В поезде, глядя из окна на набухшую от дождей Темзу, я вспомнил Кэти. Там, в палатке, на какое-то мгновение она показалась мне почти нормальным человеком. Такой она мне нравилась. Возможно, подумал я. Роб не такой уж и дурак.

Девятая глава

На рынках еврооблигаций август – всегда мертвый сезон. Причин тому больше чем достаточно. Все европейцы разъезжаются по отпускам, в том числе и те чиновники, которые работают в правительственных агентствах, выпускающих еврооблигации. Летняя жара в Бахрейне и Джидде притупляет инстинкт азарта даже у самых стойких арабов, и многие из них отправляются в Лондон, Париж и Монте-Карло – часто для того, чтобы играть фишками, а не облигациями.

Разумеется, многие лондонские трейдеры и сейлсмены не женаты или хотя бы бездетны. В августе им меньше всего хотелось бы присоединяться к шумным семейным компаниям на пляжах. Но август – лучший месяц для отдыха. Существует неписаный закон – в августе не раскачивать лодку, не дестабилизировать рынок, что заставило бы нас весь месяц думать только о работе. Рынок занимается самоанализом, все составляют планы на первую неделю сентября.

Обычно такие сезонные перемены раздражали меня. Но на этот раз моя голова была занята другими проблемами, и я был рад той свободе, которую принес август.

Моими проблемами были Дебби и Джо.

Мне казалось очевидным, что в тот вечер Джо поджидал Дебби и потом швырнул ее в реку. Он был там, и он определенно был способен на убийство. Но почему он убил Дебби? Даже такие подонки, как Джо, не шляются по Лондону, убивая прежних подружек только

потому, что им этого вдруг захотелось. У Джо должна быть причина. Какая же?

И потом эта история с такси, в которое будто бы сели Джо и два его приятеля, стоило им выйти из ресторана. Вполне возможно, что приятели прикрывали Джо, а полиция им поверила. А если полицейские правы, то как же умерла Дебби?

Я никогда не верил, что Дебби упала в воду случайно. Никак не мог я поверить и в версию о самоубийстве. Это было совершенно исключено. Кому же еще могло понадобиться убивать Дебби?

Чем больше я размышлял над этими загадками, тем чаще мои мысли невольно возвращались к Пайперу. Его не мог не беспокоить тот факт, что Дебби знала о деле с «Блейденем-холлом». Пайпер определенно не казался мне самым добропорядочным гражданином. Лиши его Комиссия по азартным играм лицензии, и все планы строительства «Таити» пришлось бы положить на полку. В лучшем случае ему удалось бы продать недостроенный комплекс, но даже тогда возместить затраты было бы практически невозможно. Еще один опасный враг.

И еще это расследование о покупке акций компании «Джипсам». Может быть, здесь есть какая-то связь с гибелью Дебби?

Мне были позарез нужны новые факты.

В поисках информационной памятной записки о «Таити» я порылся в стопке проспектов, лежавших на моем столе, но прежде мне попался проспект «Тремонт-капитала». Я прекратил поиски и решил сначала подробнее познакомиться с этой компанией. Проспект был тонким и довольно бессодержательным.

Никаких фирменных эмблем, никаких иллюстраций. Я стал читать брошюрку. Очень внимательно.

«Тремонт-капитал NV» оказалась офшорной инвестиционной компанией, зарегистрированной на нидерландских Антильских островах специально для того, чтобы предоставить возможность состоятельным бизнесменам уклоняться от налогов. Компания инвестировала средства в ценные бумаги, о которых никаких сведений не приводилось. Через «Блумфилд Вайс» компания выпустила облигаций на сорок миллионов долларов в расчете на частное размещение. Компания «Де Джонг» купила этих облигаций на двадцать миллионов долларов. Инвестировать в столь темную офшорную компанию нас подтолкнули гарантии «Хонсю-банк лимитед». «Хонсю» был одним из крупнейших банков Японии, и его гарантия обеспечивала высший рейтинг надежности облигаций. Инвесторам не было нужды беспокоиться о надежности компании «Тремонт-капитал» или о том, куда эта компания вкладывала деньги, если только им предоставлялась столь солидная гарантия.

Но Дебби беспокоили кое-какие детали.

Я внимательно прочел весь проспект. Обычный казенный язык юридических документов, недоступный простым смертным. Ничего необычного я не заметил. Единственным держателем акций офшорной компании была некая «Тремонт-холдинг NV». Это название ничего мне не говорило, и я понимал, что если учесть законы конфиденциальности, действующие на нидерландских Антиллах, скорее всего, мне ничего не удастся узнать о владельце акций.

И все же пока я не видел ничего подозрительного.

Потом я обратил внимание на номер телефона, написанный карандашом на полях в разделе «Характеристика поручителя». Судя по коду, это был токийский номер. Должно быть, подумал я, банка «Хонсю». Я бросил взгляд на часы. В Токио было уже поздновато, но шанс застать кого-то на рабочем месте еще сохранялся. Я набрал номер, понятия не имея, что же я должен буду спросить.

После нескольких неудачных попыток меня соединили с кем-то из сотрудников банка, владевшим английским.

– Говорит Хаката.

– Добрый вечер, мистер Хаката. Это Пол Марри из лондонской. компании «Де Джонг». У меня к вам большая просьба. Я навожу справки о частном размещении облигаций «Тремонт-капиталом», в котором ваш банк выступил поручителем.

– Очень сожалею, – отозвался мистер Хаката.

Проклятье, подумал я. Как раз в тот момент, когда мне нужна помощь.

– Мистер Хаката, я был бы очень признателен за любую информацию. Видите ли, мы являемся главным инвестором.

– Я был бы рад вам помочь, мистер Марри, но у нас нет никаких данных о подобном поручительстве.

– Нет, вы меня не поняли. Передо мной лежит проспект. На прошлой неделе кто-то из вашего банка беседовал об этих облигациях с моим коллегой, мисс Чейтер.

– Это я разговаривал с мисс Чейтер. Несколько месяцев назад я же говорил об этом с мистером Шофманом. Мы абсолютно уверены, что наш банк не давал никаких гарантий этой «Тремонт-капитал». У нас нет никаких документов, что такая гарантия когда-либо давалась. Если у вас есть какая-либо информация об этой компании, нам бы очень хотелось ее проверить. Нам не нравится, когда злоупотребляют репутацией нашего банка.

– Очень вам признателен, мистер Хаката. Как только у меня появятся какие-либо сведения, я перешлю их вам. До свиданья.

Чепуха какая-то. Невозможно себе представить, чтобы в банке «Хонсю» ничего не знали о поручительстве, данном этим же банком. Я не сомневался, что Хаката проверил свои папки очень тщательно. Но ведь банк «Хонсю» – очень большое учреждение. Возможно, поручительство где-то затерялось. Маловероятно, но в принципе почти возможно, рассуждал я.

Если об этих облигациях ничего не знали в банке «Хонсю», то уж в «Блумфилд Вайс» должны были знать. Я решил позвонить туда. Но не Кэшу. Если Дебби была права и с этими облигациями действительно не все чисто, то пока мне не хотелось бы даже намекать Кэшу на мои подозрения. Поэтому я позвонил в архив «Блумфилд Вайс», в котором должны были храниться все сведения о любых облигациях, к которым банк когда-либо имел отношение.

Мне ответил молодой женский голос.

– Архив.

– Доброе утро. Говорит Пол Марри из компании «Де Джонг». Вы не могли бы выслать мне имеющуюся у вас документацию о частном размещении облигаций «Тремонт-капитал NV»? Ваша компания занималась этими облигациями около года назад.

– К сожалению, у нас нет никакой информации об этом выпуске облигаций, – немедленно ответила архивистка. Ей даже не понадобилось рыться в картотеке или в папках.

– Но она должна быть. Вы не могли бы проверить?

– Я проверяла. На прошлой неделе звонила ваша сотрудница мисс Чейтер. У нас нет никаких документов об этом выпуске. Дело в том, что этого выпуска никогда не существовало.

– Должно быть, вы ошиблись. Вы не можете быть совершенно уверены. Пожалуйста, проверьте еще раз.

– Мистер Марри, я проверила очень тщательно. – В голосе архивистки прорезались нотки возмущения. Очевидно, она была из тех, кому не нравятся сомнения в их профессиональной компетентности. – Мисс Чейтер тоже была очень настойчива. Этого выпуска нет. Следовательно, неправы или наши архивы, или вы. Мы потратили сотни тысяч фунтов на создание современной системы поиска информации и соответствующей базы данных. «Тремонт-капитал» нигде даже не упоминается. Позвоните, когда узнаете правильное название ваших облигаций. Мы будем рады помочь.

С этими словами архивистка положила трубку. Судя по ее тону, она была рада сделать что угодно, только не помочь мне.

Я в полной растерянности откинулся на спинку кресла. Возможно ли, чтобы ведущий менеджер и поручитель ничего не знали о выпуске облигаций? Выпускались ли эти облигации вообще? Я задумался. Поскольку речь шла о частном размещении, то фондовые биржи могли ничего о нем не знать. Но в оформлении подобных сделок всегда принимают участие юристы. Я схватил проспект, полистал его еще раз и быстро нашел название юридической конторы, оформившей сделку: «Ван Креф, Хэрлен», Кюрасао. Странно. Я надеялся увидеть лондонскую или нью-йоркскую фирму. Еще через несколько минут изучения проспекта я нашел то, что искал: «Соглашение составлено в соответствии с законами нидерландских Антильских островов». Нет даже намека на обычное упоминание о законах Англии или штата Нью-Йорк.

Почему этого никто не заметил раньше? Наверно, подумал я, потому что все были заняты другими делами и просматривали документацию далеко не так тщательно, как следовало. Вероятно, увидев гарантии банка «Хонсю», все решили, что нет необходимости вчитываться в каждое слово, к тому же набранное мелким шрифтом.

Но на самом деле гарантии банка «Хонсю» не существовало. «Де Джонг» ссудил двадцать миллионов долларов офшорной компании, о которой мы не знали ничего. Мы не знали, кто ее владелец. Мы не знали, что она делает с нашими деньгами. Мы понятия не имели, вернем ли мы наши деньги. Очевидно, в соответствующих юридических документах было полно слабых мест.

Я тут же позвонил наверх, чтобы узнать, получали ли мы первые проценты по купонам этих облигаций. Оказалось, получали. Значит, пока мы еще ничего не потеряли. Кем бы ни был владелец этой темной компании, он, очевидно, намерен платить хоть какой-то процент, чтобы не вызвать подозрений. Я все больше приходил к убеждению, что мы стали жертвой очень умной аферы.

Спрашивать Кэша напрямик не было смысла. Если он замешан в этой афере, то своими вопросами я лишь насторожу его. На такой риск я не мог пойти. Но мне каким-то образом нужно было выяснить роль «Блумфилд Вайс». У меня родилась идея. Я поднял телефонную трубку и набрал номер.

– Алло, «Банк де Лозанн э Женев».

– Клер, это Пол. Тебя сегодня никто не приглашал на ленч?

– О, вот это сюрприз! Разумеется, я буду счастлива пообедать с тобой.

– Отлично. Встретимся у «Люка» в четверть первого.

Полгода назад Клер работала в «Блумфилд Вайс». Уж она-то должна хоть что-то помнить о «Тремонт-капитале» и о роли Кэша в этой афере. Кроме того, это был отличный предлог, чтобы пообедать с Клер.

Я пришел в ресторан чуть раньше, и официант проводил меня к столику у окна. Ресторан «Люк» располагался на третьем этаже, в середине Лиденхолл-маркета. Через распахнутое окно струились солнечные лучи, а вместе с ними в зал ресторана врывался шум из магазинов в нижних этажах здания.

Половина мест в ресторане пустовала, примерно к часу дня зал заполнят страховые агенты из близлежащего «Ллойда».

Клер мне пришлось ждать не больше двух-трех минут. На громкий стук ее каблучков по черно-белому полу, на узкую короткую юбку, обтягивающую бедра, и на чуть слышный ненавязчивый аромат ее дорогих духов оборачивались все мужчины. Подойдя к столику, она протянула мне руку, улыбнулась и заняла место напротив. Я не мог не почувствовать завистливые взгляды и гордо выпрямился. Клер нельзя было назвать классически красивой, но она была потрясающе сексуальна.

Мы заказали ленч и обменялись жалобами на мертвое спокойствие рынка. Через несколько минут я перешел к сути дела.

– Клер, я хотел бы обсудить с тобой одну проблему. Но это очень тонкое, очень щекотливое дело, и я буду очень признателен, если ты сохранишь этот разговор в тайне.

Клер засмеялась.

– О, Пол! Это изумительно! Секретное дело! Не беспокойся, я никому не скажу ни слова.

– Это касается Кэша.

Улыбка моментально сошла с лица Клер.

– Ах, Кэша! Этого сукиного сына.

– Почему ты так говоришь? Что он такого сделал? – спросил я.

– Наверно, сначала мне нужно открыть тебе другой секрет. – Она опустила глаза, взяла нож и принялась

играть им. – Ты знаешь, что до БЛЖ я два года работала в «Блумфилд Вайс», – начала она. – Так вот, примерно за год работы я подобрала группу неплохих клиентов. Я совершала много сделок. Я была довольна, клиенты были довольны, «Блумфилд Вайс» был доволен. Потом из Нью-Йорка приехал Кэш Каллахан. У него была великолепная репутация, он привык к большим деньгам, но в Европе у него не было надежных клиентов. Тогда он украл моих.

– Как ему это удалось? – спросил я.

– Сначала он действовал незаметно, все получалось как бы само собой. Он разыскал крупные счета, покрытие которых сейлсмены не успевали обеспечить. Он предлагал им «помощь». Дело кончалось тем, что клиент предпочитал иметь дело непосредственно с Кэшем, а не со своим сейлсменом. В каком-то смысле ничего плохого в этом не было, клиент получал лучшее обеспечение, а компания зарабатывала больше денег. Но потом Кэш перешел к более жестким методам.

Что касается меня, то он приметил несколько моих самых крупных клиентов. Стоило мне выйти из офиса, как он начинал им названивать. Но клиенты хотели работать со мной. Тогда он распустил слух о связи между мной и одним из клиентов. Прошу прощения, но я не могу назвать его имя.

– Что за слух?

– Он говорил, что я сплю с этим клиентом и поэтому он предпочитает иметь дело со мной, – сказала она дрожащим от негодования голосом. – Это было нелепо. И бесконечно далеко от истины. Клиент совершал большинство сделок через меня по единственной причине: я подавала ему хорошие мысли, и он

зарабатывал на этом деньги. У меня никогда не было никаких отношений с этим клиентом, кроме чисто деловых. Никогда! Это было бы совершенно непрофессионально.

Клер подняла голову и, еще не остыв, бросила на меня сердитый взгляд. Потом она рассмеялась.

– О, Пол, не принимай так близко к сердцу.

От смущения я покраснел. Ее заявление насчет профессионализма в отношениях с клиентами разбило начавшие было зарождаться во мне слабые надежды. Я не знал, что огорчение написано у меня на лице.

Клер вернулась к рассказу:

– Я об этом ничего не знала. Не знал и мой клиент. Но все об этом болтали, во всяком случае так мне передавали. Все рассказывали и пересказывали сочиненную Кэшем историю, так что через месяц-другой я ее слышала уже от нескольких человек; значит, это просто должно было быть правдой. Уверена, что-то слышал и мой босс, но, очевидно, счел только слухами. Разумеется, я ничего не могла отрицать. Я не знала, что я должна была отрицать.

Однажды Кэш пришел к моему боссу и сказал, что из-за моего романа с клиентом «Блумфилд Вайс» стал посмешищем всего Сити. Он даже привел какие-то цифры, которые он якобы получил от надежного человека в компании моего клиента, и эти цифры говорили, что девяносто пять процентов своих дел он проворачивает через меня. Думаю, Кэш просто выдумал эти цифры. Я знаю, что мой клиент много работал и с другими агентами.

Мой босс вызвал меня и сказал, что или я уйду по собственному желанию, или он будет вынужден начать служебное расследование. Он сказал, что в результате расследования мой клиент пострадает едва ли не в большей мере, чем я. Я была шокирована. К сожалению, потом я сорвалась. Я ругалась и кричала, я высыпала на голову босса все ругательства, все нецензурные слова, какие только знала, и сказала, куда он может засунуть свое расследование. Меня уже несколько месяцев уговаривали перейти в БЛЖ. Не прошло и недели, как я работала на новом месте.

– А не лучше ли было бы вести себя более разумно? Ты могла бы вернуть себе доброе имя. Кэш никак не сумел бы ничего доказать.

– К тому времени я уже проиграла. У меня не было ни малейшего желания публично доказывать свою честность, я вовсе не хотела, чтобы чужие люди под микроскопом копались в моей личной жизни, и все это только ради сомнительного удовольствия продолжать работу бок о бок с такими подонками.

– Понимаю, – сказал я, чувствуя, как в моей груди тоже закипает злоба. – Ты права. Ну и сукин сын. Весь наш бизнес – это питомник подонков. Из ничего они делают бешеные деньги. Они считают себя гениями, но в сущности просто -обкрадывают клиентов и коллег. Если бы все они делали свое дело честно, то всем осталось бы более чем достаточно места.

Я не мог сдержать раздражение, слова вылетали все быстрее, я повысил голос. Клер рассмеялась.

– О, Пол! Ты такой хороший. Принимаешь все так близко к сердцу. Ты такой идеалист. Но мир следует не тем законам, какие тебе нравятся. Припеваючи живут

только крепкие парни, Самые подлые мерзавцы зарабатывают самые большие деньги, У меня-то все в порядке. Я выполняю ту же работу за большую зарплату, и к тому же меня окружают хорошие люди. – Из-под длинных ресниц она улыбнулась мне своими огромными, подернутыми влагой глазами. – Но ты хотел посвятить меня в свой секрет.

Я попытался взять себя в руки.

– К сожалению, я не могу рассказать тебе все детали, отчасти потому, что и сам их еще не знаю. Но в любом случае ничего никому не говори. – Я понизил голос. – В прошлом году «Де Джонг» купил у «Блумфилд Вайс» облигаций по частному размещению, выпущенные компанией «Тремонт-капитал». Нам облигации продал Кэш. Что тебе об этом известно?

– «Тремонт»... «Тремонт-капитал»... – бормотала Клер, напряженно сдвинув брови. – Название вроде бы я где-то слышала, но я не... Стоп! Знаю! Гарантом сделки выступил японский «Индастриал банк», да?

– Не совсем, это был банк «Хонсю». Но ты почти угадала, – ответил я.

– Да, смутно припоминаю. Выпуск был на небольшую сумму, да?

– На сорок миллионов долларов, – подтвердил я. – Ты продавала эти облигации?

– Нет. Это была одна из «особых сделок» Кэша. Думаю, он сам все подготовил. Никто из нас понятия не имел о продаже. Все комиссионные получил он.

Особые сделки. Особые клиенты. Не многовато ли у Кэша особого бизнеса?

– Ты что-нибудь знаешь об этой компании?

– «Тремонт-капитал»? Абсолютно ничего. Не слышала ни слова о ней ни до этой сделки, ни после нее.

– Может, знает кто-то еще?

– Нет. Когда Кэш готовит сделку, он все делает сам до самого конца. Потом он провозглашает о своей очередной победе.

– Но кто-то из фирмы должен был ему помогать, составлять документацию, продумывать детали, – настаивал я. – Возможно, он имел дело с кем-то из «Корпорейт файненс»?

– Думаю, в Лондоне у него нет никого. Но по поводу своих особых сделок он говорил по телефону с одним нью-йоркцем. Как-то раз я его даже видела, когда он был в Лондоне. Низенький толстый парень. Вайгель. Кажется, Дик Вайгель.

– Ты не помнишь, кто купил остальные облигации?

– Кажется, помню. Я слышала, как Кэш предлагал их «Де Джонгу». Это у него много времени не заняло. А потом он позвонил еще раз и продал весь остаток. Помню, я удивлялась, как это можно продать весь выпуск за два телефонных звонка. Мне Кэш противен. Но надо признать, он отличный сейлсмен.

– Кто был вторым покупателем?

– Я так и знала, что ты об этом спросишь, – сказала она. – Дай подумать... Вспомнила! Это был «Харцвайгер банк».

– «Харцвайгер банк»? Это небольшой швейцарский банк, не так ли?

– Не обязательно небольшой. Но определенно очень скрытный. Через этот банк строго конфиденциально проходят колоссальные деньги. У Кэша с «Харцвайгером» много общих дел.

– С кем он там разговаривал?

– С неким Гансом Дитвайлером. Личность не из самых приятных. Я пару раз с ним говорила.

Я выжал из Клер все, что ей было известно, – по крайней мере что ей было известно о «Тремонт-капитале».

– Еще один вопрос, – сказал я.

– Да?

– Кто такой Гастон?

– Гастон? Я не знаю никакого Гастона. – Потом Клер хихикнула. – О, ты имеешь в виду моего парижского любовника? К сожалению, это мифическая личность. Я выдумала Гастона специально для Роба.

– Это жестоко. Он очень переживал.

– Он стал слишком настойчив. Мне нужно было как-то выйти из этого дурацкого положения. Я подумала, что так будет лучше всего. Понимаешь, Роб какой-то странный.

– Странный?

– Ну да. Что-то в нем такое есть. Он так впечатлителен, что невольно начинаешь думать, все ли у него дома. Никогда не угадаешь, что он сделает в следующую минуту.

– Это на Роба похоже, – успокоил я Клер. – Но он безобиден.

– Не знаю. Я в этом не уверена, – возразила Клер. – Я рада, что избавилась от него. – Она пожала плечами. – К тому же, как я тебе говорила, я не сплю со своими клиентами.

Клер поднесла бокал к губам и покосилась на меня. Огромные темные глаза, ярко-красный рот – она казалась мне живым огнем. У меня пересохло в горле.

– Никогда? – переспросил я.

Несколько секунд она смотрела мне в глаза, но я был не в силах понять, что именно говорил этот взгляд.

– Почти никогда, – сказала она.

После такого ленча сосредоточиться на работе было очень трудно. Пришлось приложить немалые усилия, чтобы мысли о Клер отошли на второй план, хотя время от времени они снова вытесняли все дела и заботы. Мне нужно было позвонить герру Дитвайлеру.

В «Справочнике Ассоциации дилеров по международным облигациям» я нашел «Харцвайгер банк». Телефон банка имел код Цюриха. Мне ответил женский голос.

– Могу я поговорить с герром Дитвайлером? – спросил я.

– К сожалению, его сейчас нет. Не могу ли я вам помочь? – ответили мне на отличном английском.

– Вероятно, можете, – сказал я. – Меня зовут Пол Марри, я работаю в лондонской компании «Де Джонг энд компани». У нас есть облигации частного размещения, которые, насколько мне известно, купили и вы. «Тремонт-капитал» с восьмипроцентным купоном с

погашением в 2001 году. Мы хотели бы купить еще один пакет этих облигаций, и я подумал, возможно, вы согласитесь их продать.

– О, «Тремонт-капитал»! Наконец-то нашелся человек, которого интересуют эти облигации. Понятия не имею, зачем мы их покупали. Поручительство банка «Хонсю» очень надежно, и процент довольно высок, но их никто не покупает и не продает. В нашем портфеле должны быть ликвидные бумаги, а не такой мусор. Какую цену вы предлагаете?

Я попал в затруднительное положение. Меньше всего на свете мне хотелось бы покупать лишний пакет этих проклятых облигаций. Но женщина из Цюриха говорила таким тоном, словно была готова продать их по любой цене!

– Я говорю по поручению одного из наших клиентов, – соврал я. – Он хотел купить наши облигации, но нам нечего было ему предложить. Прежде чем говорить с ним о цене, мне хотелось бы убедиться, что вы их в самом деле продаете.

– Понимаю. Тогда вам лучше всего дождаться герра Дитвайлера. Он сам покупал эти облигации. Он вернется примерно через час. Вы не можете перезвонить попозже?

– Конечно. Отличная мысль. Скажите ему о моем звонке.

Отлично. С Дитвайлером мне и нужно было поговорить.

Ровно через час я снова набрал цюрихский номер. Мне ответил неприветливый мужской голос:

– Дитвайлер.

– Добрый день, герр Дитвайлер. Говорит Пол Марри из «Де Джонг энд компани». Час назад я беседовал с вашей коллегой относительно возможности покупки принадлежащих вам облигаций «Тремонт-капитала» с восьмипроцентным купоном с погашением в 2001 году. Вы действительно заинтересованы в их продаже?

– К сожалению, вы ошиблись, мистер Марри. – Тяжелый немецкий акцент придавал дополнительную враждебность и без того не слишком дружелюбному тону. – Не знаю, где вы получили такую информацию. У нас нет и никогда не было таких облигаций.

– Но я говорил с вашей коллегой именно об этих облигациях, – настаивал я. – Она сообщила мне, что они у вас есть.

– Должно быть, она ошиблась. Возможно, она перепутала их с другими облигациями «Тремонт-капитала». В любом случае, содержимое наших портфелей мы считаем сугубо конфиденциальной информацией, которую мы никогда не раскрываем посторонним. Я только что напомнил об этом своей сотруднице. Всего хорошего, мистер Марри.

Я положил трубку и посочувствовал любезной швейцарской девушке. Напоминание о ее обязанностях со стороны герра Дитвайлера наверняка не доставило ей много радости. Грязное дело. А Дитвайлер врет и врет неумело. Никаких других облигаций «Тремонт-капитала» не существует. В «Харцвайгере» лежат те же облигации, что и у нас.

Но почему он не хочет в этом признаваться?

Положение становилось серьезным. Все говорило о том, что «Де Джонг» может потерять двадцать

миллионов долларов. Если мы не найдем эти деньги, то наша фирма окажется в критическом положении. Вероятно, по закону мы не обязаны компенсировать клиентам их потери, но я был уверен, что после этого клиентов у нас почти не останется. Мне нужно было рассказать обо всем Хамилтону. Его стол пустовал. Карен сказала, что Хамилтона не будет всю вторую половину дня и он появится только завтра утром, да и то не к началу рабочего дня.

На следующий день Хамилтон пришел к обеденному перерыву. Он сел за свой стол, включил компьютер и замер, глядя на экран.

Я подошел к нему.

– Прошу прощения, Хамилтон, – сказал я, – у вас есть несколько минут?

– Сейчас час двадцать семь. Данные об уровне безработицы поступят в час тридцать. У меня есть три минуты. Этого достаточно? – спросил он.

Я помедлил с ответом. Мне нужно было сообщить ему нечто очень важное, но я совсем не хотел рассказывать о таком запутанном деле в спешке. Если Хамилтон сказал, что у него три минуты, значит, он располагает ровно тремя минутами.

– Боюсь, это займет чуть больше времени, – сказал я.

– В таком случае садитесь. Вы можете чему-то научиться.

Сдержав нетерпение, я подчинился.

– Теперь расскажите мне, что сейчас происходит на казначейском рынке.

Хамилтон имел в виду рынок американских государственных облигаций, самый ликвидный рынок в мире. Большей частью инвесторы именно там получают представление о процентных ставках по долгосрочным облигациям.

– В течение последнего месяца курс снижался, – сказал я. – Все ждут повышения процентных ставок.

Когда курс государственных облигаций падает, доходы по ним возрастают, отражая надежды на более высокие процентные ставки в будущем.

– А почему курс снижается?

– Все боятся, что в США занятость может достичь максимума. В прошлом месяце уровень безработицы составил пять и две десятых процента. Многие экономисты полагают, что он не может опуститься намного ниже пяти процентов и что даже на этом уровне в системе будет скапливаться инфляционное давление. Предпринимателям будет труднее нанимать рабочих, поэтому им придется повышать заработную плату. Повышение заработной платы означает рост инфляции, а значит, более высокие процентные ставки. Поэтому курс государственных облигаций падает.

– Так что же произойдет после того, как будет достигнут критический уровень занятости? – спросил Хамилтон.

– Очевидно, рынок надеется, что уровень безработицы опустится до пяти процентов. Как я уже говорил, снижение уровня безработицы означает рост инфляции. Рынок опять-таки бросится продавать.

Мне всегда казалась нелепой эта ситуация: что хорошо для рабочих, то плохо для рынка облигаций.

Помню, как-то раз я оказался в операционном зале одной крупной фондовой биржи. Когда объявили, что работу потеряли на несколько тысяч больше рабочих, чем ожидалось, то в зале повсюду раздались радостные возгласы, а казначейский рынок просто взбесился. Вот и говори после этого о башне из слоновой кости!

– Вы правы. Действительно, почти все уверены, что уровень безработицы упадет до пяти процентов и что на рынке все бросятся продавать облигации. Что в такой ситуации должен делать я? – спросил Хамилтон.

– Если бы мы имели государственные облигации, мы могли бы их продать, – сказал я. – Но те, что у нас были, мы продали еще месяц назад, поэтому нам остается только сидеть и смотреть.

– Неправильно, – сказал Хамилтон. – Впрочем, смотрите сами.

Большой телевизионный экран показывал нам все, что происходило сейчас на рынке. Расположенные колонками зеленые циферки, мигая, быстро менялись по мере того, как покупались и продавались облигации, повышался или понижался их курс. Мы не упускали облигации, выпущенные на срок тридцать лет, попросту называемые «долгоиграющими». Сейчас их курс был равен 99.16, то есть девяносто девять и шестнадцать тридцать вторых или девяносто девять с половиной.

За одну минуту до объявления об уровне занятости зеленые циферки замерли. Никто ничего не продавал и ничего не покупал. Все ждали.

Эта минута казалась вечностью. Во всем мире, в Лондоне, в Нью-Йорке, во Франкфурте, Париже, Бахрейне, даже в Токио, сотни людей, сгорбившись, не

сводили глаз со своих экранов. Все ждали. В яме срочных сделок чикагской биржи тоже царили молчание и ожидание.

Раздался приглушенный сигнал, и через секунду на экранах появилось короткое сообщение Рейтер и «Телерейт». Зеленые буквы гласили: «В июле в США уровень безработицы упал до 5,0% по сравнению с 5,2% в июне».

Через две секунды цифры 99.16 рядом с символом «долгоиграющих» облигаций сменились на 99.08, то есть на девяносто девять и восемь тридцать вторых или на девяносто девять с четвертью. Я был прав. Безработных стало меньше, и курс облигаций падал.

Еще через две секунды наша телефонная панель замигала всеми лампочками сразу. Никто не знал, что задумал Хамилтон, но все были уверены, что-то на уме у него есть.

Хамилтон подсоединился к одной из линий. Я слушал по второй трубке. Звонил Дейвид Барратт.

– Я только хотел вам сказать, что мы думаем по... – начал он.

– Назовите вашу цену на двадцать миллионов долгоиграющих, – прервал его Хамилтон.

– Но наш экономист думает...

– Я очень рад, что у вас есть экономист, который думает. Предлагайте цену!

Дейвид замолчал, но уже через пять секунд отозвался:

– Мы могли бы предложить их по 99.04. Хамилтон, будьте осторожны, курс этих бумаг стремительно падает!

– Покупаю на двадцать по 99.04. Пока.

Цифры возле символа долгоиграющих облигаций мелькали постоянно. Теперь там стояло 99.00. Я понятия не имел, что делает Хамилтон, но не сомневался, что он знает, что делает.

Хамилтон взялся за следующую линию. Это был Кэш.

– Назовите свое предложение на тридцать миллионов долгоиграющих.

Кэш не спорил. Если кто-то хочет купить на тридцать миллионов облигаций, курс которых стремительно падает, то его это устраивало.

– Предлагаем по девяносто девять ровно.

– Отлично. Беру, – сказал Хамилтон.

Он положил телефонную трубку и с этой секунды не сводил внимательного взгляда с экрана. Я тоже уставился на экран.

Курс постоянно менялся, но теперь не падал, а колебался между 99.00 и 99.02. Хамилтон и я неподвижно сидели перед экраном. Как только в очередной раз появлялись цифры 99.00, я невольно задерживал дыхание, со страхом ожидая, что тут же последует падение до 98.30. Вложив пятьдесят миллионов долларов, на таком падении курса мы могли потерять много денег. Но ниже 99.00 курс так и не опустился, а потом неожиданно стал расти – сначала до 99.04, потом до 99.08. Через несколько секунд курс взлетел до 99.20.

Я облегченно вздохнул. Нам удалось купить на пятьдесят миллионов долгосрочных облигаций по самой низкой за многие месяцы цене. Судя по всему, рынок снова пробуждался. Я внимательно следил за Хамилтоном. Он все еще не мог оторваться от экрана, выражение его лица не изменилось, он не улыбнулся, но мне показалось, что его напряженно приподнятые плечи немного расслабились.

Курс подскочил до 100.00.

– Может быть, нам стоит начать продажу? – предложил я.

Хамилтон медленно покачал головой.

– Вы не понимаете механизма того, что сейчас происходит, не так ли? – сказал он.

– Не понимаю, – признался я, – Объясните.

Хамилтон откинулся на спинку кресла и повернулся ко мне,

– Нужно быть на шаг впереди того, что думает рынок, – сказал он. – Курсы на рынке меняются тогда, когда люди меняют свое решение. Цены покатятся вниз, если все решат, что выгоднее продать свои облигации, чем придержать их или покупать новые. Обычно это происходит, когда появляется какая-то новая информация. Поэтому, если в экономике что-то происходит, то это отражается и на рынке. Вы следите за ходом моих рассуждений?

– Да, – сказал я.

– Далее, в течение двух последних месяцев многие приняли вполне определенное решение – продавать. Как только становились известными новые неблагоприятные

факторы, число желающих продавать росло, и курс облигаций падал. Ситуация стала настолько плачевной, что к этой неделе все уже ожидали новых неприятностей и дальнейшего падения курса.

Когда новое неприятное известие пришло, никто не удивился. Так и должно было быть. Естественно, дилеры понизили курс, но все, кто этого хотел, уже давно продали свои облигации. Так и мы поступили месяц назад. Желающих продавать облигации не оказалось.

– Хорошо, это объясняет, почему курс снижался не больше минуты, но что заставило его тут же подняться? – спросил я.

– Когда курс падает, все потенциальные покупатели обычно откладывают сделки до последнего момента – когда по их мнению вся неприятная экономическая информация уже стала всеобщим достоянием, – ответил Хамилтон. – Всегда находятся люди вроде меня, которые испытывают соблазн купить облигации по самой низкой цене.

Хамилтон говорил медленно, а я запоминал каждое слово, пытаясь извлечь максимум пользы из урока.

– Но как же экономические законы? – возразил я. – Как быть с угрозой инфляции в США, неизбежной при полной занятости?

– Страх перед инфляцией витал над рынком уже по меньшей мере месяц. Курс падал и падал не первую неделю.

Я задумался над словами Хамилтона. Определенно, в них был здравый смысл.

– Значит, одна из причин того, что курс стал подниматься, заключается во всеобщем пессимизме?

– Вот именно, – подтвердил Хамилтон.

– Тогда я не понимаю одного, – сказал я. – Если так все и было, то почему рынок выжидал, пока не будут обнародованы последние цифры об уровне безработицы?

– Инвесторы, прежде чем принять решение покупать, ждали, когда будет обнародован последний неизвестный экономический фактор. Узнав уровень безработицы и сразу сообразив, что он, хотя и плох, но все же не хуже, чем ожидалось, они уже не имели никаких причин откладывать воплощение своего решения в жизнь. Они стали покупать.

В этом бизнесе мне еще учиться и учиться, подумал я. Я и раньше понимал, что хороший трейдер должен иметь холодный, расчетливый ум. Но Хамилтон был не просто специалистом по анализу цифр или экономических факторов. Он анализировал природу человека, он находил именно ту точку, в которой страх проиграть уравновешивал жадность у тысяч людей, которые все вместе и составляли то, что мы называем рынком ценных бумаг. И в таком анализе Хамилтон не имел себе равных.

– Думаю, теперь можно предоставить рынок самому себе, – сказал Хамилтон. – Вы хотели мне что-то рассказать.

Я рассказал Хамилтону все, что удалось узнать Дебби и мне о компании «Тремонт-капитал» и ее облигациях. Мне кажется, закончил я, что мы никогда не увидим наши двадцать миллионов долларов. Я еще ни

разу не видел Хамилтона в таком состоянии. Он был потрясен, он потерял самообладание, что с ним случалось чрезвычайно редко.

– Как это могло произойти? Разве мы не проверяли документацию?

Я медленно покачал головой.

– Почему я не заставил Дебби тщательно проверить все документы? – бормотал Хамилтон, кусая губы. – Этот сукин сын Каллахан! Он должен был знать обо всем с самого начала!

– Я слышал, что облигации вам продал Кэш?

– Конечно, он. В то время доход по этим облигациям был на полтора процента выше, чем по американским государственным. Для бумаг с высшим рейтингом надежности это совсем неплохо. В то время это были самые выгодные облигации.

– Вы полагаете, Кэш знал, что гарантии облигаций – дутые?

– Должен был знать, – с горечью в голосе ответил Хамилтон. – Если в архивах «Блумфилд Вайс» нет никаких данных об этих облигациях, значит, их нет нигде. Должно быть, он сам и провернул всю операцию. Впредь на него ни в коем случае нельзя полагаться. Не могу представить, как я позволил так себя провести.

– Но, возможно, Кэш принимал проспекты облигаций за чистую монету? Может быть, за этим стоит кто-то из отдела «Корпорейт файненс»? Клер упоминала одну фамилию – Дика Вайгеля.

– Может быть, но я так не думаю.

Я не был уверен, стоит ли посвящать Хамилтона в те догадки и мысли, которые крутились в моей голове. Потом, понизив голос, я все же спросил:

– Как вы думаете. Кэш имеет какое-нибудь отношение к смерти Дебби?

Хамилтон бросил на меня удивленный взгляд.

– Но это же был несчастный случай, не так ли? Или самоубийство. Ведь не убийство же?

– Не знаю, что это было, – ответил я. – Помните, я вам рассказывал, что незадолго до смерти Дебби мы с ней встретили странного человека? – Хамилтон кивнул. – Так вот, оказалось, что этот человек – некто Джо Финлей. Он работает в «Блумфилд Вайс» и ведет там дела с американскими корпорациями. Я обо всем рассказал в полиции, но оказалось, что у Джо есть алиби: два его приятеля подтвердили, что они вместе с Джо уехали на такси сразу после того, как вышли из плавучего ресторана.

– Джо Финлей? – переспросил Хамилтон. – Я встречался с ним. Неплохой трейдер. Но вы сказали, что полиция не сочла возможным предъявить ему обвинение?

Я вздохнул.

– Да, они собираются закрыть дело о смерти Дебби как несчастный случай. Но я этому не верю.

Хамилтон с минуту внимательно смотрел на меня.

– Полагаю, полицейские знают свое дело. В любом случае я сомневаюсь в том, что Кэш имеет какое-то отношение к смерти Дебби.

Хамилтон надолго замолчал, и в его холодных голубых глазах загорелся необычный огонек. Потом он стал постепенно успокаиваться. Он ритмично постукивал пальцами по подбородку. Это был верный знак, что Хамилтон снова взял себя в руки. Он думал, он просчитывал варианты.

– Что нам делать? – спросил я. – Вызвать на откровенный разговор Кэша? Пойти к президенту «Блумфилд Вайс»? В полицию?

– Ничего не делать, – ответил Хамилтон. – По крайней мере пока мы ничего не будем предпринимать. Полагаю, этот «Тремонт-капитал» еще несколько лет будет исправно выплачивать проценты – чтобы не вызвать подозрений. Но основную сумму мы не вернем. Значит, у нас есть время. Теперь мы тоже не должны вызывать подозрений. Как только Кэш узнает, что мы все знаем, деньги уйдут, и мы их никогда не увидим. Следовательно, мы будем делать вид, что ничего не произошло.

– Но нельзя же сидеть сложа руки!

– Мы и не будем сидеть сложа руки. Мы получим наши деньги.

– Но как?

– Я найду способ.

Почему-то я поверил, что он найдет способ вернуть наши миллионы.

Десятая глава

У меня скопились горы неотложных дел. Несоответствия в бухгалтерском учете, комментарии к ежемесячным отчетам, внушительная стопка непросмотренных документов. За всем этим я сидел до вечера.

Я вышел из офиса в половине седьмого и по Грейсчерч-стрит направился к станции метро «Монумент». Я никак не мог сообразить, что нам следует предпринять, чтобы вернуть деньги, вложенные в облигации «Тремонта». У меня не было ни малейшего представления, как в этой ситуации поступит Хамилтон, но сам он вроде бы был уверен, что найдет выход.

Мои мысли нарушили вдруг прозвучавшие у меня над ухом слова:

– Пол, почему у тебя такой несчастный вид?

Кто-то взял меня под руку. Это оказалась Клер. Я уловил едва заметный аромат тех же духов, что и в ресторане «Люк».

– Просто разные мысли не дают покоя.

– Конечно, мысли о работе. Но о работе нужно думать днем! Сейчас время отдыхать.

Я неловко улыбнулся. Я не мог выбросить из головы постигшую нас катастрофу с облигациями «Тремонт-капитала».

– Послушай, в последние дни ты места себе не находишь, – сказала Клер. – Ты все принимаешь слишком

близко к сердцу. А я сегодня встречаюсь со старыми друзьями. Не хочешь присоединиться?

Я не решался сказать ни да, ни нет.

– Пойдем, – решительно заявила Клер.

Она подняла руку и остановила проходившее мимо такси. Завизжали тормоза, Клер втолкнула меня в машину. Я не сопротивлялся. Клер была права. События последних дней тяжелым грузом давили на меня.

Клер приказала ехать к небольшому винному бару на Ковент Гарден. Отделанный деревом полутемный бар был переполнен. Друзья Клер уже ждали ее. Денис, Филипп и Мари. Они вместе учились в университете в Авиньоне. Денис работал над диссертацией по англосаксонской истории в лондонском Кингс-колледже, а Филипп и Мари преподавали в Орлеане. Они приехали в Лондон в отпуск. Только Денис говорил по-английски.

Было бы явным преувеличением сказать, что я могу говорить по-французски, но я старался. Меня вдохновлял энтузиазм моих новых знакомых, которые не переставали удивляться моему йоркширскому акценту. В общем я справлялся неплохо, но беседа получалась немного странной, потому что, вставляя свои замечания, я руководствовался не столько темой общего разговора, сколько набором известных мне французских слов. Вино лилось рекой. Постепенно разговор становился все более громким, изредка его прерывали взрывы истерического хохота. Никто не произнес ни слова ни о рынке, ни об облигациях, ни о процентных ставках, ни о «Тремонт-капитале», ни о Джо, ни о Дебби.

После нескольких бокалов мне стало еще трудней сосредоточиться на теме оживленной беседы. Я развалился в кресле, предпочитая молча наблюдать.

Особенно часто мой взгляд задерживался на Клер. Боже, настоящая секс-бомба! Она сидела прямо, закинув ногу на ногу, так что ее узкая черная юбка поднялась по меньшей мере до середины ее идеальных бедер. Плотно натянутая белая блузка подчеркивала мягкие овалы ее грудей, особенно когда в пылу спора она подавалась вперед. Разговаривая, она то и дело вытягивала вперед полные губы. Французский язык, размышлял я, придуман специально для таких губ.

Вдруг будто по сигналу, который я просмотрел, все встали. Я бросил взгляд на часы. Полночь. Мы вышли из бара и еще минут пять простояли на тротуаре, долго прощаясь друг с другом. Потом Денис исчез в одном направлении, Филипп и Мари – в другом, и мы с Клер остались вдвоем.

Клер взяла меня под руку и мы пошли в сторону Стрэнда, то и дело натыкаясь на группки людей, которые прощались, пытались поймать такси или просто громко хохотали. Теплая ночь действовала умиротворяюще.

– Я забыла спросить, говоришь ли ты по-французски, – сказала Клер, – но у тебя неплохо получалось.

– Я столько лет учил этот язык в школе, что несколько слов должен был запомнить, – сказал я.

– Было весело, правда? Тебе понравилась Мари? А Денис очень забавен, правда? О, в Авиньоне мы так хорошо проводили время.

– Мне понравилось. Спасибо, что пригласила меня.

– Возьмем такси на двоих? – предложила Клер. – Ты где живешь?

– В Кенсингтоне. А ты?

– О, подходит. Я – рядом со Слоун-сквер.

Мы пошли по Стрэнду, пытаясь поймать такси. В конце концов с южного берега Темзы по мосту Ватерлоо спустилась свободная машина.

В такси мы не проронили ни слова, но я всем своим существом ощущал близость Клер. Потом она положила руку мне на плечо.

Мы остановились возле ее дома. Клер перебралась через меня, открыла дверцу и вышла на тротуар.

– До свиданья, – сказал я. – Я рад, что встретил тебя сегодня.

Такси остановилось под уличным фонарем, и мне было хорошо видно лицо Клер. Как и день назад в ресторане, ее темные глаза горели чувственным огнем. Она улыбнулась.

– Пойдем, – сказала Клер.

Я на секунду замешкался, потом вылез из машины, расплатился с водителем и последовал за Клер. Ее удобная, обставленная модной мебелью квартира была на втором этаже. На одной из стен висели два больших абстрактных полотна.

Больше я ничего не успел заметить. Только захлопнулась дверь, как Клер повернулась и притянула мою голову к своей. Последовал очень долгий поцелуй, мы прижались друг к другу, каждый из нас ощущал

возбуждение другого. В конце концов Клер оторвалась от моих губ, издала хриплый смешок и шепотом спросила:

– Что ты хочешь?

Мне так и не удалось ответить. Клер потянула меня в спальню. Она не включала лампы, но окна не были зашторены, и спальню заливал желтый свет уличных фонарей. Она развязала мой галстук и расстегнула несколько верхних пуговиц сорочки. Я сбросил пиджак и разделся. Через минуту в свете фар проезжавшего в тот момент автомобиля передо мной стояла обнаженная Клер. У нее было крепкое, почти мускулистое тело. Едва я успел снять носки, как Клер потянула меня на кровать.

Клер оказалась страстной, пылкой любовницей. Скоро почти все постельное белье было сброшено на пол. Час я испытывал высшее наслаждение, потом повернулся на спину. Я был обессилен, тяжело дышал, обливался потом. Клер лежала рядом. Мы болтали, смеялись, и ее ласковые руки касались моей груди, моего живота.

Через несколько минут я повернулся на бок и моментально заснул.

Клер разбудила меня поцелуем в нос. Она была уже в синем деловом костюме.

– Кому-то из нас нужно идти на работу, – сказала она. – Не забудь проверить, захлопнулась ли за тобой дверь.

Она ушла, прежде чем я успел ответить.

Я с трудом поднялся, оделся, взял такси, приехал домой и принял ванну. В тот день я опоздал на работу.

Хамилтон, как и обещал, зря времени не терял. Он поманил меня в комнату для совещаний.

– Дело нам предстоит нелегкое, – начал он. – Нам нужна дополнительная информация. Он подался вперед и облокотился на белый блестящий бювар, лежавший перед ним на столе. Теперь Хамилтон излучал энергию и целеустремленность. Я внимательно слушал, я был готов выполнить любое его указание.

– Мы можем подойти к решению проблемы с двух сторон. Я предлагаю разделиться: я займусь одним подходом, вы – другим.

Я согласно кивнул.

– Во-первых, есть нидерландские Антиллы. Я внимательнейшим образом прочел проспект «Тремонт-капитала». Там упоминается несколько предварительных условий, в том числе подпись гаранта – банка «Хонсю». Деньги могут быть сняты только при выполнении этих условий. Отсюда следует, что «Ван Креф, Хэрлен» видели этот документ до того, как были переведены деньги. Или им подсунули фальшивку, или они сознательно закрыли глаза.

Кроме того, в проспекте упоминается, что финансовые результаты операции должны регулярно проверяться. Ревизором является местная аудиторская фирма. В проспекте нет ничего, что могло бы дать нам право заглянуть в финансовые отчеты, но, очевидно, эти отчеты где-то есть.

Наконец, деньги должны быть во что-то инвестированы или куда-то переведены с нидерландских Антилл. Вероятно, на этом этапе в качестве

консультантов привлекались специалисты из других организаций.

– Вполне возможно, что на любом из этих этапов компания привлекала юристов и аудиторов, но они не скажут нам ни слова, – заметил я. – Нидерландские Антиллы не зря завоевали свою репутацию – они надежнейше сохраняют конфиденциальность. Если репутация островов пострадает, то на следующий же день половина денег, инвестированных через Антиллы, будет переведена в другие налоговые оазисы.

– Вы правы. Мне одному было бы чрезвычайно трудно докопаться до счетов, – согласился Хамилтон. – Но вчера вечером я разговаривал с Руди Гером, одним из ведущих юристов на островах. Он согласился мне помочь. С его точки зрения, было бы крайне нежелательно, чтобы острова прославились и как оазис для мошенников. Очевидно, «Креф, Хэрлен» перешли границу допустимого риска. Надеюсь, мне удастся убедить местную администрацию принять нашу сторону. Конечно, они будут за то, чтобы нам без огласки вернули деньги. Международный скандал им вовсе не нужен. Я вылетаю послезавтра.

– Хорошо. А что буду делать я?

– Последите за Кэшем, – сказал Хамилтон. – Вы ведь собираетесь в Нью-Йорк, не так ли?

– Да, через два дня, – подтвердил я.

– И вы намереваетесь посетить «Блумфилд Вайс»?

– Да.

– Отлично. Попытайтесь узнать все, что можно, о Кэше о и сделке с облигациями «Тремонт-капитала». Но

будьте очень осторожны. Важно, чтобы Кэш ничего не заподозрил раньше времени.

– Ладно, – согласился я. – А как быть с этим Диком Вайгелем?

– Я с ним несколько раз встречался, – сказал Хамилтон. – Неприятный коротышка. Меня нисколько не удивит, если окажется, что он тоже замешан. Он слишком умен, если речь идет о его личной выгоде. Присмотритесь и к нему, но, повторяю, будьте осторожны. Если Вайгель и Кэш связаны одной веревочкой, то он будет очень недоволен теми, кто задает много неудобных вопросов.

– Что именно мне нужно искать? – спросил я.

– Трудно сказать точно, – ответил Хамилтон. – Все, что указывает на связь Кэша с облигациями «Тремонт-капитала», все, что могло бы намекнуть, куда «Тремонт» дел наши деньги. В проспекте упоминаются инвестиции в ценные бумаги, но не говорится, в какие именно.

Я не имел ни малейшего представления, каким образом я смогу найти то, что нужно было Хамилтону. Он заметил мою неуверенность и успокоил меня:

– Не переживайте, даже если ничего не найдете. В Кюрасао я обязательно раскопаю что-то интересное.

План Хамилтона был неплох, но в нем, казалось, не хватает чего-то очень важного.

– Разве нам не следует посвятить других в наши планы? – спросил я. – Может быть, полицию или хотя бы мистера де Джонга?

Хамилтон снова опустился в кресло. Он раскрыл ладони, посмотрел на свои руки и вздохнул.

– Вчера вечером я тоже думал об этом. Полагаю, нам не следует этого делать.

– Но мы раскрыли крупную аферу. Разве мы не обязаны сообщить об этом властям? – настаивал я. Инстинктивно я понимал, что нужно пойти в полицию, и пусть мошенниками занимаются следователи.

Хамилтон подался вперед.

– Вы помните, я рассказывал вам, как в Японии нашел нового крупного инвестора? «Фудзи-лайф». Так вот, я почти уверен, что японцы дадут нам в управление пятьсот миллионов долларов. Если все будет в порядке, мы получим эти деньги уже в следующем месяце. Вы знаете японцев. Если столь престижная корпорация, как «Фудзи-лайф», даст нам столько денег, другие компании последуют ее примеру. – Теперь Хамилтон говорил быстрее. – Результатом может быть взлет компании «Де Джонг». Мы имеем реальный шанс стать одним из крупнейших распорядителей фондов в Лондоне. – Хамилтон смотрел мне прямо в глаза. Я почти физически ощущал силу его убеждения и его воли. Он хотел стать самым могущественным распорядителем фондами в Лондоне; ради этой цели он был готов на все. А я должен буду ему помогать. Хамилтон снова перешел на обычный тон.

– Вы знаете Джорджа. Ему захочется немедленно сообщить нашим инвесторам. Нам едва ли удастся его переубедить. А если он выполнит свое намерение, то репутации компании будет нанесен серьезный ущерб. Оправиться от такого удара будет нелегко. Мы

определенно не увидим денег «Фудзи-лайф». Если же дело дойдет до полиции, то будет еще хуже.

Хамилтон видел, что не вполне убедил меня.

– Послушайте, мы с вами имеем уникальнейшую возможность превратить нашу маленькую фирму в мощную компанию. Могу ли я рассчитывать на вашу помощь? Если мы в течение двух-трех месяцев вернем наши деньги, то выиграют все – и фирма, и Джордж де Джонг. Если же до Рождества мы ничего не добьемся, то поставим его в известность. Вы выполнили свой долг, рассказав мне. Вы чисты, вам ничто не угрожает. Теперь за все отвечаю я, и я намерен довести это дело до конца.

Я на несколько минут задумался. Пятьсот миллионов долларов от «Фудзи-лайф» потянут за собой Бог знает сколько еще японских денег. С такими фондами мы могли бы финансировать серьезные операции. Мы управляли бы рынками, другим оставалось бы только вскакивать при нашем появлении и следить за каждым нашим жестом. И, конечно, я принимал бы в этом самое активное участие. Хамилтон не раз говорил о нас двоих как о единой команде. Мне это нравилось. У нас были все предпосылки для крупной игры. Я понимал, что относительно Джорджа де Джонга Хамилтон прав – он непременно расскажет инвесторам и этим все испортит.

Итак, Хамилтон просил моей помощи. Он ее получит.

– Хорошо. Вы правы. Давайте сначала найдем деньги.

Я вернулся на свое рабочее место возбужденный и немного озадаченный. Заманчиво вместе с Хамилтоном попытаться вернуть наши деньги. Но как, черт возьми,

мы будем это делать? Я не имел ни малейшего представления, какими путями я смогу получить ту информацию, о которой говорил Хамилтон. Конечно, я сделаю все, что от меня зависит, и потом посмотрю, что из этого получится. Но что бы ни получилось, я не собирался бросать Хамилтона.

На столе я обнаружил записку: мне звонила Клер. Я набрал ее номер.

– БЛЖ.

– Привет. Это я, Пол.

– А, доброе утро. Я рада, что ты все же добрался до работы. У меня есть данные о некоторых курсах. Думаю, тебе это будет интересно.

Голос Клер всегда казался мне очень чувственным. Вот и теперь я сразу вспомнил предыдущую ночь.

– Я в восторге от этой ночи, – сказал я.

– Я тоже. Было очень хорошо.

– Следовало бы как-нибудь повторить.

Клер с минуту помолчала, потом сказала:

– Знаешь, Пол, я думаю, не нужно.

Я почти ожидал подобного ответа. Клер продолжала:

– Понимаешь, я совершенно серьезно говорила, что иметь связь с клиентами – это непрофессионально. Мы отлично провели ночь. Никто от этого не пострадал. Но лучше на этом и остановиться.

Я был разочарован и не пытался этого скрыть. Если для Клер профессионализм так важен, то что же означала эта ночь? Но... Клер была права. Пока никто от

этого не пострадал. И впервые за очень долгое время я получил истинное наслаждение. Мне нужно просто записать ту ночь на свой счет.

– Теперь относительно курсов...

Как обычно, паб «Глостер армз» был переполнен. В одном из углов прокуренного зала человек пять новозеландцев весело болтали с компанией хихикающих итальянских студенток. Несколько солидных посетителей подпирали бар; из-под слишком коротких маек выглядывали их разбухшие от неумеренного потребления пива животы. Немного эксцентричный пожилой джентльмен, попыхивая трубкой, вертел в руках «Дейли телеграф». Места справа и слева от него никто не осмеливался занимать. Очевидно, он казался не настолько нормальным, чтобы рядом с ним можно было чувствовать себя в безопасности. «Глостер армз» был далеко не самым привлекательным пабом в Лондоне. Но он располагался рядом с моим домом. Наверно, я провел там чуть больше времени, чем следовало бы, снимая напряжение рабочего дня, вспоминая удачные сделки и стараясь поскорее забыть ошибочные решения. Я устроился в углу зала, неторопливо пил йоркширское горькое и смотрел на смеющихся, жестикулирующих посетителей. По мере того как пустела моя кружка, бродившие весь день в моей голове тысячи неспокойных мыслей постепенно отступали на второй план. Там оставались Дебби, Пайпер и «Тремонт», но я уже решил, что успею всерьез подумать о них завтра утром.

Я поднял голову и в противоположном углу зала увидел круглое лицо Роба. Он перехватил мой взгляд и стал проталкиваться ко мне. В «Глостер армз» мы

встречались довольно часто. Он тоже жил неподалеку, так что паб был удобен и для него и для меня.

– Привет. Заказать тебе еще кружку? – спросил он.

Я согласно кивнул, и скоро он вернулся с двумя пинтами йоркширского. Роб отхлебнул из своей кружки, блаженно закрыл глаза и расслабил плечи.

– Давно мечтал о глотке пива, – вздохнув, сказал он.

– Неудачный день?

– Можно и так сказать, – ответил Роб и удрученно покачал головой. – Я сам во всем виноват. Вчера я купил пакет немецких, рассчитывая, что сегодня на рынок будет выброшено меньше наличных, чем ожидалось.

– Так в чем же проблема? – не понял я. – Разве ты не был прав?

– Да. Курс поднялся на один пункт. Но я, вместо того чтобы продать и получить прибыль, купил еще.

– Зачем?

– Не знаю. Мне просто показалось, что так нужно сделать. А потом этот сукин сын Пель сказал, что, несмотря на хорошие показатели, федеральный банк ФРГ еще обеспокоен грядущей инфляцией, и курс упал на полтора пункта.

– О, господи, – сказал я по возможности более безразлично.

– Вот именно, – согласился Роб. – О, Господи. Не знаю почему, но я не продал и после того, как стали известны данные о сумме денег в обращении.

Роб мрачно уставился в кружку. Я тоже не мог понять, почему он ничего не продал. Правда, я не понимал и другого – зачем он вообще затеял эту операцию. Он не продумал причины, по которым могла бы уменьшиться находившаяся в обращении денежная масса. Роб руководствовался всего лишь «шестым чувством». Хамилтон никогда бы так не поступил. Впрочем, большинство трейдеров были ближе к Робу, чем к Хамилтону.

Роб оторвался от кружки.

– Вчера Хамилтон провел блестящую операцию, да? – сказал он. – Я так и не смог разобраться в ситуации. Джефф тоже. Кажется, он даже немного расстроился. – Роб имел в виду Джеффа Ричардза.

– Из-за чего? – не понял я.

– Хамилтон всегда угадывает ситуацию на рынке.

– Да, но ведь и Джефф тоже бывает обычно прав, не так ли?

– Да, в целом это так, – согласился Роб, – но для этого ему нужно не один день просидеть над цифрами. Только после этого он решит, пойдет курс вверх или вниз. Потом ему приходится ждать – иногда неделями, – пока рынок не подтянется к его расчетным данным. Мне кажется, его раздражает, что Хамилтон без всяких теоретических расчетов угадывает, что случится на рынке в ближайшее время. Как это ему удается?

– Он учитывает все, – ответил я. – Он никогда не надеется на везение, он принимает решение, когда видит, что у него очень много шансов на успех. У него ты бы мог научиться многому.

– Это понятно, – сказал Роб. – Расчетливый, хладнокровный и немного безжалостный сукин сын, да?

– Похоже, так, – не стал возражать я. – Но он играет честно. Мне нравится работать с ним. Когда видишь его в деле, не веришь своим глазам. Вот и вчера было так же.

Хамилтон – великий учитель, подумал я. Когда-нибудь, если мне удастся перенять у него все, что он знает, я буду таким же. Втайне я надеялся, что буду даже лучше Хамилтона. Такова была моя цель. И я был намерен сделать все, чтобы ее добиться.

Роб кивнул и сделал глоток пива.

– Я слышал, ты собрался на экскурсию? – сказал он.

– На экскурсию? Если ты имеешь в виду поездку в Америку, то это будет довольно тяжкая работа, – улыбнулся я.

– В Аризону?

– Да, в Аризону. Впрочем, сначала я хочу на несколько дней задержаться в Нью-Йорке, чтобы понять, что и как делается на Уолл-стрите. А потом, конечно, заеду на денек в Лас-Вегас, посмотрю своими глазами на «Таити».

– Если это не экскурсия, тогда не знаю, что тебе нужно, – оставался на своем Роб. – Знаешь, мне тоже предстоит потрясающая командировка.

– Ах, так? Я не .знал, что Джефф расщедрился на дополнительные расходы.

– Видишь ли, , он согласился в виде исключения. Это двухдневный семинар по роли центральных банков в контроле валютных курсов. Семинар будет в Хаунзлоу.

Ты не хочешь поехать со мной? Я слышал, в это время в Хаунзлоу отличная погода.

– Спасибо, но, к сожалению, не могу, – ответил я. – Ладно, хватит о работе. Как твои любовные дела?

Роб снова моментально помрачнел.

– Не очень хорошо? – подтолкнул я его.

– Ужасно, – признался Роб.

– Я понял, что ты еще бегаешь за Кэти Лейзенби?

Роб грустно кивнул.

– Однажды у меня появилась великолепная мысль, – сказал он. – Кэти избегает меня, это совершенно точно. Но я не собирался так просто сдаваться. Вот я и решил, что мне, нужно что-то придумать.

Роб достал сигарету и закурил. Он никогда не курил на работе и лишь изредка, в минуты особенно сильного возбуждения, в свободное от работы время.

– Я послал ей факс, – продолжал Роб. – Я написал, что на меня произвели большое впечатление ее мысли относительно рынка государственных облигаций, но прежде чем принимать окончательное решение, я и мои коллеги хотели бы поговорить с пей лично. Короче говоря, я пригласил ее на обед в ресторане «Бибендум», в Челси.

Роб заметил мое удивление и рассмеялся.

– Я послал факс от имени Джона Кертиса из «Албион иншуранс», – пояснил он.

– Что ты сделал? – воскликнул я.

– Она говорила, что страховая компания «Албион иншуранс» – ее самый крупный потенциальный клиент.

Значит, она должна была прийти. Для ответа я дал ей номер факса нашей компании, так что Кертис ничего не узнает. Она ответила, конечно.

Так вот, на восемь часов я заказал два столика: один от имени Кертиса на четыре персоны и один от своего имени на двоих. Я пришел минут на десять пораньше и в ожидании Кэти подпирал стойку бара. Ты хоть раз был в «Бибендуме»?

Я покачал головой.

– Нет, но мне рассказывали.

– Очень хороший ресторан. Он находится в старом «Мичелин-билдинге». Отличное обслуживание, изумительная кухня. Так вот, Кэти опоздала минут на десять. В черном декольтированном платье она выглядела потрясающе. Официант провел ее к пустому столику, а я уже стоял поблизости. Она хотела было сделать вид, что не заметила меня, но это было исключено – нас разделяли футов десять, не больше.

В конце концов она посмотрела на меня, и я подошел к ее столику. Оказалось, мы оба ждем – я сказал, что договорился встретиться здесь с дядей. Она согласилась выпить со мной у бара. Она заметно нервничала, немного выпить ей не повредило бы в любом случае.

Я заказал бутылку «Тайттингера», объяснив, что мой дядя всегда пьет шампанское этой марки. Мы выпили по бокалу, потом по второму. Кэти постепенно успокаивалась. Она призналась, что для нее очень важно произвести хорошее впечатление на Кертиса. Потом она совсем расслабилась. К девяти часам не появились ни Кертис, ни мой дядя. Я сказал, что если они не придут и

через десять минут, то черт с ними, пообедаем вдвоем. Она согласилась. Естественно, никто так и не пришел. Обед был великолепным. Мы выпили море шампанского. Вечер прошел чудесно.

– Пока все отлично, – заметил я.

Роб отпил еще глоток пива и улыбнулся.

– Мы расправились с потрясающим летним пудингом, наелись до отвала, а потом Кэти сказала, что, пожалуй, она даже рада, что Кертис так и не пришел. Она согласилась, что вечер удался на славу. А потом...

– Замолчи, можешь дальше ничего не говорить, – умолял я, пытаясь подавить смех. Но Роб был неумолим.

– Потом я признался, что сам все это подстроил, что ни мой дядя, ни Кертис и не должны были приходить.

– И Кэти это не понравилось?

– Ей это не понравилось, – признал Роб. – Совсем не поправилось.

– Что же она сделала?

– Она вышла из себя, – сказал Роб, – покраснела, выкрикнула, что из нее еще никогда не делали такую дуру, что я лгун, что мне ни в чем нельзя доверять. – Роб помедлил. Очевидно, воспоминания об этой сцене доставляли ему мало радости. – Я сказал, что люблю ее и знаю, что она любит меня.

– И что же она ответила? – спросил я.

– Сказала, чтобы я убирался ко всем чертям, – убитым тоном объяснил Роб. – Сказала, что я идиот и чтобы я больше никогда не смел к ней подходить. Потом она встала и ушла.

– Значит, «Бибендум»? Должно быть, твоему карману был нанесен немалый ущерб, – заметил я.

– Да, немалый. Оно бы того стоило, если бы Кэти осталась. Никак не могу взять в толк, почему она рассердилась и ушла. Я хочу сказать, мы так хорошо провели вечер, она сама это признала.

Я пожал плечами.

– Что ж, теперь ничего не поделаешь.

– Не знаю, – сказал Роб. – Может, мне нужно было сделать что-нибудь такое... Понимаешь, действительно романтическое. Что-нибудь такое, что заставило бы ее понять, как она мне нужна. Женщины любят такие штучки, сам знаешь.

Я поднял брови и промолчал. Меня пугала одна мысль о том, что Роб называл «романтическим». Я хотел было отговорить Роба, по решил, что это было бы пустой тратой времени. Уж если Роб на что-то настроился, его ничто не могло остановить.

Меня всегда поражало, как быстро он переключался с одной женщины на другую. Обычно не проходило и недели после разрыва с одной, как он с такой же страстью привязывался к другой, о которой несколько дней назад мог не знать ничего. А у меня все по-другому, подумал я, вспомнив, как Дебби уговаривала меня завести любовницу.

Трудно было представить себе Дебби и Роба вместе. Остроумие и находчивость Дебби как-то не вязались с серьезными клятвами Роба в верности. Может быть, поэтому их связь оказалась недолгой.

Не подумав, я невпопад сказал:

– Мне не хватает Дебби.

Роб бросил на меня недоуменный взгляд.

– Да, – сказал он невыразительным тоном.

– Ведь ты с ней когда-то встречался? – спросил я.

– Да, – односложно ответил Роб. Он крепко вцепился обеими руками в пивную кружку, щеки его заметно порозовели.

– Это смешно, но я бы никогда не догадался, – сказал я.

– Мы вели себя очень профессионально. Наши отношения никак не сказывались на работе. Но однажды все кончилось, раз и навсегда.

Фелисити рассказывала другое. Я не забыл ее слов о том, что незадолго до смерти Дебби Роб уговаривал ее выйти за него замуж. Мне хотелось знать, что именно произошло между ними.

– На днях я видел Фелисити. Ты ее знаешь, это соседка Дебби.

Роб промолчал, и мне пришлось пояснить:

– Она сказала, что за неделю до смерти Дебби ты сделал ей предложение.

Роб весь напрягся и бросил на меня гневный взгляд. Теперь у него налилось кровью не только лицо, покраснели даже уши и шея. Он тяжело дышал, у него трясся подбородок, все его тело содрогалось от плохо сдерживаемых эмоций. Долгое время он не мог себя заставить произнести хотя бы слово.

Я понял, что зашел слишком далеко, и уже сожалел об этом, по ведь слово – не воробей.

Наконец Роб разразился потоком гневных слов.

– Дура, глупая сука. Я любил ее. Она знала это. Почему она сказала нет? Если бы только она согласилась, она бы...

Он вдруг прервал себя, с минуту смотрел на меня полными слез глазами, а потом стукнул кружкой по столу с такой силой, что я удивился, как она не разбилась, повернулся и пулей вылетел из паба.

Я посидел еще несколько минут, удивляясь вспышке Роба. Мне никогда не приходилось видеть такого взрыва эмоций. Казалось, Роба одновременно терзали злоба, угрызения совести и затаенное горе. Я искренне сожалел, что невольно вывел Роба из себя, но я никогда не принимал его многочисленные романы всерьез и никак не мог поверить в его искренность. Теперь я понял, что у Роба все было всерьез. Впредь мне нужно будет относиться к его проблемам с большим уважением.

Я осушил свою кружку и вышел из паба. Теперь мне стало понятно, что имела в виду Клер, когда называла Роба странным. Нормальные люди так себя не ведут, яростная вспышка Роба не на шутку напугала меня. Интересно, подумал я, а как Роб разговаривал с Дебби по телефону? Теперь меня уже не удивляло, что эти разговоры выводили Дебби из равновесия.

И вот не прошло и месяца, как Роб переключил внимание на Кэти. Впрочем, мне казалось, что Кэти сумеет постоять за себя. В каком-то смысле они, Кэти и Роб, стоили друг друга.

Вечер выдался теплым, и понемногу – отчасти под влиянием выпитого пива – я стал успокаиваться. Недавно прошел сильный дождь, в лужах отражался свет

автомобильных фар и уличных фонарей; изредка к ним присоединялись оранжевые вспышки указателей поворота на машинах. Напротив паба, на другой стороне улицы, несколько молодых людей выкрикивали что-то нечленораздельное. Я повернулся и проводил взглядом их удаляющиеся неверной походкой фигуры. В этот момент краем глаза я увидел знакомое лицо.

Джо.

Он сидел у окна паба и следил за мной.

Или мне это только показалось?

Я присмотрелся внимательней и увидел, как сидевший у окна худощавый мужчина встал и исчез в глубине паба. Он был очень похож на Джо, но я не мог поручиться, что это был точно он. Мне удалось увидеть его лишь мельком. Возможно, всему виной было мое не в меру разыгравшееся воображение. А может быть...

Я ускорил шаг, потом резко свернул на лужайку. Там было темно, слишком темно. Несколько раз я наступал в довольно глубокие лужи, после недавнего дождя собравшиеся возле тротуара.

Я на секунду остановился. За спиной послышался шорох. Или это мне только показалось? Я скорее чувствовал, чем слышал, чьи-то шаги, но в любом случае не собирался ждать лишь для того, чтобы проверить, не подстерегает ли кто меня. В сотне ярдов впереди, рядом со входом в винный бар, стояла освещенная телефонная будка.

Я торопливо зашагал к этому источнику света. Свет будки отражался в лужах на дороге и в блестящих листьях бирючины, кусты которой отгораживали тротуар от проезжей части по обе стороны улицы. Я напряженно

ждал, что вот-вот меня обхватит сзади и начнет душить чья-то рука или что на мою голову обрушится стальной прут.

Прямо передо мной внезапно распахнулась дверь винного бара, и я, вздрогнув, остановился. Подвыпившая парочка, пошатываясь и смеясь, направилась в сторону Глостер-роуд.

Я прыгнул к телефонной будке, рывком распахнул дверь и втиснулся внутрь. Насколько я видел, на лужайке не было ни души. Правда, будка освещалась изнутри, и разглядеть из нее что-либо в темноте было почти невозможно.

Я снял трубку, готовый при первом признаке опасности набрать три девятки.

Никаких причин для тревоги вроде бы не было.

Это просто смешно, подумал я. Через две-три минуты я повесил трубку, вышел из будки, быстро миновал узкий тротуар и свернул в улицу, на которую выходило церковное кладбище. Если идти по тропинке через кладбище, то можно заметно сократить путь домой. Я вошел на кладбище.

Стоило мне пройти несколько ярдов, как за спиной, с лева от себя, я услышал осторожные шаги. Церковь находилась в центре города, но на кладбище не было ни души. Высокая стена приглушала даже обычный городской шум. Я остановился, настороженно ловя каждый шорох, каждое движение. Мне показалось, что за одним из надгробий мелькнула чья-то тень.

Я побежал.

Что было сил я мчался через кладбище к воротам. Мелькали надгробья, памятники, отбрасываемые лунным светом тени. Ворота были футов пять высотой, но я перемахнул через них с разбега, потом промчался еще по одной лужайке, по улице и остановился только у своего дома.

Оказавшись наконец в квартире, я налил себе щедрую порцию виски и, все еще тяжело дыша, упал на диван.

Постепенно пульс и дыхание приходили в норму. Я снова приобрел способность здраво рассуждать. Я стал слишком нервным. В сущности, я даже не был уверен, что видел Джо. Мне показалось, что я его видел и что меня кто-то преследовал, но я не мог поручиться, что так оно и было на самом деле. Неужели мне теперь вечно оглядываться на каждом шагу и пугаться собственной тени? Я был немного пьян и всерьез напуган.

Я попытался взять себя в руки. Да, я столкнулся с неприятными людьми. Они непредсказуемы и, вероятно, опасны. К тому же Джо, например, я тоже не очень нравился. Но с этим я ничего не могу поделать, убеждал я себя. Не могу же я позволить этому Джо отравлять мне всю жизнь? Если я стану осторожней и не буду терять головы, то со мной ничего не случится. Во всяком случае так я говорил себе, сделав очередной глоток виски.

Одиннадцатая глава

Покинув Великобританию, я почувствовал облегчение. Прошлые два дня я испуганно оглядывался на каждом шагу. Оттого, что я не знал, насколько оправданы мои страхи, мне было не легче. Стоило мне оказаться на борту самолета, как с моих плеч будто свалился тяжкий груз. Почему-то я не думал, что Джо может найти меня и в Нью-Йорке. Я был рад, что Кэш и Кэти летят другим рейсом. У них были примерно те же планы, что и у меня. Два первых дня они собирались провести в Нью-Йорке, в главной конторе их банка. Потом они полетят в Финикс на конференцию, после которой вместе со своими клиентами отправятся смотреть «Таити». Особенно мне не хотелось видеть Кэша. Достаточно и того, что он, как я был почти уверен, был одним из авторов аферы с облигациями «Тремонт-капитала». Еще больше меня беспокоило, не причастен ли он к смерти Дебби. В своих поисках убийцы я не продвинулся ни на шаг. Я даже не представлял себе, что было причиной убийства.

Разговаривать с Кэшем во время этой поездки мне будет нелегко, но я понимал, что это неизбежно. У меня к нему было много вопросов, и задавать их нужно будет очень осторожно. Кроме того, мне предстояло узнать как можно больше о Дике Вайгеле и поискать следы «Тремонт-капитала» в нью-йоркской конторе «Блумфилд Вайс». Там я должен буду провести весь первый день, Кэш уже договорился о множестве встреч, и я надеялся во время этих встреч узнать хотя бы что-нибудь. Правда, пока я не представлял, как буду это делать.

И все же я охотно брался за решение этой неразрешимой на первый взгляд загадки. На ставке было двадцать миллионов долларов и репутация «Де Джонг энд компани». С Хамилтоном мы договорились встретиться в Нью-Йорке, где он остановится на обратном пути с нидерландских Антильских островов. Я должен сделать так, чтобы мне было что рассказать ему.

Как обычно, первые часы в Нью-Йорке были сущим кошмаром. Когда я вышел из здания аэровокзала, было половина восьмого по местному времени, но мои биологические часы подсказывали, что только что миновала полночь. Не самое лучшее время для борьбы со стрессом, без которого не обходится нью-йоркское гостеприимство.

Не успел я сделать и двух шагов, как ко мне привязался шофер, предложивший довезти до города в лимузине его босса за сто долларов. Я предпочел обычное желтое такси. Водитель, которого, судя по укрепленной на приборной доске табличке, звали Диран Грегорян, похоже, вообще не говорил по-английски. Он даже не знал, где находится отель «Уэстбери», но тем не менее включил двигатель и на полной скорости ринулся к городу.

К счастью, его безудержному полету помешали автомобильные пробки на Лонг-Айленде. Мы проехали по мосту Триборо, и с левой стороны передо мной открылась панорама огромного города. Я пытался сориентироваться по возможно большему числу известных мне зданий. Самым заметным из них был «Эмпайр стейт билдинг», который без фигуры взбирающегося по нему Кинг Конга казался несколько незавершенным. Прямо передо мной высился более

элегантный небоскреб корпорации «Крайслер»; шпиль этого небоскреба напоминал минарет, который каждое утро призывал тысячи верных адептов культа денег к своим рабочим местам. Потом я узнал здание «Ситикорп» с аккуратно срезанным правым углом, а еще дальше – прямоугольную громаду штаб-квартиры ООН, чуть не падавшую в Ист-ривер. В центре Манхэттена вокруг этих монстров сгрудились не такие большие и не такие знаменитые строения. Слева протянулась равнина низких коричневых жилых кварталов Сохо, Ист-вилидж и Бауэри, а еще дальше два гигантских здания-близнеца Всемирного торгового центра возвышались над теснившимися под ними офисами и конторами Уолл-стрита. Я почувствовал, как, несмотря на усталость, меня охватывает возбуждение. В этих знаменитых зданиях и между ними были свет, шум, автомобильные пробки и люди. Миллионы работающих и отдыхающих людей. Они влекли присоединиться к ним даже самого усталого из гостей.

Наконец мы добрались до отеля. Я бросил свою сумку, не потрудившись даже открыть ее, упал на кровать и мгновенно заснул.

Первые встречи в «Блумфилд Вайс» были назначены на десять часов, поэтому я, не торопясь, наслаждался отличным завтраком в ресторане «Уэстбери». Одно из преимуществ подобных поездок заключается в том, что здесь нет необходимости заставлять себя проглатывать черствую булочку в половине седьмого утра и можно неторопливо позавтракать. «Уэстбери» – это один из манхэттенских отелей в «английском» стиле. Мне заказали номер

именно в нем, потому что тут в своих поездках в Нью-Йорк обычно останавливался Хамилтон. Обстановка в отеле была неброской, но изящной. Гобелены в фойе, мебель в стиле Регентства и пейзажи на гравюрах девятнадцатого века почти убеждали посетителя в том, что он находится в английском загородном отеле, а не в восьмиэтажной каменной коробке в центре Манхэттена.

Наконец насытившись, я взял такси, на этот раз с водителем-гаитянцем, и поехал на Уолл-стрит. В ушах у меня звенело от громкой музыки – водитель наслаждался программой местной радиостанции, которая вела передачи на французском языке.

Я приехал на несколько минут раньше назначенного времени, поэтому попросил высадить меня в начале улицы, решив пройти несколько кварталов до штаб-квартиры «Блумфилд Вайс» пешком. Идти по Уолл-стрит – это все равно что пробираться по дну глубокого ущелья. По обеим сторонам к небесам возносятся высоченные здания. Несмотря на безоблачное небо, гигантские коробки затеняли улицу, и в этот утренний час было еще прохладно. Примерно в середине Уолл-стрит я повернул налево, потом направо и оказался в лабиринте еще более узких улочек, где тени были еще мрачней. Наконец я подошел к пятидесятиэтажной черной башне, казавшейся почему-то более зловещей, чем соседние здания. Над входом небольшие золотые буквы провозглашали, что здесь находится «Блумфилд Вайс».

Еще в Лондоне мне сказали, чтобы я поднялся на сорок пятый этаж и обратился к Ллойду Харбину, руководителю отдела по операциям с высокодоходными облигациями. В приемной мне пришлось ждать не

больше двух минут. Харбин оказался широкоплечим крепышом среднего роста с толстой мускулистой шеей; Он пошел мне навстречу, протянул руку и загремел:

– Привет, Пол, как ваши дела? Ллойд Харбин.

К железному рукопожатию я был готов. Еще в школе меня научили: если ты сунешь ладонь глубоко между большим и указательным пальцами противника, то он не сможет сильно сжать твою руку. Я отработал этот прием до совершенства, так что со стороны могло показаться, будто я ничего специально не делал. Против людей типа бывших американских десантников прием действовал безотказно. Ллойд Харбин на мгновение растерялся.

Но лишь на мгновение. Мой хозяин не собирался сдаваться какому-то британскому юнцу и тут же обрел прежнюю уверенность.

– Вы никогда не были в уолл-стритовском операционном зале? – спросил он.

Я покачал головой.

– Тогда пойдемте, посмотрите наш.

Вслед за Харбином я прошел через серые двустворчатые двери. Операционный зал «Блумфилд Вайс» был не самым большим на Уолл-стрите и тем более не самым современным, но определенно самым активным. Здесь были сотни рабочих мест. На больших электронных табло демонстрировались последние новости, курсы акций и время в различных часовых поясах. За столами сидела целая армия агентов, все в почти форменных белых рубашках от «Брукс бразерс». Изредка попадались и женщины, как правило, в узких юбках, с замысловатыми прическами и с обилием

косметики на лицах. Во всех операционных залах по-прежнему работают в основном мужчины, а женщины выполняют обязанности помощников и секретарей.

В зале стоял неумолчный гул сотен голосов – сотрудники банка делились информацией, спорили, отдавали приказы, уговаривали. У меня было такое ощущение, словно я попал в самое сердце капиталистической Америки, в то место, откуда потоки денег выталкиваются во всю кровеносную систему мира.

– Пойдемте к моему столу, я покажу, как мы работаем, – предложил Ллойд.

Пробираясь через джунгли поставленных где попало кресел, корзин для мусора и разбросанных бумаг, я последовал за Ллойдом через весь зал. Его рабочее место было в центре обособленной кучки столов, за которыми сидели мужчины в белых рубашках. В своем пиджаке я определенно бросался в глаза и чувствовал себя неуютно. Я сбросил пиджак, но и теперь все же отличался от сотрудников банка, потому что только на мне оказалась сорочка в полоску, но с ней я уже ничего не мог поделать.

Ллойд показал мне на две группы сотрудников банка, занимавшихся высокодоходными облигациям, – сейлсменов и трейдеров. Задача сейлсменов заключается в том, чтобы говорил ь с клиентами и убеждать их покупать или продавать те или иные облигации. Трейдеры должны определять, по какой цене следует пускать эти облигации в оборот. Они отвечают и за управление облигациями, являющимися собственностью банка. Трейдеры покупают облигации и продают их или клиентам банка, или трейдерам других брокерских контор; сообщество трейдеров называют «стритом».

Обычно намного выгоднее совершать сделки непосредственно с клиентами; к тому же только в переговорах с ними трейдеры узнают о ситуации на рынке, а без знания этой ситуации выгодную сделку не совершишь. Итак, сейлсменам нужны трейдеры, а трейдерам – сейлсмены. К сожалению, это симбиотическое сосуществование иногда тоже нарушают конфликты.

Именно в такой момент я стал свидетелем разгоравшегося спора.

– Послушай, Крис, ты можешь предложить больше восьмидесяти восьми. Мой клиент вынужден продавать. Его боссы приказали ему продать сегодня. Мы навязали ему эти облигации, теперь мы должны ему помочь, – дружески улыбаясь, говорил моложавый, хорошо ухоженный блондин. Типичный сейлсмен.

Собеседником блондина был перевозбужденный коротышка, у которого едва ли не пена капала с губ.

– Это тот прохвост, который на прошлой неделе скупил у меня «Крогеры», а потом поднял на ноги весь «стрит»?! – кричал коротышка. – Я их до сих пор еще не выкупил. Пусть теперь помучается. На этот раз наш черед заработать на нем – хотя бы ради разнообразия.

Сейлсмен повернулся к Ллойду.

– Сделайте что-нибудь с этим психом, – негромко сказал он.

Ллойд подошел к ощетинившемуся трейдеру.

– Какой курс был у этих облигаций сегодня утром? – спросил Ллойд.

– Девяносто – девяносто два, но он падает.

– Хорошо, мы предложим клиенту по восемьдесят девять.

Трейдер протестующе завопил, а сейлсмен разочарованно покачал головой. Ллойд чуть заметно повысил голос:

– Я сказал, что мы заплатим по восемьдесят девять. Успокойтесь.

Спорщики утихли.

Ллойд вернулся к своему столу. За несколько минут он объяснил мне, как работают его сотрудники, потом представил меня трейдерам. Их было пятеро, все взвинченные до предела, все в нетерпении. Они разговаривали любезно, но не могли уделять мне много внимания. Уже через тридцать секунд разговора они невольно начинали коситься на спои экраны или листы цен. Потом следовали еще две-три минуты скомканного разговора, во время которого все мои собеседники клялись, что они обожают иметь дело с клиентами, особенно с лондонскими. Ллойд подвел меня к другому столу.

– Поговорите пока с Томми. Томми Мастерсон – Пол Марри из компании «Де Джонг».

Томми Мастерсон оказался тем самым, который всего несколько минут назад участвовал в яростном споре. Странно, но теперь он казался намного спокойнее большинства своих коллег.

– Садитесь, – сказал Томми. – Значит, вы из Лондона?

Я кивнул.

– Уверен, там не многие интересуются бросовыми облигациями.

– Не многие, – согласился я. – В сущности, мы только собираемся ими заняться. Кажется, ваши трейдеры горят желанием помочь нам освоить этот рынок.

Томми засмеялся.

– Это уж точно. Им некогда ждать. Они используют вас в своих интересах так быстро и так основательно, что вы не успеете и глазом моргнуть.

– И как же они это будут делать? – поинтересовался я.

– О, очень просто. Предлагать низкие цены, если вы будете продавать, и высокие, если вы захотите купить. Пытаться сбыть вам самые ненадежные облигации, убеждая вас, что надежнее их не бывает. С крупными американскими клиентами такие фокусы не проходят. Но мелкий зарубежный клиент – готовый агнец на заклание.

– Что ж, спасибо за предупреждение.

Я давно знал, что на рынке бросовых облигаций нужно держать ухо востро, но до этого не понимал, в какой мере.

– Если у вас есть хороший сейлсмен, он должен вас защищать, – сказал Томми. – Кто ваш сейлсмен?

– Кэш Каллахан, – ответил я.

– Боже праведный. Скользкий тип. Но я уверен, вы и без меня это знаете.

– В Лондоне я видел его в деле, – сказал я, – но не знаю, что он представлял собой в Нью-Йорке. По слухам, он был ведущим сейлсменом вашей фирмы.

– Был. Но ведущий сейлсмен еще не честнейший сейлсмен. Он работал, как опытный карточный шулер. Давал возможность своим клиентам провернуть несколько умеренно выгодных сделок, заработать немного денег, заставлял их довериться ему. Потом он втягивал их в очень крупные дела, которые приносили ему состояние только за счет комиссионных. Он обирал клиентов до нитки. Он умел обмануть даже самых осторожных. Обычно те даже не понимали, что их обманули, и снова приходили к Кэшу.

Я вспомнил Хамилтона. Кэш умудрился надуть даже его.

– Было ли в действиях Кэша что-либо противозаконное? – спросил я.

– Насколько мне известно, нет. Неэтичное – да, но непротивозаконное.

– Вас удивило бы, если бы Кэш оказался замешанным в нелегальных операциях?

– Да, конечно. Для этого он слишком умен. – Томми выпрямился в кресле и улыбнулся. – Вы имеете в виду что-нибудь конкретное?

– Нет, – ответил я. Очевидно, Томми мне не поверил, поэтому я сменил тему. – Кэш по-прежнему много работает с одним американским клиентом, ссудо-сберегательным банком из Аризоны.

– Должно быть, это «Финикс просперити», – уточнил Томми.

Я был очень признателен ему за такую откровенность.

– Ах, так? Их он тоже надувает?

– Не знаю. Не думаю. Этот банк постоянно проворачивает через Кэша свои операции. Меня даже удивляет, как такой крохотный банк умудряется столь активно работать. Он довольно агрессивен. Раньше с этим банком имел дело некто Дик Вайгель. Это он превратил небольшой провинциальный банк в крупнейшего клиента, а потом, когда Дик перешел в «Копорейт файненс», агентом «Финикс просперити» стал Кэш.

– Я слышал о Дике Вайгеле, – сказал я. – Что он собой представляет?

– Настоящий подонок, – выразительно ответил Томми. – Он думает, что умнее его -нет никого на свете. Послушать его, так можно подумать, что он приносит нашей фирме половину доходов. Но с Кэшем они приятели, давние друзья. Ллойду Дик тоже нравится.

– В самом деле? Никогда бы не подумал, что Ллойд снисходительно относится к пустозвонству, – сказал я.

– Нет, это не так, разумеется. Но он не очень умен и не всегда может сообразить, где одни пустые слова, а где дело. Впрочем, Ллойд – крепкий орешек, а иногда ведет себя просто непорядочно. В нашей фирме он обычно добивается успеха, потому что тот, кто осмелится встать на его пути, обычно плохо кончает. Талант тут не при чем, его стиль управления – держать всех в страхе. Он то и дело выгоняет кого-нибудь с работы с единственной целью – заставить оставшихся работать лучше.

– Но не вас.

– Нет, не меня, – улыбнулся Томми. – Он был бы рад избавиться и от меня. Ему не нравится моя политика. Слишком калифорнийская, недостаточно жесткая. Маловато энтузиазма. Но меня он выгнать не может. По непонятным причинам я – самый удачливый сейлсмен, хотя никогда не вру и не обманываю клиентов.

Я бросил взгляд на Томми и охотно поверил ему. У меня не было сомнений, что клиентов привлекают именно доброжелательность и откровенность Томми. И к тому же мне казалось, что в отличие от Кэша он просто не способен обмануть их доверие.

– Вам нет смысла болтать со мной весь день, – сказал Томми. – В час у вас ленч с Ллойдом, не так ли?

– Да, кажется, так, – ответил я.

– Хорошо. Сейчас двенадцать тридцать. Вот что я вам скажу. Сегодня аукцион десятилетних. В час дня Министерство финансов США выбрасывает на аукцион новые государственные облигации со сроком погашения десять лет на сумму девять миллиардов долларов. Вы хотите посмотреть «Блумфилд Вайс» в действии?

Разумеется, я хотел. «Блумфилд Вайс» прославился своим умением бороться за государственные облигации. Томми провел меня в другой угол операционного зала и представил седому мужчине лет пятидесяти с лишним.

– Фред, у тебя найдется свободная минута?

– Для тебя, Томми, всегда, – осклабился Фред.

– Я хочу представить тебе Пола Марри, одного из наших заокеанских клиентов. Пол, это Фред Флекер. У нас он – самый крупный специалист по государственным

облигациям. Он работает на рынке с сотворения мира. Первые проданные им долгосрочные облигации погашены давным-давно, так я говорю, Фред?

– Так, – ответил Фред. Мы пожали друг другу руки. – Садитесь, – пригласил он.

Я отыскал небольшой стул и с трудом втиснулся между Фредом и его коллегами, которые ожесточенно хватались за телефонные трубки. В этом тесном кругу я чувствовал себя чем-то вроде еще одной мусорной корзины.

– Вы понимаете, что сейчас происходит? – спросил Фред.

– Нет, – ответил я. – Объясните.

– Хорошо. Ровно в час наша фирма вместе со всеми другими инвестиционными банками Уолл-стрита вступит в аукционные торги. На торги выставляются государственные облигации со сроком погашения десять лет на сумму девять миллиардов долларов. Каждый покупатель предлагает определенную процентную ставку. Участнику торгов, предложившему самую низкую ставку, будет продан первый пакет облигаций, второй пакет получит тот, кто предложит вторую ставку и так далее.

Мы будем участвовать в торгах от своего имени и по поручению наших клиентов. Очевидно, чем большим будет спрос на эти облигации, тем больше мы постараемся купить их для себя. Моя задача заключается в ведении переговоров с нашими главными нью-йоркскими клиентами и в передаче их требований нашему главному трейдеру государственных облигаций Джону Сондерзу. Он сидит вон там. – Фред показал на

тощего мужчину футах в тридцати от нас. Сондерз сосредоточенно насупился; к его столу то и дело подходили агенты, передавали сообщения и тут же убегали.

В этот момент ожил селектор, стоявший на столе Фреда:

– Фред, что у вас слышно?

– Это Джон, – пояснил мне Фред, потом повернулся к микрофону селектора: – Кажется, все идет хорошо. Только из Нью-Йорка мы получили предложений на шестьсот миллионов. Похоже, облигации всем нравятся.

– Да, примерно то же мне говорят из Бостона и Чикаго, – проскрипел голос Джона.

– Вы сами собираетесь покупать? – спросил Фред.

– Во всяком случае я имею это в виду.

Потом я внимательно следил за переговорами Фреда с клиентами. В большинстве случаев клиенты приказывали покупать облигации на аукционе. Меня поражало хладнокровие Фреда, ведь речь шла об огромных суммах. Но его негромкий размеренный голос внушал собеседникам спокойствие и уверенность.

В 12:55, за пять минут до начала торгов, к Фреду подошел Джон и что-то шепнул ему на ухо. Фред улыбнулся, повернулся ко мне и сказал:

– Никому ни слова о том, что вы увидите сейчас. Поняли?

Я кивнул.

– А что сейчас будет? – спросил я.

– Мы сделаем исключающее предложение, – объяснил Фред. – Мы предложим почти на весь выпуск такую низкую процентную ставку, что другие дилеры вообще не станут покупать облигации. Большинство дилеров договорились о продаже десятилетних облигаций на короткий срок в надежде выкупить их в ходе аукциона. Но у них из этого ничего не получится, потому что все облигации будут в наших руках. Дилеры засуетятся, пытаясь выполнить свои обязательства по срочным сделкам, другие клиенты поймут, что их приказы не могут быть выполнены, и в результате все будут пытаться всеми правдами и неправдами купить облигации. Их курс поднимется, и «Блумфилд Вайс» получит большую прибыль. А теперь мне нужно позвонить в два места. Нам необходимо подключить к операции наших друзей.

Первый звонок был в одну из крупнейших американских корпораций.

– Привет, Стив, это Фред, – сказал он. – Вы передали нам приказ на сто миллионов десятилетних. Думаю, вам стоит подумать, не увеличить ли эту сумму.

– Почему? – спросил Стив.

– Ты же знаешь, я не могу этого сказать, – ответил Фред.

Последовало молчание, потом Стив отозвался:

– Хорошо, я вступаю в игру. Запиши меня на пятьсот миллионов.

– Спасибо, – ответил Фред и положил трубку.

Очевидно, подобные операции они проделывали не впервой.

Потом Фред позвонил в другую крупную корпорацию, которая согласилась увеличить свою сумму до трехсот миллионов долларов.

Я обратил внимание на то, что над столом Джона Сондерза коршуном закружил Кэш. Должно быть, он что-то пронюхал, потому что внезапно рванулся к ближайшему незанятому столу и схватил телефонную трубку. Нетрудно было догадаться, куда звонил Кэш.

За две минуты до начала аукциона Фреду позвонили из фирмы, которая называлась «Банкер хилл мьючуал».

– Привет, Фред, как дела?

– У меня отлично, Питер. Но мне кажется, этот аукцион вообще не состоится. Никто из моих клиентов не проявляет ни малейшего интереса.

– Как ты думаешь, что предпримет «Блумфилд Вайс»? – спросил тот, кого Фред назвал Питером.

– Не знаю, разумеется, но полагаю, что мы откажемся от участия.

Питер проворчал что-то вроде «благодарю» и положил трубку.

– Почему вы ему так ответили? – спросил я.

Фред усмехнулся.

– Видите ли, перед любым аукционом он всегда обзванивает все инвестиционные банки. Он невероятно болтлив. Если бы я рассказал ему о наших намерениях, то через минуту об этом знал бы весь Уолл-стрит.

Ровно в час в огромном операционном зале воцарилась тишина. Могло пройти минут десять, прежде чем станут известны первые результаты торгов.

Минута проходила за минутой, потом ожил динамик селектора:

– Итак, похоже, «Блумфилд Вайс» скупил эти облигации на все девять миллиардов. Садитесь на телефоны и сообщите своим клиентам. Давайте попугаем этих любителей нагреть руки на срочных сделках.

Я осмотрелся. Сейлсмены названивали клиентам, и с их лиц не сходили улыбки. Не прошло и минуты, как на экранах Фреда замигали зеленые цифры – цена облигаций поползла вверх.

В тот день «Блумфилд Вайс» и его самые крупные клиенты хорошо заработали.

К ленчу в одной из столовых «Блумфилд Вайс» я опоздал на несколько минут. Столовая произвела на меня неизгладимое впечатление. Она располагалась на сорок шестом этаже, и из ее окон открывался вид на город до самого порта. Мне никогда не приходилось видеть нью-йоркский порт в таком изумительном ракурсе. Солнце освещало светло-серый океан, паромы суетливо сновали между островом Стейтен и морским вокзалом. Статуя свободы демонстративно протягивала в нашу сторону факел, не обращая внимания на пару вертолетов, надоедливо жужжавших возле ее ушей. На самом горизонте изящно искривилась дуга моста Верразано – последняя точка земли для примерно десятка кораблей, уходивших в океан.

Ко мне подошел Ллойд.

– В любом другом ресторане только за такой вид пришлось бы выложить лишних двести долларов, – гордо сказал он.

С моей стороны это было непростительной глупостью, но признаюсь, что в тот момент я не догадался выразить цену изумительного вида в долларах.

За спиной Ллойда стоял Кэш, а рядом с ним – лысеющий коротышка лет тридцати пяти в очках с толстыми стеклами.

При виде Кэша мне стало нехорошо. Я был ужасно зол на себя за то, что поддался на его показное добродушие и лживую доброжелательность. Впрочем, я понимал, что мне придется говорить с ним, попытавшись забыть о том, какой ущерб он причинил нашей компании, и о том, что он, возможно, виновен в смерти Дебби.

– Привет, Пол, как дела? – оглушительно загудел Кэш, протягивая руку.

Я заколебался, но все же ответил на рукопожатие, потом собрался с силами и сказал:

– Все отлично. Твои коллеги были очень любезны и показали Мне много интересного.

– Хорошо, хорошо, – отозвался Кэш. – Итак, с Ллойдом ты уже знаком, но, кажется, еще не встречался с моим старым другом Диком Вайгелем.

Лысеющий коротышка энергично потряс мне руку и одарил меня неестественной улыбкой, от которой за милю попахивало неискренностью.

– Рад с вами познакомиться, – сказал он. – Все клиенты Кэша – мои друзья.

– А почему мы стоим? – вмешался Ллойд. – Давайте сядем за столик. Пол, что бы вы хотели выпить? Чай со льдом?

Я забыл, что днем уолл-стритовские инвестиционные банки становятся сообществом трезвенников. Мне было трудно привыкнуть к американскому обычаю пить за ленчем чай со льдом, но, думаю, американцам казалось не менее неуместным наше теплое пиво. Я решил, что в чужом монастыре нужно подчиняться его уставу.

– Спасибо, с удовольствием, – ответил я.

Несколько минут разговор крутился вокруг общих тем: какая изумительная погода стоит в Англии, как подозрительно спокоен рынок и как трудно сейчас делать деньги.

Я осмотрелся и оглядел других посетителей столовой. Захватывающая дух панорама их определенно не интересовала. Все они, высокие и низкие, толстые и тонкие, пожилые и молодые, торопливо поглощали ленч. Опустив головы и едва не уткнувшись лицами в тарелки, они насаживали на вилку кусок мяса и торопливо отправляли его в рот. В относительной тишине столовой они чувствовали себя неуютно. Здесь не было слышно обычной для ресторанов непринужденной болтовни, до меня доносился лишь нервный шепот. На фоне вечно взвинченных сотрудников «Блумфилд Вайс» резко выделялись своим спокойствием несколько клиентов банка.

Потом мой взгляд остановился на посетителе, который занял место за одним из столиков в противоположном углу. Он сидел спиной ко мне, но, разговаривая с соседом, повернул голову, и я увидел его

профиль. Я очень хорошо знал этот профиль. Джо Финлей. Должно быть, кто-то из соседей Финлея перехватил мой взгляд, потому что Джо обернулся и посмотрел на меня. Он изогнул уголки рта в той же мимолетной фальшивой улыбке, какую я запомнил еще с нашей первой встречи. Потом Джо отвернулся и снова занялся ленчем.

Черт побери, что здесь делает Джо? В Нью-Йорке мне вполне хватало одного Кэша, и уж меньше всего мне хотелось встретить здесь Джо.

Я наклонился к Кэшу.

– Это не Джо Финлей, вон там в углу?

– Да, это он, – ответил Кэш.

– Что он здесь делает?

– То же самое, что и все мы. Несколько дней проведет в Нью-Йорке, а потом поедет на конференцию в Аризону.

– Но ты не говорил мне, что он тоже едет на конференцию!

Кэш удивленно поднял брови, потом рассмеялся.

– Слушай, Пол, я не мог назвать всех, кто едет на эту чертову конференцию. У тебя есть я и Кэти. Кто тебе еще нужен?

Конечно, Кэш был прав. Но Джо в Нью-Йорке – от одной этой мысли мне стало не по себе.

Вайгель тоже бросил взгляд на столик, за которым сидел Джо.

– Этот парень – очень хороший трейдер. Во всяком случае у него отличная репутация. Кстати, раз уж речь

зашла о репутации, как поживает ваш босс Хамилтон Макензи? Я его не видел сто лет.

Я перевел взгляд с сухопарой фигуры Джо на пухлое, лоснящееся лицо Дика Вайгеля.

– Очень хорошо. В нашей компании он творит чудеса. Он нравится клиентам. От инвесторов, которые видят, как работает Хамилтон, деньги текут рекой.

– Он всегда был умным парнем, – сказал Вайгель. – Мы учились вместе в Гарвардской школе бизнеса. Потом он ушел в «Де Джонг», а я – в «Блумфилд Вайс».

– И чем вы здесь занимались?

Обрадованный возможностью поговорить на любимую тему, Вайгель набрал побольше воздуха и начал:

– Видите ли, сначала я был сейлсменом и занимался счетами клиентов с юго-запада. Дела у меня шли неплохо, но я понимал, что здесь негде развернуться моим талантам. Понимаете, продажа ценных бумаг – слишком узкая сфера деятельности.

При этих словах два сидевших за столом сейлсмена окаменели, но Вайгель, ничего не замечая, продолжал:

– Тогда я перешел в «Корпорейт файненс», отдел, который занимается частными вложениями. Мы знаем, что иногда тот или иной инвестор выражает пожелание, чтобы выпуск облигаций удовлетворял только его нужды. Поэтому я нахожу компанию, которая выпускает такие облигации, и продаю их, минуя рынок, непосредственно этому инвестору, иногда еще двум-трем. В этом мне помогает Кэш. У него очень хорошие связи с клиентами, поэтому мы работаем вместе, пытаясь найти такую

структуру операции, которая удовлетворила бы потребности нашего клиента.

Вот такая ниточка, подумал я, протянулась от Вайгеля к Кэшу и от них к «Тремонт-капиталу». Ведь те облигации тоже размещались, минуя рынок.

– Я не очень хорошо знаком с облигациями частного размещения, – сказал я, – но говорят, что в этом случае инвестор защищен в меньшей мере, не так ли? В Соединенных Штатах Комиссия по ценным бумагам и биржам обязана тщательно проверять выпуски обычных облигаций. А кто же выполняет такую функцию при частном размещении?

– Мы. Должен сказать, что инвестора надежнее защищает частное размещение облигаций через «Блумфилд Вайс». У нас очень строгие правила. Пол, самые строгие на всем Уолл-стрите. Уверяю вас, ни в одной из наших операций мы не допускаем ни малейшего отклонения от правил.

Глядя мне в глаза через толстые стекла очков, Вайгель еще раз одарил меня своей фальшивой улыбкой.

– Кажется, мы ни разу не покупали облигации с частным размещением, по крайней мере за то время, что я работаю в «Де Джонге», – сказал я. – Возможно, такое было раньше?

Вайгель открыл было рот, собираясь что-то сказать, но снова сомкнул губы. Я стал свидетелем редкого случая – Вайгель не нашелся что сказать. Наконец он произнес:

– Нет, думаю, и раньше такого не было.

Его прервал Кэш:

– Перестань, Дик. Разве ты не помнишь сделку с «Тремонт-капиталом»? Облигации с высшим рейтингом и с огромной процентной ставкой? Отличная операция. Я продал половину облигаций компании «Де Джонг».

– Ах да, вспомнил, – отозвался Вайгель. – Да, это была хорошая операция. Пол, вы о ней знаете?

– Я видел облигации в нашем портфеле, но не знаю деталей, – сказал я. – Вы не могли бы рассказать подробней?

Вайгель явно чувствовал себя неловко, и Кэш его опередил. Он с удовольствием рассказал об облигациях и о том, как гарантия банка «Хонсю» обеспечила успех операции.

– Одна из лучших моих сделок, – заключил Кэш.

– Очень интересно, – сказал я и повернулся к Вайгелю. – Как вам удается организовывать такие операции?

Вайгель неловко поежился.

– Одна из проблем с частными вкладами заключается в том, что мы должны сохранять конфиденциальность всех участников. У нас есть правило: никогда не обсуждать детали операции даже после ее завершения.

– Не говори ерунды, Дик, – снова перебил его Кэш. – Тебя хлебом не корми, дай поразглагольствовать о какой-нибудь из твоих операций.

Вайгель даже не улыбнулся.

– Кэш, ты можешь разглагольствовать сколько тебе угодно, но я считаю, что это было бы непрофессионально. Возможно, мой предшественник

допускал непрофессионализм, но в этом я не собираюсь ему подражать.

Ллойд, почувствовав, что разговор затронул близкие его душе проблемы, прервал Вайгеля:

– Нет, Грега Шофмана нельзя было обвинить в непрофессионализме, он был просто слабохарактерным. У него не хватало духу. Он отказался провернуть несколько очень выгодных операций с бросовыми облигациями, потому что, по его мнению, они были неэтичными. Неэтичными! Он, наверно, думал, что у нас здесь благотворительная организация. – Ллойд, видимо, вспомнив о моем присутствии, понизил тон. – Не поймите меня неправильно. Пол. Все операции «Блумфилд Вайс» абсолютно законны. Но чтобы выжить на сегодняшнем рынке, нужно уметь побеждать в условиях жестокой конкуренции, а Шофман этого не умел.

Шофман! Где-то я слышал эту фамилию. Я порылся в памяти и довольно быстро вспомнил. Тот клерк из банка «Хонсю» упомянул, что за два месяца до звонка Дебби с ним разговаривал мистер Шофман.

– Этот мистер Шофман был вашим предшественником? – спросил я Вайгеля.

– Да, – подтвердил Вайгель. – Он был неплохим парнем. Но, как правильно подметил Ллойд, у него был слишком мягкий характер. Чтобы спланировать и совершить удачную операцию, нужно иметь реакцию и инстинкт профессионального киллера, особенно при нынешней конкуренции. У меня такой инстинкт есть, а у Шофмана его не было. – Почему-то я был склонен поверить, что Вайгель обладает задатками профессионального убийцы.

– Так что с ним случилось? – спросил я.

– Примерно два года назад его перевели в наш отдел документации, и Дик занял его место, – объяснил Ллойд.

– Он все еще работает в «Блумфилд Вайс»? – спросил я.

Воцарилось молчание. Все взгляды были устремлены на Ллойда. Очевидно, считалось, что на этот вопрос должен ответить он. В конце концов Ллойд был вынужден уступить.

– Нет, – сказал он. – Несколько месяцев назад он не появился на работе. Он просто исчез. Полиции не удалось найти никаких следов. Скорее всего, его убили в темном переулке. Вы знаете, что сейчас творится в Нью-Йорке.

– Полиция нашла убийцу? – спросил я.

– Полиция даже не может твердо сказать, жив он или нет, но думает, что его ограбили и убили.

Да, полиция может так думать. Не странно ли, отметил я, что два человека, которые хотели узнать в банке «Хонсю» о гарантиях облигаций «Тремонт-капитала», теперь мертвы? С ужасом я вспомнил, что есть и третий человек, который знает, что таких гарантий никогда не существовало. Им был я.

– Вот что значит жить в этом городе, – говорил Вайгель, подкрепляя свои слова красноречивыми жестами. – Я тоже жил в Нью-Йорке, пока это не стало слишком опасно. Теперь я переселился в пригород. Монтеклер, Нью-Джерси. Там намного безопасней.

Правда, теперь приходится очень долго добираться до работы.

Мы еще немного поговорили о том, кто сколько времени тратит на дорогу от дома до работы, потом вернулись к многочисленным талантам Вайгеля. Когда ленч, наконец, закончился, мы с Ллойдом снова спустились в операционный зал. Я подошел к рабочему месту Томми.

– Как прошел ленч? – усмехнулся Томми.

Я скорчил рожу.

– Трудно подобрать лучшую компанию, – заметил Томми. – Ллойд Харбин, Кэш Каллахан и этот мерзавец Дик Вайгель.

– Должен признаться, он мне ужасно не понравился, – сказал я.

– Один из столпов «Блумфилд Вайс», – отозвался Томми.

Я улыбнулся и жестом показал на телефон.

– Вы не возражаете, если я послежу за вашей работой? – спросил я.

– Нисколько.

Томми взял телефонную трубку и предложил мне наушники. Я прослушал несколько переговоров Томми по телефону. Со всеми клиентами он говорил очень дружелюбно и охотно, но в то же время с каждым немного по-своему – с одними более, с другими менее сердечно. Он быстро и толково сообщал клиентам массу полезной информации. Казалось, он абсолютно точно знает, какие облигации на руках у клиентов, хотя те всячески старались скрыть свои возможности. Томми не

делал попыток продать акции «Мэйси», которые «Блумфилд Вайс» купил по ошибке и прилагал все усилия, чтобы от них избавиться. Хороший сейлсмен.

Примерно через час к нам подошел Ллойд и положил руку на плечо Томми.

– Можно вас на минуту? – сказал он.

– Конечно, – ответил Томми.

Они скрылись за углом. Я с минуту стоял, потом опустился в кресло Томми и стал наблюдать за другими агентами.

Через несколько минут Ллойд вернулся. Я хотел было подняться, но Ллойд жестом показал мне, чтобы я не вставал.

– Оставайтесь здесь, Пол, – сказал он. – Если хотите, можете использовать этот стол как свою базу на сегодня. Через несколько минут к вам подойдет руководитель нашей группы анализа.

Я хотел было спросить, где Томми, но что-то меня удержало. Сидевшие вокруг стола Томми сейлсмены украдкой посматривали на меня. Правда, у меня создалось такое впечатление, что они смотрят не столько на меня, сколько на кресло, в котором я сидел. На кресло Томми.

На этом месте я чувствовал себя осквернителем могил. Я вскочил, осмотрелся. Глупо было стоять, когда никто не обращает на тебя внимания. Мне хотелось во все горло крикнуть, объяснить им, что я не виноват в том, что Томми здесь нет.

Я мог представить себе ход их мыслей. Томми не повезло. На его месте мог оказаться любой из них. За

пять минут Томми превратился из блестящего сейлсмена в неудачника. Всем своим видом они хотели показать – по крайней мере на людях, – что они не имеют никакого отношения к этой истории, что они тут вообще не при чем.

Ко мне подошел мужчина в сером комбинезоне. Перед собой он катил большую синюю корзину на колесиках.

– Это был стол мистера Мастерсона? – спросил он.

Я кивнул. Он неторопливо сложил в корзину все, что по его мнению могло быть личной собственностью Томми, и, волоча за собой корзину, ушел. Я заметил, что на спинке кресла остался пиджак Томми. «Эй!» – крикнул я, но мужчина в комбинезоне не слышал меня. В этом гигантском операционном зале мой английский акцент звучал неуместно. Кое-кто повернул голову в мою сторону, но, разумеется, не те, кто сидели вокруг стола Томми. Они всячески подчеркивали, что не замечают меня.

Меня спас руководитель группы анализа. Остаток дня я провел с аналитиками, обсуждая достоинства и недостатки различных бросовых облигаций. Тема оказалась неожиданно интересной. Понять, какая компания преуспеет, а какая потерпит крах, – в этом было что-то и от искусства и от науки. Аналитики «Блумфилд Вайс» научили меня многому, что впоследствии могло оказаться полезным.

Я освободился около половины шестого и вернулся в операционный зал, чтобы попрощаться с Ллойдом. Он ни словом не обмолвился о Томми, поэтому я сказал:

– Если увидите Томми, пожелайте ему от меня удачи.

– Конечно, – сказал Ллойд. – Томми – отличный парень.

Ллойд проводил меня до лифта. Я всячески пытался не демонстрировать свое раздражение. Похоже, «Блумфилд Вайс» специализировался на воспитании крайне неприятных типов вроде Кэша Каллахана, Дика Вайгеля и Ллойда Харбина. Я понимал, что иногда без увольнения сотрудника не обойтись, но сомневался, чтобы доброжелательный и очень толковый Томми этого заслуживал. К тому же его не просто уволили: за несколько минут в «Блумфилд Вайс» уничтожили все его следы, стерли всякую память о нем.

Прощаясь с Ллойдом, я снова удачно противостоял его попытке расплющить мне кисть рукопожатием. Это было слабым утешением.

Кабина лифта оказалась пустой, и я облегченно выдохнул. Для одного дня пришлось иметь дело со слишком многими безжалостными подонками.

Кабина остановилась на следующем этаже, и в открывшихся дверях я увидел высокую фигуру Кэти. У меня упало сердце. Я был вовсе не настроен на вежливую болтовню, а тем более – на серьезный спор. Кажется, Кэти, увидев меня, тоже не обрадовалась. Она была расстроена, ее щеки горели, губы дрожали.

– Неудачный день? – спросил я.

– Чертовски неудачный, – сказала она.

– Мерзкое заведение.

– Ужасное заведение.

– Тут работают настоящие мерзавцы.

– Настоящие мерзавцы, – согласилась Кэти, подняла глаза и попыталась улыбнуться.

– Не хотите чего-нибудь выпить? – поддавшись неожиданному порыву, предложил я.

Кэти заколебалась, потом ответила:

– Почему бы и нет? Вы знаете подходящее местечко неподалеку?

Мы пошли в «Фронсез-таверн» – бар в старом кирпичном здании, спрятавшемся среди небоскребов на Брод-стрит. Мы сели и заказали два пива.

– Что случилось? – спросил я.

Кэти моргнула.

– Скажем так, состоялась схватка личностей.

– И вы проиграли?

Кэти вздохнула и откинулась на спинку кресла.

– У меня только что был очень серьезный разговор с Кэшем, – сказала она. – Несмотря на все его напускное добродушие, иногда с ним очень трудно работать.

– Что он сделал?

– То же, что и всегда. Он хотел ублажить одного из наших клиентов. В Нью-Йорке пытались сыграть на повышение на облигациях одной ловкой страховой компании. Облигаций было куплено на пятьдесят миллионов. Сегодня утром об этой компании не очень лестно отозвалась «Уолл-стрит джорнал», курс облигаций упал, и наши трейдеры не могли от них избавиться. – Длинными тонкими пальцами Кэти играла ножкой бокала. – Кэшу представился случай

продемонстрировать свои таланты перед нью-йоркскими боссами. Он позвонил одному из наших лондонских клиентов, наговорил ему кучу небылиц о том, что якобы газета неправа, что в действительности дела у компании намного лучше, чем все думают. Лондонский клиент поверил Кэшу и поспешил купить облигации. Свою ошибку он понял довольно быстро и попытался хотя бы вернуть свои деньги. – Кэти вздохнула. – В сущности, это был даже не его клиент. С этой фирмой я долгие месяцы пыталась установить хорошие отношения, мне уже начинали верить. После этой истории там никто не станет со мной разговаривать. Кэш будет героем, а я потеряю клиента. – Кэти бросила на меня тревожный взгляд. – Мне не следовало бы вам все это рассказывать, не так ли? Но иногда это мне так надоедает, что я готова взорваться. Поделиться с кем-нибудь – это уже облегчение.

– Не беспокойтесь, – сказал я. – Я тоже пришел к выводу, что Кэшу никогда нельзя доверять на все сто процентов. И такие истории случаются часто?

– Сплошь и рядом, – ответила Кэти. – Я терпеть не могу врать. В сущности, я даже не умею лгать. Я убеждена, что прочные деловые связи могут строиться только на взаимном доверии. – Она оторвала глаза от бокала. – У нас с вами были разногласия, но я всегда была честна, не так ли? – Ее взгляд искал у меня одобрения и поддержки.

Я задумался. Кэти была права. И в рассказе о стычке с Кэшем она была очень откровенна. Я кивнул.

– Не могу вспомнить такого случая, когда бы вы сказали неправду.

Кэти была довольна моим ответом.

– У меня опускаются руки. Я делаю все, что в моих силах, чтобы говорить моим клиентам только правду, а они не хотят иметь со мной никаких дел. Кэш врет им на каждом шагу, а они проворачивают с ним массу сделок. В вашей компании тоже так?

– Всерьез я об этом не задумывался. Но, полагаю, не иначе, – признался я.

Кэти мрачно изучала ножку бокала, потом резко сменила тему:

– Но почему мы говорим только о моих проблемах? А как ваши дела? В лифте вы не светились счастьем. У вас тоже выдался неудачный день?

Я рассказал Кэти, как у меня на глазах выгнали Томми и о ленче в компании отвратительного Вайгеля.

– Ах, Вайгель. Его называют ядовитой жабой.

Я рассмеялся. Кличка показалась мне на удивление меткой.

– В «Блумфилд Вайс» работает много людей вроде Дика Вайгеля и Ллойда Харбина, – продолжала Кэти. – В сущности, их даже поощряют. То же самое творится в большинстве уолл-стритовских фирм. Умение жестко вести конкурентную борьбу и напористость преподносятся как высшие добродетели. Выживает сильнейший. Меня от этого тошнит.

В словах Кэти я увидел небольшую натяжку.

– Глядя на вас, не всегда скажешь, что вас от этого тошнит, – заметил я.

Кэти вопросительно подняла брови, потом вздохнула.

– Да, вы правы, я знаю, что могу быть очень напористой. Думаю, поэтому меня и взяли в «Блумфилд Вайс». А я подыгрываю Кэшу и другим. Им это нравится, клиентам – нет. Моя беда в том, что в такие минуты я ненавижу себя.

– Почему же вы этим занимаетесь?

– Вероятно, хочу преуспеть. Хочу заработать в «Блумфилд Вайс» кучу денег.

– Зачем?

– Зачем? Разве это не очевидно?

– В общем-то нет, не очевидно.

– М-м. Да, думаю, вы правы. Это не само собой разумеется. – Кэти задумалась. – Мои родители читают лекции в университете. Они всегда возлагали на меня большие надежды. Мой брат – самый молодой из директоров лондонских торговых банков. Он учился в Оксфорде, значит, и я должна была учиться в Оксфорде. Теперь я должна добиться успеха в Сити. В сущности, все это глупо, да?

Я кивнул. Это действительно было глупо. Но я должен был признать, что подобными мотивами руководствовались многие из тех, кто сейчас трудится в банках и брокерских фирмах. Откровенность Кэти произвела на меня впечатление.

– Вам нравится ваша работа? – спросил я как можно более дружеским тоном.

– Да, во многих отношениях нравится, – ответила Кэти. – Мне нравится сумасшедшая атмосфера рынков.

Мне нравится работать с людьми. Чего я терпеть не могу, так это лжи, неискренности, интриг, махинаций, необходимости демонстрировать свою силу.

– Тогда почему бы вам просто не отказаться от такого имиджа? – спросил я.

– Это невозможно, – возразила Кэти. – «Блумфилд Вайс» проглотит меня живьем. С этим нужно примириться.

И Кэти рассмеялась. В этот момент она совсем не была похожа на самоуверенную служащую банка. Лишенная своей холодности, Кэти казалась обычной интеллигентной девушкой, к тому же с красивыми глазами и доброй улыбкой. Несколько минут мы молчали.

– Расскажите мне о Робе,. – попросил я.

Кэти улыбнулась.

– Это вы должны рассказать мне о Робе.

– Нет. Я попросил первым.

– Ладно, – сдалась Кэти. – Он – неплохой парень. В сущности, даже очень милый. Мы встречались раза два и неплохо провели время. Но потом он вдруг стал ужасно серьезным. Слишком серьезным. Меня это пугало. Он сделал мне предложение, а ведь мы почти не знали друг друга. Я чувствовала какую-то неловкость, мне казалось, что я сама невольно подала ему эту мысль. Впрочем, теперь я так уже не думаю.

Тогда я решила, что лучше всего будет избегать его общества. Я не хотела, чтобы он питал какие-то иллюзии. Но потом он обманом, от имени одного из моих клиентов, зазвал меня в ресторан. Я была в бешенстве. С

того дня, слава Богу, я его не видела. – Кэти помедлила. – Он всегда такой?

– К сожалению, очень часто, – сказал я. – Но ваш отказ он воспринял особенно тяжело. Думаю, он еще даст вам о себе знать.

– О Боже! – воскликнула Кэти. – Если вы можете как-нибудь подействовать на него, умоляю вас, помогите. Я испробовала все, что только пришло мне в голову. Он хороший парень, но этому нужно положить конец.

Я вспомнил рассказ Фелисити о бесконечных звонках Роба к Дебби, слова Клер о том, что в Робе есть что-то странное, и его вспышку в «Глостер армз».

– Будьте осторожны, – сказал я.

Кэти недоуменно подняла брови, но я уклонился от объяснений. Взяв по второму бокалу пива, мы проговорили еще примерно с час. Кэти убедила меня рассказать о своей семье, хотя обычно я не склонен обсуждать эту тему с почти незнакомыми людьми. Тем не менее, я рассказал ей о гибели отца, о болезни матери и о том, как я обманул материнские надежды на то, что стану фермером. Кэти мне посочувствовала. Как ни странно, ее сочувствие не вызвало у меня раздражения, как это часто бывало, когда я замечал в собеседнике неискренность. Напротив, в словах Кэти я нашел утешение.

– Хамилтон Макензи на самом деле такая холодная рыбина, каким кажется? – спросила Кэти. – Должно быть, с ним сложно работать.

– Часто его трудно понять, – признал я. – И в нем есть что-то от надсмотрщика. Он очень скуп на похвалы.

– Но вам он нравится?

– Я бы так не сказал. Скорее, я восхищаюсь им. В работе с рынками он великолепен, лучше его не найти. К тому же он – очень хороший учитель. Он невольно заставляет меня работать в полную силу, выдавать все, на что я способен. Честно говоря, для него я сделал бы что угодно.

– Должно быть, приятно работать на такого босса.

– Да, приятно.

– Он вам как бы отчасти заменяет отца?

Я неловко поежился.

– Такие мысли мне в голову не приходили. Но, думаю, вы правы.

Кэти похлопала меня по руке.

– Прошу прощения, мне не следовало этого говорить.

– Нет-нет, все в порядке. Иногда чувствуешь облегчение, поговорив с кем-нибудь откровенно. С тем, кто тебя понимает. Потеряв отца или мать, человек становится очень одиноким. Для него это – одно из самых тяжелых воспоминаний, а поделиться своим горем он ни с кем не может.

Кэти улыбнулась. С минуту мы сидели молча, потом она бросила взгляд на часы.

– Уже так поздно? Мне нужно идти. Благодарю за пиво. Теперь мне намного лучше.

Кэти встала. Почему-то мне не хотелось, чтобы она уходила.

– Мне тоже, – сказал я.

Намного лучше.

Мы расстались. Я пошел к одной станции метро, Кэти – к другой.

Двенадцатая глава

На следующий день прежде всего я под разными благовидными предлогами отменил все свои встречи. Свой второй день в Нью-Йорке мне нужно было посвятить расследованию того, что я услышал накануне.

Меня интересовали два вопроса. Во-первых, что случилось с Шофманом, и, во-вторых, как удалось Вайгелю сфабриковать сделку с «Тремонт-капиталом».

Сначала я попытался найти ответ на первый вопрос. Из отеля я позвонил в справочную и узнал номер телефона ближайшего к «Блумфилд Вайс» полицейского участка. Вероятно, рассуждал я, именно туда из банка сообщили об исчезновении их сотрудника.

После двух неудачных попыток какая-то доброжелательно настроенная женщина наконец сказала мне, что об исчезновении людей действительно сообщают в этот участок, но расследованием таких случаев занимается другой участок, который находится в Уэст-сайде, на 110-й улице. Это было недалеко от того места, где жил Шофман. Я поблагодарил, вышел из отеля и на такси доехал до Уэст-сайда.

Мне дважды повезло. Во-первых, в полицейском участке царило относительное спокойствие, и, во-вторых, дежурный сержант оказался одним из немногочисленных представителей племени англофилов, которые изредка еще встречаются по всей Америке.

– Э, так вы – англичанин? – спросил он, отвечая на мое приветствие.

– Да, – ответил я.

– Добро пожаловать в Нью-Йорк. Как вам здесь нравится?

– Великолепный город. Я всегда с радостью приезжаю сюда.

– Так, значит, вы из Англии? Моя мать была англичанкой. Вышла замуж за американского солдата. А где именно вы живете?

– В Лондоне.

– Неужели? Моя мать тоже из Лондона. Может быть, вы знаете ее родственников. Ее фамилия – Робинсон.

– К сожалению, в Лондоне очень много Робинсонов, – сказал я.

– Да, конечно, вы правы. Пару лет назад я ездил туда в гости. Отлично провел время. Так чем я могу вам помочь?

Рядом с дежурным сержантом стоял высокий толстый полицейский, на бляхе которого я прочел ирландскую фамилию – Мэрфи. Прислушиваясь к нашему разговору, он все больше хмурился.

– Видите ли, я пытаюсь что-нибудь разузнать о судьбе моего университетского приятеля Грета Шофмана. Четыре месяца назад сюда сообщили о его исчезновении. Я бы хотел узнать, что именно с ним случилось.

– Конечно. Подождите минутку, я поищу папку.

Ждать мне пришлось минут пять. Сержант вернулся с очень тонкой папкой.

– Данных у нас немного. Сообщение поступило двадцатого апреля. Не найдено никаких следов пропавшего. Ни тела, ни пустого бумажника, ни

водительского удостоверения. Его кредитной карточкой никто не воспользовался. Расследование закрыто.

– Но разве может человек исчезнуть, не оставив никаких следов? – удивился я.

– Это Нью-Йорк. Здесь совершается шесть убийств в день. Конечно, большинство тел мы находим. Но не все.

– Когда его видели в последний раз?

Сержант заглянул в папку.

– Девятнадцатого апреля в семь часов, когда он уходил с работы. Ни привратник, ни соседи не видели, чтобы он вернулся домой. Он жил один. Ни жены, ни девушки, о которой нам было бы известно.

– По какому адресу он жил?

Глаза сержанта немного сузились, он бросил на меня подозрительный взгляд.

– Мне казалось, вы говорили, что он был вашим старым другом, – сказал он.

– Да, прошу прощения. Я оставил его адрес в Англии. У меня есть его служебный телефон, и, оказавшись в Нью-Йорке, я сразу позвонил ему на работу, хотел пригласить на обед. Мне ответили, что он пропал. Это был такой удар. Я действительно очень хотел бы узнать, что с ним случилось.

Взгляд сержанта смягчился. Он дал мне адрес. Оказалось, Шофман жил всего в двух кварталах от полицейского участка. Потом сержант сказал:

– Послушайте, мистер. Как ни смотрите, все равно вы ничего не найдете. Я знаю десятки таких случаев. Расследование не сдвинется с места, пока не найдут тело

или личные вещи потерпевшего и не сообщат нам об этом. Конечно, если бы у нас было больше полицейских и меньше убийств, мы могли бы уделить больше времени расследованию, но я сомневаюсь, чтобы даже в этом случае мы продвинулись далеко.

Я задумался. Вероятно, сержант был прав. Я вздохнул, поблагодарил его и извинился за доставленное беспокойство.

– Никакого беспокойства. Был бы рад помочь вам. Когда вернетесь, выпейте за меня пинту горького.

Я заверил сержанта, что непременно выпью, и ушел. Мне еще раз повезло, думал я, что дежурным оказался полицейский, готовый оказать любую посильную помощь. На всем пути от участка до дома Шофмана я не мог забыть мрачное лицо его ирландского коллеги.

Я пешком прошел два квартала до многоквартирного дома, в котором когда-то жил Грег Шофман. Дом стоял в одном из тех приграничных районов, поселяясь в которых, более смелые городские служащие отваживаются внедряться в полуразрушенный Гарлем. Здесь опрятные каменные здания, построенные в конце девятнадцатого века и обновленные к концу двадцатого, перемежались с заброшенными складами и торговыми лавками. На перекрестке расположился чистенький корейский магазин, готовый предложить фрукты и овощи возвращающимся с работы служащим. В этот утренний час улицы были почти пусты. Я заметил лишь пожилого негра, который брел по тротуару, что-то бормоча себе под нос.

Англичанину невозможно представить себе, что такое жизнь в этих районах. Для человека,

вскормленного на диете из телевизионных детективов и мрачных репортажей в сводках новостей, нетрудно вообразить, что Нью-Йорк – это поле постоянной войны между белыми интеллигентами и негритянской беднотой. Шофман жил на линии фронта, которая разделяет воюющие стороны. Разумеется, реальность бесконечно более сложна, чем эта примитивная схема, но мне, англичанину, одетому в хороший костюм и гуляющему по окраинам пресловутого Гарлема, было нетрудно поверить, что Шофман стал просто очередной жертвой этой войны.

В хорошо обставленном холле дома Шофмана за столом сидел привратник, охранявший подступы к лифтам. Рассказав ту же басню о старом приятеле из Англии, я спросил его о Шофмане.

Да, привратник хорошо помнит мистера Шофмана. Да, он как раз дежурил вечером девятнадцатого апреля. Нет, он не видел, чтобы мистер Шофман вернулся домой. Не видел его и второй привратник, который пришел на смену в полночь. Да, он совершенно уверен, он бы наверняка запомнил, потому что должен был передать мистеру Шофману пакет. Нет, в пакете не было ничего необычного, просто книги из книжного клуба. Нет, он не может показать мне квартиру, там живет другой человек.

Я ушел, не узнав ничего нового, взял такси и вернулся в отель.

Поднявшись в номер, я упал на кровать, уставился в потолок и погрузился в размышления.

Очевидно, в попытке получить ответ на первый вопрос я потерпел сокрушительное поражение. В Нью-Йорке я должен был пробыть еще день. Я не сомневался, что сержант полиции был прав. Мои шансы

узнать, что на самом деле произошло с Шофманом, были ничтожно малы. Но все же я оставался при прежнем убеждении, что исчезновение Шофмана вскоре после его звонка в банк «Хонсю» не было случайностью. Шофман узнал, что облигации «Тремонт-капитала» – это самое настоящее мошенничество, кому-то стало об этом известно, и этот кто-то убрал Шофмана.

Но у меня оставался второй вопрос. Каким образом Вайгель организовал выпуск и продажу облигаций «Тремонт-капитала»? С кем он был связан? Куда делись деньги, полученные от продажи облигаций?

После любой сделки должны оставаться какие-то документы. Вскоре Хамилтон попытается найти следы аферы в Кюрасао. Но что-то должно было остаться и в «Блумфилд Вайс». Лондонская архивистка утверждала, что в центральных архивах нет никаких сведений. Конечно, кто-то мог выбросить все, что так или иначе связано с «Тремонт-капиталом». С другой стороны, офшорная компания еще существует, еще платит проценты. Не исключено, что какие-то документы сохранились у Вайгеля. Но как мне добраться до его бумаг?

Я позвонил Ллойду Харбину.

– Добрый день. Это Пол Марри. Я хотел поблагодарить вас за вчерашнее гостеприимство, – сказал я, надеясь, что он не почувствует неискренности в моем голосе.

– О, не стоит благодарности, – ответил Ллойд таким тоном, в котором я без труда услышал: «Скорей клади трубку, у меня есть дела поважней».

– Не могли бы вы мне дать домашний номер телефона Томми Мастерсона? – попросил я.

– К сожалению, Томми больше нет. Он у нас уже не работает.

– Тем не менее, я был бы вам очень признателен, если бы вы помогли мне. Видите ли, я дал ему на время авторучку, а у него просто не было возможности вернуть ее. Я пользуюсь ею несколько лет, и она мне по-своему очень дорога.

– Прошу прощения, Пол, но я не имею права давать сведения о бывших сотрудниках.

Мне следовало бы учесть, что рассказывать Ллойду Харбину о дорогих воспоминаниях бесполезно. С ним нужно было разговаривать на его языке.

– Послушайте, Ллойд, «Де Джонг энд компани» собирается приступить к покупке бросовых облигаций. На общую сумму двести миллионов долларов. – Я присочинил, но теперь это не имело значения. – Мы можем купить их у «Блумфилд Вайс», а можем – у «Харрисон бразерс». Выбор за вами.

Ллойд понял.

– Подождите, не торопитесь. Я посмотрю. – Не прошло и полминуты, как Ллойд снова отозвался: – 342—6607.

– Благодарю. Мне будет приятно с вами работать, – еще раз солгал я и положил трубку.

Я застал Томми дома и спросил, не хочет ли он поболтать со мной за ленчем. Мы договорились встретиться в итальянском ресторане «Кафе Альфредо», недалеко от дома Томми в Гринвич-вилидж.

На первый взгляд, безработный Томми ничем не отличался от Томми работающего. То же дружелюбие, та же непринужденность.

– Мне было очень жаль, когда вы вчера ушли, – сказал я, воспользовавшись стандартным «вы ушли» вместо более точного «вас выгнали».

– Благодарю, – отозвался Томми. – Это было несколько неожиданно.

– Меня поразило, как это было проделано. Они всегда так поступают? Я имею в виду, тебя вызывают в какой-то кабинет и даже не дают возможности вернуться к своему столу?

– Обычно да, – сказал Томми, – хотя, как правило, сначала тебя хотя бы предупреждают.

– Почему он так поступил? – спросил я.

– Он меня терпеть не может, – ответил Томми. – Моя позиция противоречит всей стратегии «Блумфилд Вайс». Кроме того, я «подрывал его авторитет». В «Блумфилд Вайс» вообще не любят самостоятельно мыслящих служащих. Им не нравятся люди, которые называют грабеж грабежом, а не «уникальной возможностью для инвестиций». Тем не менее, без меня они продадут меньше облигаций и заработают меньше денег. Уже за это я должен быть им благодарен.

– Мне кажется, вы должны быть очень сердиты на «Блумфилд Вайс», – возразил я.

– О, я не пропаду. Возможно, все складывается даже к лучшему. Теперь мне придется искать другое место, такое, где работают люди. Я могу даже вернуться в Калифорнию, и пусть они катятся ко всем чертям.

Несмотря на бодрый вид, Томми на мог подавить горечь в голосе. Это хорошо, подумал я.

– Могу я попросить у вас совета? – спросил я.

– Конечно.

– Моя компания является гордым владельцем плода одной из таких «уникальных возможностей для инвестиций», о которых вы говорили. Операция, которую я имею в виду, не только уникальна, но и – я в этом убежден – противозаконна. Однако пока у меня нет твердых доказательств, я ничего не могу предпринять.

– Что за операция? – спросил Томми.

– Это было частное размещение облигаций «Тремонт-капитала», совершенное восемнадцать месяцев назад. Все детали операции разрабатывал Дик Вайгель.

– Никогда не слышал. Боюсь, ничем не смогу вам помочь.

– Мне не нужна ваша помощь относительно самой операции, – пояснил я. – Мне нужен совет, как получить доступ к личным бумагам Вайгеля.

Я не сводил с Томми взгляда, надеясь, что не зашел слишком далеко.

Томми ответил взглядом на взгляд.

– Этого я сделать не могу, – сказал он. – А если кто-то узнает, что я помогал вам?

– Едва ли вас еще раз выгонят, – заметил я.

– Едва ли, – улыбнулся Томми. – Но если меня схватят за руку, юристы банка съедят меня с потрохами.

– Прошу прощения, Томми, – сказал я. – Я не имел права просить вас. Пожалуйста, забудьте об этом разговоре.

Мы с минуту помолчали. Потом Томми снова улыбнулся и сказал:

– Черт побери, а почему бы и нет? Я им ничего не должен, а банк, похоже, стал моим вечным должником. Я помогу.

– Отлично!

– Вайгель руководит отделом из пяти-шести человек. Все работают в одной комнате, но свое рабочее место Вайгель отгородил. Его кабинет занимает половину площади и для большей приватности закрыт шторами.

Так похоже на Вайгеля, подумал я. Его эго требовало столько же места, сколько все шесть его сотрудников.

– Я очень хорошо знаю Джин, секретаршу Вайгеля. Она – отличная женщина и терпеть не может своего босса. Она уже практически собралась уходить. Думаю, Джин поможет нам, особенно когда услышит, как они обошлись со мной. Она может дать нам знать, когда Вайгеля не будет на месте. Мы поднимемся, и она проведет нас в его кабинет, как будто у нас назначена встреча. Очень просто.

– Хорошо, – сказал я. – Но как мы попадем в здание «Блумфилд Вайс»? У вас разве не отобрали пропуск?

– Отобрали, конечно, но я уверен, об этом побеспокоится Джин.

– Вам не обязательно идти со мной, – сказал я. – Я могу все сделать сам.

– Обязательно. Если Джин и пустит вас в кабинет Вайгеля, то только вместе со мной.

– Между вами и Джин что-то есть? – спросил я с улыбкой.

Томми расхохотался.

– О нет, ничего, уверяю вас.

Мы разделались с ленчем, я расплатился, и мы направились в квартиру Томми. Оттуда он хотел позвонить Джин. Мне обязательно нужно было попасть в кабинет Вайгеля в тот же день.

Квартира Томми находилась на втором этаже комфортабельного старого дома на Барроу-стрит. Мы поднялись по лестнице, Томми полез в карман за ключами и на минуту замешкался.

– Забыл предупредить, со мной живет мой друг Гэри. Он работает по вечерам и сейчас может быть дома.

Томми открыл дверь и через небольшую прихожую провел меня в со вкусом обставленную гостиную. На полу гостиной лежал дорогой восточный ковер, похожий висел на одной из стен. Остальные стены украшали привлекательные абстрактные полотна. Гэри сидел в удобном кожаном кресле. Он приветствовал нас громкими возгласами.

Коротко постриженный, усатый Гэри был в тесных светло-голубых джинсах – форме нью-йоркских гомосексуалистов, выполняющих роль мужчины. Теперь мне стало понятно, почему Томми так рассмешило мое предположение о связи между ним и секретаршей Вайгеля. Я еще раз окинул взглядом Томми. Внешних признаков его сексуальных наклонностей я не заметил.

Томми перехватил мой взгляд.

– Ну да, я – гей. Это вас удивляет? – сказал он.

– Признаться, отчасти да, – ответил я. – Но это я переживу.

Я не смог подавить невольной усмешки.

– Что вас развеселило? – с подозрением глядя на меня, спросил Томми.

– О, я просто представил себе, какую рожу скорчил бы Ллойд Харбин, узнав об этом.

Томми тоже улыбнулся.

– Да, я понимаю, что вы имеете в виду. Знаете, несколько месяцев назад я случайно встретил его в баре на Кристофер-стрит в чрезвычайно гнусной компании. Хотите кофе?

Томми приготовил кофе и потом позвонил секретарше Вайгеля. Пока он разговаривал по телефону, я пил кофе и болтал с Гэри. Через три-четыре минуты Томми положил трубку.

– Вайгеля сейчас нет. Его не будет еще примерно час. Если мы станем действовать быстро, то до его возвращения успеем найти то, что нам нужно. Подождите минутку, я переоденусь.

Через минуту Томми вышел из спальни в костюме. Я поставил кофейную чашку, попрощался с Гэри и последовал за Томми. Мы быстро поймали такси и поехали на Уолл-стрит.

Машина остановилась рядом с черной, зловещей громадой «Блумфилд Вайс». На лифте мы поднялись на

сорок шестой этаж и оказались в приемной «Корпорейт файненс».

Томми подошел к дежурной и сказал:

– Томми Мастерсон и Джеймс Смит. У нас назначена встреча с мистером Вайгелем.

Дежурная посмотрела на Томми и удивилась:

– Разве вы здесь не работаете, мистер Мастерсон? Я была уверена, что вы из операционного зала.

Томми дружески улыбнулся.

– Вы правы, я работал здесь до недавнего времени.

Дежурная заглянула в бумаги.

– Что ж, если вы договорились о встрече, значит, все в порядке. – Она нажала несколько кнопок на телефоне. – Джин? К мистеру Вайгелю посетители. – Она положила трубку. – Подождите здесь, джентльмены.

Джин появилась через мгновение. Она оказалась высокой женщиной в круглых ленноновских очках, с длинными каштановыми волосами, падавшими на спину. На ней были свободная блузка и длинная юбка. Словом, она очень походила на хиппи, случайно забредшую на Уолл-стрит. Джин не подала виду, что знает Томми. По длинным коридорам она провела нас в сравнительно небольшую комнату, в которой почти бок о бок стояли шесть столов. За пятью из них трудились сотрудники Вайгеля, шестой мужчина охранял отделенный стеклянной перегородкой кабинет босса. Изнутри стеклянные стены были плотно зашторены.

– К сожалению, мистер Вайгель вернется только примерно через полчаса, – сказала Джин. – Прошу прощения за недоразумение. Не могу понять, как могла

произойти такая путаница. Вы предпочитаете подождать или подойти позже?

– Если можно, мы хотели бы подождать, – ответил Томми.

– Хорошо, тогда, может быть, вы посидите в кабинете мистера Вайгеля? – предложила Джин.

Она проводила нас в кабинет, и Томми тайком ей подмигнул. Джин улыбнулась в ответ и прикрыла за нами дверь.

В просторном кабинете стояли большой письменный стол, два кресла, диван и кофейный столик. Повсюду были разбросаны «памятники» – рекламные проспекты завершенных сделок в прозрачной пластиковой упаковке. Вайгель совершал много сделок и хотел, чтобы об этом знали все. На стене висели две фотографии: на одной Вайгель пожимал руку Ли Якокке, на другой – мэру Эду Кочу [11]. Любому китайскому ресторану Нью-Йорка вполне хватило бы одного Коча, чтобы лопнуть от гордости.

Вдоль одной из стен стояли деревянные картотечные ящики. На двух из них было написано: «Завершенные операции». Я подергал ручки. Выдвижные ящики были заперты на ключ.

---

[11] Ли Якокка – президент компании «Форд» (1970—1978), главный управляющий компании «Крайслер» (1978—1989) воплощает в себе «американскую мечту», так как начал карьеру мелким служащим.

Эдуард Коч – американский политический и общественный деятель, с 1978 по 1990 гг. – мэр Нью-Йорка.

Томми вышел якобы затем, чтобы попросить Джин приготовить кофе, и вернулся с ключами. Он открыл ящики.

В них в алфавитном порядке стояли папки. Я быстро нашел букву «Т». Дела «Тремонт-капитала» не было. Проклятье! Я еще раз просмотрел папки. Названия многих из них были, очевидно, зашифрованы.

– Что будем делать? – спросил Томми.

– Остается только смотреть все папки подряд, – предложил я.

– Но их здесь не меньше сотни! Мы не управимся и за час! А у нас только двадцать минут.

– Другого варианта нет. Я начинаю с «А», вы – с «Z» и движетесь в обратном направлении.

– Подождите минутку. Может быть, я разберусь с кодовыми названиями.

Я листал только вторую папку, которая оказалась делом о поглощении косметической компании под кодовым названием «Адонис», когда Томми прошептал:

– Нашел! Вот оно!

Он протянул мне папку, озаглавленную «Мюзик-холл».

– Как вы догадались, что это то, что нам нужно? – поразился я.

– «Тремонт-капитал» напомнил мне о Тремонт-авеню в Бронксе. Там был мюзик-холл, одно время очень популярный.

– Отлично! – воскликнул я, хватая папку.

Я никогда не уловил бы связи между «Тремонтом» и Бронксом. Интересно. Я выложил на стол все содержимое папки. Прежде всего я увидел предварительные проекты, а потом и окончательный вариант того проспекта, который я уже видел в Лондоне. Потом шла переписка с юридической конторой «Ван Креф, Херлен», в которой обсуждались различные детали оформления документов. Одно из писем было посвящено проблеме обеспечения анонимности владельцев «Тремонт-капитала». Разумеется, имя владельца там не упоминалось.

Потом я обнаружил письмо на бланке банка «Харцвайгер», подписанное Гансом Дитвайлером. В нем подтверждались номера счетов для денег, которые получил «Тремонт-капитал», продав облигации.

Проклятье. Если те деньги, которые наша компания выложила за облигации, ушли в Швейцарию, то проследить за их движением будет практически невозможно.

Я продолжил поиски и наконец нашел то, что искал. Это был вырванный из блокнота листок желтоватой бумаги. Наверху было нацарапано *«СТРУКТУРА»*, ниже были вычерчены несколько прямоугольников. Передо мной лежал полный план аферы.

Со стола Вайгеля я взял лист бумаги и стал снимать копию схемы. Меня прервал стук в дверь. Это была Джин.

– Ребята, советую поторопиться. Дик может вернуться с минуты на минуту.

Я поспешно дочертил схему, собрал документы в прежнем порядке, уложил их в папку «Мюзик-холл» и опустил ее в ящик. Потом мы с Томми осмотрели кабинет

и убедились, что все осталось на тех же местах, что и до нашего прихода. Мне на глаза попался настольный ежедневник. Я быстро просмотрел записи той недели, на которой была убита Дебби. У Вайгеля были назначены десятки встреч, но на первый взгляд только в Нью-Йорке. Я не нашел никаких намеков на отложенную встречу или на поездку в Лондон.

– Идем, – поторопил меня Томми, и я последовал за ним к двери. Томми остановился у стола Джин и нарочито раздраженным тоном сказал: – Передайте Дику, что мы его ждали. У мистера Смита назначена другая встреча, и мы уже опаздываем. Пусть Дик мне позвонит.

– Представить себе не могу, что такое случилось, – извиняющимся тоном сказала Джин. – Я очень сожалею, что вам и мистеру Смиту пришлось так долго ждать. Я уверена, мистер Вайгель вернется через минуту.

– Мы не можем больше ждать. Всего хорошего.

Мы с Томми вышли в коридор. Два-три сотрудника Вайгеля скучающими взглядами следили за разыгранным нами небольшим спектаклем, достаточно правдоподобным, но не настолько необычным, чтобы он врезался в память. Кабину лифта нам пришлось ждать, казалось, целую вечность. Наконец, двери лифта распахнулись. Кабина была битком набита японскими бизнесменами, клиентами банка «Блумфилд Вайс». Мы стали свидетелями сложного церемониального танца, который должен был решить, кому выходить первым. За спинами японцев маячила лысая голова Дика Вайгеля, который подталкивал своих гостей к выходу. Я увидел Вайгеля прежде, чем он успел заметить меня.

– Томми, быстро к пожарному выходу! – шепнул я.

Томми рванулся к лестнице. Я оказался посреди толпы японцев и не мог проследить за Томми. Вайгель заметил меня.

– Пол, как вы здесь оказались? – с подозрением оглядывая меня, спросил он.

– О, я был в здании и решил заскочить к вам. Я хотел кое-что уточнить относительно тех советов, которые вы дали за ленчем, – сказал я. – Они показались мне очень интересными.

– Ах так, – протянул Вайгель. Он внимательно рассматривал меня, очевидно, пытаясь решить, правду ли я говорю.

Японцы выжидающе смотрели на Вайгеля. Я нервно прокашлялся и добавил:

– Кажется, я выбрал не самое удобное для вас время. Если вы собираетесь на конференцию в Финикс, возможно, мы сможем поболтать там.

Я понимал, что мои слова звучат неубедительно. Взгляд Вайгеля стал более жестким. Я не отвел глаз. Что-то было не так. Вайгель не знал, что именно, но определенно забеспокоился. Он колебался, не зная, что предпринять, но его ждали японские гости.

– Увидимся в Финиксе, – пробормотал он.

Я вошел в кабину лифта, двери захлопнулись, и я с шумом выдохнул. Мое сердце бешено колотилось, кровь стучала в ушах. Мне оставалось только надеяться, что Джин сумеет вывернуться, отвечая на неприятные вопросы, которые ей обязательно задаст Вайгель. Но по крайней мере теперь у меня была схема аферы.

Томми ждал меня в вестибюле. Ему, без сомнения, понравилось это приключение.

– Уф, мы чуть не влипли! – восторженно сверкая глазами, сказал он. – Я только заметил сияние его лысины и тут же бросился со всех ног. Вы говорили с ним? Он что-нибудь заподозрил?

– Не знаю, – ответил я и пожал плечами. – Ну и мерзкий коротышка.

Томми засмеялся.

– Один из лучших служащих банка.

– Надеюсь, что с Джин будет все в порядке, – сказал я.

– Не беспокойтесь. В худшем случае Вайгель ее выгонит, а она все равно собралась уходить. Итак, что мы нашли? Наша операция удалась?

– Удалась, – ответил я, похлопывая себя по карману. – Думаю, эта схема объяснит многое.

– Отлично. Тогда давайте где-нибудь устроимся и посмотрим ее.

– Я очень сожалею, но, думаю, мне не стоит показывать ее вам.

– Почему, черт возьми? – разочарованно воскликнул Томми. – Я только что так рисковал! Меня могли выгнать второй раз на неделе. Я имею право знать. Давайте зайдем куда-нибудь, выпьем кофе, и вы все расскажете.

– Я бы с удовольствием, но...

– Так в чем же дело?

– Я понимаю, мои слова могут показаться несколько напыщенными, но мне бы не хотелось навлекать на вас беду.

Томми взял меня за руку и заглянул мне в глаза.

– Вы правы, это действительно звучит напыщенно. Послушайте, если вам грозит опасность, возможно, я помогу вам выпутаться. Но так не годится. Вы меня заинтриговали. Я могу смириться с риском. Пойдемте, выпьем кофе.

– Ладно, сдаюсь.

Мы отыскали греческую кофейню, заказали две чашки кофе, и я приступил к рассказу.

– Примерно год назад «Блумфилд Вайс» продал нам на двадцать миллионов облигаций частного размещения, выпущенных для компании «Тремонт-капитал». Гарантом должен был выступить банк «Хонсю». Оказалось, что такой гарантии никто никогда не давал. Ни в банке «Хонсю», ни в «Блумфилд Вайс» не сохранилось ни единого документа. Наши инвестиции обеспечиваются только офшорной компанией, не имеющей собственных активов.

– Это плохо, – заметил Томми.

– Еще хуже то, что двое из трех человек, знавших об этом, уже мертвы.

– Ого! – Томми присвистнул. – Одним из них был Грег Шофман?

– Да, – подтвердил я. – Другим – наша лондонская сотрудница Дебби Чейтер.

– Вы знаете, кто ее убил? – спросил Томми.

– Нет. Дебби упала в Темзу и утонула. Думаю, ей помогли утонуть. Кто именно – не знаю. Но хотел бы узнать.

– Так кто же стоит за «Тремонт-капиталом»? – спросил Томми.

– Это я могу предположить, – ответил я.

– Кто вам продал облигации? – спросил Томми.

– Кэш Каллахан.

– А Дик Вайгель все организовал?

– Совершенно верно, – подтвердил я.

– Боже мой! – воскликнул Томми и откинулся на спинку кресла. – Меня вовсе не удивляет, что в афере замешан этот мерзавец Вайгель. Но Кэш? Могу себе представить, что он нарушил правила, поступил непорядочно, но чтобы он зашел так далеко... Ну и подонок!

Пытаясь скорее переварить новость, Томми залпом осушил чашку.

– Значит, Шофман и ваша Дебби Чейтер убиты? А кто третий? – Томми помедлил и снова присвистнул. – Это вы. Послушайте, вам нужно быть поосторожней.

– Знаю, – сказал я. – Теперь вы понимаете, почему я не хотел, чтобы вы стали четвертым.

Томми рассмеялся.

– Об этом не беспокойтесь. Никто не знает, что я в курсе дела. Со мной все будет в порядке. Так куда делись деньги? – спросил он.

– Понятия не имею, – признался я. – Поэтому я и хотел заглянуть в папки Вайгеля. Давайте посмотрим схему.

Я извлек из кармана скопированную мной схему и положил ее на столик. Схема представляла собой несколько прямоугольников, расположенных один над другим. Прямоугольники были соединены сверху вниз стрелками. Очевидно, стрелки указывали направление денежного потока в процессе операции.

В первом прямоугольнике было написано «Два инвестора». Вероятно, под инвесторами подразумевались «Де Джонг» и «Харцвайгер банк».

Стрелка с надписью «$40 млн» шла от первого прямоугольника ко второму, обозначенному СП. Должно быть, это означало «специальный посредник», то есть «Тремонт-капитал». Итак, специальный посредник выпустил облигации и, минуя рынок, продал их за сорок миллионов долларов.

Следующий прямоугольник был обозначен «Счет в швейц. банке». Вероятно, именно этот счет и имел в виду Дитвайлер в своем письме.

Следующий прямоугольник назывался загадочно: «Денежный станок дядюшки Сэма». Я понятия не имел, что бы это могло быть. Ниже располагалось еще несколько прямоугольников с надписями «высокоприбыльные инвестиции», а рядом со стрелками стояли цифры: «$150—200 млн.». Очевидно, «денежный станок дядюшки Сэма» был очень производительным: в него входило всего сорок миллионов долларов, а выходило из станка сто пятьдесят—двести миллионов.

Действительно, настоящий станок для печатания ассигнаций.

Под схемой были пояснения, которые немного проясняли суть операции:

«Инвестировать на 8—10 лет. Продать или сломать денежный станок. Забрать прибыль из СП в виде дивидендов. Они составят около $50 млн. Если возможно, погасить облигации.»

– Вам это о чем-нибудь говорит? – спросил Томми.

Я на минуту задумался.

– Что ж, я не знаю, что такое «денежный станок дядюшки Сэма», но все остальное более или менее понятно.

Сорок миллионов долларов, полученные «Тремонт-капиталом», помещаются на счет в швейцарском банке. Затем эти деньги используются для покупки или, быть может, для монтажа таинственного денежного станка. В нем деньги каким-то образом превращаются в двести миллионов долларов. Их вкладывают в высокоприбыльные инвестиции. Приблизительно через восемь лет станок продают. Поступления, к тому времени довольно значительные, снова оказываются в «Тремонт-капитале». Потом погашаются облигации на сорок миллионов долларов. Вся прибыль от инвестиций сверх процентов по облигациям частного размещения выплачивается «Тремонт-капиталом» в виде дивидендов. По оценкам Вайгеля эта прибыль составит около пятидесяти миллионов долларов. Итак, Вайгель и его сообщники занимают сорок миллионов долларов, с помощью этих денег зарабатывают пятьдесят миллионов долларов

лично для себя, а потом возвращают сорок миллионов – и никто ничего не замечает.

– Но зачем такие сложности? – не понял Томми. – Почему бы просто не оставить себе эти сорок миллионов?

– Это очень умный ход. Если преступники возвратят деньги, никто ничего не заметит. Преступники будут жить той же жизнью, лишь разбогатев на пятьдесят миллионов долларов, и, возможно, попытаются провернуть ту же аферу еще раз. Если же они из жадности не вернут занятые сорок миллионов, то начнется расследование, и их могут схватить за руку.

– Двадцать миллионов долларов они получили от вашей компании. Где они нашли еще двадцать миллионов? – спросил Томми.

– В цюрихском банке «Харцвайгер», – ответил я. – Я разговаривал с неким герром Дитвайлером из этого банка, так он сделал вид, что никогда не слышал о «Тремонт-капитале». Должно быть, получил неплохую взятку. Поэтому они и пользуются счетами в «Харцвайгер банке», где герр Дитвайлер может лично следить за судьбой денег.

– Понятно. Итак, заняв сорок миллионов долларов, они делают кучу денег. Что такое «денежный станок дядюшки Сэма»?

Я покачал головой.

– Не знаю. Похоже, в этом проклятом «станке» ключ ко всей операции. Понятия не имею, что это за чертовщина.

– Может быть, это какое-то правительственное агентство? – предположил Томми.

– Возможно, – сказал я. – Но я не понимаю, как можно разбогатеть, отдав деньги государственному учреждению.

– Может, под «дядюшкой Сэмом» подразумевается армия? – гадал Томми. – Многие зарабатывают на армии. Оборонные контракты и все такое прочее.

– Возможно, – согласился я.

Мы еще несколько минут обсуждали различные варианты, но разумного объяснения так и не нашли.

– Итак, чем я могу помочь? – спросил Томми.

– Вы уверены, что хотите помогать? – возразил я. – Теперь вы знаете, что случилось с Дебби Чейтер и Грегом Шофманом.

– Послушайте, я – безработный, и мне чем-то нужно занять себя. К тому же это интереснее, чем продавать облигации. И чем больше я разворошу это осиное гнездо под названием «Блумфилд Вайс», тем лучше.

– В таком случае вы можете попытаться что-то узнать о судьбе Грега Шофмана, – предложил я и рассказал о своих безуспешных попытках. – Я хотел бы знать, кто убил его. Не менее важно узнать, что ему стало известно перед смертью. Не исключено, что он раскопал какие-то убедительные факты, уличающие Кэша и Вайгеля. Я бы сделал это сам, но меня долгое время не будет в Нью-Йорке. Если вы обнаружите что-нибудь интересное, позвоните мне на конференцию.

Томми заверил меня, что сделает все от него зависящее, мы расплатились, вышли из кофейни и расстались.

Томми мне нравился. Какое-то время я укорял себя, что без особой нужды подвергаю его опасности. Нет, решил я, это просто глупо. Я знал больше Томми, и тем не менее мне, похоже, ничто не угрожало.

Я вернулся в отель потный, уставший, измученный жарой. На телефонном аппарате горела красная лампочка. Я не обратил на нее внимания и прежде всего направился под душ. Остыв под струями холодной воды и почувствовав себя гораздо лучше, я подошел, наконец, к телефону и включил запись на автоответчике. Оказалось, что на следующий день в Нью-Йорк прилетает Хамилтон. Он предлагал встретиться в фешенебельном итальянском ресторане в Ист-сайде. Это хорошо. В моей голове все перепуталось. Если я обстоятельно поговорю с Хамилтоном, все станет на свои места.

Следующий день был последним перед отлетом в Финикс. На утро у меня были запланированы визиты в два инвестиционных банка. В одном из них очень настойчивый карлик по фамилии Кеттеринг долго читал мне лекцию о тех неограниченных возможностях, которые будто бы представляются в погрязшей в долгах Южной Америке. Меня совершенно не интересовала Южная Америка, Кеттеринг это чувствовал и едва не ругал меня последними словами. Все же ему удалось внушить мне мысль, что только идиот не может понять великие финансовые возможности, которые открывает этот континент. К концу разговора я готов был послать Кеттеринга к черту.

Утро было потрачено зря. Усталый и раздосадованный, я решил пройти из офиса инвестиционного банка до ресторана пешком. Мне

позарез нужен был глоток свежего воздуха, хотя бы нью-йоркского – горячего, пыльного и в то же время влажного. Я медленно брел по городу, пересекая узкие улицы и широкие авеню, осматриваясь по сторонам.

Я шел по пустынной узкой улице. Высокие здания, стоявшие по обеим ее сторонам вплотную друг к другу, превращали улицу в глубокое ущелье. Здесь вокруг аккуратно расстеленных ковриков, акустического оборудования и набора примитивных ударных инструментов собралась группа коренастых, крепких мужчин, укутанных в большие пончо. Их широкие и скуластые, смуглые и обветренные лица венчали своеобразные шляпы, походившие на старомодные котелки. На всей улице, кроме этих людей и меня, не было ни души. Я остановился послушать необычный оркестр. Экзотическая музыка обладала таинственной притягательной силой. Она напоминала о крутых склонах гор, о медленно парящих хищных птицах, о древних пустынных альпийских лугах Анд. Не знаю, сколько я так простоял, околдованный музыкой. Потом музыканты прервали игру и лишь тогда, застенчиво улыбнувшись, обратили внимание на меня. Я купил одну из их записей, пленки с которыми они разложили на тротуаре. На коробке кассеты была приклеена фотография серьезных музыкантов и название группы: «Лас инкас». Я пошел дальше, а таинственная музыка все звучала у меня в ушах. Через минуту я снова окунулся в оглушающую суету Третьей авеню.

Ресторан был светлым и просторным. Естественное освещение и металлические столики, очевидно, должны были имитировать итальянскую сельскую тратторию в саду. Впрочем, дорогие неброские костюмы посетителей

и шикарные платья дам сразу выдавали атмосферу роскошного нью-йоркского ресторана.

Хамилтон уже сидел за столиком, на котором разложил кипы бумаг. В этом дорогом ресторане он с его документами выглядел совершенно неуместно. Я подвинул кресло, а Хамилтон бросил взгляд на часы и слегка нахмурился. Я тоже проверил время – было 12:33. Я опоздал на три минуты. Кто кроме Хамилтона стал бы хмуриться из-за трех минут?

Потом Хамилтон сменил гнев на милость, улыбнулся и жестом пригласил меня сесть. Заталкивая бумаги в портфель, он спросил:

– Как вам понравился Нью-Йорк?

– О, мне Нью-Йорк нравится, – ответил я. – Он всегда такой... – я помедлил, подбирая нужное слово, – неожиданный.

Я рассказал Хамилтону о случайно встретившемся мне перуанском оркестре.

Хамилтон одарил меня удивленным взглядом.

– Да, кажется, я понимаю, – произнес он, потом чуть более громко добавил: – Вы были в нескольких инвестиционных банках, не так ли?

В присутствии Хамилтона я, как всегда, почувствовал себя почти дураком. Разумеется, Хамилтона совершенно не интересовали мои впечатления от Нью-Йорка как города, ему было важно знать, что происходит на Уолл-стрите.

Я вкратце рассказал ему обо всем, что мне удалось услышать. Он подробнее расспросил меня о кое-каких переговорах, которые мне казались совершенно

пустяковыми. Хамилтон проверял меня вопросами, которые я должен был задать – но не задал – во время моих визитов в инвестиционные банки, чтобы понять, кто покупает и что. По мере того как я все больше убеждался, что по стандартам Хамилтона я в лучшем случае получил лишь самые поверхностные сведения о событиях на Уолл-стрите, моя самоуверенность все больше таяла.

Во время этого допроса возле нас постоянно кружил, не решаясь прервать Хамилтона, официант. Наконец, уловив удобный момент, он заставил нас заглянуть в меню и сделать заказ. Хамилтон остановил свой выбор на салате «цезарь», что -при экзотически привлекательном разнообразии меню показалось мне ненужным спартанством. Я с неохотой отказался от первого и после недолгих размышлений заказал мясное блюдо с непонятным сложным названием. Хамилтон попросил бутылку минеральной воды. Я с завистью посматривал на соседний столик, за которым мужчина и женщина неспешно наслаждались разнообразными блюдами и уже принялись за вторую бутылку монтраше. Стоило ли приходить в такой ресторан, чтобы в спешке проглотить салат, запив его стаканом воды? Ну да ладно.

– Как продвигается ваше расследование? – перешел Хамилтон к другой теме.

Я рассказал все, что мне удалось выяснить: как Вайгель не хотел говорить о своем участии в операции, как исчез Шофман и как в кабинете Вайгеля я отыскал схему операции.

Хамилтон внимательно слушал, не упуская ни слова. Закончив рассказ, я с трепетом ждал реакции босса.

Поглаживая бородку, он молчал, казалось, целую вечность, потом улыбнулся и сказал:

– Отлично, Пол. Вы хорошо поработали. Очень интересно. Действительно очень интересно.

Оценка Хамилтона немного сгладила неприятный осадок от того впечатления, которое произвела на меня первая часть нашего разговора.

– Как вы думаете, что такое «денежный станок дядюшки Сэма»? – спросил я.

– А как думаете вы?

Я разгадывал этот ребус уже двадцать четыре часа, но так ни к чему и не пришел.

– Государственное оборонное учреждение? Какой-нибудь компьютер? Какие-то фальшивые государственные облигации? – высказывал я свои догадки, следя за реакцией Хамилтона.

Мои гадания не произвели на него большого впечатления. Я пожал плечами и сдался:

– Не знаю. А вы что думаете?

Хамилтон помедлил с ответом, потом сказал:

– Этого мы пока не знаем. У нас еще недостаточно данных, но мы ведь только начинаем. Вы хорошо поработали. – Он ковырнул вилкой салат. – Впрочем, полагаю, в одном вы правы. Если мы узнаем, что представляет собой этот таинственный денежный станок, мы получим ключ и к возвращению наших денег.

– Что вы узнали на нидерландских Антиллах? – спросил я.

– Я оказался в сложном положении, потому что мне не хотелось, чтобы юристы из «Ван Креф, Хэрлен» догадались о наших подозрениях. Мне очень помог Руди Гер. Я приехал под тем предлогом, что последние изменения в законах о налогообложении будто бы заставили нас проанализировать целесообразность изменения юридического адреса «Тремонт-капитала». Проверка документации якобы и была частью такого анализа.

– Гер нашел что-нибудь?

– Это интересно. Юристы из «Ван Креф, Хэрлен» утверждают, что они видели письменное поручительство банка «Хонсю». Когда Гер попросил их показать это поручительство, они ответили, что не могут разыскать его. Для любого юриста признаться в потере документа – это нечто ужасное, поэтому Гер думает, что они говорят правду.

– И что из этого следует? – спросил я.

– Не знаю. Мне представляется наиболее вероятным, что поручительство было фальшивкой, которую позднее кто-то изъял из архивов юридической фирмы. Возможно, это был один из сотрудников фирмы, продавшийся махинаторам. Нам будет очень трудно продвинуться в расследовании, не признав, что нас интересует личность владельца «Тремонт-капитала».

– Очень интересно, – сказал я. – Что-нибудь еще?

– Судя по всему, мы получим постановление суда, согласно которому аудиторы «Тремонт-капитала» будут обязаны показать нам копии их счетов. Будем надеяться, что счета помогут понять, куда ушли деньги. Постановление суда появится в лучшем случае в начале

следующей недели, после чего аудиторам будет предоставлено еще две недели на его выполнение. Теперь нам остается только ждать, когда Гер скажет, что мы можем приступить к проверке счетов. До этого времени мы ничего не в силах предпринять.

– Ну а что же сейчас? – спросил я. – Вы не думаете, что нам следует заявить в полицию?

Не сводя с меня жесткого взгляда голубых глаз, Хамилтон подался вперед.

– Мы должны вернуть эти Деньги, – не повышая голоса, очень спокойно, но в то же время не допускающим возражений тоном сказал он. – Вы помните, я вам рассказывал, какие возможности я открыл в Токио? Так вот, я считаю эти перспективы вполне реальными. А ведь речь идет о пятистах миллионах долларов. Эта сумма могла бы преобразить компанию «Де Джонг». – По-прежнему не сводя с меня взгляда, Хамилтон отпил глоток воды. – Если японцы узнают, что мы отдали двадцать миллионов долларов в руки мошенников, пострадает наша репутация. Тогда никто не доверит нам управления своими фондами. Даже если в том нет нашей вины.

В том была наша вина, подумал я. Или по крайней мере вина Хамилтона. Он допустил небрежность при проверке документации. На Хамилтона это было совсем не похоже. Но я не собирался вынуждать его признать свой просчет.

– Если мы обратимся к властям, разве они не помогут нам найти деньги?

Хамилтон покачал головой.

– Полиция всегда стремится прежде всего схватить преступника, а не найти награбленное. Именно поэтому в Сити большинство скандалов никогда не становятся достоянием гласности, о них не сообщают в полицию. Если потерпевший сумеет разобраться сам, то его шансы на выживание резко возрастут.

На губах Хамилтона появилась легкая усмешка. Он удивлялся моей наивности.

– Хорошо, – сказал я, хотя, признаться, пока не видел ничего хорошего. – Так каким будет наш следующий шаг?

– Вы уже проделали большую работу. Продолжайте слушать, смотреть, задавать вопросы. На конференции в Аризоне будет много сотрудников «Блумфилд Вайс». Не исключено, что вам удастся что-то узнать там. Было бы очень хорошо, если бы вы расшифровали, что такое «денежный станок». Я сделаю, что смогу, в Лондоне и буду ждать новостей из Кюрасао.

Хамилтон заметил мой озабоченный взгляд.

– Не беспокойтесь, мы найдем деньги.

Поборов соблазн, Хамилтон отмахнулся от передвижного столика с десертом и расплатился. У выхода мы распрощались. Я взял такси и поехал в центр, в компанию «Харрисон бразерс».

День казался мне бесконечно долгим. Я устал, мне было трудно сосредоточиться, я был раздражен. Меня беспокоил Хамилтон. Я чувствовал, что взялся за решение задачи, которая выше моего понимания, и у меня невольно возникали смутные подозрения, что

Хамилтону, которому обычно я безраздельно доверял, эта задача тоже не по силам.

В пять часов я решил, что могу покинуть «Харрисон бразерс», не боясь обидеть хозяев. На восемь у меня был назначен обед с одним из сейлсменов этого банка, который занимался государственными облигациями. У меня оставалось три часа, и я решил вернуться в «Уэстбери». Пешком я дошел до станции подземки «Фултон» и сел на поезд лексингтонской линии, направлявшийся на север. На «Гранд сентрал» я пересел на другую линию.

В метро я попал в час пик. Народу в поезде было битком. В начале сентября в Нью-Йорке еще очень жарко и очень влажно. Я сел в один из немногих в нью-йоркской подземке поездов, лишенный кондиционирования. Я чувствовал, как пот ручьями стекает по спине, пропитывая рубашку и даже брюки. Казалось, галстук вот-вот воспламенится от нестерпимой жары.

На платформе поезд стоял целую вечность. Прижатые вплотную друг к другу, до предела раздраженные пассажиры вполголоса проклинали это чертово метро. Даже в этом подземном аду они соблюдали золотое правило нью-йоркского метро – никогда, ни при каких обстоятельствах не заглядывать в глаза соседу. Сосед может оказаться насильником, кокаинистом, убийцей, сектантом из свидетелей Иеговы.

Чтобы не встречаться глазами с другими пассажирами, я принялся изучать наклеенные в вагоне рекламные плакаты. Я нашел изображение архитектора Уолтера Хенсона, известного всему Нью-Йорку постоянными жалобами на геморрой, и огромных черных

тараканов, ползущих к мотелю «Роуч», на фасаде которого по-испански было начертано: «Тараканы появляются сами, но от них не избавишься».

Наконец поезд тронулся. Мой взгляд лениво скользил по вагону и вдруг замер.

В конце вагона стоял Джо.

Он без всякого выражения уставился на меня. Хотя я тоже смотрел на него, он ничем не выдал, что узнал меня. Я пытался вернуть самообладание, но был уверен, что Джо заметил промелькнувший в моих глазах испуг.

Я отвернулся и стал смотреть в другую сторону. Последний раз я видел Джо в столовой «Блумфилд Вайс» и уже стал забывать о нем. Но вот он снова появился и не где-нибудь, а в одном вагоне подземки со мной. Должно быть, он оказался здесь случайно. Конечно, убеждал я себя, это простое совпадение.

Я попытался протиснуться в другой конец вагона, подальше от Джо, и, занятый мыслями о своем недруге, не заметил, как всей своей массой наступил на ногу безобидному на вид мужчине в деловом костюме, который читал «Уолл-стрит джорнал».

– Ты что делаешь, мать твою! – завопил безобидный мужчина. – Слезь с моей ноги, скотина, не то я разобью всю твою поганую рожу!

Я бросил мимолетный взгляд на рассерженного пассажира и протиснулся дальше.

– Подонок, – пробормотал тот, обращаясь не столько ко мне, сколько к другим пассажирам.

Всеобщее внимание даже обрадовало меня. В переполненном вагоне Джо ничего не сможет сделать, а на 66-й улице вокруг нас тоже будут толпы.

Я оказался прав. Из подземки хлынул плотный поток торопившихся домой служащих. Я пристроился к шумной группке молодых банковских клерков, которые шли по направлению к моему отелю. Бросив взгляд через плечо, в квартале от себя я заметил Джо. Теперь я не сомневался – Джо шел за мной.

На Парк-авеню клерки свернули. Оставшийся до «Уэстбери» квартал я скорее пробежал, чем прошел, и остановился лишь у входа в отель. Я оглянулся. На углу, по-прежнему на расстоянии квартала, стоял Джо.

Я сказал портье, что не хочу, чтобы меня беспокоили. Он как-то странно посмотрел в мою сторону, но обещал выполнить просьбу. Я вошел в номер, закрыл дверь на все замки и бросился на кровать.

Если Джо шел за мной по пятам, значит, он хочет свести счеты. Почему? Возможно, к нему снова заходила полиция. А может быть, я своими вопросами о Греге Шофмане и «Тремонт-капитале» нечаянно разворошил осиное гнездо? Но при чем здесь Джо? В конце концов, не исключалась и такая возможность, что ему просто не давал покоя мой пока уцелевший палец.

Тревожные мысли о Джо не шли из головы, и минут десять я, как зверь в клетке, метался по небольшой спальне. Потом я стал понемногу успокаиваться. Джо мог оказаться в одном со мной вагоне подземки только случайно, убеждал я себя, а потом он пошел за мной или просто из любопытства, или чтобы доставить себе удовольствие, попугав меня. Что ж, это ему удалось.

Потом я задумался, не лучше ли отказаться от обеда, и после долгих размышлений решил, что если я поеду в ресторан и вернусь в отель на такси, то это позволит избежать опасности. Едва ли Джо решится напасть на меня у входа в отель. Приняв душ и надев свежую сорочку, в половине восьмого я спустился в вестибюль.

Возле входа собралась небольшая толпа постояльцев, жаждущих сесть в такси. Швейцар стоял на проезжей части и во всю силу легких дул в свисток. Свободных машин нигде не было видно. Красный диск солнца спусгился к Центральному парку, но еще было светло. Я посмотрел направо, потом налево. Джо нигде не было. Определенно не было его и в вестибюле отеля.

Через десять минут швейцару удалось остановить только одну машину, а передо мной такси ждали еще два человека. Джо не появлялся. Я решил дойти до Пятой авеню и попытать счастья там.

До авеню оставалось несколько ярдов, когда за спиной я услышал кошачьи шаги и почувствовал резкий укол через ткань костюма. Я резко остановился, выгнул спину дугой и медленно повернул голову.

Это был Джо. Одетый в темный спортивный костюм, он словно собрался на привычную пробежку, что не мешало ему поигрывать своим излюбленным оружием. Ножом.

Тринадцатая глава

– Пойдем погуляем в парке, – сказал Джо.

Я осмотрелся. По Пятой авеню, наслаждаясь прекрасным вечером, прогуливались несколько человек, но помощи от них ждать не приходилось. Нью-йоркцы твердо усвоили правило: если на твоих глазах кто-то попал в беду, не обращай внимания, иначе попадешь в беду сам. К тому же Джо не потребуется и секунды, чтобы всадить мне в спину нож. Он умел пользоваться этим оружием.

Поэтому я подчинился. Мы пересекли Пятую авеню и по выжженной солнцем траве спустились к небольшому озеру с лодочной станцией. Стоявший на берегу мальчик лет десяти увлеченно водил по озеру радиоуправляемую модель яхты. Его мать, обеспокоенная сгущавшейся темнотой, торопила мальчика. Пока еще в парке попадались люди, но все они шли нам навстречу, направляясь к выходу.

Джо спрятал нож, но я понимал, что он держит свое оружие в считанных дюймах от моей спины.

– Я тебе говорил, чтобы ты не посылал ко мне полицейских, – прошипел он. Я затылком чувствовал его дыхание.

– Я ничего не мог поделать, – ответил я на удивление спокойным голосом.

– Ах так? А какого черта ты наплел им столько про меня и Салли? – сказал он, ткнув меня в спину острием ножа. – Полицейские отобрали у меня Салли. И Джерри

тоже. Плохо, когда человек остается без жены и ребенка. А ведь, не будь тебя, ничего бы не было.

Я не нашелся, что ответить. Меня обрадовало, что теперь Салли была избавлена от побоев Джо и помог ей именно я. Но признаваться в этом Джо, конечно, не стоило. Бесстрастный голос Джо не выдавал никаких чувств, но я понимал, что такой оборот событий вполне мог вывести его из себя.

Мы углубились в парк, и люди стали встречаться еще реже. Мы подошли к статуе какого-то польского короля, нацелившегося на бейсбольные ворота. К северу от ворот начиналась широкая спортивная площадка, за которой стояли высокие здания района Сентрал-парк-уэст.

Намерения Джо были совершенно очевидны. Он хотел завести меня в самый глухой, самый безлюдный уголок парка и там убить.

Нужно было спасаться.

Джо держал меня за руку, но не очень крепко. К несчастью, его правая рука, сжимавшая нож, находилась в нескольких дюймах от моих ребер. Мне ничего не оставалось, как рискнуть.

Я удачно вырвал руку и со всех ног бросился к спортивной площадке. Джо не успел всадить мне в спину нож, и на мгновение я испытал пьянящее чувство свободы. Но Джо не собирался сдаваться. Я оглянулся – он был всего в трех ярдах от меня, и расстояние между нами сокращалось. Я помчался что было духу. Я был уверен, что если мне удастся сохранить разрыв первую сотню ярдов, потом он меня не догонит. Я еще умел бегать быстро. Но Джо был проворней. Я оглянулся еще

раз и увидел, что разрыв сократился примерно на ярд. Не впервые в жизни я проклял себя за отсутствие таланта спринтера. Я пытался заставить себя переставлять ноги быстрее, но безуспешно. Через две-три секунды я почувствовал на своих плечах руки прыгнувшего на меня Джо. Я пытался вырваться, но он накрепко пригвоздил меня к земле.

За нашей борьбой следила влюбленная парочка, устроившаяся прямо на траве ярдах в пятидесяти от нас. Джо тоже их заметил. Свидетели.

– Вставай! – прошипел Джо.

Он рывком поставил меня на ноги и подтолкнул к роще, находившейся к югу от площадки. Теперь его хватка стала железной, а в спину мне снова уперся нож.

Мы углубились в лесок. Уже смеркалось, и под деревьями стало совсем темно. Центральный парк – это любимое место отдыха и развлечений нью-йоркцев. Днем тысячи горожан всех возрастов бегают здесь трусцой, катаются на велосипеде или на роликовых коньках, играют в софтбол, загорают, просто отдыхают, словом, делают все, что каждому по душе. До наступления сумерек все эти посетители уходят. Вечером парк становится местом развлечения другой публики.

Между деревьями бесшумно скользили тени. Мы миновали какие-то компании подростков; одни из них неестественно громко разговаривали, другие молча курили. Нам попались несколько мужчин, которые, бешено вращая глазами, что-то бормотали про себя. Сумасшедшие или накачавшиеся наркотиками, а может быть, и то и другое.

Мы еще больше углубились в лес. Узкие тропинки огибали большие черные камни, которые возвышались футов на двадцать над нашими головами. Ветер нежно шелестел листвой. Темнота сгущалась, а подлесок становился все плотней и спутанней. Я совершенно потерял ориентацию. Было трудно поверить, что мы находимся в центре огромного города.

Я стал думать о смерти. Я вспомнил мать и решил, что для нее моя смерть будет последней каплей. Потеряв сначала мужа, а потом и сына, она совсем утратит связь с реальным миром.

Потом я вспомнил Кэти. Опечалит ли моя смерть ее? К собственному удивлению, мне очень хотелось верить, что опечалит. А еще я вспомнил Дебби.

– Ты убил Дебби? – спросил я.

– Нет, – ответил Джо. – Но это не значит, что я не убью тебя. Когда-то убивать людей было моей профессией. И у меня это неплохо получалось,

Я поверил ему.

– Тогда кто же ее убил?

– Ты когда-нибудь заткнешься со своими идиотскими вопросами?

Мы прошли еще с полсотни ярдов и вышли на тропинку, которая причудливо извивалась между двумя камнями, окруженными со всех сторон деревьями с плотной листвой.

– Стой, – приказал Джо.

В вечерней темноте я видел лишь гладь далекого пустынного озера. Кроме шелеста листвы на высоких

ветвях, до нас не долетало ни звука. Самое подходящее место для убийства.

– Отойди назад, – приказал Джо.

Теперь я стоял лицом к Джо, спиной к огромным камням. Я попятился, ногами путаясь в кустах ежевики, и через несколько шагов уперся спиной в нагретый дневным жаром камень.

Джо, не сводя с меня холодного, безжизненного взгляда, придвинулся ближе. В сумеречном свете белки его глаз отливали желтизной, на лице играла злая улыбка. Умело распределив нагрузку на обе ноги, он держал нож перед собой. На этот раз мне не уйти.

Внезапно за спиной Джо послышались мягкие шаги. Джо схватил меня за руку и приставил нож к спине. Из темноты возникли фигуры пяти-шести чернокожих подростков. Высокие, атлетического сложения ребята в дорогих кедах на воздушной подушке передвигались почти бесшумно.

Они подошли к нам. Один из них засмеялся.

– Эй, безобразники! Развлекаетесь, ребята?

Ко мне почти вплотную подошел высокий парень, в коротком ежике его волос был выстрижен замысловатый рисунок.

– Эй, друг, хочешь словить кайф?

От него тоже веяло угрозой, но эта угроза была менее опасной, чем та, что исходила от Джо.

– Само собой, – ответил я. – Что у тебя есть?

Я бросил взгляд на Джо. Он еще держал меня за руку, но нож уже спрятал. Я понял, что в такой

обстановке он побоится его употребить. Появление негритянских подростков не сулило ничего хорошего, тем более что вечером в Центральном парке у них в руках могло оказаться какое угодно оружие.

Я сделал несколько шагов к черным парням, стараясь сделать так, чтобы меня отделял от Джо хотя бы ярд.

– У меня есть «льдышка», всего за десятку, – сказал высокий парень.

Он криво усмехнулся. Конечно, он не верил, что мы забрели ночью в самый темный уголок парка, чтобы купить у него кроху крэка, он просто подыгрывал мне.

– Десятку?

– Ну да, десять долларов, парень, всего десять.

Он протянул мне крохотный пакетик. Я сунул руку в карман будто бы за деньгами. Джо растерянно следил за мной.

Потом я вдруг крикнул: «Бежим!», выхватил пакетик из рук высокого подростка и, пытаясь убежать, оттолкнул другого, но еще двое крепко схватили меня.

Я услышал крик: «Осторожно, у того ублюдка нож!». Один из державших меня подростков вскрикнул, и его хватка ослабла.

Двое других парней выхватили ножи и бросились на Джо. Еще кто-то из них вскрикнул, но на этот раз крик быстро стих.

Один из подростков еще держал меня за руку. Я резко развернулся и кулаком нанес ему удар точно в солнечное сплетение. Он, хватая раскрытым ртом воздух, упал на колени. Почти одновременно я почувствовал

удар по голове. Я так и не понял, кто и чем нанес этот удар, но он оказался таким сильным и точным, что у меня зазвенело в ушах, а перед глазами все поплыло. Тут же я получил еще один удар, на этот раз ногой в грудь. У меня перехватило дыхание, я потерял равновесие.

Я упал, быстро перекатился и поднял голову. Джо окружили трое подростков с ножами. Двое лежали на земле – один неподвижно, другой, держась за ногу, издавал стоны.

Подростки норовили броситься на Джо, но тот умело и ловко защищался, молниеносно поворачиваясь то к одному из них, то к другому, то к третьему. Один из нападавших не успел убрать руку, и Джо полоснул его по предплечью. Подросток завыл от боли.

Двое продолжали наступать, делая ложные выпады то с одной, то с другой стороны, а Джо пятился, приближаясь ко мне. Я не упустил своего шанса и ногой ударил Джо в лодыжку. Он покачнулся, но не упал, однако дал одному из нападавших великолепную возможность. Доля секунды – и нож вонзился в бок Джо. Он согнулся, и другой подросток с размаху ударил его ножом в спину.

Джо медленно повернулся и упал. Его лицо исказилось от боли, но взгляд оставался все таким же холодным. Он посмотрел на меня, кашлянул, и из уголка его рта сбежала тонкая струйка крови. Потом его ничего не выражающий взгляд застыл навсегда.

Я поднялся и бросился бежать. Один из подростков пытался меня догнать, но на этот раз, подстегиваемый бешеным уровнем адреналина в крови, я бежал очень быстро.

Я бежал до самого «Уэстбери», сразу поднялся в номер и ринулся в ванную. Меня стошнило. Потом я позвонил в тот ресторан, где должен был обедать с сотрудником «Харрисон бразерс», сказал ему, что не смогу прийти, заказал в номер бутылку виски, а когда комната поплыла у меня перед глазами, упал на кровать и заснул неспокойным сном.

Четырнадцатая глава

Я проснулся с головной болью и с непреодолимым желанием немедленно улететь из Нью-Йорка. В те минуты, что отделяют сон от бодрствования, когда сознание еще замутнено, я вновь увидел остекляневший взгляд Джо, лежащего в парке под огромным камнем. К счастью, я забронировал место на первый утренний рейс, поэтому у меня не оставалось времени на размышления. Я принял душ, побрился и поехал в аэропорт. Только когда самолет оторвался от бетонной полосы и я убедился, что Манхэттен остался позади, я стал понемногу успокаиваться.

В Финиксе даже в девять утра было невыносимо жарко. Как только из полутемной прохлады зала для прибывающих пассажиров я вышел на залитую ослепительным солнечным светом площадь, мне показалось, что меня ударили по голове. Мимо меня проходили загорелые дочерна местные жители, все в рубашках с короткими рукавами и в солнцезащитных очках. Я потащил свой багаж к огромному указателю «Конференция „Блумфилд Вайс" по высокодоходным облигациям». Не прошло и минуты, как в своем костюме я уже обливался потом.

Для доставки участников конференции к отелю организаторы предоставили длинные белые лимузины. Через несколько секунд я снова оказался в кондиционированной прохладе. Я воздержался от стоявшего в мини-баре лимузина шотландского виски и предпочел, откинувшись на спинку сиденья, наблюдать за мелькавшими за окном деревянными и бетонными строениями Финикса. Я подумал, что здесь можно

прожить всю жизнь при вполне приемлемой для человека температуре и лишь изредка на несколько секунд нырять в испепеляющую жару, когда приходится перебегать из дома с кондиционером в автомобиль с кондиционером и, из него – в офис с кондиционером.

Примерно через полчаса лимузин остановился у отеля. Я забросил свои вещи в номер и отправился на прогулку. Отель представлял собой несколько небольших побеленных домиков, крытых красной черепицей. Каждый домик был окружен небольшим двором. Повсюду цвела бугенвиллия. Ее пурпурные цветки и ярко-зеленые листья резко выделялись на фоне белых стен домиков и голубизны плавательных бассейнов. Бассейны здесь были повсюду: небольшие почти в каждом дворике и один огромный перед главным зданием отеля. Дождевальные установки и фонтанчики трудились без отдыха, добиваясь совершенства в оттенках зеленой листвы.

Я вошел в главное здание, и ослепляюще яркий солнечный свет моментально сменился полумраком, а броские краски тропиков – приглушенными бежевыми и светло-коричневыми тонами. В глубине холла мерно гудели кондиционеры. Очевидно, архитекторы и дизайнеры пытались создать в отеле особую мексиканскую атмосферу, но никто не пытался скрыть того факта, что теперь этот мексиканский уголок временно оккупировала финансовая империя. Повсюду были указатели, предлагавшие мне сделать сто дел одновременно, а над ними висел огромный плакат с надписью: «Добро пожаловать на Четвертую конференцию „Блумфилд Вайс" по высокодоходным облигациям». На бесчисленных столиках лежали горы документов конференции и регистрационных форм. Я опасливо заглянул в один из конференц-залов – темную

пещеру, таинственно сверкавшую электронным оборудованием.

По холлу бесцельно бродили несколько человек, все подтянутые, аккуратно постриженные, все в идеально отглаженных брюках и рубашках с короткими рукавами. По их виду можно было безошибочно сказать, что они только что прибыли в Финикс из инвестиционных контор Нью-Йорка, Бостона, Миннеаполиса или Хартфорда. У всех на рубашках были приколоты таблички с фамилией, должностью и названием приславшей их компании. Без такой таблички я чувствовал себя почти голым и потому отправился на поиски своего стола для регистрации. Вооружившись табличкой и папкой с документами, я вернулся в свой номер, надел тренировочные шорты и отправился на пробежку.

До полудня было еще далеко, и температура неуклонно повышалась. Я сделал небольшую разминку и неторопливо потрусил в направлении длинного низкого холма с двумя вершинами, который, как я потом узнал, местные жители метко назвали Верблюдом.

Скоро мне пришлось подниматься по длинному каменистому откосу. Единственной растительностью здесь были колючие кустарники и кактусы. Ящерицы и насекомые спешили укрыться в тени от обжигающих солнечных лучей. Я старался бежать медленно, ритмично. Температура продолжала повышаться, жара и бесконечный подъем действовали изнуряюще. Если верить одному из тех цифровых термометров, которыми по всей Америке украшено едва ли не каждое второе здание, было девяносто один градус по Фаренгейту, то есть тридцать три по Цельсию. Впрочем, из-за очень низкой влажности здесь я чувствовал себя даже лучше,

чем в Нью-Йорке при меньшей жаре, но высокой влажности.

Преодолев половину подъема к вершине, я замедлил бег, чтобы восстановить дыхание. Глупо было заставлять себя терпеть адские муки в такую жару. Внизу расстилался Финикс. Европейские города создавались столетиями в удобных для человека местах – в долинах, вокруг устья рек или при их слиянии. Финикс же казался творением неведомого гиганта, который начертил в пустыне прямоугольную решетку и потом аккуратно расставил в ее узлах кварталы домов. В сущности, почти так было и на самом деле. В столь негостеприимном климате город мог существовать лишь благодаря изобретательности и богатству американцев. Разумеется, установки для кондиционирования воздуха, мощная система водоснабжения и плавательные бассейны могли превратить даже эту враждебную человеку среду в идеальное место для осуществления современной американской мечты. Наверно, именно по этой причине Финикс был одним из самых быстрорастущих городов страны.

Я решил, что бегать в такую жару неразумно, поэтому удобно устроился на склоне холма и с удовольствием пролежал около часа, позволив южному солнцу светить мне в лицо и снять хотя бы долю напряжения последних дней.

Конференции по высокодоходным облигациям устраивает каждый инвестиционный банк, который работает или делает вид, что работает па рынках этих ненадежных бумаг. Обычно такие конференции превращаются в сумасшедшие сборища. Организаторы,

руководствуясь известным выражением Дрекселя Ламберта, который назвал эти сборища «балом хищников», испытывают необходимость проводить их в самых экзотических местах, где всемогущие распорядители миллиардов долларов могли бы совершать сделки и развлекаться. Любой сейлсмен, имеющий дело с бросовыми облигациями, – хотя бы отчасти актер, поэтому в его представлении и в идеально организованной конференции должно быть что-то от балагана.

К несчастью сейлсменов, большинство их клиентов – это серьезные молодые мужчины и женщины, которых прежде всего беспокоят вопросы типа: «Действительно ли новая система контроля за ценными бумагами „Сейфуэй" увеличит маржу [12] прибыли на полпроцента?» Эти странные клиенты требуют строгого соблюдения программы конференции, согласно которой заседания должны начинаться в восемь утра и заканчиваться чуть ли не в семь вечера. Для меня это была первая подобная конференция, и я хотел не только послушать выступления боссов компаний, которые выпускают высокодоходные облигации, но и встретиться с несколькими инвесторами, а между делом, если удастся, поплавать час-другой в бассейне. Это помогло бы мне развеяться.

Я принял душ и как раз успел к ленчу. За ленчем, с трудом расправляясь с экзотическим мексиканским салатом, я вполуха слушал экономиста из «Блумфилд Вайс», который долго бубнил что-то о влиянии последних

---

[12] Маржа – в данном случае разница между рыночной стоимостью ценных бумаг и размером полученной под них ссуды, зарегистрированная на счете клиента в брокерской фирме.

данных о неплатежах несельскохозяйственным предприятиям на дискуссии в Комитете по операциям на открытом рынке Федеральной резервной системы.

После ленча первым выступал Хэнк Дюралек из компании «Бирт, Дюралек энд Ренолдз», королей выкупа контрольных пакетов акций с помощью заемного капитала. Компания только что купила за баснословную сумму – двадцать семь миллиардов долларов – крупнейшего в мире производителя бисквитов. Думаю, это была сделка века. Дюралек довольно убедительно доказывал, что его компании будет сравнительно нетрудно сократить расходную часть, чтобы выплатить проценты по гигантским займам. Все это было довольно интересно, но я решил, что цыплят по осени считают – разумнее проследить за судьбой компании хотя бы годок. Для первой операции «Де Джонга» эта была бы слишком рискованной.

Потом последовало экстравагантное выступление печально известного Маршалла Миллза. По собственным словам Маршалла, его величайшим достижением была женитьба на актрисе втрое моложе его. Это был невысокий плотный мужчина, ему явно было за шестьдесят. Он тяжело дышал и постоянно вытирал лысину платком, но взгляды, которые он бросал в аудиторию, были полны энергии. Как только Миллз начал свою речь, обстановка в зале накалилась. Серьезные молодые люди протирали очки, выпячивали челюсти и бросали на докладчика гневные взгляды. Аудитории он решительно не нравился. Но ему на это было плевать.

Он рассказал нам историю своего финансового взлета. Тридцать лет назад он унаследовал от своего отца небольшую нефтяную компанию со штаб-квартирой

в городе Талса, штат Оклахома. За двадцать лет Миллз превратил несколько нефтяных скважин в крупнейший в штате частный концерн по добыче и переработке нефти и газа. Для этого Миллз использовал «новаторские методы финансирования». В его нескончаемой речи это выражение повторялось с завидным постоянством. Скоро я понял, что под ним подразумевалось. Новаторский метод был предельно прост: нужно было найти дойную корову и занять у нее возможно больше денег в надежде, что купленное на эти деньги через какое-то время вырастет в цене. Если надежды оправдывались, то ты зарабатывал миллионы, если нет – то дойная корова оказывалась в убытке. Подобной стратегии придерживались многие великие предприниматели Америки.

В 1982 году, сразу после второго скачка цен на нефть, Миллз принял смелое решение. Для финансирования геологоразведочных работ в штатах Юта и Колорадо он занял несколько сотен миллионов долларов. Если верить Миллзу, он добился фантастического успеха. Насколько помнил я, события развивались по иному сценарию. Цена на нефть, вместо того чтобы, как ожидалось, подняться до пятидесяти, упала ниже пятнадцати долларов за баррель, и бурение скважин пришлось прекратить. Каким-то образом другие компании Миллза остались при своих деньгах, и все потери были отнесены на счет дочерних компаний, лишенных права возмещения убытков. На их долю достались только несколько недобуренных скважин в Скалистых горах.

Такой же номер с «новаторскими методами финансирования» Миллз выкинул пять лет спустя при попытке разработки месторождений природного газа на

юго-западе США. Опять-таки для многочисленных акционеров Миллза все кончилось слезами, но в устах Миллза все приобретало иную окраску; он убеждал аудиторию, что прогоревшие акционеры должны были благодарить его за честь стать свидетелями одного из величайших предпринимательских успехов в истории США.

Во время этого многословного самовосхваления слушатели беспокойно ерзали в креслах. Когда Миллз закончил речь и попросил задавать вопросы, с мест вскочило не меньше десяти человек. Очевидно, среди них были и потерпевшие от «новаторских методов финансирования». После пятого очень неудобного вопроса терпение Миллза иссякло. Он не стал объяснять, почему его нефтеперерабатывающая компания не выплатила проценты, когда согласно балансовому отчету на ее счету было пятьдесят миллионов долларов, а вместо этого сказал:

– Послушайте, ребята, вам просто повезло. Вы покупаете мои облигации, и сам Маршалл Миллз работает на вас дни и ночи напролет. Многие охотно отдали бы полжизни за то, чтобы на них работал Маршалл Миллз. А теперь я скажу вам такое, что действительно заставит вас поволноваться. – В зале воцарилось напряженное молчание. Неужели будет еще хуже? – Возможно, Маршалл Миллз больше не будет работать на вас. – Миллз засопел громче обычного. – Врачи сказали, что у меня неважное сердце. Я могу прожить еще десять месяцев или десять лет, но, думаю, будет разумнее отойти от дел и. проводить больше времени с моей дорогой женой.

Послышались радостные возгласы. Сомневаться не приходилось: многие из слушателей надеялись, что актриса отнесется к уплате долгов с большим пониманием, чем Миллз. Несколько человек потихоньку выскользнули из зала. Позднее, отправляясь на обед, я нисколько не удивился, узнав, что курс облигаций большинства компаний Миллза подскочил на пять пунктов.

Вместе со всеми двумястами участниками конференции я отправился в огромный танцевальный зал, где были накрыты столы для обеда. Я направился к своему столу. За ним уже сидели Кэш, Кэти и Вайгель, а вместе с ними – два клиента «Блумфилд Вайс».

– Привет, Пол, как твои дела? – загремел Кэш с другого конца стола. – Рад, что ты присоединился к нашей компании. Разреши мне представить наших клиентов. Это Мадлен Джансен из «Амалгамейтед ветеранс лайф», а это Джек Салмон из ссудо-сберегательного банка «Финикс просперити». Мадлен, Джек, это Пол Марри, мой лучший лондонский клиент.

Мы обменялись улыбками и кивками. Невысокая и на первый взгляд очень спокойная Мадлен Джансен, улыбнувшись, сказала «Здравствуйте!». Меня поразили ее удивительно умные глаза. Высокий и худой Джек Салмон был на несколько лет старше меня. У него были немного кривые зубы, а левая рука нервно подергивалась, когда мы обменивались рукопожатием. Для меня было приготовлено место между Джеком и Кэти.

– Я многое слышал о вашем банке, – сказал я, обращаясь к Джеку.

– Неужели? – польщенно отозвался он. – Я был уверен, что о нас никто не знает за пределами Аризоны, не говоря уже о Лондоне.

– Но на рынке еврооблигаций вы производите неплохое впечатление, – сказал я, сознательно нанизывая одну лесть на другую.

– Действительно, вы не поверите, как активно для такого небольшого банка мы работаем на этих рынках, – охотно согласился Джек.

– Например, в недавней сделке с подозрительными облигациями для северного соседа Дании? – с лукавой улыбкой подсказал я.

Джек тоже улыбнулся.

– Раз вы уже знаете, мне остается только подтвердить. Откуда вам это известно?

– Знать такие вещи я считаю своей обязанностью, – сказал я. – Дело в том, что мы тоже купили большой пакет тех облигаций. Полагаю, в момент выпуска мы с вами были единственными крупными покупателями. Шанс заработать такую круглую сумму выпадает не часто.

Джек засмеялся.

– Да, это было, как говорит Кэш, «миленькое дельце». Конечно, я в восторге от той операции, – сказал он и отпил большой глоток вина.

Польстить самолюбию Джека было нетрудно.

– Не понимаю, как вам отсюда, из Аризоны, удается добиваться такого успеха на лондонских рынках? – продолжал я.

– Видите ли, в «Финикс просперити» мы предпочитаем считать себя космополитами в гораздо большей мере, чем любой средний инвестор в Штатах. Я слежу за всеми европейскими событиями и новостями. Когда я учился в школе, я три месяца провел в Европе. И мы давно знаем Кэша Каллахана.

Вот где собака зарыта, подумал я.

– И вы много сделок совершаете через Кэша? – спросил я.

– Довольно много, – ответил Джек. – Он хорошо чувствует рынки и удачно их анализирует. Очевидно, он неплохо понимает и мои намерения.

Еще бы не понимать, подумал я. Для Кэша «Финикс просперити» – неисчерпаемый источник обогащения. Я хорошо представлял себе, как Кэш весь день заставляет Джека Салмона покупать и продавать разные облигации, а сам при этом едва успевает подсчитывать свои комиссионные.

– Да, в нашей компании он тоже считается хорошим посредником, – сказал я.

– Вы давно работаете на рынке бросовых облигаций? – спросил Джек.

– Нет, только начинаем. А вы?

– О, мы работаем с ними уже с год.

– И какое у вас сложилось впечатление?

– Это золотая жила. Но чтобы заниматься ими, нужно иметь железные нервы. Если вам подворачивается выгодное дело и если у вас все в порядке с кредитом, то

вы просто обязаны покупать на большую сумму. Понимаете, о чем я? – Джек заговорщицки улыбнулся.

Я кивнул. Этот парень опасен, подумал я.

– Но меня постоянно сдерживают, – продолжал Джек. – Если я покупаю больше, чем на один-два миллиона, все в панике. Зарабатывать настоящие деньги стало очень трудно, уверяю вас.

Значит, где-то все же есть разумный человек, контролирующий Джека.

– Здесь есть компании, которые стоило бы завтра послушать?

– Да, одна компания мне нравится. «Фэруэй». Думаю, они подготовили хорошую презентацию.

– «Фэруэй»? – переспросил я. – Чем они занимаются?

– Они делают мототележки для гольфа. Знаете, такие багги, которые развозят игроков по площадке.

– Понимаю. Благодарю, я обязательно послушаю, – сказал я. Две-три минуты мы молча ели. – Ваш банк далеко отсюда? – спросил я.

– Почти рядом. Милях в десяти от отеля, в центре города. Но на время конференции я поселился в отеле. Жаль упускать редкую возможность поболтать с коллегами, занимающимися нашим бизнесом.

– У вас большой операционный зал? – поинтересовался я.

– Нет, инвестициями занимаются всего два-три человека. Что касается продажи, то в большинстве случаев решения принимаю я. Но в сущности, чтобы

привести в движение большую массу денег, много людей и не нужно.

– У нас тоже небольшая компания, – сказал я и забросил удочку. – Было бы очень интересно сравнить вашу компанию с нашей. Хотя мы живем на разных континентах, мне кажется, наши точки зрения во многом совпадают.

Джек охотно проглотил наживку.

– В чем же дело? Конференция закончится, и я сам все вам покажу. Вы сможете выкроить пару часов?

Я улыбнулся.

– Благодарю. Это было бы очень интересно. Буду ждать с нетерпением.

Кэш болтал с женщиной из «Амалгамейтед ветеранс лайф». Сначала она держалась очень холодно, почти официально, но постепенно чары Кэша подействовали и на нее. Не прошло и получаса, как ее смех стал едва ли не заглушать хохот Кэша.

Я повернулся к Кэти.

– Кажется, Кэш из кожи вон лезет, чтобы завоевать расположение той женщины. Почему она удостоилась такой чести?

– «Амалгамейтед ветеранс» – один из крупнейших в США инвесторов, – объяснила Кэти. – А Мадлен Джансен там – старший менеджер. Она выбирает стратегию работы с портфелями. Если она изменяет решение, весь рынок приходит в движение. Говорят, в деле она великолепна.

– Понятно, – сказал я. – Но разве «Амалгамейтед ветеранс» – клиент Кэша?

– Нет, – подтвердила Кэти. – Но в один прекрасный день все может измениться. Кэш предпочитает лично знать возможно больше инвесторов. Когда он вернется в Штаты, то, скорее всего, позвонит ей и поинтересуется, как у нее дела.

– А что же будет делать тот агент «Блумфилд Вайс», который работает с ней сейчас?

– Это Ллойд Харбин. Его здесь нет. Так что Кэшу представилась на редкость удачная возможность.

Я предпочел промолчать. Наверно, украсть клиента у одного из своих коллег – ничто по сравнению с кражей двадцати миллионов долларов у одного из клиентов. Я вспомнил Дебби Чейтер. Рассказать Кэти о своих подозрениях я не мог и лишь покачал головой.

– Ну и мерзкий он тип, этот Кэш.

– Понимаю, вы имеете все основания так думать, – дипломатично кивнула Кэти. – Действительно, многие его не любят, но на самом деле он не всегда такой плохой. Ладно, согласна, он часто не заслуживает доверия, то и дело обманывает клиентов, он снискал сомнительную славу за переманивание клиентов у своих коллег. Но я бы не сказала, что это – истинный дьявол во плоти.

Я пожал плечами.

– Нет-нет, – продолжала Кэти. – Он и мухи не обидит. В сущности. Кэш – тряпка. Хочет, чтобы все его любили. Даже я. Хотя я на него ворчу, он меня всегда защищает. Месяца два назад мне сказали, что в этом году мне не повысят зарплату. Я работала много и

заслужила повышение. Кэш угрожал уволиться, если руководство банка не изменит решение. Боссам пришлось уступить. В «Блумфилд Вайс» найдется немного руководителей, которые так защищали бы своих сотрудников.

Слова Кэти произвели на меня впечатление, но я остался при своем мнении и решил сменить тему.

Кэш прервал разговор с Джансен и крикнул нам:

– Эй, Пол, я рискую заработать какой-нибудь комплекс! Во-первых, вы с Джеком определенно устраиваете заговор. Это заставляет меня нервничать. Два моих клиента договариваются действовать совместно против меня. Наверно, вспомнили какую-нибудь нелепую историю с моим участием. А может, вам и этого покажется мало, и вы начнете настраивать против меня моего партнера.

– Да, Кэш, берегись. Пол выболтал мне все твои секреты, – сказал Джек.

Последние слова заставили меня поежиться. Я понимал, что Джек шутит, но понял ли это Кэш? Я осторожно бросил взгляд на Кэша. Он весело смеялся. Я не заметил никаких признаков озабоченности.

В разговор вступил Вайгель.

– Про Кэша я могу рассказать много интересного. Помнишь Шерил Роузен?

– Эй, Дик, – засмеялся Кэш, – не сочиняй. Это было давным-давно.

– Ты давно знаком с Диком? – спросил я Кэша.

– О, очень давно, – ответил Кэш. – Нас многое связывает. В детстве мы были соседями. Дик был самым

умным. Всегда лучший в классе. Колумбийский университет, потом Гарвардская школа бизнеса. А я если что и делал лучше других, так только пил пиво и знакомился с девушками вроде Шерил Роузен.

– Жаль, что вы не видели его бара, – сказал Вайгель. – Он был битком набит каждый вечер. Сотни ребят там развлекались от души. Досадно, что пришлось его закрыть.

– Бар Кэша был недалеко от Тремонт-авеню? – спросил я невинно.

– Сразу за углом, – ответил Кэш.

Вайгель пристально посмотрел на меня. Секунду-другую я выдержал его взгляд, стараясь сохранить бесхитростное выражение. Очевидно, Вайгель подозревал, что я что-то задумал. Мне же ничего не оставалось, как попытаться не дать ему ничем подкрепить свои подозрения.

Кэш снова принялся обхаживать женщину из «Амалгамейтед ветеранс». Вайгель повернулся к Кэти.

– Тебе нравится конференция? – поинтересовался он.

– Очень, – ответила Кэти. – Поразительно, насколько умело работают владельцы этих компаний. Кажется, все их мысли направлены на то, чтобы превратить долги в прибыль.

– Да. Сегодня выступали руководители очень крупных корпораций. Ты слышала человека из «Кем кастингс»? Их операцию разрабатывал я сам. Отличное управление. Это одна из тех корпораций, которые добились действительно больших успехов.

Я тоже слышал выступление президента «Кем кастингс». Руководство корпорации, судя по всему, было достаточно компетентным, да и химическую промышленность нельзя было назвать неудачной отраслью, но, последовав совету банкиров из «Блумфилд Вайс», корпорация залезла в такие долги, что теперь ей придется приложить немалые усилия лишь для выплаты процентов.

– Да, слышала, – ответила Кэти.

– Досадно, что такие операции нам не удается организовать в Европе, – продолжал Вайгель. – Я никак не пойму почему?

Кэти насторожилась. С минуту она молчала. Я чувствовал, как напряженно она раздумывает над ответом, и сосредоточенно ковырял вилкой в тарелке, делая вид, что ничего не замечаю.

– Не знаю, – тщательно подбирая нужные слова, сказала наконец Кэти. – Мне кажется, все дело в том, что наши клиенты не проявляют никакого интереса.

– Всегда трудно сказать, кто не проявляет интереса – клиент или сейлсмен, – дожевывая бифштекс и вызывающе глядя на Кэти, сказал Вайгель. На его лысине выступили капельки пота. – Продажа облигаций «Кем Кастингс» имела очень большое значение для нашей фирмы. Мы остались с пакетом облигаций, которые стоили нам кучу денег. Имей мы систему международного распределения высокодоходных облигаций, этой проблемы вообще бы не возникло.

Кэти сохраняла хладнокровие.

– Дело в том, что большинство наших клиентов просто не хотят идти на риск, связанный с бросовыми

облигациями. Заставить их изменить свои взгляды невозможно.

– Заставить невозможно, но с такой фигурой, как у тебя, ничего не стоит их переубедить. – Вайгель расхохотался, отпил глоток вина и подмигнул мне. Я ответил сердитым взглядом.

Кэти растерялась. Очевидно, она не могла решить, то ли принять слова Вайгеля как шутку, то ли посчитать их тем, чем они и были на самом деле, – оскорблением. В конце концов она скованно улыбнулась.

– А, перестань делать вид, что ты чем-то недовольна, – продолжал Вайгель, бросая на Кэти плотоядные взгляды. – Такая красивая девушка, как ты, может продать что угодно кому угодно. Бьюсь об заклад, ты уже установила прочные связи с клиентами. Если бы я вечером посидел где-нибудь с тобой, меня можно было бы уговорить купить все на свете. – Вайгель повернулся ко мне и еще раз подмигнул. – Разве я не прав?

– Дик, – сквозь зубы пробормотала Кэти, – не забывайте, что нас слышат клиенты.

Очевидно, Вайгель выпил слишком много вина.

– Пол – далеко не наивный ребенок. Он знает, как делаются дела. Послушай, Кэти, в «Блумфилд Вайс» я далеко не последний человек, и я не собираюсь на этом останавливаться. Тебе бы не мешало узнать меня поближе. Я могу помочь твоей карьере. Как насчет того, чтобы после обеда нам выпить тет-а-тет по бокалу шампанского?

Вайгель сидел напротив Кэти, а у Кэти очень длинные ноги. Она опустилась в кресле чуть ниже. Через мгновение Вайгель истошно завопил от боли и, казалось,

схватился за салфетку, лежавшую у него на коленях. Кэти встала, извинилась, коротко улыбнулась каждому и ушла, постукивая высокими каблучками по деревянному полу.

Я вскочил и побежал вслед за Кэти в бар. Чтобы не расплакаться, она прищурилась и прикусила дрожащие губы.

– Он был не слишком деликатен, да? – сказал я.

– Подонок! – пробормотала Кэти.

– Но вы ответили ему очень красноречиво.

– Да, это мне на секунду доставило удовольствие, – улыбнулась Кэти. – Но, знаете, он прав. Если я буду бить ногой по яйцам всем восходящим звездам «Блумфилд Вайс», удачная карьера мне заказана.

– К черту Вайгеля. К черту «Блумфилд Вайс». Давайте выпьем, – предложил я.

Я взял бокал вина для Кэти и скотч для себя. Кэти отпила глоток.

– Вы слышали, что случилось с Джо Финлеем, нашим трейдером? Он занимался у нас еврооблигациями?

– Нет, а что? – ответил я. Мое сердце забилось быстрее.

– Ужасное несчастье. Вчера его убили в Центральном парке.

– В самом деле? Это действительно ужасно.

Я старался вложить в свои слова точно отмеренную дозу сочувствия, достаточную для того, чтобы признать весь ужас самого факта убийства, и недостаточную,

чтобы можно было заподозрить, будто бы нас с Джо связывало нечто большее, чем короткое знакомство.

– Как это произошло? – спросил я.

– Очевидно, он отправился в парк на пробежку. Было темно, и на него напали. Он защищался и убил одного из нападавших. Знаете, ведь раньше он служил в войсках специального назначения, – сказала Кэти и содрогнулась.

Смерть Джо меня не огорчила, и я не чувствовал за собой никакой вины. Я нисколько не сомневался, что он был намерен убить меня. Теперь мне не придется оглядываться на каждом шагу. Жизнь могла снова войти в нормальную колею. Я вспомнил Салли, жену Джо. И Джерри. Конечно, вырастить ребенка без отца нелегко, но все же для Салли это будет намного проще, чем с таким отцом, как Джо.

– Полиция нашла убийц? – спросил я.

– Нет еще, но ведь прошло совсем немного времени, – ответила она и нервно отпила еще глоток. – Знаю, это может прозвучать ужасно, но, признаюсь, мне он никогда не нравился. Он был неуправляем. И опасен.

Я поторопился – может быть, слишком поторопился – успокоить Кэти.

– Ничего ужасного, – сказал я.

От Кэти не ускользнул мой тон, и она вопросительно подняла брови. Потом ее внимание отвлекла какая-то сцена, которая! разыгрывалась у меня за спиной.

– Вы только посмотрите! – сказала она.

Я обернулся. Через толпу к бару пробивался коренастый Маршалл Миллз. На его руке повисла

соблазнительного вида пышная блондинка с большими голубыми глазами и пухлыми ярко-красными губками, которые, казалось, никогда полностью не закрывались. При каждом шаге она изгибалась всем телом, задевая бедром Миллза.

Недалеко от нас, перед самым входом в бар, супружескую чету остановил Кэш.

– Маршалл! – крикнул Кэш.

– Кто вы такой, черт возьми? – зло выплюнул рассерженный Миллз.

– Я – Кэш Каллахан, сейлсмен банка «Блумфилд Вайс». Я лишь хотел сказать, что ваше выступление произвело на меня очень большое впечатление. Чрезвычайно интересное, содержательное, заставляющее думать.

– Ненавижу сейлсменов. Убирайтесь! – прорычал Миллз.

Кэти хихикнула.

– Наконец-то Кэш нашел достойного противника, – прошептала она.

Но Кэш не собирался так просто сдаваться. Он на секунду задумался, пытаясь угадать слабые места Миллза, потом сказал:

– Миссис Миллз, я в восторге от вашего последнего фильма. Как он называется – «Сумерки в Танжере»? Разумеется, по фотографиям в прессе я давно знал, что вы – красавица, но я и представить себе не мог, что вы к тому же и великая актриса.

Не только миссис Миллз, но даже Кэти и я были захвачены врасплох. Впрочем, миссис Миллз оправилась

от потрясения первой, она опустила ресницы и по-техасски томно протянула:

– Благодарю вас, сэр.

– Не за что, не за что. Надеюсь, у такого прекрасного фильма будет продолжение?

В разговор снова вмешался Маршалл. Он гордо объяснил:

– Продолжение будет называться «Лунный свет в Марракеше». Мы должны начать съемки через пару месяцев. Я рад, что вам понравились «Сумерки». Жаль, что из критиков на фильм обратили внимание только несколько безграмотных алкашей, которые не узнали бы и Мерил Стрип [13], появись она в школьном спектакле.

Миллза мучила одышка, по его лицу стекали струйки пота.

– Успокойся, медвежонок, успокойся, не забывай, что у тебя давление, – проворковала миссис Миллз.

– Ты права, крошка, – отозвался супруг.

– Разрешите представить вам двух самых преданных держателей ваших акций из Англии, Кэти Лейзенби и Пола Марри.

Я в изумлении раскрыл было рот, но Кэш заговорщицки подмигнул нам, и мне ничего не оставалось, как подыграть ему, Мы с Кэти промычали нечто, что должно было означать вежливое приветствие. Миллз не скрывал удивления. Он и не подозревал, что

---

[13] Мерил Стрип – знаменитая американская киноактриса, исполнительница психологических ролей. Неоднократный лауреат премии «Оскар».

где-то остались преданные держатели его акций, тем более в Англии.

– Я слышал, вы ищете инвесторов для вашего нового предприятия, – продолжал Кэш.

– Да, это крупное месторождение рядом с эквадорским берегом, но мне сказали, что ни один из этих тупых идиотов не хочет давать мне деньги. Я мог бы научить их кое-чему в инвестировании. Эти кретины не понимают...

– Медвежонок, – промурлыкала миссис Миллз.

– Ты права, дорогая.

– Что ж, кажется, я знаю, кто сможет вам помочь, – сказал Кэш.

Я отчаянно замотал головой, давая понять Кэшу, что ни при каких условиях не позволю втянуть «Де Джонг» в эту авантюру. Возможно, в нефтедобывающей промышленности прибыли действительно высоки, но только дурак может довериться Маршаллу Миллзу. К счастью, Кэш потянул Миллза и его жену к стоявшей неподалеку Мадлен Джансен.

– Он с ума сошел, если думает, что ему удастся заставить ее слушать Миллза, а тем более дать ему деньги, – сказала Кэти. – Год назад «Амалгамейтед ветеранс» очень много потерял на пакете облигаций одной из его компаний.

Несколько минут мы молча наблюдали за разговором. Примерно через четверть часа они разошлись, и Кэш направился к нам. На его лице сияла широкая, от уха до уха, улыбка, он радостно в буквальном смысле слова потирал руки.

– Бармен, бутылку «Дом Периньон», пожалуйста, – сказал он. – И три бокала.

Пока Кэш разливал шампанское, Кэти, не утерпев, спросила:

– Уж не хотите ли вы сказать, что Мадлен Джансен согласилась дать ему деньги?

– Пятьдесят миллионов, – ответил Кэш.

– Как вам это удалось, черт возьми? – воскликнула Кэти.

– Частично за счет цены. Миллз собирается платить на два процента больше среднего дохода по бросовым облигациям новых выпусков. Но главное не в этом, а в гарантиях. Если Миллз откажется от уплаты или попытается выкинуть какой-нибудь трюк, то к «Амалгамейтед ветеранс» переходит авторское право на «Сумерки в Танжере» и «Лунный свет в Марракеше». Тогда Джансен может запретить распространение и демонстрацию фильмов. Это должно подействовать даже на Миллза.

– Понятно. А если его сердце откажет, то это удержит от неразумных поступков и вдову, – сказал я.

Кэш засмеялся.

– Я видел Лолу Миллз в «Сумерках в Танжере» и, признаться, был удивлен, почему его сердце уже не отказало. Она настоящая гимнастка.

Я не мог не рассмеяться вместе с Кэшем. Мне оставалось только восхищаться его поразительным талантом. Я бы никогда не смог уговорить работать вместе этих двух людей, между которыми не было абсолютно ничего общего.

Пятнадцатая глава

Я покорно позавтракал вместе со всеми участниками конференции и отправился на утреннее заседание. Мне хотелось послушать, что скажут боссы компании «Фэруэй». Джек Салмон не нарушил своего обещания и тоже пришел. Я сел рядом с ним.

На конференции многие компании старались заразить аудиторию своим энтузиазмом, но совет директоров компании «Фэруэй» превзошел всех. О гольфе и мототележках для гольфа они знали абсолютно все. В США популярность этой игры неуклонно растет. Дать возможность играть большему числу желающих можно двумя путями, и оба пути вполне устраивали «Фэруэй». Можно строить больше площадок для гольфа, тогда потребуются новые флотилии мототележек. А можно активнее использовать существующие площадки, чтобы на них в течение дня проводилось больше игр, но тогда ни на одной из площадок тоже никак без мототележек не обойтись.

Джерри Кинг, главный исполнительный директор компании «Фэруэй», знал всех, кто имел хоть какое-то отношение к гольфу. В способах использования своих связей он был неразборчив. Лучшие игроки в гольф финансировали производство его тележек и вносили незначительные усовершенствования в их конструкцию. Кинг знал самых известных проектировщиков площадок, и те рекомендовали его тележки для новых спортивных центров. Он в деталях рассказал и о тесных связях его компании с распространителями.

Компания «Фэруэй» успешно отвоевывала позиции на рынке у своих конкурентов, и в течение двух

последних лет ее оборот возрастал на 25 процентов ежегодно. Финансирование такого стремительного расширения производства невозможно без крупных займов. Я понял, что в Лондоне мне придется тп^ательно изучить все экономические расчеты, чтобы убедиться, что «Фэруэй» сможет выплатить долги. Если результат расчетов будет положительным, то, возможно, «Фэруэй» станет выгодным объектом для инвестиций.

После доклада Джек сказал:

– Уф! Как вам понравилась эта компания? У меня терпения не хватает, хочется поскорей ухватить пакет этих облигаций. Что вы об этом думаете, Пол?

– Что ж, кажется, компания действительно неплохая, – ответил я.

Джек засмеялся.

– Неплохая, – протянул он, подражая моему английскому акценту. – Это же настоящая бомба!

– До встречи завтра в вашем офисе, – сказал я и ушел.

Возле дверей конференц-зала за столиком сидела женщина. Она записывала желающих поехать на следующий день в Лас-Вегас. В программе экскурсии было посещение трех казино, а гвоздем программы, разумеется, должно было стать только что открывшееся казино «Таити». Я подошел к столику и добавил к списку свою фамилию. Я все еще не имел ни малейшего представления, почему убили Дебби. Возможно, здесь была какая-то связь с «Тремонт-капиталом». А может быть, в убийстве был замешан Пайпер. Мне очень

хотелось с ним встретиться. Об Ирвине Пайпере мне нужно было узнать еще очень многое.

Во время ленча должен был выступать известнейший американский ведущий телевизионных интервью с разными знаменитостями, фамилию которого я услышал первый раз в жизни. Я решил улизнуть с ленча, найти укромное местечко возле какого-нибудь бассейна и вздремнуть.

Кроме главного плавательного бассейна на территории отеля во множестве были беспорядочно разбросаны и небольшие бассейпчики. Я уже давно приметил один из них, в стороне от проторенных троп, в дальнем углу территории. Он располагался в центре дворика в испанском стиле и казался самым подходящим местом, если тебе захотелось скрыться от людей на часок-другой.

Возле бассейна не было ни души. Я выбрал подходящее место, лег и закрыл глаза.

Должно быть, я и в самом деле задремал, потому что меня разбудил негромкий всплеск воды. Кто-то нырнул в бассейн. Я открыл глаза и увидел Кэти. Стройная, гибкая, высокая Кэти оказалась к тому же отличной пловчихой – на поверхности воды за ней оставалась лишь легкая рябь.

Через несколько минут Кэти вышла из воды в дальнем от меня углу дворика и стала вытираться. Не знаю, заметила она меня или нет; скорее нет, потому что я лежал лицом вниз. Закрыв один глаз, в который било солнце, я смотрел, как Кэти медленно вытерла полотенцем сначала одну длинную, золотистую от загара ногу, потом вторую, потом выпрямилась, растерла плечи.

Я восхищался изящными изгибами ее тела, которые соблазнительно подчеркивал купальный костюм.

Кэти легла и закрыла глаза. Минут через пять во дворике зашуршали чьи-то шаги. Я поднял голову и сразу узнал лысину Дика Вайгеля. Над резинкой его бермудских шорт, как надувной спасательный круг, нависло толстое брюхо. Думаю, он не заметил меня, потому что его внимание сразу привлекла Кэти, принимавшая солнечные ванны. Вайгель заковылял к ней, опустился на корточки и что-то сказал. Слов я не слышал, но видел, что Кэти приподнялась и спокойно ответила Вайгелю.

Потом Вайгель как бы невзначай положил руку ей на бедро. Кэти немедленно сбросила его руку, однако он снова, на этот раз более твердо, взял ее за бедро, а другой рукой попытался обнять за плечи.

Я не стал дожидаться реакции Кэти, вскочил, помчался к ним, схватил Вайгеля за руку и рывком поднял его на ноги. От неожиданности толстый коротышка пошатнулся, чем я не преминул воспользоваться, нанеся ему точный прямой удар в челюсть. Вайгель нелепо взмахнул руками и тяжело плюхнулся в бассейн.

Наверно, он на мгновение потерял сознание, но, оказавшись под водой, пришел в себя и тут же поднялся на поверхность. Он судорожно глотнул воздуха, поплыл к дальнему от нас бортику бассейна и вылез из воды. На каменные плиты с него стекала вода, он раскраснелся от ярости.

– Что ты делаешь, ... твою мать? – заорал он. – Я только хотел поговорить с этой сучкой. Тебе это так не

пройдет! Теперь береги свою жопу, Марри! Я тебя раздавлю, как комара!

Вайгель поднял свое полотенце и, не переставая выкрикивать угрозы и оскорбления, ушел. Я молча проводил его взглядом.

Кэти сидела на лежаке, обхватив колени руками и опустив на них голову.

– Как вы думаете, Вайгель наконец поймет, что каждый раз, как только он снова станет приставать к вам, ему будет больно? – сказал я.

– Надеюсь, – ответила Кэти, уставившись в одну точку перед собой.

Я сел на лежак рядом с ней. Несколько минут мы молчали, но я чувствовал, что ее гнев постепенно утихает.

– Ненавижу эту контору, ненавижу всех, кто в ней работает, – пробормотала Кэти.

Я ничего не сказал. Я мог лишь посочувствовать ей, которая вынуждена работать на такого подонка, как Вайгель, быть у него на побегушках, терпеть его наглость. Ничего удивительного, что она ненавидела свою работу. Но тогда непонятно, зачем она держится за нее? Кэти казалась мне достаточно сильной личностью. Почему бы ей не послать всех к черту и не уйти? Наверно, она не хочет так легко сдаваться, подумал я.

Занятые каждый своими мыслями, мы посидели еще минут пять, потом Кэти выпрямилась и встала. На ее лице на мгновение появилась нервная улыбка.

– Спасибо, – почти шепотом сказала она мне, схватила свою одежду и выбежала из дворика.

Дневное заседание началось в два часа. Я слушал, как исполнительный директор компании кабельного телевидения рассказывал о своих планах создания и эксплуатации крупнейшей и лучшей в стране сети, но смысл его пламенной речи доходил до меня с трудом. Вполуха слушал я и директоров двух других компаний, которые выступали позже. Мои мысли были всецело поглощены Кэти. В те минуты у бассейна я впервые ощутил, что она мне не безразлична. Мне не давали покоя ее незащищенность, ее ранимость. Та напористая женщина-бизнесмен, с которой я познакомился в лондонском офисе нашей компании, вдруг оказалась смелой, но гонимой девушкой, которая нуждалась в защитнике.

На тот вечер программой конференции предусматривалось барбекю со спиртными налитками возле главного плавательного бассейна отеля. С вершин «Верблюда» дул легкий прохладный ветерок. Он рябил воду в бассейне, и в ней плясали отражения тлеющих в жаровнях углей, белых скатертей на столах, десятков блейзеров и летних платьев участников конференции и гостей. С другой стороны бассейна до меня доносились непринужденный смех и пение сверчков. Все это происходило под неестественно звездным небом, казавшимся мне голливудской декорацией.

Вечер был прекрасным. Разыскивая Кэти, я переходил от одной группы серьезных молодых мужчин и женщин к другой, обмениваясь с ними несколькими вежливыми фразами. Всем нужно было расслабиться после двух напряженных дней.

Осматриваясь, я перехватил взгляд Вайгеля. Этот подонок не из тех, кто забывает и прощает, подумал я.

– Пол? – раздался у меня за спиной женский голос. Я повернулся. Это была Мадлен Джансен.

– О, добрый вечер.

– Как вам понравилась конференция?

– Э-э, было очень интересно, – сказал я, оглядываясь по сторонам.

Мадлен спросила еще что-то и выжидающе смотрела на меня, очевидно, рассчитывая на ответ. Я пропустил ее вопрос мимо ушей.

– Прошу прощения, я прослушал. У меня был тяжкий день, – извинился я.

– Вам понравились какие-нибудь компании?

– Да, одна. «Фэруэй». У меня осталось довольно хорошее впечатление.

Где же она? Должна быть где-то рядом.

– Ах, так?

Наконец-то я ее увидел.

– Прошу прощения, – извинился я перед Мадлен и стал проталкиваться к ней.

Кэти стояла в центре небольшой группы и разговаривала с Кэшем. На минуту я остановился, мне хотелось просто смотреть на Кэти, восхищаться ею. На ее лице танцевали отблески тлеющих углей, освещая ее улыбку, отбрасывая тени, от которых ее темные глаза казались не просто большими, а огромными. Я подошел ближе.

– Кэти, – позвал я. Она повернулась, увидела меня, и на мгновение ее вежливая улыбка стала радостной, сияющей. Она немного зарделась и сказала:

– Добрый вечер.

– Добрый вечер.

Последовала пауза. Не неловкая и не трудная, просто пауза.

– Теперь вам лучше? – спросил я.

– О, вы имеете в виду после того, что произошло днем? – сказала она. – Да, все в порядке. И спасибо за все.

Голос Кэти подсказал мне, что это не просто вежливая фраза, что она действительно благодарна мне. Я обвел взглядом сотни людей, развлекавшихся под звездным небом пустыни.

– Вы не в первый раз на подобных представлениях? – спросил я.

– В первый, но в Финиксе я однажды уже была, – ответила Кзти. – На автобусе «Грейхаунд». Это было несколько лет назад. Я тогда была студенткой, поэтому в таких отелях мы, конечно, не останавливались. Мы исколесили всю Америку.

– Вы путешествовали одна?

– Нет, с приятелем.

Я представил себе Кэти-студентку, путешествующую по жаркой Аризоне. Беззаботная, веселая, в джинсах, в майке, длинные волосы собраны в «конский хвост». «Счастливчик», – подумал я и покраснел, поняв, что произнес это слово вслух.

– Я не встречалась с ним уже много лет, – засмеялась Кэти.

– А сейчас вы с кем-нибудь встречаетесь? – сорвалось у меня с языка. Лишь когда эти слова были произнесены, я понял, насколько важным для меня был этот вопрос и как я надеялся получить желанный ответ.

Я получил тот ответ, на который надеялся.

– Нет, – сказала Кэти, – ни с кем. Она помедлила, потом бросила на меня взгляд. – А вы?

Я сразу вспомнил Дебби, ее круглое лицо, ее всегда смеющиеся глаза и то, о чем мы болтали за несколько часов до ее смерти. Тот разговор открыл мне глаза на многое. Я понял, что жизнь дается человеку для того, чтобы он наслаждался ею и делил ее с другими людьми. Таким человеком для меня могла бы стать Дебби. Дебби умерла, но я не забыл ее жизнелюбия, мне казалось, она и сейчас требует, чтобы я остался с Кэти, смеется над моей застенчивостью. Но объяснить все это Кэти я не мог.

– Нет, ни с кем, – сказал я. Мне показалось, что мои слова подействовали на Кэти успокаивающе, и я приободрился. – Так где вы еще побывали на том автобусе? – спросил я.

Кэти подробно рассказала мне о ее путешествии по Америке и о многом другом. О друзьях, о семье, об университете, о книгах, о мужчинах. Я тоже говорил о многом. Мы сидели на газоне лицом к бассейну и провожали взглядами других участников вечеринки, постепенно расходившихся спать. Мы проговорили до половины третьего, когда возле бассейна давным-давно не осталось ни души. Мы встали, и я, боясь испортить

прекрасный вечер, попрощался с Кэти, поцеловал ее в щеку и, напевая про себя, отправился в свой номер.

Я взял такси и, как мы и договаривались, поехал в город к Джеку Салмону. Через окно я посматривал на лес щитов с рекламными объявлениями и на обожженные солнцем деревянные склады и магазины, которые протянулись по обеим сторонам ведущего в Финикс шоссе, и думал о Кэти. Я вспоминал ее темные глаза и ее умное лицо, я думал о ее незащищенности, которую я так остро почувствовал накануне, когда мы сидели возле бассейна.

Впрочем, ранимой и незащищенной была не только Кэти. Перед Кэти я раскрыл свою душу, и теперь она могла делать с ней что угодно. После смерти отца я старался скрывать свои чувства, защищать их от внешнего мира, даже от болезни матери. Свою эмоциональную энергию я направил сначала в легкую атлетику, потом в финансовый бизнес. Сила воли, целеустремленность и самодисциплина. Благодаря этим качествам я завоевал олимпийскую медаль. Благодаря этим качествам я мог бы стать первоклассным трейдером.

А теперь неожиданно для самого себя мне захотелось ослабить железную самодисциплину, которую я вырабатывал годами. Это меня пугало, но и радовало тоже. Почему бы и нет? Стоило рискнуть. Мне было любопытно посмотреть, что из этого получится.

Но захочет ли этого Кэти? Пережить отказ будет нелегко. Очень нелегко.

Мы подъехали к штаб-квартире «Финикс просперити». Все здание в буквальном смысле слова

сияло на солнце. Похоже, оно было построено из того же стекла, что и солнцезащитные очки, в которых можно увидеть собственное изображение. Гигантская сверкающая коробка возвышалась над смешением из бетона, асфальта, дерева и пыли, которое составляет первый этаж любого современного американского города.

Такси остановилось возле автостоянки, оказавшейся на три четверти пустой. Я вышел и направился к главному зданию «Финикс просперити». Оно произвело на меня устрашающее впечатление. Рядом шумела оживленная автотрасса, но возле самой гигантской коробки царило пугающее спокойствие. Никто не входил в здание, никто из него не выходил. Оно напомнило мне одно из тех секретных дьявольских сооружений, которые появлялись в конце каждого второго фильма о подвигах Джеймза Бонда. Я почти готов был к тому, что меня встретит бесстрастный робот в экзотической униформе. Действительность оказалась более прозаичной: толстый охранник неохотно оторвался от газеты и жестом показал, что я могу пройти к лифтам.

Отдел инвестиций находился на третьем этаже. Секретарша предложила мне подождать, и я опустился в одно из четырех кожаных кресел, теснившихся одно к другому посреди просторной и почти пустой приемной.

В ожидании я взял лежавший на журнальном столике годовой отчет банка «Финикс просперити». На обложке красовалось здание штаб-квартиры банка на фоне неестественно голубого неба. Лозунг над фотографией гласил: «Приносит процветание». Я полистал брошюрку. В ней подробно расписывалось, как «Финикс просперити» помогает обществу. Я узнал, что в

Финиксе и окрестностях работают двадцать филиалов банка.

Под одной из статей стояла подпись исполнительного директора банка, некоего Говарда Фарбера. В статье он упоминал о тех финансовых трудностях, с которыми банк столкнулся два года назад, и о том, что благодаря вливанию капитала извне в конце концов удалось выправить баланс. Ни слова о том, из какого источника вдруг полились эти деньги.

Я бегло просмотрел баланс. Капитал банка за два года вырос с десяти до пятидесяти миллионов долларов. Должно быть, сказалось то самое вливание. Оборотные средства тоже резко возросли – от ста миллионов два года назад до пятисот миллионов долларов сейчас. Снова нигде ни малейшего намека на то, откуда взялись деньги. Может, Джек просветит меня.

Как раз в этот момент в приемной появился Джек Салмон.

– Привет, Пол. Рад вас видеть, – сказал он, протягивая руку.

– Мне тоже приятно с вами встретиться, – сказал я, отвечая на рукопожатие.

– Пойдемте, я вам все покажу.

По узкому коридору Джек провел меня в просторный кабинет, посреди которого стояли четыре полностью оборудованных рабочих места.

– Садитесь, – пригласил меня Джек.

– Итак, объясните мне, чем вы занимаетесь целый день, – начал я.

– Вы знаете, как работают ссудо-сберегательные банки? – вопросом ответил Джек.

– Примерно так же, как наши строительные общества? – предположил я.

– Что ж, многие начинали именно так, – согласился Джек. – Это были небольшие сберегательные банки, обслуживавшие только местных жителей. Их фонды позволяли выдавать ссуды под залог. Все было очень консервативно, очень скучно.

– Вы не похожи на клерка, который дни напролет пишет закладные, – заметил я.

Джек усмехнулся.

– Я не пишу. Несколько лет назад государственный контроль над ссудо-сберегательными банками был отменен. Теперь мы можем инвестировать деньги куда угодно – в перепродаваемую недвижимость, в еврооблигации, даже в бросовые облигации. Мы можем участвовать в инвестировании любых интересных проектов.

– Но какой смысл вкладчикам оставлять деньги у вас, если вы собираетесь пустить их в рискованные операции? А если ваши инвестиции не оправдают надежд? Ваши вкладчики потеряют все.

– Вот в этом-то вся прелесть, – с улыбкой возразил Джек. – Сохранность всех вкладов гарантируется правительством США, а именно Федеральной корпорацией по страхованию счетов в ссудо-сберегатеяьных ассоциациях. Мы можем брать сколь угодно крупные займы и играть ими так, как нам вздумается. Вкладчика это не волнует, потому что он

может положиться на гарантии дядюшки Сэма. Все очень просто.

– А как же с держателями акций? Ведь они-то точно могут потерять все?

– Да, вы правы. Но потенциальная прибыль огромна. На каждые десять миллионов инвестиций они могут взять займов еще на девяносто миллионов, опять-таки с правительственной гарантией. Значит, при удачном вложении займов они могут заработать в несколько раз больше их первоначальной инвестиции. Соблазн очень велик, особенно если они могут себе позволить в случае невезения потерять вложенные на первом этапе деньги.

Так вот то, что я искал! «Денежный станок дядюшки Сэма» оказался американской системой ссудо-сберегательных банков! На схеме Вайгеля сорокамиллионная инвестиция означала вклад «Тремонт-капитала» в ссудо-сберегательный банк. При наличии правительственной гарантии на займы эти сорок миллионов нетрудно превратить в несколько сотен миллионов долларов. И даже если банк потерпит неудачу, то «Тремонт-капиталу» придется просто отказаться от выполнения обязательств по своим облигациям. Это был еще один «новаторский метод финансирования», которым мог бы гордиться даже сам Маршалл Миллз. Мне было нетрудно догадаться, какой денежный мешок купил «Тремонт-капитал». Я надеялся, что Джек подтвердит мои догадки.

– В приемной я читал ваш годовой отчет, – сказал я. – Там упоминается, что год-два назад было произведено значительное вливание капитала. Вы не можете раскрыть мне его источник?

– Прошу прощения, но, к сожалению, этого я не могу сказать.

Ладно, подумал я. Возможно, позже я сам это выясню.

– Расскажите мне о самых интересных инвестициях, – попросил я.

– О, мы вкладываем в недвижимость, в бросовые облигации, в один тематический парк, даже в одно казино.

– Казино? Интересно. Возможно, это именно то, о котором мне так много говорили.

– О, это действительно изумительное заведение в Лас-Вегасе, – начал Джек и тут же осекся. – Прошу прощения, боюсь, меня не поймут, если узнают, что я рассказал вам о казино. Достаточно, если я скажу, что это грандиозная операция. В самом деле грандиозная.

Я был уверен, что Джек умирал от желания похвастать особенно выгодным вложением. Не только я сожалел о том, что он не может всласть поболтать о казино.

– Очень интересно. Уверен, вы можете рассказать мне в общих чертах, не называя имен.

Я мог бы добавить, что имя инициатора мне уже известно.

– Это колоссальное предприятие. Мы наняли превосходного проектировщика, чтобы построить одно из лучших, если не лучшее, казино в стране. Строительство практически завершено. Нам осталось только ждать, когда будет закрыто финансирование бросовых облигаций и мы получим свои деньги.

– На какую прибыль вы рассчитываете? – поинтересовался я.

– Процентов сто, – улыбаясь, ответил Джек.

– Ого! Неплохо, совсем неплохо, – отозвался я.

Итак, «денежный станок дядюшки Сэма» брал деньги местных вкладчиков, обеспеченные государственным поручительством, и использовал их для строительства «Таити» Ирвина Пайпера. Теперь меня интересовал другой вопрос – кто стоит за инвестициями «Финикс просперити»? Надо думать, Джек Салмон не мог быть мозгом операции.

– Вам заранее говорят, во что нужно инвестировать деньги, или вы можете делать все, что считаете нужным? – спросил я.

– Бывают разные ситуации, – объяснил Джек. – Иногда мне говорят, какие бумаги нужно покупать. Иногда боссы принимают мое предложение. Кажется, они ценят мое мнение. Знаете что? У меня из головы не идет эта компания «Фэруэй». Вы не поможете мне купить их облигации? Я намерен приобрести на пять миллионов.

– Я бы с удовольствием, – сказал я, – но, думаю, мне лучше понаблюдать со стороны. А вы действуйте.

– Хорошо. Подождите минутку, я позвоню боссу.

Джек набрал номер и с телефонной трубкой отошел так, чтобы мне ничего не было слышно. До этого момента он был обыкновенным хвастуном, теперь даже его поза говорила о послушании, полном подчинении. Мне он напомнил щенка, который ждет пинка от своего хозяина. Через несколько минут очень серьезного

разговора, во время которого Джек большей частью слушал, он положил трубку.

– Уф! Мое предложение очень понравилось, – возбужденно сверкая глазами, сообщил он. – Он сказал, чтобы я покупал не на пять, а на двадцать миллионов. Наконец-то боссы начинают меня ценить. Итак, приступаем.

Щенок завилял хвостом. Неожиданно хозяин бросил ему кость.

Я наблюдал, как Джек покупает на двадцать миллионов долларов облигаций «Фэруэй». Несмотря на все его заверения об огромном опыте работы на рынке, Джек действовал крайне неумело. Покупать бросовые облигации на такую большую сумму нужно очень осмотрительно. Я мог себе представить, как на его месте поступил бы Хамилтон. Сначала он потихоньку разузнал бы, у кого из дилеров есть нужные ему облигации. Он тщательно замаскировал бы свои намерения, бросив несколько «копченых селедок», то есть сделав такие отвлекающие маневры, после которых никто из дилеров не смог бы с уверенностью сказать, чего же именно он хочет. Лишь когда Хамилтон найдет дилера, который мог бы продать ему если не все, то хотя бы большую часть облигаций по самой низкой цене, он раскроет карты этому дилеру и скажет точно, что ему нужно. После этого дилеру останется только попотеть, чтобы потихоньку выкупить облигации у своих клиентов, не тревожа без нужды рынок.

Но Джек определенно не был Хамилтоном. Для начала он поговорил с десятью брокерами о цене на эти облигации и купил па два миллиона у каждого из трех, предлагавших самую низкую цепу. Пока все шло вроде

бы нормально. Проблемы возникли, когда Джек попытался выкупить облигации на оставшиеся четырнадцать миллионов. К его удивлению, их курс уже подскочил на три-четыре пункта. Все дилеры поняли, чего хочет Джек; хуже того, каждый дилер знал, что всем его коллегам это тоже известно. До обеденного перерыва Джек главным образом пререкался с дилерами, обвиняя их в том, что они намеренно завышают цену. Когда я ушел, ему нужно было купить еще на восемь миллионов. Настроение у Джека было хуже некуда.

На такси я вернулся в отель и, прежде чем забрать свои вещи и рассчитаться, позвонил Томми в Нью-Йорк.

– Рад вас слышать. – Как всегда, голос Томми звучал спокойно и непринужденно. – Надеюсь, вы воспользовались каникулами под тропическим солнцем и приобрели настоящий южный загар.

– Мне кажется, что, если я услышу еще одного самодовольного исполнительного директора, всерьез рассуждающего о совпадении интересов и повышении курса акций, я не выдержу и взорвусь, – сказал я. – Как ваши успехи?

– Пока никаких успехов. Полиция не очень охотно идет навстречу. К тому же оказалось довольно трудно добраться до бумаг Шофмана. Но не беспокойтесь, я еще не сдался. А вы что-нибудь узнали?

– Да, я поработал неплохо. – Я рассказал Томми о том, что мне удалось выведать у Джека Салмона и о том, как я расшифровал тайну «денежного станка дядюшки Сэма». – Могу я попросить вас еще об одном одолжении? – спросил я.

– Конечно, – охотно отозвался Томми.

– Попытайтесь узнать, кто года два назад перекупил «Финикс просперити». Это обошлось покупателю в сорок миллионов долларов. Возможно, что-то удастся обнаружить в базе данных, где хранятся сообщения прессы, хотя, скорее всего, сделка была сугубо приватной. Готов биться об заклад, что без «Блумфилд Вайс» здесь не обошлось. Банк мог быть консультантом или у «Финикс просперити», или у покупателя. Посмотрите, не осталось ли каких следов в банке.

– Это опасное занятие – совать свой нос в финансовые бумаги частной корпорации. За такие проделки можно угодить в тюрьму.

– Знаю. Я догадываюсь, кто был покупателем, но мне нужны доказательства. Прошу прощения, Томми. Если вы откажетесь, я вас пойму.

– Нет-нет. От меня так просто вы не отделаетесь. Это очень интересно. Я разыщу нужную информацию. Где вас искать?

– Два дня я буду в «Таити», – ответил я. – Можете позвонить мне туда. Удачи.

Меня радовало, что Томми относится к моим просьбам и поручениям, как к забаве. Было неприятно просить его заниматься рискованными делами, но он сам охотно брался за них. Кроме того, он получал шанс расквитаться с «Блумфилд Вайс». Его выгнали, что еще ему терять?

Чем отчетливее вырисовывалась картина всей аферы, тем тревожней становилось у меня на душе. За всем этим стоял очень опасный человек. Дебби и Грег Шофман были убиты, едва они напали на след «Тремонт-капитала». Я шел по их стопам и не мог

чувствовать себя в безопасности. Но кое-что я уже узнал. Меня особенно радовала разгадка тайны «денежного станка дядюшки Сэма». Если Томми удастся найти ответы на мои вопросы, то я буду очень близок к решению всей проблемы. Я поработал неплохо, и даже Хамилтон будет вынужден это признать. Я докажу, что, доверившись мне, он сделал правильный выбор.

Шестнадцатая глава

До Лас-Вегаса мы летели с шиком. Для некоторых наиболее ценных инвесторов Ирвин Пайпер предоставил свой личный реактивный самолет. К моему удивлению, я тоже оказался в этой компании. Кроме меня на борту самолета были три-четыре представителя крупнейших инвестиционных банков, Джек Салмон, Мадлен Джансен, Кэш, Вайгель и Кэти.

Кэш чувствовал себя так, словно всю жизнь летал на подобных самолетах. Пайпер подготовил машину для перевозки в свое казино богатых любителей азартных игр. На борту имелся бар, где среди прочего стояло и несколько бутылок охлажденного шампанского. Кэш даром времени не терял и заставил едва ли не всех взять по бокалу. Через несколько минут салон заполнился веселой болтовней и смехом. Кэш был в своем амплуа.

Вайгель нашел телевизор и коллекцию порнографических видеофильмов. Он поспешил включить видеомагнитофон и с нескрываемым удовольствием просматривал фильмы. Кэти, которую Вайгель заставил сесть рядом с ним, отвернулась и уставилась в иллюминатор, всем своим видом демонстрируя отвращение.

Я сидел рядом с Мадлен Джансен. Шампанское досталось и нам. Мадлен подняла свой бокал.

– Ваше здоровье.

– Ваше здоровье.

Мы сделали по глотку. Пузырьки шампанского танцевали у меня на языке и щекотали в носу. На высоте шампанское всегда действует сильнее.

Я бросил взгляд в иллюминатор. Под нами расстилалась Аризонская пустыня. В этот момент мы пролетали над невысоким горным хребтом, где она собралась в коричневые, желто-оранжевые и черные складки. Скалы, песок и тени от слепящего солнечного света. Зелени нигде не было ни пятнышка. Насколько я мог видеть, единственным признаком присутствия человека в этом безжизненном краю была прямая автомагистраль, впрочем, тоже пустая. С высоты тридцати тысяч футов из салона с кондиционированным воздухом казалось, что пустыня скована холодом. Трудно было себе представить невыносимую жару, царившую на уровне песков.

Мадлен обернулась и бросила взгляд туда, где сидела Кэти.

– Кажется, в Финиксе вы были очень заняты, – сказала она.

Я залился краской.

– Да, прошу прощения. Похоже, я был не слишком вежлив, да? Надеюсь, вы простите меня?

– Да, конечно, – засмеялась Мадлен.

Я смутился. Оказывается, моя увлеченность Кэти ни для кого не осталась секретом. Но Мадлен, очевидно, лишь незло посмеивалась.

– Вы уже бывали в Лас-Вегасе? – спросила она.

– Нет, это будет мой первый визит. Мне очень интересно своими глазами взглянуть, что это такое. А вы?

– Раза два-три.

– На отдыхе или как инвестор?

– Нет, я здесь не отдыхала, – объяснила Мадлен. – Мне пришлось несколько раз инспектировать объекты наших инвестиций в городе.

– Эти инвестиции были связаны с бросовыми облигациями? – поинтересовался я.

– Да, большей частью, – ответила Мадлен, – хотя раза два мы участвовали и в обычных инвестициях в казино.

– В самом деле? – удивился я.

– Да. В сущности, «Таити» частично принадлежит и нам.

Наконец-то! Нашелся хоть один человек, который не собирался скрывать, что ему принадлежит.

– Это интересно. И какого вы мнения об этой операции? – спросил я.

Мадлен бросила на меня насмешливый взгляд.

– А какого мнения вы?

Я неловко поежился. Очевидно, эта женщина знала свое дело, и мне вовсе не хотелось прикидываться дурачком. С другой стороны, затея с казино никогда не вызывала у меня энтузиазма, даже задолго до того, как я узнал о темном прошлом Пайпера.

– Я плохо разбираюсь в игорном бизнесе, поэтому могу ошибаться, но, должен признаться, мне эта операция совсем не нравится.

– И почему же? – спросила Мадлен. На ее губах играла легкая улыбка.

– Я не убежден, что игорный бизнес надежно защищен от последствий экономического спада, особенно та его часть, которая связана с семейным отдыхом. Все очень просто – в период депрессии меньше отдыхающих уезжают далеко от дома. А в экономических прогнозах вообще не учтена такая ситуация, когда значительная часть номеров и столиков будет пустовать.

Мадлен с интересом посмотрела на меня.

– Продолжайте, – сказала она.

– И еще сам Ирвин Пайпер. Нет сомнения, он – очень опытный инвестор. Но у меня такое ощущение, что для него «Таити» – это в первую очередь возможность самовозвеличения. Он намерен построить самый эффектный отель в мире и ради достижения этой цели, кажется, способен на финансовые нарушения. – Я вздохнул. – Честно говоря, я просто не доверяю ему.

Мадлен долго сверлила меня серьезным взглядом.

– Думаю, вы правы, – сказала она наконец.

– Тогда почему вы согласились инвестировать проект? – спросил я.

– Согласилась не я, а «Амалгамейтед ветеранс», – ответила она. – Идея принадлежала одному из моих сотрудников, и он отстаивал ее с исключительной настойчивостью. У него было много разумных доводов. «Таити» станет одним из популярнейших казино в мире,

а Арт Бакси давно завоевал репутацию доки по привлечению посетителей. Но мне казалось, что вся эта затея дурно пахнет. Я ничего не могла поделать. В результате мой сотрудник настоял на своем, и мы включились в финансирование проекта. В конце концов речь шла всего лишь о тридцати пяти миллионах долларов.

– Как это «всего лишь о тридцати пяти миллионах»? – не понял я. – Это же колоссальные деньги.

Мадлен улыбнулась.

– Я контролирую более пятидесяти миллиардов. Инвестировать такие суммы очень трудно. Мы вкладываем по пятьдесят миллионов или меньше в сотни крохотных объектов, вроде «Таити».

Я уже привык иметь дело с миллионами долларов, но мне было трудно даже представить себе гигантский размах американского бизнеса страхования. Компании вроде «Амалгамейтед ветеранс лайф», «Пруденшл» или «Этна» распоряжались суммами, превосходящими стоимость валового национального продукта большинства стран.

– Как бы то ни было, похоже, у нас все будет в порядке. Мы финансировали завершение строительства отеля. Если бросовые облигации будут удачно размещены, то мы вернем вложенные деньги, а в лучшем случае получим неплохую прибыль.

– Какую прибыль? – поинтересовался я.

– Около восьмидесяти процентов, – ответила Мадлен. – Совсем неплохо для инвестиции сроком на полтора года.

Если сделать скидку на хвастовство Джека Салмона. то восемьдесят процентов точно соответствовали его прогнозам о стопроцентной прибыли «Финикс просперити».

– Но если вы уверены в том, что скоро вернете вложенные деньги, то зачем вам смотреть «Таити»? – спросил я.

Мадлен на минуту задумалась.

– Я не хотела вас отпугивать, но поскольку у вас уже сложилось собственное мнение, то теперь это не имеет значения. Я не уверена, что новые бросовые облигации будут выпущены. Кажется, у кого-то возникли серьезные вопросы относительно личности Пайпера. Посмотрим.

Если бы инвесторы знали о Пайпере то, что стало известно мне, подумал я, то у них действительно возникли бы серьезные вопросы. А владельцы акций «Таити», подобные «Амалгамейтед ветеранс», не удвоили бы вложенные деньги, а скорее всего большую часть их потеряли.

– Кто еще вкладывал деньги в «Таити»?

– Кроме самого Ирвина Пайпера, есть еще один крупный инвестор, – сказала Мадлен. – К сожалению, я не могу назвать вам его имя.

– Это случайно не тот сумасшедший ссудо-сберегательный банк из Аризоны?

– К сожалению, я не могу сказать ни да, ни нет. Впрочем, признаюсь, что имя второго инвестора не убеждает меня в надежности нашего вложения.

Как раз в этот момент из хвостовой части салона до нас донесся взрыв хохота. Джек Салмон смеялся над очередным рассказом Кэша. Мы с Мадлен улыбнулись и обменялись понимающими взглядами.

«Таити» располагался на Стрипе – улице длиной мили три, которая вела из центра города и приютила все самые роскошные казино. Я сразу узнал «Таити». Большинство номеров отеля размещалось в высокой белой башне, имеющей форму восьмигранной призмы. К входу вела короткая пальмовая аллея. Огромные флаги над входом оповещали о предстоящем торжественном открытии.

«Таити» ошеломлял посетителя с первого взгляда. Фойе представляло собой огромный атриум, крыша которого на сто футов возносилась в небо. Пол образовывали острова, соединенные широкими переходами над настоящей морской водой. На островах располагались рестораны, бары, прилавки для тех, кому нужно было лишь быстро перекусить, и, конечно, непременные игральные автоматы. Прогуливаясь по этому рукотворному архипелагу, я поражался особой атмосфере, где аромат тропических цветов мешался с солоноватым привкусом морской воды, что вполне соответствовало моему представлению о южных морях. В воде плавали яркие многоцветные рыбы и черепахи, под ее поверхностью угадывались очертания коралловых рифов. Водный бассейн в одном из углов атриума был отделен решеткой. Там воду бороздили треугольные

спинные плавники акул. Среди деревьев изящно скользили красивые женщины, их юбки из пальмовых листьев и трав дополняли цветочные гирлянды; они разносили напитки и меняли деньги для автоматов.

Я поднялся в свой номер, чтобы принять душ и побриться. Мне предоставили апартаменты, предназначенные для богатых любителей азартных игр, хотя, возможно, не самые лучшие. От показной роскоши меня затошнило. Повсюду пурпурный бархат и золото, ковры, в которых мои ноги утопали по щиколотку, огромная ванна в форме сердца, кровать размером с небольшую комнату. Над кроватью располагалась сложная панель управления. Я осторожно нажал пару кнопок. Кровать начала колебаться самым необычным образом. Я еще раз нажал на те же кнопки, и кровать успокоилась. Я решил больше не испытывать судьбу; мне оставалось только надеяться, что кровать управляется не таймером.

Я вышел на небольшой балкон. Прямо подо мной оказался огромный плавательный бассейн с голубой водой. Этот бассейн тоже был усеян островами. Купающиеся могли пить прохладительные напитки и кормить монетами игральные автоматы, не вылезая из воды.

Увидев девушек в купальниках, я вспомнил Кэти. Невольно улыбнувшись, я вернулся в комнату и набрал ее номер. Телефон не отвечал, поэтому я сказал автоответчику, чтобы Кэти позвонила мне, когда вернется.

Потом я отправился в казино. Вопреки болтовне Пайпера о богатых приверженцах азартных игр, большая часть казино была отдана обычным людям с улицы,

которые могли оставить тут в лучшем случае долларов сто за вечер. Здесь было несколько больших игровых залов, тоже декорированных в стиле южных морей, с гектарами столов для игры в рулетку, очко и кости. За исключением игры в кости, во время которой игроки, очевидно, привыкли орать, все остальные священнодействия происходили в почти могильной тишине. Игроки торжественно отдавали свои деньги крупье, которые быстро и профессионально возвращали выигранную долю.

И, конечно, здесь повсюду стояли игральные автоматы. Один бесконечный ряд автоматов за другим, рядом с каждым свое человеческое существо, ритмично кормившее машину монетами. Здесь не было окон. День ли, ночь ли, машинам было все равно, а люди делали то, на что их толкали. Мне хватило двухчасовой экскурсии по «Таити», чтобы потерять способность видеть буквально все, кроме сияния люстр, мелькания долларовых банкнот и тысяч поразительно похожих одно на другое человеческих лиц, которые выражали одну мысль, одно желание – выиграть. Мне стало не по себе. В шутку я как-то сказал Пайперу, что азартная игра – моя профессия, но почему-то возбуждение казалось более естественным, когда его вызывает мелькание зеленых цифр на экранах за моим столом, а не бесконечный поток наличных денег в Лас-Вегасе. Впрочем, возможно, я, как и сотни людей, самозабвенно бросавших монеты в игровые автоматы, был просто загипнотизирован атмосферой азарта.

Я проглотил сэндвич и в подавленном настроении отправился спать.

Это был грандиозный спектакль для двух актеров. Пайпер в своем строгом легком костюме держался свободно, но излучал надежность и уверенность. Арт Бакси, специалист по организации публичных развлечений и зрелищ, был в своем амплуа. На этих двух актерах лежала огромная ответственность – они должны были уговорить аудиторию раскошелиться на двести миллионов долларов.

Пайпер умело подготовил потенциальных инвесторов. Рассудительно и очень убежденно он в общих словах рассказал о тех исключительных финансовых возможностях, которые предоставляет «Таити». Потом он привел ряд цифр, подкрепив их сравнительным анализом, и изложил стратегию финансового успеха казино. Пайпер говорил ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы не успеть наскучить слушателям и в то же время убедить их, что «Таити» находится в надежных руках. Несмотря на кажущуюся сдержанность, Пайпер сумел заразить аудиторию свсим восторгом, своей уверенностью. Да и разве можно было не поверить этому высокому, элегантному, загорелому мужчине в строгом костюме? Его манера говорить годилась скорее для Гарвардского клуба, чем для казино. Несмотря на первое впечатление, «Таити» должно быть респектабельным, консервативным заведением, иначе зачем бы такой уважаемый джентльмен, как Ирвин Пайпер, связывался с ним?

Потом наступила очередь Арта Бакси. Невысокий, с дочерна загорелым лицом, с копной седых волос, Бакси поражал своей энергией. Он ни секунды не стоял на месте, а если все же иногда на мгновение замирал в выразительной позе, то лишь для того, чтобы мы поняли всю глубину только что высказанной им мысли. После

изящной речи Пайпера его грубоватый, слишком прямой язык слегка покоробил аудиторию, но уже через минуту своим энтузиазмом он очаровал всех. Продавать было призванием Бакси, а «Таити» – мечтой всей его жизни. Он использовал все свое искусство. Он рассказал нам о своем детстве, о своих родителях – карточных шулерах, о том, как он сам с детства играл в карты. История о превращении нехорошего мальчишки в образцового бизнесмена удачно впитывала в себя основные элементы «великой американской мечты». Потом Бакси во всех подробностях рассказал, насколько это сложное занятие – руководить казино, как сделать так, чтобы крупье не прикарманивали деньги, как выводить на чистую воду шулеров, как с помощью компьютеров учитывать личные склонности богатых игроков, какие рекламные расходы могут оправдать себя. Мы были покорены. Думаю, большинство инвесторов уже мысленно согласились отдать деньги.

Потом Пайпер и Бакси устроили экскурсию по казино. Если смотреть на игорные залы глазами Бакси, то их монотонная навязчивость куда-то исчезала. Мы видели роскошь, блеск, поразительные технологические эффекты. Бакси показал нам кабинеты для игры тех, кто купались в деньгах, были облечены властью. Я заметил, что по возвращении в конференц-зал многие гости Пайпера были готовы тут же выписывать чеки.

– Прошу задавать вопросы.

Молчание. Ни единого вопроса о прошлом Пайпера. Ни одного неудобного вопроса о снижении доходов от автоматов по сравнению с игорными столами, о платежах богатых игроков, о стоимости проезда до казино для «голубых воротничков». Самые циничные инвесторы

были околдованы грандиознейшим казино на планете. Во всяком случае пока околдованы.

Я, насколько мог, тщательно оценил ситуацию и встал.

Пайпер чуть заметно сдвинул брови, что должно было означать намек на неодобрение.

– Да?

– У меня два вопроса к мистеру Пайперу, – начал я.

Немногие удостоили меня почти равнодушными взглядами. В Лас-Вегасе, царстве азартных игр, мой английский акцент звучал совершенно неуместно. Пайпер мерил меня жестким взглядом.

– Во-первых, изучала ли Комиссия по азартным играм штата Невада ваши предыдущие инвестиции?

Аудитория немного зашевелилась. Пайпер словно окаменел.

– Во-вторых, не можете ли вы сказать несколько слов о финансировании клиники для реабилитации богатых бизнесменов в Британии?

Я сел. Инвесторы реагировали на мои вопросы по-разному. На лицах некоторых отразилось неодобрение; по их мнению, своими дешевыми намеками я лишь пытался испортить настроение этим великим людям и опорочить грандиозное казино. Несколько человек, в том числе и Мадлен Джансен, выпрямились и насторожились.

Пайпер поднялся. Как всегда, он был выдержан и невозмутим.

– Я с удовольствием отвечу на эти вопросы. Комиссия очень тщательно проверяет всех аппликантов, желающих получить лицензию. Что касается второго вопроса, то у меня очень большой портфель инвестиций. Полагаю, несколько лет назад у меня действительно были проекты, связанные с недвижимостью в Англии, но я не могу помнить детали всех инвестиций. Другие вопросы?

Беглым взглядом Пайпер обвел аудиторию. Для него наступил очень опасный момент, до сих пор он полностью владел настроением присутствующих. Но он, в сущности, так и не ответил на мои вопросы. Если кому-то придет в голову потребовать уточнений, то у инвесторов могут возникнуть сомнения. Однако я не собирался настаивать. Своей цели я уже достиг. Пайпер понял, что я в курсе его прежних дел и могу рассказать об этом другим. Я бросил взгляд на Мадлен. Она открыла рот, будто собираясь задать вопрос, но Пайпер уже объявил о закрытии презентации. Мадлен медленно собирала бумаги, взглядом разыскивая меня. Я отвернулся.

Через полчаса, когда я пил кофе в атриуме, ко мне подошел посыльный.

– Прошу прощения, сэр, мистер Пайпер приглашает вас к себе в номер.

Много времени ему не потребовалось, подумал я, поставил чашку и вслед за посыльным пошел к лифтам.

Номер Пайпера был на последнем этаже отеля. Обстановка в нем совершенно не вязалась с интерьером всего «Таити». Здесь не было ни обитой пурпурным бархатом мебели, ни огромных зеркал, ни позолоты. Обстановку номера составляла антикварная английская мебель: изящный диван, шесть кресел с прямыми

спинками и обивкой ручной вышивки, небольшой письменный стол и два-три полированных столика. Все это стояло на огромном светло-голубом шелковом ковре, украшенном сложными древне-персидскими или индийскими орнаментами. Английская обстановка казалась нелепой на фоне огромного, от пола до потолка, окна, открывавшего вид на белое здание соседнего казино, на грязно-серые и бурые постройки и неоновые огни Лас-Вегаса. Вдали за ними уходила в бесконечность пустыня.

Кроме Пайпера, в номере никого не было. Он жестом предложил мне сесть. Я осторожно опустился на внешне хрупкий георгианский диван, а Пайпер сел в высокое кресло красного дерева. От его цивилизованной вежливости не осталось и следа. Пайпер был в гневе.

– Что вы хотели там сказать, черт вас побери? – прорычал он. – Я вам не какой-нибудь нищий сейлсмен, с которым можно шутить. В этом городе у меня достаточно власти. У меня деньги, у меня адвокаты. Если вы еще раз упомянете «Блейднем-холл» или хотя бы намекнете на него, я предъявлю вам иск. Я предъявлю вам такой иск, что и через сто лет ваши правнуки будут выплачивать ваш долг.

Разозленный Пайпер определенно производил впечатление. На мгновение он заставил меня занять оборонительную позицию – вывести из себя столь могущественного человека, конечно, было ошибкой. Но это у меня быстро прошло.

– Я полагал, что вас может заинтересовать вот это, – сказал я, расправляя газету, которую принес под мышкой.

Это была «Сан» двухлетней давности. На второй странице под заголовком «Удачное бегство пройдох из Сити» была помещена фотография «Блейднем-холла» и статья о том, какую помощь в расследовании оказал полиции мистер Ирвин Пайпер. Далее шли весьма прозрачные намеки на грязные оргии бизнесменов.

Пайпер побагровел.

– Если вы осмелитесь показать эту статью кому бы то ни было, я немедленно направлю к вам моих адвокатов. Это в том случае, если раньше я сам не разорву вас на куски.

Как ни странно, но бешенство Пайпера подействовало на меня успокаивающе.

– Под «моими адвокатами» вы, вероятно, имеете в виду и Дебби Чейтер?

– Ха! Это она вам так сказала? Я предъявлю иск и этой гадине Денни.

– Она больше не работает в «Денни энд Кларк», – сказал я.

– Мне наплевать, где она работает. Если она нарушает конфиденциальность отношений между клиентом и адвокатом, то ей несдобровать.

– Ее больше нет, – сказал я. – Ее убили.

Мои слова заставили Пайпера на секунду замолчать.

– Думаю, она это заслужила, – проговорил он. – Меня не удивляет, что кто-то захотел ее убить.

– Это были не вы? – спросил я.

– Не будьте смешным. И не вздумайте повторить это гнусное обвинение.

– Вам известно, кто ее убил?

– Конечно, нет. Я ее почти не помню. Последний раз видел много лет назад.

Я поверил Пайперу. Его не на шутку напугало мое упоминание о «Блейднем-холле», но слова о Дебби он почти пропустил мимо ушей.

– Вы знакомы со ссудо-сберегательным банком «Финикс просперити»? – спросил я.

– Слышал о таком, – ответил Пайпер, снова сбитый с толку.

– Верно ли, что этот банк вкладывал деньги в строительство «Таити»?

– Это сугубо конфиденциальная информация.

– Вы знаете, что деньги, вложенные «Финикс просперити» в «Таити», получены обманным путем?

Для меня было совершенно очевидно, что этого Пайпер не знал. Он нахмурился, соображая, что сказать. Ему стоило немалых усилий взять себя в руки. Гораздо более спокойным тоном он произнес:

– Я не привык отвечать на клевету или шантаж, мистер Марри. Будьте добры, покиньте мой номер, и если я еще раз услышу от вас нечто подобное, вы знаете, что я сделаю.

Я не покинул номер мистера Пайпера. Я поднялся с хрупкого дивана и подошел к огромному окну. Мы находились на большой высоте. Затемненные окна не пропускали ни шума, ни ослепительного солнечного света, ни жары Лас-Вегаса. Город лежал где-то далеко внизу.

Я повернулся к Пайперу.

– Я не собираюсь вас шантажировать. Я просто встревожен. Меня беспокоит, что месяц назад убили мою коллегу. Мне не дает покоя мысль о том, что у моей фирмы обманом вытянули миллионы долларов, которые теперь вложены в ваше казино. Уверен, такие факты обеспокоили бы любого честного бизнесмена, в том числе и вас. В конце концов такие фокусы могут сильно навредить репутации. Чтобы узнать, кто стоит за всем этим, возможно, в будущем мне потребуется ваша помощь. Уверен, вы мне ее охотно окажете. Я же со своей стороны обещаю впредь не упоминать о «Блейднем-холле».

Я улыбнулся и протянул Пайперу руку. Он демонстративно отвернулся. Я пожал плечами и ушел.

Личный скоростной лифт Пайпера быстро доставил меня на первый этаж. Разговор с Пайпером поднял мне настроение. Я загнал его в угол, а это мне и было нужно. Я перешел в другой лифт и поднялся в свой номер. Следовало многое обдумать.

Минут через десять зазвонил телефон. Это был Томми.

– Мне удалось раскопать такое, что определенно вас заинтересует, – начал он.

Я переключился на проблему «Тремонт-капитала».

– Рассказывайте.

– Так вот, во-первых, вы просили меня узнать о перекупке «Финикс просперити». Я подумал, что тут не обошлось без Вайгеля и попросил Джин порыться в его бумагах. Хотите узнать подробности?

– Да, пожалуйста.

– Все началось с письма Говарда Фарбера, в ту пору владельца и исполнительного директора «Финикс просперити». Он сообщал, что банку предстоят очень нелегкие времена и что, по-видимому, он скоро встанет перед выбором – или объявить себя банкротом, или продать банк. Это было два года назад.

Через три месяца Вайгель в ответе Фарберу сообщил, что он нашел покупателя. Покупателем оказался – подумать только! – наш старый знакомый «Тремонт-капитал». У Вайгеля сохранилась целая гора бумаг по оформлению сделки. «Тремонт» вложил сорок миллионов долларов, а взамен получил девяносто процентов акций банка. Говард Фарбер остался исполнительным директором, а ответственным за связь банка с держателем контрольного пакета, то есть с «Тремонт-капиталом», был назначен некий Джек Салмон.

– Очень интересно.

– Да. И знаете, что еще интересно?

– Что же?

– «Блумфилд Вайс» запросил за консультации всего двадцать пять тысяч долларов. Не могу припомнить случая, чтобы «Вайс» ввязывался в такие дела за сумму меньше одного процента, что в этом случае составило бы четыреста тысяч долларов.

– Думаю, Вайгель не хотел требовать слишком многого от самого себя, – сказал я. – Блестящий пример конфликта интересов. Это великолепно! Вы отлично поработали. Узнали еще что-нибудь?

– Я – нет, но полиция узнала. Наконец-то нашли тело Шофмана. В лесу, в Монтеклере, штат Нью-Джерси.

– Удалось выяснить, как он был убит и кем? – спросил я.

– Нет. Прошло слишком много времени, и даже опознать убитого было довольно сложно. Полиция еще ведет расследование, но без особой надежды на успех.

– Черт! А я так надеялся, что как-то удастся связать его смерть со всем другим.

– Такая связь есть.

– Какая же?

– Джек Вайгель живет в Монтеклере.

– В самом деле? – переспросил я, впрочем, без особого удивления. – Хорошо, Томми. Большое спасибо за все, что вы сделали. Вы можете послать копии документов в мою компанию, в Лондон?

– Конечно, – ответил Томми. – Это доставит мне удовольствие. Дайте мне знать, если у вас будет что-то новое.

– Обязательно. Еще раз спасибо, – сказал я и положил трубку.

Итак, постепенно все становилось на свои места. Теперь в моих руках была почти вся информация, необходимая для того, чтобы собрать головоломку. Я достал несколько листов бумаги и следующие два часа посвятил тому, чтобы возможно более полно описать «Тремонт-капитал» и финансирование строительства «Таити», отмечая участие конкретных людей. Схема в

общих. чертах была готова, но у меня еще не было ответа на главный вопрос – почему убили Дебби?

В том, что ее убили, у меня не было ни тени сомнений. Мне представлялось наиболее вероятным, что ее смерть как-то связана с «Тремонт-капиталом». Самым подходящим кандидатом на роль убийцы был Вайгель, а то, что труп Шофмана обнаружили недалеко от его дома в Монтеклере, доказывало, что он действительно способен на убийство.

Но если верить ежедневнику Вайгеля, то в ночь убийства Дебби он был в Нью-Йорке. И незадолго до убийства я видел Джо, а не Вайгеля. Была ли какая-то связь между Вайгелем и Джо? Я об этом ничего не знал, но не исключал, что Джо поддерживал связь с Кэшем, а тот – с Вайгелем. Я не сомневался, что Кэш тоже замешан в этой истории. В конце концов ведь именно он продал облигаций «Тремонт-капитала» Хамилтону.

Что же касается мотивов, то я представлял себе примерно такой сценарий: Кэш каким-то образом пронюхал о том, что Дебби узнала о фальсификации облигации «Тремонт-капитала» и собиралась все рассказать мистеру де Джонгу. Ее нужно было заставить замолчать.

И все же... Я не был убежден. Джо сказал, что он не убивал Дебби, и я ему верил. Концы с концами не сходились.

Тем не менее я уже добился многого. Я позвонил Хамилтону. Его голос, как всегда, звучал уверенно.

– Итак, что вы выяснили, молодой человек?

– Кажется, я разобрался во всем или почти во всем, – сказал я, пытаясь скрыть нотки торжества в голосе.

– Рассказывайте, – живо откликнулся Хамилтон.

– Так вот, я почти уверен, что инициаторами аферы были Вайгель и Кэш. Вайгель разработал структуру аферы с участием «Тремонт-капитала», а Кэш продал вам облигации.

– Звучит вполне правдоподобно, – сказал Хамилтон. – Нам известно, что «Тремонт-капитал» получил деньги под фальшивую гарантию. А вы выяснили, куда ушли деньги?

– Думаю, да.

– Тогда не тяните, говорите.

– «Денежный станок дядюшки Сэма» – это система ссудо-сберегательных банков, точнее – ссудо-сберегательный банк «Финикс просперити». «Тремонт-капитал» купил девяносто процентов акций этого банка на деньги, вырученные от продажи облигаций. Теперь они с помощью «Финикс просперити» занялись очень рискованными инвестициями, используя для этого вклады, обеспеченные гарантиями правительства США. Одна из таких инвестиций – отель «Таити» Ирвина Пайпера.

– Он тоже замешан в афере с «Тремонт-капиталом»?

– Не знаю, – признался я, – Я даже не знаю, кому этот «Тремонт-капитал» принадлежит. Скорее всего, держателями акций являются Кэш и Вайгель, быть может, Пайпер тоже.

На другом конце линии замолчали. Я очень хорошо представлял себе, как Хамилтон обдумывает ситуацию.

– Итак, все сходится, – сказал он. – Вы великолепно справились с заданием. Великолепно. Теперь нам осталось только продумать, каким – способом вернуть наши деньги.

– Не следует ли сейчас заявить в полицию? – предложил я.

– Нет, только не сейчас – когда мы так близки к нашим деньгам. Как только мы вернем наши миллионы, тогда – пожалуйста, можете идти в полицию и рассказывать что угодно. Но не раньше, слышите меня?

Я слышал. Признаться, то, что я слышал, меня радовало. Теперь я был почти уверен, что мы с Хамилтоном найдем простой способ вернуть наши двадцать миллионов долларов.

– Я позвоню Руди Геру. Нужно узнать, нет ли чего нового у него. С нашей информацией мы сможем расколоть «Тремонт-капитал» и на нидерландских Антиллах. Очевидно, скоро мне снова нужно будет лететь в Кюрасао.

– Одного я не могу понять.

– Чего же?

Я поделился с Хамилтоном своими сомнениями о мотивах убийства Дебби.

– Да, я вас понимаю, – задумчиво протянул Хамилтон. – Нам предстоит узнать еще многое. Но, возможно, если мы найдем наши деньги, то они выведут нас на след убийцы Дебби.

– Хорошо, – согласился я. – Что мы делаем дальше?

Хамилтон ответил не задумываясь:

– Я связываюсь с Руди Гером. Я вылетаю в Кюрасао. И я думаю.

– А я?

– Не беспокойтесь, молодой человек, вы уже сделали достаточно. Изложите на бумаге все, что вы сейчас мне рассказали, и перешлите мне факсом. Потом отдыхайте, развлекайтесь. Встретимся в понедельник в нашем офисе.

Я положил телефонную трубку и подумал, что Хамилтон, должно быть, очень доволен мной, если сказал, чтобы я отдыхал. Сомневаться не приходилось, результаты моего расследования произвели на него большое впечатление.

Я вкратце нацарапал все, что мне удалось узнать, на двух листах бумаги и спустился в «бизнес-центр» отеля, чтобы отправить факс. Разумеется, отель «Таити» был буквально напичкан сложнейшими компьютерами, ксероксами, факсами и другими машинами, а две секретарши в любое время дня и ночи были готовы напечатать для вас все что угодно. Я отказался от их услуг и настоял на том, что сам отправлю факс Хамилтону.

Это заняло у меня две-три минуты, потом я опять направился к лифтам, обходя красавиц в травяных набедренных повязках и их растолстевших клиентов. В кабине одного из лифтов я увидел Кэти.

– Привет, – сказал я, в последний момент успев проскользнуть между закрывавшимися створками

дверей. – На автоответчике я оставил сообщение, вы слышали его? Как насчет того, чтобы попозже прогуляться по городу?

Кэти, внимательно рассматривая пол кабины, плотно сжала губы, потом сказала:

– Нет, думаю, мне лучше пораньше лечь.

– О, хорошо. В таком случае не хотите ли вместе поужинать?

– Нет, спасибо. Я уже обещала Кэшу и Дику. Это мой этаж.

Кэти вышла, едва удостоив меня взглядом.

Я нахмурился. К чему бы это? И с каких это пор Кэти стала охотно садиться за один стол с «ядовитой жабой»? Странно. Я шел по коридору к своему номеру, ощущая непонятную тревогу.

Чем больше я раздумывал, тем больше убеждался, что холодность Кэти была намеренной. Она решила меня избегать, она дала мне понять, что ей неприятно мое общество. Как ни горько было в этом признаться, другого объяснения просто не существовало.

Но почему?

Я бросился на кровать и, уставившись в потолок, стал размышлять. Я понятия не имел, отчего могло измениться отношение Кэти. Мне не приходило в голову, чем я мог оттолкнуть ее. Я был озадачен и огорчен. Если я потеряю Кэти, это будет нелегко пережить. Очень нелегко.

Будь я проклят, если стану просто смотреть, как Кэти уходит, отделавшись банальными извинениями вроде того, что она очень занята. Если она

действительно решила избегать меня, то по крайней мере я имею право знать почему.

Я набрал ее номер. После пятого звонка я положил трубку. Очевидно, Кэти не было у себя, но я звонил снова и снова – просто на всякий случай.

В конце концов я сдался, спрыгнул с кровати и принялся шагать по спальне. Мне нужно было выяснить, в чем тут дело. Обязательно.

Я решил побродить по отелю – вдруг мне посчастливится и я случайно столкнусь с Кэти. Даже если мои надежды не оправдаются, это все же лучше, чем в одиночестве хандрить в номере.

В холле Кэти не было. Я заглянул во все бары и кафе, осмотрел все островки и игральные автоматы, обошел все пальмы. Я намеренно замедлял шаг, чтобы хоть немного повысить вероятность натолкнуться на Кэти.

Нет, это просто смешно, сказал я себе. Я понятия не имел, где она сейчас. Возможно, уехала в город или отправилась в другое казино на Стрипе. Я устал от бесцельного блуждания по фойе и вышел в сад. Там, где лишь два месяца назад была строительная площадка, теперь зеленела трава, рос кустарник, шелестели пальмы. Все растения беспрерывно орошали дождевальные установки. В зоне пустынь темно-зеленая листва и пурпурные цветы выглядели противоестественно.

Побродив полчаса по саду, я решил вернуться в отель. В фойе я оглянулся по сторонам в надежде увидеть Кэти. К своему удивлению, на этот раз я в самом деле увидел ее. Она шла по фойе, направляясь к выходу

из отеля. Я ускорил шаг и догнал ее на одном из мостиков, соединявшем два острова.

– Добрый вечер, – сказал я.

– Добрый вечер, – не останавливаясь, ответила Кэти.

– Я хотел бы с вами поговорить.

– К сожалению, сейчас у меня нет времени. Я очень тороплюсь. Может быть, позднее.

Я обогнал Кэти и встал на ее пути.

– Послушайте, – сказал я, – мне нужно с вами поговорить, и рано или поздно я это сделаю. Можно покончить с этим сейчас. Иначе вы от меня не отделаетесь. Хорошо?

Кэти бросила на меня хмурый взгляд и кивнула.

– Хорошо.

Мы стояли на островке, на котором не было ничего, кроме нескольких кресел и столика. Мы сели.

– Мне нужно одно – понять, – начал я. – За последние дни я узнал вас. Узнал довольно хорошо. И чем больше я вас узнаю, тем больше вы мне нравитесь. Мы понимаем друг друга. Я это вижу и думаю, вы тоже. Поэтому мне необходимо понять...

Кэти смотрела в одну точку прямо перед собой.

– Понять что?

– Понять, что я сделал не так. Понять, почему сегодня утром вы решили избегать меня. Почему вы не хотите говорить со мной сейчас.

Кэти немного раскраснелась.

– Я не пытаюсь вас избегать. Просто у меня есть другие дела, вот и все. – Кэти видела, что ее слова не убедили меня. Я ждал. Она вздохнула. – Ладно, вы правы. Вы заслужили хотя бы объяснений.

Она по-прежнему смотрела не на меня, а скорее на пальму перед собой.

– Я успела привыкнуть к вам. Мне хорошо с вами. Когда вас нет рядом, я с нетерпением жду следующей встречи.

Я улыбнулся Кэти, но она все еще избегала смотреть мне в глаза.

– Я испытываю такие же чувства, – сказал я. – Так в чем же дело?

– Когда мы летели сюда из Нью-Йорка, я сидела рядом с Вайгелем. Мы болтали о том, о сем. И о вас. – Кэти сжимала и разжимала руки, решительно отказываясь хотя бы взглянуть в мою сторону. – Он сказал, что ему кажется, будто между вами и мной что-то есть. Он сказал, что ему это не нравится. И еще он сказал, что это непрофессионально, это плохо отразится на моей карьере.

Я разозлился.

– Вайгель меня ненавидит, и вам это хорошо известно. Какая разница, что он думает?

Понизив голос, Кэти добавила:

– Он сказал, что если это будет продолжаться, то меня выгонят с работы.

Я взорвался.

– Он совсем спятил. Он не может вас выгнать.

– Может, еще как может. Они с Кэшем старые друзья, вы забыли? Он сказал, что заставит Кэша следить за тем, чтобы мы с вами не встречались. Он сказал, что в фирме давно сомневаются в моем будущем и что небольшого намека от него и Кэша будет вполне достаточно, чтобы меня тут же выгнали.

– Он блефует.

Кэти повернулась ко мне, и в ее глазах сверкнул гнев.

– Нет, не блефует. Вы правы, вы ему не нравитесь. Больше того, он ненавидит вас. И он пойдет на все, чтобы добиться своего.

– Но если вспомнить все, что он говорил вам, его наглые домогательства, то вы могли бы выгнать его, а не он вас.

Кэти невесело усмехнулась.

– Нужно быть сумасшедшим, чтобы возбудить дело против «Блумфилд Вайс» за сексуальные оскорбления. Даже если я выиграю, мне придется уйти.

– Что ж, в таком случае пошлите «Блумфилд Вайс» к черту. Вы же терпеть не можете эту фирму. Вы это сами говорили. Так плюньте на нее.

По реакции Кэти я сразу понял, что мне не следовало так говорить.

– Вам легко давать советы, – сказала она, – но ведь речь идет о моей карьере. Вы знаете, как трудно приходится женщине в нашем бизнесе. Нас никто не принимает всерьез, а подонки вроде Вайгеля уверены, что мы – обыкновенные шлюхи, которые только и могут, что соблазнять клиентов ради успехов фирмы. Так вот, я

докажу, что Вайгель неправ. Я уже многое отдала этой работе. То, чего я достигла, далось мне нелегко, и я не намерена так просто сдаваться.

– Хорошо, хорошо, прошу прощения, – сказал я. – Но ведь разумнее подбирать работу по характеру, а не наоборот.

– О, понимаю. Значит, как только я полюблю какого-то мужчину, мне нужно уходить с работы и срочно учиться кулинарному искусству и ведению домашнего хозяйства, – саркастически протянула Кэти.

– Я не это имел в виду, – запротестовал я.

– Конечно, конечно. Тогда что же?

Разговор принимал какой-то странный оборот. Вайгель шантажировал Кэти, заставляя ее отказаться от меня, а мы почему-то стали обсуждать право женщины на деловую карьеру. Я раздумывал, как лучше ответить Кэти, но опоздал.

– Послушайте, я думала, что вы мне нравитесь, но ведь в сущности я вас совсем не знаю, – продолжала Кэти. – И в любом случае ради вас я не намерена рисковать годами работы. Вот и все.

Она встала, повернулась и быстро зашагала назад к лифтам.

Я был вне себя от ярости, руки сами собой сжимались в кулаки так, что костяшки пальцев побелели, все мои мышцы напряглись. Каков же мерзавец этот Вайгель! С тех пор, как мне стало известно о его роли в афере с «Тремонт-капиталом», я стал презирать его еще больше. Скорее всего, именно он убил Шофмана. Возможно, он имел какое-то отношение и к убийству

Дебби. Он преследовал Кэти самым отвратительным образом. А теперь к тому же заставил ее отвернуться от меня. Мое презрение переросло в ненависть. Я доберусь до этого ублюдка. Я прижму его к стенке.

Я был зол и на Кэти. Девушка, которая нравилась мне все больше и больше, вдруг снова превратилась в самоуверенную женщину-бизнесмена из «Блумфилд Вайс». Но, возможно, тут я был не прав. Быть может, и в самом деле было неразумно надеяться, что ради меня Кэти станет рисковать работой. К несчастью, я не мог заставить себя рассуждать беспристрастно. Впервые в жизни я приоткрыл свою душу, не стал скрывать свои чувства, и теперь Кэти с Вайгелем могли дергать меня за обнаженные нервы.

Я подошел к одному из бесчисленных баров и заказал пиво. На вторую половину дня было запланировано посещение двух других казино, также выпустивших бросовые облигации. Я решил, что без этой экскурсии обойдусь.

Первый бокал я осушил за две минуты и заказал второй. Постепенно я начал успокаиваться. Я осмотрелся. В огромном атриуме сновали сотни людей. Одни из них куда-то торопились, но большинство просто слонялись без дела. Я заметил несколько знакомых лиц. Потом я чуть не поперхнулся пивом: от стола администратора ко мне направлялся Роб! Что он здесь делает, черт побери? Он же должен быть в нашем лондонском офисе или на своем симпозиуме в Хаунзлоу.

Потом я увидел, что Роб несет большой букет желтых цветов. О Боже! Я понял, зачем он здесь. Он собрался совершить тот самый романтический поступок, о котором говорил как-то вечером в «Глостер армз».

Роб шагал уверенно, а проходя мимо меня, не остановился, а лишь осклабился.

– Закрой рот, Пол, в таком месте ты можешь проглотить неизвестное науке насекомое, – сказал он и направился к лифтам.

Только теперь я понял, что и в самом деле смотрел на Роба с открытым ртом. Я проводил его взглядом до самого лифта.

Потом мне ничего не оставалось, как ждать его возвращения. Что скажет ему Кэти? После нашего разговора она едва ли примет его ухаживания. Или все же примет? От одной этой мысли я похолодел. Я вынужден был признать, что Роб додумался-таки до действительно романтического жеста. Но Кэти – разумная девушка. Она не попадется на эту удочку, правда же?

Десять минут я не сводил взгляда с лифтов. Наконец показался Роб. Он увидел, что я еще не ушел из бара, и по островкам стал пробираться ко мне. Его лицо было бесстрастным, по нему я не мог догадаться, был он отвергнут или нет. Очевидно, он намеренно подавлял свои эмоции. Зачем?

Роб подошел и молча встал возле меня. «Скажи хоть что-нибудь!» – хотелось крикнуть мне. Мне нужно было знать, как приняла его Кэти.

Вместо этого я сказал:

– Здравствуй, Роб.

– Ты – дерьмо, – медленно выговорил он, глядя мне прямо в глаза.

– Почему? Что такого я сделал? – на удивление беспомощно, охрипшим голосом попытался возразить я.

– Ты – самое настоящее дерьмо, – повторил Роб. – Я встретил девушку, с которой хотел прожить всю оставшуюся жизнь. Я пролетел шесть тысяч миль только для того, чтобы сказать ей об этом. И что же я увидел? Мой друг уже занял мое место.

Она рассказала мне про тебя все, – горько продолжал Роб. – Хуже всего то, что ты не мог не знать, каково придется мне. Ты притворялся, что она тебе не нравится, старался уговорить меня отказаться от нее, а сам тем временем строил свои планы.

На глазах у Роба выступили слезы.

– Роб, все вовсе не так... – начал я.

– Пошел ты к ... матери! – выкрикнул Роб. – Этого я тебе не забуду. Вы так просто не отделаетесь. Ни ты, ни она. Я ее убью. И тебя тоже.

Роб умчался, сбив на ходу гору кокосовых орехов и заставив завертеться волчком резиновую колибри.

Я залпом осушил бокал и заказал третий. По какому праву Роб так говорил со мной? Он с ума сошел, если всерьез рассчитывал на то, что Кэти может принять его ухаживания. Она ему уже говорила, что о нем думает. К тому же я не сделал ничего плохого. Я не собирался назло Робу ухаживать за Кэти. Я нисколько не кривил душой, когда сказал Робу, что она мне не нравится. Что произошло, то произошло, вот и все. Я ничего не мог поделать.

Таким разозленным видеть Роба мне еще не приходилось. Судя по всему, его угроза убить меня и

Кэти была вполне серьезной. Я пожал плечами. Роб остынет не скоро, подумал я. Нужно было вести себя осторожней. Я чувствовал себя прескверно, следовало бы раньше понять, что Роб не придет в восторг от любых известий о каких-либо отношениях между мной и Кэти.

Потом мне стало жаль его. Бедняга! Для него билет до Лас-Вегаса – это целое состояние. Быть отвергнутым, пролетев столько тысяч миль, – это само по себе достаточно неприятно. Но Роб был не просто отвергнут, к этому он привык. Отказ усугубляло то обстоятельство, что между ним и целью его ухаживаний оказался друг.

Я подумал, не попытаться ли мне найти Роба и извиниться перед ним. Нет, из этого ничего не получится, по крайней мере сейчас не получится. Он не поверит ни одному моему слову. Скорее всего он лишь еще больше меня возненавидит. Наверно, лучше пока избегать его в надежде, что время все излечит.

Но, слава Богу, Кэти не сказала Робу «да». Больше того, если верить Робу, то Кэти рассказала ему обо мне. Что она ему говорила? Должно быть, она призналась, что между нами установились какие-то особые отношения, какая-то связь. Иначе Роб не был бы так зол на меня. Может быть, она решила отбросить страхи, что ее обвинят в «непрофессионализме»? Может быть, она сожалела, что поверила Вайгелю? Мне нужно было это узнать.

Я поднялся в номер и позвонил Кэти.

– Алло? – откликнулась она.

– Это я, – сказал я. – Мне пришла в голову мысль, что, возможно, вы передумали. Приглашение на ужин еще сохраняет силу.

– Что вы там в «Де Джонге», все с ума посходили? – рассерженно ответила Кэти. – Все такие назойливые. Нет, сегодня вечером я никуда не пойду. Я хочу, чтобы меня оставили в покое. И меня и мою работу, понятно?

– Хорошо, хорошо, – сказал я и положил трубку.

Вечер был окончательно испорчен. Мысли о Кэти не давали мне покоя, они мучили меня все больше и больше. Я потерял способность здраво рассуждать, в моем воображении все приобретало нелепые пропорции.

Я заказал в номер бифштекс и бутылку калифорнийского зинфанделя, съел мясо, запил его вином и лег. Мне казалось, что я не мог заснуть целую вечность, хотя, возможно, я ворочался в постели всего час. В конце концов алкоголь, тяжкие раздумья и неопределенные опасения сделали свое дело, мой мозг устал, и я заснул.

Семнадцатая глава

Солнце уже осветило серые громады из стекла и бетона, выстроившиеся вдоль Грейсчерч-стрит, когда я привычно влился в толпу служащих, спешивших в свои офисы. Было уже без пяти девять, значительно позже моего обычного времени, и улицу заполонили потоки людей. Устав от долгого перелета, от смены часовых поясов, я позволил себе утром отдохнуть.

Из Финикса я вылетел в Лос-Анджелес, а оттуда – прямым рейсом в Лондон. Двенадцать часов в самолетах плюс четыре часа в международном аэропорту Лос-Анджелеса – это большая нагрузка. Для меня же эта нагрузка оказалась не только физической. Тем же рейсом летели Кэш, Кэти и Роб. Правда, Роб, который платил за билет сам, сидел в хвостовом салоне. Я постоянно ощущал какую-то неловкость. Самыми неприятными минутами была посадка в самолет. В очереди на посадку Роб оказался всего лишь футах в десяти от меня. Плотно сжав губы, он сверлил меня гневным взглядом. Я отвернулся, но даже затылком чувствовал его. Ощущение не из самых приятных.

Кэти держалась со мной почти официально. Мне ничего не оставалось, как отвечать такой же холодной вежливостью. Роб избегал и меня и Кэти, он был погружен в собственные мысли. Пожалуй, больше всех чувствовал себя не в своей тарелке Кэш. Он долго пытался развеселить нас, но даже его обычное добродушие оказалось бессильным. В конце концов Кэш сдался, пробормотав под нос что-то насчет «этих твердолобых британцев». Впрочем, он скоро утешился, найдя подходящую аудиторию в лице своего старого

конкурента из «Харрисон бразерс», который сидел рядом с ним. Мой сон не раз прерывали бородатые анекдоты о каких-то давнишних финансовых операциях – Кэш и его собеседник старались превзойти друг друга.

Но теперь, шагая по Бишопсгейт к офису «Де Джонг энд компани», я не мог сдержать довольной улыбки. Я был очень рад, что сумел добраться до самого дна аферы с облигациями «Тремонт-капитала». Дело было за малым – Хамилтон должен был вернуть наши деньги.

С той же довольной улыбкой я вошел в операционную комнату нашей фирмы и поздоровался с каждым. Все висели на телефонах – рынки были очень активны. Я подошел к своему столу и недовольно покосился на гору бумаг, накопившихся за время моего отсутствия, потом включил компьютер и пробежал глазами свежие данные – как изменились курсы известных мне ценных бумаг и что нового к ним добавилось. Понятно, что без Хамилтона, меня и Роба изменений произошло немного, но все же Гордон и Джефф зря времени не теряли.

Не успел я опуститься в свое кресло, как ко мне подошел Хамилтон.

– Здравствуйте, – сказал я. – Как здесь дела? Нам нужно о многом поговорить.

Меня озадачило необычно хмурое выражение его лица.

– Разумеется, – сказал он. – Пойдемте в комнату для совещаний.

Предчувствуя недоброе, я последовал за Хамилтоном в соседнюю комнату.

– Что случилось? – спросил я.

Хамилтон не ответил.

– Прежде всего расскажите мне о поездке, – сказал он.

Я рассказал обо всем, что мне удалось выяснить в Америке. Хамилтон слушал внимательно, время от времени делая пометки. Когда я закончил, он откинулся на спинку кресла.

– Отлично, Пол. Вы хорошо поработали. Ваши данные согласуются с тем, что удалось обнаружить мне.

Потом воцарилось молчание. Хамилтон нахмурился. Я хотел спросить, что именно он обнаружил, но почему-то слова не шли с языка. Я чувствовал, что дело не в «Тремонт-капитале», что Хамилтона тревожит что-то другое, и ждал недобрых вестей.

– Пол, – начал Хамилтон, – расскажите мне о «Джипсам».

Я не понял. Мне казалось, что мы уже давно обсудили эту операцию и причины, по которым я решил купить облигации «Джипсам оф Америка». К тому же за время моего отсутствия они только выросли в цене.

– Облигации казались многообещающими... – начал я, но Хамилтон поднял руку.

– Я имею в виду не облигации, а акции, – сказал он. – Вы купили акции компании «Джипсам оф Америка» за несколько дней до того, как компания перешла к другому владельцу.

Его слова прозвучали сигналом тревоги. Почему Хамилтона заинтересовали акции? Очевидно, он полагает, что при покупке мы с Дебби воспользовались

конфиденциальной информацией, подумал я. Но это было не так, Я не сделал ничего противозаконного, в этом я был уверен. Ну, почти уверен.

– Да, купил. Но в те время у меня не было никакой информации о предстоящем поглощении компании. Мне просто повезло, вот и все. Как и Дебби, – сказал я и осекся. Говорить о том, что Дебби повезло, было, конечно, нелепо.

– Так вот, кое-кто считает, что вы располагали конфиденциальной информацией.

– Но это не так, – возразил я.

Несколько секунд Хамилтон молча рассматривал меня. Я выдержал проницательный взгляд его голубых глаз. Я говорил правду и хотел, чтобы Хамилтон знал это. Наконец он кивнул.

– Хорошо, я верю, что вы говорите правду. Но убеждать вам придется не меня. Нас ждут два сотрудника Ассоциации рынка ценных бумаг, они хотели бы задать вам несколько вопросов. Вы хотите, чтобы я при этом присутствовал?

Это уже не вмещалось ни в какие разумные рамки. Чушь какая-то. Сумасшествие. Я не был напуган. Шокирован – да. И ошарашен. Но меня даже радовало, что кто-то станет задавать мне вопросы. При удаче я смогу отстоять свою правоту.

– Да, пожалуйста, – сказал я.

Хамилтон вышел в приемную. Я осмотрелся. Комната для совещаний не радовала интерьером. Окон нет, только стены. Внешне дорогая, но безликая канцелярская мебель. Идиотские клиперы, бегущие по

стенам неизвестно куда. На столе белые блокноты и острозаточенные желтые карандаши. Да, такая комната вполне годилась для допросов.

Хамилтон вернулся, а вместе с ним вошли два чиновника. Наверно, они давно дожидались меня в приемной, просто я их не заметил. Было лишь начало сентября, и в Лондоне за несколько дней не упало ни капля дождя, но у обоих чиновников через руку были перекинуты бежевые плащи. Они бросили плащи, положили портфели, взяли по блокноту и сели напротив меня. Хамилтон занял место между нами, во главе стола. Я предпочел бы, чтобы он сел рядом со мной. Разделявшие нас три фута казались мне слишком большим расстоянием.

Один из чиновников, почти лысый, с прилипшими к черепу несколькими темными волосками, начал говорить. Крупный нос и задранный вверх мощный подбородок почти сходились перед его лицом, что придавало ему неприятное выражение. На нем были очень сильные очки в толстой черной оправе. Должно быть, он почти слеп, подумал я. Подняв уголки тонких губ, он представился:

– Доброе утро, мистер Марри. Я – Дейвид Берриман из Ассоциации рынка ценных бумаг. Это мой коллега Родни Шорт.

Седой Шорт пугливо кивнул. На этом мое общение с ним закончилось. Шорт пришел для того, чтобы молча слушать и все записывать.

Я не в первый раз сталкивался с Ассоциацией рынка ценных бумаг, больше того, сравнительно недавно я, сдав экзамен, стал ее членом. Ассоциация представляла собой одну из нескольких самостоятельных организаций, которые управляли политикой Сити. Она выпускала

десятки правил и имела достаточный штат, чтобы следить за их соблюдением. Ассоциация имела право штрафовать своих членов и даже исключать их. В тех случаях, когда против члена Ассоциации могло быть выдвинуто обвинение в уголовном преступлении, расследование передавали в полицию – в отдел по борьбе с мошенничеством или в отдел по борьбе с экономическими преступлениями.

– Вы не возражаете, если я задам вам несколько вопросов? – начал Берриман.

– Нет, – почему-то чуть слышно ответил я.

Берриман подставил руку к уху. Соберись, сказал я себе. Я должен казаться совершенно спокойным, в конце концов я не сделал ничего плохого.

– Нет, – громко повторил я. Слишком громко для того, чтобы это прозвучало естественно.

Последовала короткая пауза. Берриман посмотрел на меня через толстые стекла очков. Я дружески улыбнулся и сказал:

– Я охотно отвечу на любые вопросы.

Берриман не ответил на мою улыбку, а зашелестел бумагами. Его помощник уже яростно царапал пером. Что он мог писать, я не имел понятия. Начались вопросы.

– Ваше имя, фамилия?

– Пол Марри.

– Вы работаете в «Де Джонг энд компани»?

– Да.

– Как долго вы работаете в этой компании?

– Почти год.

– В какой должности?

– Менеджер портфеля ценных бумаг.

Вопросы следовали один за другим. Я отвечал на них быстро и четко.

– Покупали ли вы семнадцатого июля этого года облигации «Джипсам оф Америка» на сумму два миллиона долларов от имени «Де Джонг энд компани»?

– Да, покупал.

– Купили ли вы в тот же день тысячу акций «Джипсам оф Америка» за свой счет для себя лично?

– Да.

– Как вам известно, вечером того же дня цена акций «Джипсам оф Америка» выросла от семи долларов до одиннадцати с четвертью. Через несколько дней было объявлено о покупке компании «Джипсам оф Америка». Располагали ли вы какими-либо сведениями о предстоящей покупке компании?

– Нет, не располагал.

– Тогда почему вы купили акции и облигации?

Я понимал всю важность ответа на этот вопрос. Я почти лег грудью на стол и попытался заглянуть Берриману в глаза. Через его проклятые толстые линзы сделать это было очень трудно.

– «Блумфилд Вайс» предложил выкупить небольшой пакет облигаций «Джипсам», который некоторое время находился в нашей компании. Я изучил финансовое состояние «Джипсам» и пришел к выводу, что поглощение этой корпорации представляется весьма

вероятным. Она очень плохо управлялась, а ее последний исполнительный директор недавно умер. Он был противником продажи корпорации.

– Понимаю, – сказал Берриман, постучал шариковой ручкой по подбородку и на минуту задумался. – Не было ли еще чего-то, что заставило бы вас поверить в неизбежность поглощения корпорации «Джипсам»? То, о чем вы рассказали, мне представляется не очень веским основанием для того, чтобы рисковать капиталом «Де Джонг энд компани», не говоря уже о собственных деньгах.

– Видите ли... – начал я и осекся.

– Да? – Берриман поднял брови так, что они показались над очками.

Мне пришлось заканчивать мысль.

– Я подумал, возможно, что-то знают в «Блумфилд Вайс». Мне показалось странным, что этот банк захотел вдруг, ни с того ни с сего, заплатить такую высокую цену за облигации.

– Кто именно в «Блумфилд Вайс» заинтересовался этими облигациями?

– Кэш Каллахан, один из наших торговых агентов.

– Понимаю. И мистер Каллахан даже не намекнул, что корпорация вот-вот будет поглощена.

– Нет. Но ведь он не сделал бы этого в любом случае, не правда ли? Если он хотел дешево купить облигации?

– Вы хотите сказать, что мистер Каллахан знал о предстоящем поглощении корпорации?

Я заколебался. На какое-то мгновение я подумал, что мне представляется долгожданная возможность прижать Кэша к стене. Но только на мгновение. Это была опасная позиция, лучше играть в открытую. Однако Берриман заметил мои колебания и, конечно, интерпретировал их по-своему.

– Нет. Я понятия не имею, что знал Кэш в тот момент. Я лишь хотел сказать, что тогда у меня были такие подозрения.

Берриман мне не поверил. Я видел, что он остался при своем мнении. Мне даже захотелось, чтобы он сам признался в этом, тогда я мог бы убедить его в своей невиновности. Я уже готов был произнести страстную речь в свою защиту, но сдержался. Скорее всего это только ухудшило бы мое положение.

– Это очень важный вопрос, мистер Марри. – Берриман подался вперед. – Обсуждали ли вы с мистером Каллаханом возможность покупки акций «Джипсам оф Америка» для собственной выгоды?

– Нет, не обсуждал, – твердо ответил я.

– Вы в этом уверены?

– Совершенно уверен.

Я даже удивился, откуда у Берримана родилась такая мысль. Может быть, Кэш сам торговал конфиденциальной информацией? Возможно, он заявил, что дал мне понять о предстоящей продаже «Джипсам»? Я просто не знал.

Уголки рта Берримана снова поползли вверх. Казалось, он был очень доволен моим ответом. Я

чувствовал, что попал в какую-то ловушку, но никак не мог догадаться, в какую именно. Берриман продолжал:

– Вы звонили юрисконсульту «Блумфилд Вайс» вскоре после того, как было официально объявлено о продаже корпорации «Джипсам»?

У меня упало сердце. Берриман это заметил.

– Да, – ответил я.

– Зачем вы звонили?

– У нас обязанности юрисконсульта выполняла Дебби Чейтер. Она недавно умерла. Когда я разбирался в ее бумагах, я обнаружил адресованное ей письмо из «Блумфилд Вайс» о расследовании изменения курса акций «Джипсам оф Америка». В письме ее просили позвонить. Вместо Дебби в «Блумфилд Вайс» пришлось звонить мне, кажется, мистеру Боуэну. Я спросил, не могу ли я чем-то помочь в расследовании.

– Понимаю. – Берриман порылся в своих бумагах. – Вы сказали мистеру Боуэну, что мисс Чейтер сообщила вам о расследовании дела «Джипсам».

– Нет, вовсе нет. Понимаете, я... – Боже, что же я тогда говорил? – Кажется, я сказал, что мы вместе с ней покупали облигации «Джипсам». В известном смысле так оно и было.

– Гм-м. Мистер Боуэн придерживается другого мнения. Он говорит, что мисс Чейтер рассказала ему о своих подозрениях относительно причин изменения курса акций «Джипсам», а вы позвонили ему, чтобы узнать, как продвигается расследование дела, в котором были замешаны вы, Каллахан и другие.

– Но это не так.

– Оказалось очень кстати, что мисс Чейтер умерла именно в это время, не правда ли? – вкрадчиво продолжал Берриман.

Я взорвался. Последние десять минут я занимал оборонительную позицию, чувствовал себя неуверенно, потому что не знал, в чем именно меня обвиняют, и даже не был уверен, прав ли я был в своих поступках. Я защищался, шарахаясь от одного завуалированного обвинения к другому. Но последняя инсинуация – это было уже слишком. Я не знал, кто убил Дебби, но уж во всяком случае был уверен, что не я.

– Я не намерен выслушивать всю эту чепуху. Вы не имеете никакого права бросаться подобными обвинениями только потому, что сами не имеете ни малейшего представления о том, что случилось на самом деле, и надеетесь на слепой случай. Дебби была моим другом. Я ее не убивал, и у вас нет никаких оснований предполагать иное. Если вы думаете, что ее убил я, то идите в полицию. Если же нет, то тогда заткнитесь.

Берриман был ошарашен моей отповедью. Он открыл было рот, словно собираясь что-то сказать, но потом передумал. Он повернулся к Хамилтону, который бесстрастно наблюдал за допросом.

– Вы не возражаете, если я задам вам несколько вопросов?

– Я отвечу только на вопросы по существу, но не на голословные обвинения, – спокойно, но твердо сказал Хамилтон.

Берриман заметно сник.

– Имел ли мистер Марри право покупать облигации «Джипсам»?

– Конечно, имел, – ответил Хамилтон. – Он уполномочен покупать и продавать ценные бумаги для фирмы.

– Получил ли он специальное разрешение на покупку этих облигаций?

– Нет. В тот момент я был в Японии. Но мистеру Марри не нужно никакого специального разрешения.

– Когда вы возвратились, вы одобрили действия мистера Марри?

Хамилтон задумался. Берриман терпеливо ждал. Наконец Хамилтон ответил:

– Нет, не одобрил.

– Почему?

– Пол интуитивно догадывался, что корпорация «Джипсам оф Америка» будет перекуплена. Я считаю, что он не располагал информацией, достаточной, чтобы эта догадка переросла в нечто большее.

– Но если бы мистер Марри точно знал, что «Джипсам» будет перекуплена, то тогда сделка была бы выгодной?

– Конечно. Надежный способ сделать деньги.

– Рассматривая события ретроспективно, не кажется ли вам вероятным, что Марри на самом деле точно знал, что корпорация «Джипсам» скоро будет перекуплена, и именно поэтому решил купить облигации?

Хамилтон встал.

– Послушайте, мистер Берриман, я вам сказал, что не намерен отвечать на голословные обвинения. Полагаю, вам лучше уйти.

Берриман аккуратно сложил свои бумаги и убрал их в портфель. Его коллега Шорт что-то царапал еще с минуту, потом тоже собрал свои записи.

– Благодарю вас за содействие, – сказал Берриман. – Я был бы очень признателен, если бы вы выслали мне копии ваших записей переговоров, связанных с покупкой мистером Марри интересующих нас облигаций и акций, а также всех телефонных разговоров мистера Марри за семнадцатое июля.

В операционных залах все деловые телефонные разговоры записываются. Это делается во избежание недоразумений, чтобы всегда можно было выяснить, кто и что именно сказал в любой момент, а изредка также для того, чтобы помочь властям в ходе расследования.

Хамилтон проводил гостей до лифта. Потрясенный и сбитый с толку, я снова упал в кресло. Мне было совершенно ясно: Берриман уверен, что он напал на какой-то след. Что это за след и куда он приведет, я не имел понятия, но что бы это ни было, мне оно не сулило ничего хорошего.

В комнату для совещаний вернулся Хамилтон.

– Ну как? – спросил он.

Я вздохнул.

– Я купил облигации и акции, потому что по моим предположениям корпорация «Джипсам» должна была перейти к новому владельцу. У меня не было никакой конфиденциальной информации.

Хамилтон улыбнулся.

– Хорошо, молодой человек, я верю вам.

Я почувствовал облегчение. Приятно, когда тебе кто-то верит.

– Я отвечал не лучшим образом, да? – поинтересовался я. Мне нужно было знать мнение Хамилтона, потому что я сам уже ни в чем не был уверен.

Хамилтон погладил бороду.

– Пока у них нет никаких доказательств, но, судя по их поведению, они уверены, что располагают какими-то материалами на вас. Послушайте, не лучше ли вам сегодня быстро прибрать свой стол и отправиться домой? В таком состоянии вы все равно не сможете работать.

Я кивнул и охотно принял предложение Хамилтона. Дома я сразу переоделся в тренировочный костюм и отправился в парк. Я пробежал два полных круга, восемь миль, в самом быстром темпе. Усталость, тяжесть в мышцах, затрудненное дыхание постепенно заставили меня забыть об утреннем допросе, а постоянный приток адреналина в кровь успокаивающе действовал на нервы.

Потом я долго лежал в ванне и снова обрел способность здраво рассуждать. Я не сделал ничего плохого. Последующее расследование едва ли ухудшит мое положение, записи деловых переговоров почти никогда ничего не проясняли. Пока «Де Джонг энд компани» меня поддерживает – а в этом отношении Хамилтон, кажется, занимал твердую позицию, – мне ничего не грозит.

Я пролежал в ванне минут двадцать, когда зазвонил телефон. Было очень трудно собраться с силами, но в

конце концов я все же вылез из ванны. Это был Хамилтон.

– Как вы себя чувствуете, Пол?

– О, я немного побегал, и теперь чувствую себя значительно лучше.

– Отлично, отлично. Я только что говорил с Берриманом. Я сказал, что и для нашей фирмы, и для вас было бы лучше, если бы они скорее пришли к каким-то выводам. Или вы совершили что-то противоправное, и они могут это доказать, или нет, и тогда пусть они откажутся от своей затеи. Берриман сказал, что он даст нам знать к концу недели. Я решил, что эту неделю вам лучше отдохнуть. Когда над вами висит такое обвинение, вы все равно много не сделаете в операционной комнате.

– Согласен, – ответил я. – Я рад, что они намерены довести расследование до конца так быстро. До понедельника.

Однако, положив трубку, я ощутил смутное беспокойство. Берриман уверен, что все закончит к пятнице; значит, он думает, что ему удастся доказать мою вину, ведь не собирается же он сдаваться уже через несколько дней.

У меня опять испортилось настроение. Я стал одеваться, и в это время снова зазвонил телефон. Это была моя сестра Линда.

– Здравствуй, Пол, как жизнь? – спросила она.

– Отлично, отлично, а как твои дела? – отозвался я, недоумевая, какая сила могла заставить Линду позвонить.

Последние годы мы разговаривали друг с другом, лишь встречаясь у мамы, но даже таких встреч Линда старалась избегать. Наверно, мы были слишком разными людьми. Нельзя сказать, что Линда испытывала активную антипатию ко мне или я—к ней. Как и многое другое, наша взаимная неприязнь коренилась в смерти отца. Линда считала, что мой долг – занять место главы семьи, и с очень большим неудовольствием восприняла мой отъезд сначала в Кембридж, а потом в Лондон. Сама она жила в десяти милях от родительского дома, в соседней долине. Она вышла замуж за фермера, грубого верзилу, которого я терпеть не мог. Линда же восхищалась мужем и при каждом удобном случае ставила мне его в пример. К счастью, как я уже говорил, такие случаи выпадали не часто.

– Что-то случилось? – спросил я, пытаясь скорее перейти к делу. – Что-нибудь с мамой?

– Да, – ответила Линда. – Не беспокойся, она не заболела, с ней все в порядке. Дело в доме. Ты знаешь, что месяца два назад умер лорд Маблторп?

– Да, мама мне говорила.

– Так вот, его сын сказал, что она должна освободить дом.

– Что? Но этого не может быть. Лорд Маблторп обещал, что дом останется за нею до ее последнего дня. Его сыну это должно быть известно.

– Это все на словах, а никаких документов не осталось, – продолжала Линда. – Он говорит, что имеет право делать с домом все что угодно. Он сказал, что получил очень выгодное предложение от продюсера

телефильмов, который хочет сделать из нашего дома коттедж для отдыха в выходные дни.

– Ну и сукин сын.

– Я тоже так сказала. Я хотела, чтобы этим занялся мой Джим, но он сказал, что это твое дело.

Это очень похоже на твоего Джима, подумал я. Впрочем, в чем-то Джим был прав.

– Хорошо, я попытаюсь что-то сделать.

Сначала я хотел поговорить с молодым лордом Маблторпом в Лондоне, но потом решил, что лучше будет встретиться с ним в его родовом поместье. Возможно, там он задумается о своей ответственности перед родителями.

Я позвонил в «Хелмби-холл». К счастью, лорд Маблторп задержался там на всю неделю – начался сезон охоты на куропаток. Я договорился встретиться с ним на следующий день, потом позвонил маме и сказал, что останусь у нее на ночь. Ее голос звучал невесело, но предстоящая встреча ее обрадовала.

Я выехал рано утром, ведь путь предстоял неблизкий. Мне удалось выбросить из головы мысли о «Джипсам». В конце концов я все равно ничего не мог поделать. Немного утихло и желание раскрыть тайну смерти Дебби и разобраться в афере с «Тремонт-капиталом»; во всяком случае сейчас меня ждали более неотложные дела. В Лондоне мне делать было нечего, и в какой-то мере я был даже рад тому, что семейные проблемы отвлекут меня. Я приехал в родительский дом вскоре после ленча. Потчуя меня «пастушьей запеканкой», мать говорила о доме, о саде, о том, что ее дом стал центром жизни поселка. Очевидно,

ей было бы очень нелегко расстаться с насиженным местом. Я надеялся, что в крайнем случае смогу подыскать в Бартуэйте подходящую замену. Без добрых соседей, которые знали и любили ее вместе с ее причудами, жизнь для матери стала бы совсем невыносимой.

До «Хелмби-холла» я доехал за десять минут. Перед усадьбой выстроилась вереница «роллс-ройсов», «ягуаров» и «мерседесов». Очевидно, они принадлежали гостям лорда Маблторпа, приглашенным на охоту. Я поставил свой крохотный «пежо» рядом с этими роскошными автомобилями, подошел к огромным дверям и позвонил. Дворецкий проводил меня в кабинет и попросил подождать.

Удобный кабинет был полон книг и бумаг, которые могли понадобиться покойному лорду Маблторпу в его повседневной жизни. Я вспомнил, что мальчишкой был несколько раз в этом кабинете и смотрел, как, сидя у камина, смеются мой отец и лорд Маблторп. Старый лорд умел хохотать. Он широко раскрывал большой рот, его красное лицо покрывалось морщинами, а широкие, мощные плечи начинали подергиваться. У него были такие же крупные и мозолистые руки, как и у моего отца. В таких случаях лорд Маблторп всегда угощал отца виски. Я бросил взгляд на полку. Ну конечно, полупустой графин еще подпирал старые издания уитакеровского «Альманаха». [14]

Наконец появился Чарлз Маблторп. Он ничем не напоминал своего отца. Меня удивило, как такой

---

[14] Джозеф Уитакер – английский издатель. В 1868 г. начал издание ежегодного альманаха-справочника, который выходит под его именем по сей день.

анемичный и тощий человек может целый день – не говоря уж о неделе – мотаться по пустошам за куропатками. Он был примерно моих лет и служил помощником директора отдела частных корпораций старого, но теперь малозначащего торгового банка.

– Здравствуйте, Чарлз. Благодарю за то, что вы нашли время принять меня, – сказал я, протягивая руку.

Молодой лорд ответил немощным рукопожатием.

– Не за что, Марри. Садитесь.

Он показал на стул рядом с его столом, а сам опустился в большое кресло. Меня возмутило, что этот наглец обращается со мной, как со своим вассалом, но я сдержался.

– Я пришел поговорить о доме моей матери, – начал я.

– Я знаю, – перебил меня Маблторп.

– Вам известно, что после смерти моего отца ваш родитель обещал, что моя мать будет жить в этом доме до своей кончины.

– Нет, это мне неизвестно. Больше того, я даже не могу найти договор об аренде этого дома. Судя по документам, точнее по их отсутствию, ваша мать занимает дом противозаконно.

– Но это просто смешно, – возразил я. – Она не платит за аренду, потому что так распорядился ваш отец. Договора об аренде нет, потому что в нем никогда не было нужды. Ваш отец был рад, что она живет здесь.

– Возможно, все было так, как вы говорите. Мой отец был очень щедрым человеком. Но теперь мы можем полагаться только на слова вашей матери о том, что

якобы отец отдал ей дом на всю жизнь, а верить ее словам можно лишь с известной осторожностью, не так ли? – Маблторп вытащил из кармана пачку сигарет и прикурил. Предлагать сигарету мне он счел излишним. – Проблема в том, что мне нужно заплатить огромный налог на наследство. Я вынужден продать часть имения. Если вы заплатите пятьдесят тысяч фунтов, то дом будет ваш.

– Но вы не можете ее выгнать, – сказал я. – Это противозаконно. Она живет в этом доме много лет. И не надейтесь, что вам удастся ее запугать и заставить уехать.

– Мне очень жаль, Марри, но я имею право освободить дом. Видите ли, она никогда не вносила арендную плату, поэтому формально не является арендатором. Понимаете, она – своего рода скваттер. Не затрудняйте себя, я все обсудил с моими юристами в Ричмонде. Вы правы, технически выселить вашу мать будет довольно сложно, если она забаррикадируется в доме, но в конце концов мы добьемся своего.

– Узнай ваш отец о таких планах, он бы лишился рассудка, – сказал я.

Маблторп глубоко затянулся, потом ответил:

– Вы не можете знать, что бы сделал в подобной ситуации мой отец. У него было много хороших качеств, но деловая хватка к числу его достоинств определенно не относилась. В это поместье вложен большой капитал, и теперь нужно сделать так, чтобы он приносил разумный доход. В наше время непозволительно, чтобы недвижимость не давала дохода. Вы сами финансист, я уверен, вы меня понимаете.

– Я понимаю, что вы не можете управлять поместьем с тем же успехом, что и банковскими счетами, – сказал я.

Впрочем, я понимал и другое: мне не удастся заставить Маблторпа изменить решение. Умолять его бесполезно, а заставить его я не мог. Здесь мне делать было нечего. Я встал и собрался уходить.

– Папа говорил мне, что ваш отец всегда считал вас дураком. Теперь я знаю почему, – сказал я, повернулся и ушел.

Холостой выстрел, конечно, но все же после этих слов мне стало немного легче.

Восемнадцатая глава

Каждый вдох холодного утреннего воздуха обжигал легкие. Каждая неровность каменистой тропинки острой болью отзывалась в мышцах ног. Я забыл, как тяжело бегать по крутым склонам, а ведь сейчас я лишь повторял тот маршрут, который еще мальчишкой пробегал почти каждый день. Четыре мили по самым крутым холмам в округе. До вершины холма оставалось каких-то двести ярдов, но с каждым шагом я бежал все медленней. Как же мне удавалось преодолевать эти мили в двенадцать лет, подумал я.

Я узнавал каждый валун необычной формы, каждый неожиданный поворот тропинки, я вспоминал напряжение и боль моих давних пробежек. В сущности, я и хотел такого возвращения к ежедневной борьбе с крутыми подъемами и холодным ветром. Сначала эта борьба была для меня лишь способом заглушить другую боль – о потере отца, но постепенно я втянулся, и привычка преодолевать усталость, дискомфорт и боль стала моей второй натурой. В сущности, я просто потакал своим желаниям: я нашел возможность каждый день на час-другой замыкаться в собственном мире, центром которого было мое тело, мои многострадальные мышцы, а фоном служили иногда изумительные в своей красоте, иногда пугающие холмы. Каждый день я вступал в жестокую битву, каждый день я одерживал заслуженную победу.

И на этот раз в конце концов я добрался-таки до вершины холма. Начался спуск по гребню длиной в полмили между долинами Бартуэйт и Хелмби. Я запетлял, уклоняясь от острых камней и плотных кустов вереска, то

и дело попадавшихся на древней пастушьей тропе, каждую минуту рискуя вывихнуть лодыжку.

Из вересковых зарослей выпорхнула стайка куропаток. Птицы летели невысоко и скоро скрылись из виду. Со дна долины Бартуэйт только начал подниматься туман, приоткрыв серебряную ленту реки. Сверкая в лучах утреннего солнца, река резко поворачивала налево и скрывалась за сиреневым склоном холма. Я оглянулся на широкую коричневую полосу вырубленного леса в самом начале долины и помчался дальше от нее, к аккуратно разделенному на зеленые поля долу, к серым каменным строениям просыпавшейся деревни. До меня донеслись тарахтенье трактора, лай требующих завтрака собак. В родительский дом я вернулся усталым, но у меня созрело решение.

Надеяться на то. что мне удастся уговорить Маблторпа, было бессмысленно. Даже если я найду хорошего адвоката, в конце концов молодой лорд все равно выселит мать. Если учесть, что ее психика постоянно балансировала на грани реального и воображаемого мира, то последствия ее выселения могли быть самыми непредсказуемыми. Но, возможно, мне удастся выкупить дом. Уверенность в том, что мать останется под той же крышей до конца своих дней, придала бы сил и мне и ей.

К сожалению, у меня не было пятидесяти тысяч фунтов. Впрочем, немного я заработал на акциях «Джипсам», и теперь на моем счету накопилось тысяч десять. Заложив квартиру, я мог получить еще двадцать тысяч. Но как выкупить дом за тридцать тысяч фунтов?

Наверно, нужно забыть о гордости и попытаться договориться с Маблторпом, подумал я. Я позвонил в

«Хелмби-холл» и попросил еще раз принять меня. Мы встретились в том же кабинете, что и накануне. Я предложил Маблторпу продать мне дом за тридцать тысяч фунтов. Я сожалел об оскорбительном замечании, брошенном в его адрес днем раньше, но сегодня и лорд Маблторп был настроен более мирно. Быть может, мои слишком резкие слова подействовали на него благотворно.

– Тридцать пять тысяч, – сказал он. – Не меньше.

– Хорошо, тридцать пять, – согласился я и протянул руку.

Я надеялся, что деньги я где-нибудь найду. Маблторп вяло пожал мою руку. Наверно, мы оба вспомнили о дружбе, связывавшей наших отцов, и стыдились за вчерашнее. Мы расстались не друзьями, но и не врагами. Я рассказал о своих планах маме, и она осталась очень довольна. По ее настоянию я остался еще на два дня. После напряжения нескольких последних педель вынужденное безделье и смена обстановки пошли мне на пользу. Мне даже удалось более или менее забыть о моем положении в компании «Де Джонг». Менее успешными оказались попытки выбросить из головы Кэти. Иногда я вдруг задумывался, понравится ли ей Бартуэйт. Идиотская мысль! У меня не было ни малейшей надежды полагать, что она когда-либо увидит эти места. Я готов был рвать на себе волосы из-за того, что каким-то образом испортил то, что казалось началом очень прочной связи.

Еще мне нужно было занять где-то двадцать пять тысяч долларов. В принципе это было возможно. Через год-другой работы на рынке облигаций моя зарплата должна намного вырасти, тогда отдать долг не составит

труда. Если только начатое Ассоциацией рынка ценных бумаг расследование не будет иметь последствий.

Мы сидели в комнате для совещаний нашей фирмы, где неделю назад меня допекал мистер Берриман из ассоциации. На полированном столе красного дерева стоял магнитофон. Хамилтон сел напротив меня.

Он позвонил мне и попросил приехать в понедельник к одиннадцати часам. Во мне пробудились прежние страхи. Если бы я был оправдан, то мне нужно было бы, как обычно, явиться на работу к половине восьмого.

Хамилтон был мрачен. Не склонный к многословию и в лучшие времена, на этот раз он отделался коротким;

– Хорошо провели отпуск?

Я что-то пробормотал в ответ, но он пропустил мои слова мимо ушей и сказал:

– Послушайте эти записи.

Я остолбенел. Я отчаянно пытался припомнить, не сболтнул ли я за последние два месяца что-то такое, что могли бы вменить мне в вину. Догадаться, что же именно записано на пленке, было невозможно, потому что я не делал ничего противозаконного.

Хамилтон нажал кнопку «воспроизведение», и в комнате загудел голос Кэша:

– Ты изменил свое решение насчет «Джипсам»?

– Нет, – ответил я.

Когда слышишь свой голос в записи, всегда остается странное ощущение. Я не сразу узнал себя: этот голос был чуть выше и акцент выражен сильнее.

– Но я хотел бы попросить тебя об одолжении. – Это опять я.

– Конечно. – Голос Кэша.

– Как проще всего купить акции на нью-йоркской фондовой бирже?

– О, нет проблем. Я могу открыть там счет на твое имя. Тебе нужно будет только позвонить Мириам Уолл из отдела частной клиентуры нашей фирмы. Подожди минут пять, я предупрежу ее, что ты будешь с ней разговаривать.

Хамилтон выключил магнитофон. С минуту никто из нас не произнес ни слова. Я первым нарушил молчание.

– Это ничего не доказывает, – сказал я и тут же пожалел о своих словах. Они прозвучали как жалкое оправдание.

Хамилтон слегка насупил брови, несомненно, в знак того, что такая же мысль пришла и ему.

– Конечно, этот разговор ничего не доказывает, – сказал он. – Но он кое-что добавляет к другим уликам, которые Ассоциация рынка ценных бумаг уже собрала против Кэша. Они поймут так, что Кэш сообщил вам, каким образом вы можете приобрести акции компании, относительно состояния которой он располагает конфиденциальной информацией. Классический способ подкупа клиентов, чтобы делать вместе с ними свои дела. Так это звучит.

– Но на самом деле было совсем не так, – запротестовал я.

– Вы говорили об акциях «Джипсам оф Америка», не так ли?

– Да.

– И Кэш бросил все дела, чтобы помочь вам открыть собственный счет?

– Ну да. Но он хотел помочь мне как клиенту. – Я замолчал, пытаясь собраться с мыслями. Очевидно, меня загнали в угол. Я хотел найти путь к спасению. В конце концов я повторил то, что было на самом деле. – Изучив финансовое состояние корпорации, я понял, что вскоре ее могут перекупить. Поэтому мы с Дебби решили купить акции. До этого никто из нас не покупал акции американских корпораций, и нам казалось естественным обратиться к Кэшу. Все очень просто.

Хамилтон долго разглядывал меня. Лучше его никто не умеет разгадывать характер человека, подумал я. Он должен понять, что я говорю правду.

Если Хамилтон и поверил мне, то не совсем.

– Все же мне кажется странным, что вы поступили именно так, – начал он. – Однако в Ассоциации рынка ценных бумаг уверены, что вы воспользовались конфиденциальной информацией. Вы правы, неопровержимых улик у ассоциации нет. Расследование подобных нарушений обходится дорого и часто ни к чему не приводит. Но ассоциация всегда может сломать карьеру подозреваемого независимо от того, виновен он или нет.

Глядя на стол прямо перед собой, Хамилтон помолчал, потом продолжил:

– Я должен думать прежде всего об интересах фирмы. Ассоциация может предать расследование гласности или даже оштрафовать нас. Едва ли есть необходимость объяснять вам, какое впечатление это произведет на те компании, которые доверяют нам управлять своими деньгами. Как вам известно, мы ведем переговоры с потенциальными японскими клиентами. Для нашей фирмы эти переговоры могут иметь очень большое значение. Я не допущу их срыва. – Он бросил на меня взгляд. – Поэтому я принял решение. В сложившейся ситуации это единственное решение, которое учитывает интересы всех сторон. Сегодня я приму ваше заявление об увольнении. Вы будете числиться на работе еще два месяца, этого вполне достаточно, чтобы найти другую работу. В течение этих двух месяцев вы можете, если у вас возникнет такое желание, приходить сюда, но ни при каких обстоятельствах вы не будете совершать сделки от имени фирмы. Вне стен этой комнаты никто не узнает об истинных причинах вашего увольнения.

Мне очень жаль, – закончил Хамилтон, – но так будет лучше для всех, особенно для вас.

Вот так. Я был поставлен перед свершившимся фактом. Хамилтон нашел выход из положения. «Де Джонг» будет процветать, словно ничего и не произошло. И я ничего не мог с этим поделать. Согласиться на такое поражение было тяжело.

– А если я не напишу заявления? – сказал я.

– Даже не спрашивайте, – ответил Хамилтон.

На какое-то мгновение я почувствовал почти непреодолимое желание бороться, не соглашаться с Хамилтоном, потребовать полного расследования. Но все это было бесполезно. В любом случае я стану козлом отпущения, а согласившись с Хамилтоном, я хотя бы получу шанс найти другую работу.

Несколько минут я молчал, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Мной овладевали гнев, стыд, а больше всего – глубочайшее отчаяние. Я хотел что-то сказать, но не мог произнести ни слова и лишь глубоко вздохнул. Держи себя в руках, приказал я себе. Разобраться можно будет и позже. Не говори ничего, не выходи из себя, не демонстрируй никаких эмоций, просто уходи.

– Хорошо, – сказал я, встал, повернулся и вышел из комнаты.

Мне нужно было забрать кое-что со своего рабочего места. Записную книжку с телефонными номерами и прочие мелочи. Я вошел в операционную комнату. Все замерли. Я чувствовал направленные на меня взгляды, но не обращал внимания ни на кого. Мои щеки все еще горели. Я молча взял записную книжку, другие личные вещи, бросил все это в портфель и ушел. Никто не проронил ни слова. Одному Богу известно, что они думали. Меня это уже не должно было интересовать.

Я остановил такси прямо возле подъезда. Путь домой не отнял много времени, но за эти минуты мне удалось разделить кипевшие во мне эмоции, каждую из которых я поместил в свою нишу. Поодиночке с ними легче будет справиться.

Больше всего меня захлестывал гнев. Гнев на несправедливость, ведь меня признали виновным, лишив

права на защиту. Все сочли, что я виновен, потому что так им было выгоднее. Я был очень зол на Хамилтона, который допустил такую несправедливость. Разве он не мог что-нибудь предпринять в мою защиту? Уж он-то наверняка смог бы найти выход из этой нелепой ситуации. Но ради фирмы он пожертвовал мной. Честно говоря, я думал, что значу для него больше. Впрочем, по здравом размышлении я пришел к выводу, что Хамилтон в своей обычной манере взвесил все «за» и «против», оценил перспективы борьбы до конца, счел их неудовлетворительными и потому принял другое решение. Бесполезно просто кричать: «Это несправедливо!»

Еще меня мучили сожаления. Я успел сродниться с компанией «Де Джонг», я постепенно познавал основы операций с ценными бумагами, и эта работа приносила мне удовлетворение. Хотя Хамилтон фактически выгнал меня, я успел у него многому научиться. Конечно, не всему, но многому. Я не представлял, можно ли найти учителя лучше Хамилтона. Но во всяком случае я не зря провел время и теперь хотел заниматься пенными бумагами и дальше. Самое главное в том, что это у меня хорошо получалось. Просто в другой фирме нужно будет начать все сначала.

А если я не найду другой работы? При этой мысли я чуть было не запаниковал. Что, если я никогда не смогу работать с ценными бумагами? Это будет трудно перенести. К тому же мне нужна не просто работа, а высокооплачиваемая, иначе я не смогу выкупить дом для мамы. Без хорошей работы мне никак не наскрести двадцать пять тысяч фунтов. Одному Богу известно, что будет с матерью, если лорд Маблторп ее выселит. Я представил себе презрительный взгляд Линды, которым

она меня непременно одарит, узнав, что мне не удалось заплатить за дом.

Впрочем, паническое настроение скоро прошло. Люди постоянно теряют работу. Если они умеют работать, то быстро находят другую.

Я упрям. Будь я проклят, если это дьявольское стечение обстоятельств навсегда отрежет меня от рынка ценных бумаг. Человек сам управляет своей судьбой. Конечно, не всегда получается так, как хотелось бы, но при настойчивости и терпении всегда можно добиться своего. Главное – не сдаваться; когда что-то не получается, нужно только проявить больше настойчивости.

Итак, я взял несколько листов бумаги и набросал план моей кампании по поискам нового места работы. Через полчаса были готовы несколько этапов плана, которые – в этом я не сомневался – дадут какие-то результаты. Теперь за дело.

Я позвонил двум знакомым агентам по трудоустройству и договорился о встрече. Два часа у меня ушло на совершенствование анкеты и автобиографии. Пока все шло хорошо. «Охотники за талантами» будут рады новому клиенту. Мне казалось, что моя анкета выглядит неплохо.

Проблемы начались на следующее утро. Я решил, что лучше всего начать с сейлсменов, с которыми мне приходилось иметь дело каждый день. Вероятно, они знают, кому требуются специалисты, к тому же они имеют представление о моих способностях. После недолгих размышлений я начал с Дейвида Барратта. Он

работал на рынке ценных бумаг очень давно и знал сотни людей. Он должен что-нибудь предложить.

Я набрал номер «Харрисон бразерс». Мне ответил не сам Дейвид, а один из его сотрудников. Он сказал, что Дейвид занят и перезвонит, как только освободится. Я оставил свой номер телефона и стал ждать. Прошло два часа – ничего. Я снова позвонил в «Харрисон бразерс».

На этот раз ответил сам Дейвид.

– Привет, Дейвид, это Пол, – начал я.

Дейвид ответил не сразу:

– О, здравствуйте. Пол. Откуда вы звоните?

– Из дома. Значит, вы уже слышали?

– Да, слышал. – Опять пауза. – Вы еще ничего не нашли?

– Пока нет. Дело в том, что я только начинаю. Поэтому и звоню вам. Вы случайно не знаете, нет ли где-нибудь интересных вакансий?

– К сожалению, нет. Сейчас на рынке рабочих мест затишье, – сказал Дейвид. – Прошу прощения, меня ждет клиент на другой линии.

– Одну минуту, – успел вставить я.

– Да?

– Вы не могли бы уделить мне полчаса? Мы бы поболтали о моем будущем. Вы знаете рынок намного лучше меня.

– К сожалению, сейчас я очень занят...

– В любое время, когда вам будет удобно, – сказал я, чувствуя, как в моем голосе начинают проскальзывать

нотки отчаяния. – За завтраком, после работы, я могу подъехать куда угодно.

– Пол, боюсь, я ничем не смогу вам помочь. – Голос в телефонной трубке звучал вежливо, но твердо. Очень твердо.

– Ладно. Можете звонить своим клиентам, – хмуро сказал я и положил трубку.

Я ничего не понимал. Дейвид всегда охотно откликался на любую просьбу. Его отказ говорил о многом. Возможно, подумал я, у меня сложилось совершенно неверное представление о Дейвиде. Может быть, он был одним человеком с нынешними клиентами и совсем другим – с бывшими? Впрочем, вынужденно признался я, на Дейвида это непохоже.

Не без тревоги я позвонил другому знакомому сейлсмену. Тот же результат. Вежливый отказ. С третьим было даже хуже. Я слышал, как тот говорил:

– Скажи ему, что меня нет. А если он позвонит еще раз, скажи, что я здесь больше не работаю.

Я сидел, тупо уставившись на телефонный аппарат. Дела складывались не блестяще. Кому еще можно было бы позвонить? О Кэше не могло быть и речи. С болью я вспомнил о Кэти, но получить такой же вежливый отказ и от нее – это было бы выше моих сил.

Клер! Уж она-то наверняка найдет для меня несколько минут.

Я набрал номер. Услышав мой голос. Клер сразу перешла на шепот.

– Пол! Тут такое о тебе болтают! Это правда?

– Не знаю. Что болтают?

– Что тебя поймали за руку на использовании конфиденциальной информации.

Наконец-то нашелся человек, который прямо сказал, что они все думают.

– Нет, это неправда. По крайней мере никакой конфиденциальной информацией я не пользовался. Но в Ассоциации рынка ценных бумаг действительно так думают. Поэтому я и ушел.

– Ушел? Но все говорят, что тебя выгнали!

– Точнее, вынужден был уйти. – Я готов был положить трубку. Оправдываться и дальше значило бы зря сотрясать воздух. Очевидно, все поверили в мою виновность. В конце концов я тихо сказал: – Я ничего плохого не делал.

– Я знаю, – отозвалась Клер.

Меня захлестнула волна благодарности, я почувствовал облегчение.

– Ты знаешь? Откуда ты можешь знать?

Клер засмеялась.

– Ты – последний человек, который ради собственного обогащения мог бы воспользоваться конфиденциальной информацией. Из всех моих знакомых ты – самый непосредственный. Слишком серьезный. Слишком скучный.

– Я и не пытаюсь это отрицать, – сказал я. Настроение у меня немного поднялось.

Клер перешла на заговорщический шепот:

– Расскажи, что же на самом деле случилось?

Я рассказал, как и почему я купил акции «Джипсам». Когда я упомянул о роли Кэша во всей этой истории. Клер меня прервала:

– Ну и скотина! Как я сразу не догадалась, что без него и здесь не обошлось. Боже мой! Это просто невероятно, что его еще пускают на рынок!

Клер почти угадала. Насколько я понял, за Кэша тоже взялась какая-то комиссия. Возможно, его дни в «Блумфилд Вайс» тоже сочтены. Это меня немного утешало. Впрочем, подумал я, если кто-то и сумеет выбраться сухим из воды, то только Кэш.

Я рассказал Клер о своих разговорах с Дейвидом Барраттом и другими агентами.

– Что ж, это меня не удивляет, – сказала Клер. – Знаешь, сейчас все только о тебе и говорят, даже те, кто тебя не знает. Уверяю, никто не станет торопиться принимать тебя на работу.

Удар был слишком тяжел, и Клер это поняла.

– Прошу прощения, Пол, я не то имела в виду, – тут же поправилась она. – Через месяц-другой скандал забудется. Ты что-нибудь подыщешь. – Я молчал. – Пол! Пол?

Я пробормотал «до свиданья» и положил трубку.

Вот так. Никуда от этого не уйдешь. На рынке облигаций мне работы не найти, по крайней мере сейчас. Возможно, никогда не найти. Все очень просто. Конец всем моим планам.

В сущности, я все понял после первого же разговора с Дейвидом Барраттом, но пытался убедить себя, что это

не так. Я верил, что настойчивость и сила воли помогут мне найти работу. Но ни настойчивость, ни сила воли не заставят людей забыть, что когда-то я был одним из самых известных финансовых преступников, использовавшим конфиденциальную информацию для собственного обогащения.

Меня поражала нелепость ситуации. Допустим, я действительно совершил какой-то мелкий проступок, но ведь меня осуждали те, кто каждый день обманывали своих клиентов, своих сотрудников, даже своих друзей. Конечно, использование конфиденциальной информации – это другое дело. Это заразная болезнь. В свое время эта чума, которую разносил гений рынка бросовых облигаций Майкл Милкен, поползла по Уолл-стриту, переносилась от одного инвестора к другому, пока чуть ли не все банки Нью-Йорка не были в большей или меньшей мере ею заражены. С этой эпидемией боролись очень просто. При появлении первых симптомов болезни заболевшего члена общества изолировали и изгоняли. Именно так поступили и со мной.

Трудно было смириться с последствиями. Рынок ценных бумаг – это единственное, чем я хотел заниматься, он стал целью моей жизни. Еще неделю назад цель казалась вполне достижимой, нужно было только год-другой подучиться. Теперь все изменилось.

Вероятно, многие всю жизнь плывут по течению. Многие, но не я. Если я поставил перед собой цель, я буду ее добиваться. Вся моя жизнь будет посвящена этой цели. В свое время мне было трудно смириться с мыслью о том, что я никогда не стану лучшим в мире бегуном на восемьсот метров, но нельзя было отрицать, что к той цели я подошел очень близко. Другое дело – рынок

ценных бумаг, который, в сущности, я только начинал постигать.

Следующие две недели были самыми тяжелыми в моей взрослой жизни. Я все еще рассылал письма и даже два раза ходил на собеседования, но уже без всякой надежды. Я понимал, что проиграл.

Мной быстро овладевала депрессия, глубокая, черная депрессия, подобной которой я прежде никогда не испытывал. Я был опустошен, выпотрошен. Мне стало трудно заставить себя что-либо делать. Через два-три дня я бросил бег, каждый день повторяя себе, что непродолжительный отдых не повредит. Я пытался читать романы, но не мог сосредоточиться. Я подолгу валялся в постели, тупо уставившись в потолок. Днем я несколько раз пытался бродить по Лондону, но шум транспорта, выхлопные газы и жара утомляли и раздражали меня. Если человек долго живет, полагаясь на силу воли, то ее утрата способна выбить из колеи.

Кроме того, меня стало мучить одиночество. Раньше меня вполне устраивало собственное общество, но теперь я испытывал потребность с кем-то поговорить. С тем, кто помог бы мне взглянуть на себя со стороны. Но кто бы это мог быть? О коллегах по бывшей работе не могло быть и речи. Рассказать обо всем старым друзьям и знакомым у меня не хватало мужества. Может быть, это следовало бы сделать. Разумеется, ни при каких обстоятельствах я не мог переложить тяжесть своих забот на плечи матери. Я не забывал, что скоро мне предстоят переговоры с юристами о покупке ее дома. Где я достану деньги? Я вынужден был признать, что теперь, когда рынок ценных бумаг для меня закрылся, мне будет

невозможно найти достаточно высокооплачиваемую работу.

Я пытался не думать о деньгах, но от этого мне не становилось легче. Если моя мать лишится дома, то в этом буду виноват я. Я оказался неспособным ей помочь.

В часы одиночества я часто вспоминал Кэти. Когда я испытывал потребность в друге, в собеседнике, почему-то в моих мыслях таким человеком всегда становилась она. Я не забыл, как быстро мы научились понимать друг друга, с каким интересом и симпатией она отнеслась к моим проблемам. Мне был нужен человек, который так же отнесся бы к моим проблемам и сейчас.

Потом я вспоминал, как резко изменилось отношение Кэти ко мне. Ее упреки, что я ломаю ее карьеру, мои нелепые приглашения на обед. Я не сомневался, она уже слышала о том, что я сделал, – прошу прощения, считается, что сделал. Она должна была благодарить Бога за то, что вовремя прекратила все отношения со мной. Она должна была ругать себя последними словами за то, что когда-то согласилась выслушать меня. Связь с человеком, обвиненным в использовании конфиденциальной информации, не помогает подъему по скользкой лестнице карьеры.

Девятнадцатая глава

Вечером в четверг я смотрел по телевизору соревнования по легкой атлетике, трансляцию из Осло. Мне было невыносимо тяжело, но почему-то я не мог заставить себя выключить телевизор. На восьмисотметровой дистанции первым финишировал испанец, которого я не раз побеждал, и я снова спросил себя, почему я бросил легкую атлетику? Я был в такой отличной форме! А теперь возвращаться в большой спорт было уже поздно. Мне никогда не восстановить прежнюю спортивную форму. Теперь все в прошлом. Ничего не остается, как только сожалеть о неверном решении.

Я обвел взглядом свою квартиру. С камина на меня издевательски смотрела бронзовая олимпийская медаль. О Боже, ну и жилище! Оно настолько тесно, что мигом захламляется. В углу за дверью скопилась большая стопка грязного белья. Надо бы отнести его в прачечную, подумал я. Нет, с этим можно подождать. У меня еще оставалось несколько чистых комплектов.

Зазвонил телефон. Наверно, опять из бюро по трудоустройству. Недавно я сказал его агентам, чтобы они больше не искали работу на рынке ценных бумаг, а посмотрели бы вакансию специалиста по изучению кредитов. В ответ мне пробормотали, что сейчас с вакантными местами везде очень плохо. Вполне очевидно, что в поисках работы я опускался все ниже. После десятого звонка я заставил себя подняться и взять трубку.

– Алло?

– Алло, это вы, Пол? – услышал я знакомый четкий голос Кэти.

Мое сердце забилось быстрее. Поднявшуюся было волну восторга тут же погасила привычная хандра. За последнюю неделю я получил добрую сотню отказов, и у меня не было сил выслушивать еще один.

– Пол, это вы?

Я прокашлялся.

– Да. Да, это я. Как ваши дела, Кэти? – Мои слова прозвучали холодно, почти официально. Это получилось само собой.

– Я услышала о вашем несчастье. Мне очень жаль. Наверно, это было ужасно.

– Да, не очень приятно.

– У нас ходили самые нелепые слухи о причинах вашего увольнения.

К чему она клонит? Ей хочется позлорадствовать? Узнать новые сплетни? В этом я ей не помощник.

– Да, могу себе представить.

– Послушайте, – нервно начала Кэти, – я подумала, что мы очень давно не виделись. Может, нам стоило бы встретиться? – Чтобы я снова разболтался, мрачно подумал я. – Вы не заняты в воскресенье во второй половине дня?

Мое сердце снова забилось быстрее.

– Нет, не занят.

– Понимаете, я подумала, может быть, нам стоит прогуляться где-нибудь на природе. Я знаю прекрасное

место в Чилтернсе, это всего в часе езды. Конечно, если вы не против, – неуверенно добавила Кэти.

Должно быть, Кэти стоило немалых усилий позвонить мне, а мои односложные ответы и их тон не очень помогали ей.

– Да, с удовольствием, – ответил я, пытаясь вложить в свои слова как можно больше энтузиазма. К моему удивлению, это мне удалось.

– Отлично. Вы не заедете за мной в два часа? – Кэти дала мне адрес в Хэмпстеде.

Было бы преувеличением сказать, что период депрессии миновал, но сквозь тучи определенно стало проглядывать солнце. На следующий день мне удалось более или менее удачно пройти собеседование в одном из японских банков, а почти всю субботу я методично изучал «Файненшал таймс», особенно приглашения на работу и новости финансового мира. Рано или поздно я найду работу, рассуждал я, и лучше сразу показать, на что я способен. По сравнению с началом недели я сделал большой шаг вперед.

– Пол, расскажи, что произошло.

Я знал, что Кэти обязательно спросит об этом. Мы шли по заросшему высокой травой склону холма, спускаясь к небольшому ручью. Издали за нами наблюдало стадо черно-белых коров фризской породы; мне показалось, что коровы обсуждали, хватит ли у них сил перейти луг, чтобы взглянуть на нас поближе. В конце концов коровы решили, что мы не стоим таких усилий, и, опустив головы, снова принялись щипать траву. Накануне прошел дождь, и воздух был

удивительно свежим. Светило солнце, и день казался скорее весенним, чем сентябрьским.

Этого вопроса я боялся больше всего. Я знал, что ни в чем. не виновен, но все считали меня преступником. Изменить общее мнение я никак не мог, так какой смысл оправдываться? Мне казалось более достойным хранить молчание, чем кричать всем и каждому о своей невиновности. И уж меньше всего на свете мне хотелось бы выглядеть хныкающим неудачником в глазах Кэти.

Еще по дороге в Хэмпстед я попытался подготовиться к возможным опасностям, ко всем возможным темам, способным породить конфликт: карьере Кэти, Кэшу, моим безуспешным попыткам найти работу и многому другому. Я был готов к трудному разговору, когда верный путь выбрать не легче, чем найти безопасную тропу на минном поле.

Но все получилось не так, как я ожидал. Кэти была искренне рада видеть меня. Весь путь до Чилтернса мы непринужденно болтали. Я оставил машину возле древней церкви в римском стиле, и дальше повела Кэти. Мы миновали типично английскую деревушку, старую буковую рощу, большую ферму и вышли к этому зеленому холму, у подножия которого бежал ручей.

Как бы то ни было, Кэти задала вопрос, и я стал рассказывать. Она слушала, внимая каждому слову, и я уже не мог остановиться. Я не только объяснил, как попал в неприятнейшую историю, но и сказал, что мне пришлось пережить за последние две недели. Я ощущал необычную легкость, потому что Кэти принимала все, что я говорил, очень близко к сердцу. Постепенно я успокаивался. Неожиданно для меня самого оказалось, что я уже не шагаю по лугу и Кэти не спешит за мной, а

мы вдвоем медленно бредем по берегу ручья. Рассказывая Кэти, я и сам впервые понял, чем я занимался последние полмесяца – жалел себя. Я выговорился до конца.

– Прошу прощения за многословие, – сказал я. – Вы были очень терпеливы.

– Нет-нет, все в порядке, – отозвалась Кэти. – Похоже, вам пришлось несладко. – Она спустилась к самому ручью. – Может, мы здесь остановимся? Мы прошагали не меньше четырех миль. Я бы с удовольствием поплескалась.

Кэти сбросила туфли, закатала джинсы до колен и вошла в стремительный поток. Вода была холодной, и Кэти взвизгнула. Я лег на траву, подставив лицо солнечным лучам. Сквозь полуопущенные веки я смотрел, как Кэти прыгает с одного мокрого камня на другой, и волосы падают на ее загорелое лицо. Она приехала в белой рубашке и в старых джинсах. Я никогда не видел ее такой беззаботной, взъерошенной. Такая Кэти нравилась мне гораздо больше. Она очень мне нравилась. Я улыбнулся и закрыл глаза.

Должно быть, я задремал на прохладной траве, потому что меня разбудило щекотание под носом. Я наморщил нос, чихнул и открыл глаза. Кэти, лежа рядом со мной, длинной травинкой водила у меня под носом. Я вяло попытался схватить травинку, но Кэти, хихикнув, отдернула ее. Лицо Кэти было всего дюймах в шести от моего. Ее большие карие глаза светились. Потом улыбка исчезла с ее лица, я приподнялся и притянул Кэти к себе. Мы поцеловались – сначала нерешительно, потом крепче, обняв друг друга. Кэти оторвалась от меня, тихонько хихикнула, отбросила волосы с лица и снова

жадно прильнула к моим губам. Именно в этот момент не больше чем в пятидесяти ярдах от нас кто-то крикнул:

– Бенсон, куда ты подевался? К ноге, чертова собака!

Мы со смехом оторвались друг от друга. Кэти встала.

– Пойдем, нам до машины не меньше трех миль.

– Хорошо, – вздохнул я и тоже поднялся.

По берегу ручья мы шли молча. Когда мы оказались на другой стороне долины, Кэти сказала:

– Мне очень жаль Дебби.

Еще одна непростая тема, но и на этот раз я почему-то даже был рад, что Кэти заговорила о ней.

– Мне тоже.

– Я ее почти не знала, – продолжала Кэти. – А ты?

Она изучающе смотрела на меня. Я понял, что она подразумевает, и улыбнулся.

– Не так, как ты подумала. Но у нас были очень хорошие отношения. Мне Дебби нравилась. – Мы прошли еще несколько ярдов.

– Что с ней случилось? – спросила Кэти.

– Что ты имеешь в виду?

– Видишь ли, все говорят, что она покончила с собой, но такого просто не могло быть. Несчастный случай тоже маловероятен.

– Гм-м, – промычал я.

– Ты знаешь, что с ней произошло на самом деле? – Кэти умела быть упрямой.

Я кивнул.

– Ты мне расскажешь?

Я глубоко вздохнул. Неожиданно мне захотелось рассказать Кэти все. Все на свете.

– Хорошо.

Мы поднимались по склону холма. Я молчал, пока мы не добрались до его гребня. Здесь мы остановились. Я бросил взгляд на ручеек, журчавший в крохотной долине. Тихий, мирный уголок английской земли.

– Ее убили.

– Об этом я сама догадалась, – негромко произнесла Кэти. – Ты знаешь, кто это сделал?

– Нет. Сначала я думал, что это был Джо Финлей, но он все отрицал. И я склонен ему верить.

– Ах, так. А ты знаешь, почему ее убили?

– Думаю, да.

И я рассказал Кэти все. О том, как я узнал, что банк «Хонсю» никогда не давал гарантии «Тремонт-капиталу», о том, как у меня родились подозрения, что Дебби докопалась до обмана прежде меня. Я рассказал обо всем, что мне удалось выяснить в Нью-Йорке, о стычке с Джо Финлеем в Центральном парке, о ссудо-сберегательном банке «Финикс просперити» и о том, как этот банк инвестировал строительство «Таити».

Кэти слушала, широко раскрыв глаза, ловя каждое слово.

– Какая связь между всеми этими компаниями?

– «Тремонт-капитал» выпустила на сорок миллионов долларов облигаций, якобы обеспеченных гарантией банка «Хонсю». Потом Кэш продал половину этих облигаций «Де Джонгу». Хамилтон не проверил документацию, понадеявшись на гарантию японского банка. Вторую половину этих облигаций Кэш продал швейцарскому банку «Харцвайгер». Я не сомневаюсь, что герр Дитвайлер, оформивший сделку от имени швейцарского банка, был тем или иным образом подкуплен. Похоже, Кэш был одним из авторов всей аферы. Они с Вайгелем давно связаны одной веревочкой.

Вырученные от продажи облигаций сорок миллионов пошли на покупку контрольного пакета акций ссудо-сберегательного банка «Финикс просперити» или «денежного станка дядюшки Сэма». Эти деньги плюс правительственные гарантии позволили «Финикс просперити» набрать в несколько раз большую сумму, которую предполагалось вложить в ряд очень рискованных, но при удачном исходе высокоприбыльных операций. Одной из первых таких операций стала покупка двадцатипроцентных облигаций отеля «Таити» Ирвина Пайпера.

Сначала у мошенников все шло очень гладко, но потом появились неожиданные осложнения. Первым человеком, у которого возникли подозрения, был Грег Шофман. Он позвонил в банк «Хонсю» и узнал, что этот банк не давал «Тремонт-капиталу» никаких гарантий. Понятия не имею, что еще он успел узнать и как мошенникам стало известно, что он напал на их след. Как бы то ни было, его убили. Скорее всего, это сделал Вайгель, потому что труп Шофмана был обнаружен

недалеко от дома Вайгеля. Потом подозрения появились и у Дебби Чейтер. Ее тоже убили.

– Как ты думаешь, кто за всем этим стоит? – спросила Кэти.

– Не знаю. Очевидно, они – держатели контрольного пакета акций «Тремонт-капитала». Я уверен, что один из них – Вайгель. И...

– И что?

– Меня нисколько не удивило бы, если бы вторым оказался Кэш.

– И кто-нибудь еще?

– Может быть. Я просто не знаю.

– А кто убил Дебби?

– Это очень трудный вопрос. Мы знаем, что это не мог быть Вайгель, потому что, если верить его ежедневнику, в день убийства он был в Нью-Йорке. Как я уже говорил, Джо сказал, что он тут не при чем, и я склонен ему верить. Возможно, это был Кэш. Или кто-то другой.

– Например, Ирвин Пайпер?

– Нет, не думаю. В Лас-Вегасе у нас с ним была небольшая стычка. Кажется, он был искренне удивлен, когда я сказал ему об убийстве Дебби.

– Тогда кто же убийца?

Я повернулся к Кэти.

– Скорее всего, это Кэш. Он знал, что продает Хамилтону. Он связан со ссудо-сберегательным банком «Финикс просперити». Вайгель – его старый друг.

Кэти нахмурилась. Какое-то время она молча переваривала мои предположения. Мы побрели дальше.

– Я понимаю, – сказала наконец Кэти, – тебе будет трудно со мной согласиться, но я не думаю, что Кэш способен на убийство или нечто подобное. Он способен на подлость и кажется верным кандидатом в убийцы. Но у него есть свои моральные принципы, которые он никогда не преступает.

– Что ты говоришь? – возмутился я. – Я в жизни не встречал человека гнуснее Кэша!

– Я готова допустить, что он и в самом деле кажется таким, – сказала Кэти, – но я работаю с ним уже год и немного его узнала. Не думаю, что он настолько низко пал. Я уверена, Кэш просто не способен на убийство.

– А как же история с этими проклятыми облигациями «Джипсам»? Какие принципы он соблюдал в этом случае?

– О, я тебе еще не рассказывала? Комиссия сняла с Кэша все обвинения. Оказалось, что конфиденциальной информацией располагал Джо. Облигациями «Джипсам» занимался он. Через подставных лиц Джо купил толстенный пакет акций.

– В самом деле? Это для меня сюрприз. Я был уверен, что Кэш знал о предстоящей продаже компании «Джипсам».

Я обдумал новость и попытался сопоставить ее с тем, что мне было уже известно. Все же в моем представлении Кэш никак не вязался с образом честного, принципиального сейлсмена.

– Комиссия еще продолжает расследование. По-видимому, ищут сообщников Джо, – сказала Кэти.

– Ты имеешь в виду меня?

– Я не знаю точно, но думаю, что подозрения с тебя не сняты, – ответила Кэти. – В пятницу вечером к нам приходил полицейский. Он интересовался тобой, задавал разные вопросы...

– Полицейский? Не какой-нибудь чинуша из Ассоциации рынка ценных бумаг? Ты уверена?

Я всегда думал, что между Хамилтоном и комиссией ассоциации было достигнуто соглашение: Хамилтон меня выгоняет, а комиссия прекращает расследование деятельности компании «Де Джонг» и, следовательно, формально снимает с меня все обвинения.

– Да, уверена. Его фамилия Пауэлл. Инспектор Пауэлл. Он задавал много вопросов о тебе и Дебби.

Я перестал что-либо понимать. Насколько мне было известно, инспектор Пауэлл закрыл следствие по делу о смерти Дебби. И почему он заинтересовался мной? Странно.

Несколько минут мы шли молча. Впереди уже показалась деревушка, где я бросил свою машину. Ярдах в ста от деревушки на небольшом холме стоял приземистый храм. Место поклонения первых христиан, подумал я.

– Так что ты намерен делать со всем этим? – спросила Кэти.

– С чем «этим»?

– С убийством Дебби. С «Тремонт-капиталом». С «Финикс просперити».

– Ничего.

– Ничего?

– Какое мне дело? Теперь все это бессмысленно, – мрачно сказал я.

– Чепуха, – горячо возразила Кэти. Я с удивлением посмотрел на нее. – Чепуха, – повторила она.

– Что ты хочешь сказать?

– Пол, тебе пора взять себя в руки. Согласна, тебе пришлось нелегко. Но кто-то украл сорок миллионов долларов, при этом убив двух человек. Если ты ничего не предпримешь, то преступление останется безнаказанным. Ты ведь не можешь этого допустить, не так ли?

Кэти разволновалась. Ее щеки заалели, глаза сверкали. Но у меня было такое ощущение, что она волнуется скорее из-за меня, чем из-за кого-то другого. Я пожал плечами.

– Наверно, ты права.

Кэти улыбнулась и взяла меня за руку.

– Это другое дело. А я буду тебе помогать. С чего мы начнем?

– Что ж, думаю, мне стоило бы поговорить с Хамилтоном, но я не очень хорошо себе представляю, как я к нему подойду после этой истории с акциями «Джипсам».

– Понимаю, – согласилась Кэти. Потом ее осенило: – Послушай, если Кэша полностью оправдали, значит, и с

тебя должны снять все обвинения? Я хочу сказать, раз Кэш не располагал конфиденциальной информацией, то он не мог тебе ее передать, правильно?

Я бросил взгляд на Кэти. Она был права. Во мне снова затлела искорка надежды.

– Разреши мне поговорить с Кэшем. Я уверена, он найдет способ тебе помочь.

– Не могу сказать, что я в восторге от этого предложения, – сказал я.

– Послушай, я совершенно уверена, что он не имеет ни малейшего отношения к убийству Дебби Чейтер. Разреши мне поговорить с ним.

– Ладно, – нехотя согласился я. – Но только ни слова о «Тремонт-капитале».

– Обещаю, ни слова.

Мы были уже совсем рядом с деревушкой. Я высмотрел небольшой паб и сказал:

– Хватит об этом. Меня давно мучит жажда. Давай чего-нибудь выпьем.

Мы не стали заходить в пивную шестнадцатого века, а расположились за столиком на свежем воздухе и, неторопливо потягивая вино, смотрели, как солнце медленно спускается к лесистым холмам. И мне и Кэти хотелось как можно дольше продлить этот волшебный вечер. При пабе оказалась столовая, и мы остались на ужин – домашний пирог с мясом и печенкой.

– После возвращения из Америки ты встречалась с Робом? – спросил я.

– Да, пришлось, – нехотя отозвалась Кэти.

– В чем дело? Он надоедал тебе?

– Можно сказать и так, – ответила Кэти, не отрывая глаз от тарелки.

Я ждал, что Кэти что-то объяснит, но она упорно молчала. Ее слова, а больше того, ее молчание, не только заинтриговали, но и обеспокоили меня. Я не забыл сумасшедшую выходку Роба в Лас-Вегасе.

– Что он сделал?

– Раза два я сталкивалась с ним на разных официальных мероприятиях, а с недавнего времени он взял манеру бродить возле «Блумфилд Вайс» и преследовать меня до самого дома. Всякий раз он подходит ко мне и всякий раз говорит грубости.

– Какие, например?

– Он говорит, что я – ничтожество, что я предала его. Называет меня пустой кокеткой. И еще он всегда рассказывает всякие мерзости про тебя.

Я вздохнул.

– Не могу сказать, что это меня удивляет.

– Он говорил, что у тебя был роман с Дебби. – Кэти бросила на меня вопрошающий взгляд.

– Это неправда. Я говорил тебе. Просто мы работали вместе и стали друзьями.

– Роб сказал, что незадолго до гибели Дебби он застал вас двоих в плавучем ресторане, в довольно интимной обстановке. – Кэти заметила мой удивленный взгляд и улыбнулась. – Не волнуйся, я тебе верю. Да и вообще, какое мне дело до твоих девушек?

Я отмахнулся.

– Дело не в этом. Я не могу понять, каким образом Роб мог видеть нас в том ресторане. Тогда мы ушли из офиса раньше его. Значит, он следил за нами.

– Зачем?

– К сожалению, ты не первая женщина, с которой Роб ведет себя подобным образом. Похожая история была у него с Дебби. В конце концов она отделалась от него, но ее соседка сказала мне, что незадолго до гибели Дебби Роб снова стал ее преследовать. Больше того. Роб сделал Дебби предложение, но она ответила ему отказом.

– Подожди! Если Роб видел вас с Дебби незадолго до ее гибели, то, возможно, он стал свидетелем убийства, – сказала Кэти, потом, заметив мою озабоченность, добавила: – Но ты ведь не думаешь, что Дебби убил Роб?

Я вздохнул.

– К сожалению, я не исключаю такую возможность. Ты сама видела, каким он иногда становится. И он не склонен отступать. Знаешь, когда он сказал, что убьет нас с тобой, я ему почти поверил.

Кэти поежилась. Мои слова ее определенно напугали. Мы продолжили ужин в молчании. Я не выдержал первым:

– Послушай, теперь с этим уже ничего нельзя поделать. Давай возьмем еще бутылку вина и поговорим о чем-нибудь более веселом.

Так мы и сделали. Перескакивая с одного на другое, мы проболтали весь вечер. Мы вспоминали смешные истории, происшедшие с нами в разное время, и

хохотали до упаду. В конце концов к нам подошел хозяин паба, только тогда мы заметили, что из посетителей мы остались одни. Мы неохотно поднялись из-за стола и собрались уходить. В этот момент я увидел объявление.

– Послушай, тут нам предлагают ночлег и завтрак. – Кэти посмотрела на меня и улыбнулась. – Соглашаемся?

У хозяев действительно оказалась свободной комната с покоробившимся потолком, с треснувшими дубовыми балками и с крохотным косым окошком, через которое на фоне полной луны был виден силуэт храма на холме. Мы не стали включать свет, нам было достаточно луны. Мы медленно разделись. Обнаженная Кэти шагнула ко мне и положила голову мне на грудь. Я нежно притянул ее к себе. При первом прикосновении дрожь пробежала по нашим телам. Мы наслаждались интимностью наших объятий. Я медленно провел рукой по изящному изгибу ее спины.

Она подняла на меня свои темные глаза, которые в лунном свете казались больше обычного.

– Пойдем в постель, – шепнула она.

Лениво посматривая в окно на медленно ползущий в этот час поток автомобилей, я неторопливо пил заслуженную мной чашку чая. Этот день сложился для меня хорошо.

Дел было много. Моя жизнь постепенно более или менее упорядочивалась. Мы с Кэти встали в половине шестого, чтобы она успела вернуться в Лондон, переодеться и не опоздать на работу. Впервые за две недели я вышел на пробежку – легкую разминку, чтобы для начала хотя бы разогнать кровь по жилам. Я

позвонил «охотникам за талантами» и замучил их вопросами. Я разослал анкеты в несколько фирм, которые на прошлой неделе дали объявления о вакантных рабочих местах, и впервые позвонил старым знакомым, работавшим в банках. Они могли бы мне помочь. Если мне удастся снять с себя обвинения комиссии, то у меня определенно появятся неплохие перспективы.

Мои мысли прервал звонок у двери подъезда. Я выглянул в окно – рядом с моим домом стояла полицейская машина.

Я нажал кнопку интеркома.

– Да?

– Полиция. Разрешите войти?

Что им нужно? Я сразу вспомнил, как Кэти говорила об инспекторе Пауэлле и о его повышенном интересе ко мне.

– Конечно.

Я нажал кнопку, которая открывает подъезд, и распахнул дверь своей квартиры. По лестнице поднялись двое полицейских в форме. Они предложили мне проехать с ними в участок.

Я на минуту задумался, но не предвидел никаких осложнений. Кроме того, мне было любопытно узнать, каких успехов в расследовании добился Пауэлл.

Я сел в полицейский автомобиль. Мы приехали в участок, расположенный где-то возле Ковент Гардена. По дороге я попытался было поболтать с полицейскими, но безуспешно. Они просто не обращали на меня внимания. Недоброе предзнаменование, подумал я.

Меня провели в комнату для опросов, вся обстановка которой состояла из стола, четырех стульев и картотечного ящика. Я сел, отказался от предложенного мне чая и полчаса читал и перечитывал яркие многоцветные плакаты, призывавшие лондонцев закрывать свои автомобили и не оставлять без присмотра сумки.

В этой комнате достаточно было посидеть несколько минут, чтобы почувствовать себя преступником. Я не знал, в чем провинился, но определенно ощущал свою вину.

Наконец дверь отворилась, и в комнату вошли Пауэлл и Джонс. На своей территории инспектор чувствовал себя намного уверенней, чем при нашей первой встрече за полированным столом в комнате для совещаний «Де Джонга». Пауэлл сел за стол напротив меня. Джонс устроился рядом с ним, держа наготове блокнот.

Пауэлл подался вперед и не меньше минуты молча сверлил меня взглядом. В этой чертовой комнате я и без того чувствовал себя неуютно, а такое начало не сулило ничего хорошего. Впрочем, я выдержал взгляд инспектора. Я сидел неподвижно, нога за ногу, сложив руки на колене.

– Марри, вы ничего не хотите мне сообщить? – громким, властным голосом начал, наконец, Пауэлл.

– Что именно сообщить? – вопросом на вопрос ответил я.

Я старался говорить как можно более небрежно. Впрочем, было смешно притворяться, что для меня вызов

в полицейский участок – самое привычное дело. Я нервничал, и Пауэлл это понимал.

– Об обстоятельствах убийства Дебби Чейтер.

– Убийства? Насколько я помню, вы утверждали, что это было самоубийство. Или несчастный случай.

Напоминание о собственных скороспелых выводах не понравилось Пауэллу.

– Теперь мы знаем, что это было убийство.

– Об этом я всегда твердил.

– Не умничайте со мной, молодой человек. Я знаю, что это было убийство, и вам это хорошо известно. И оба мы знаем, кто ее убил, не так ли?

О Боже, подумал я, он уверен, что Дебби убил я. Я просто смотрел на инспектора отсутствующим взглядом.

– Итак, давайте еще раз послушаем вашу версию того, что случилось вечером накануне убийства, – сказал Пауэлл.

Я повторил свой рассказ, стараясь не упустить ни одной мелочи, но Пауэллу этого было мало. Он стал задавать вопросы о моей поездке на метро от станции «Темпл», и я всерьез заволновался. Я ничего не помнил, кроме того, что тогда все мои мысли были заняты Дебби. Я забыл время, когда спустился в метро, когда вышел на Глостер-роуд. Я не мог вспомнить ничего из того, что делал в тот вечер.

Моя неуверенность не укрылась от Пауэлла.

Когда я наконец замолчал, он произнес коротко:

– Чушь собачья.

Я непонимающе смотрел на инспектора. Он встал и, расхаживая по комнате, стал излагать собственную версию.

– А теперь позвольте рассказать, что стало известно нам. Жертва и вы вместе покинули ресторан. К вам привязались пьяные. Вы вдвоем направились к станции метро «Эмбанкмент». Было темно, шел сильный дождь, видимости почти никакой. Вы были уверены, что вас никто не видит, схватили жертву и бросили ее в реку.

Я поежился. Черт побери, почему я никак не могу избавиться от чувства вины? Это просто смешно. Я должен был взбеситься, но вместо этого с трудом выдавил из себя короткое «нет».

Пауэлл встал и за два быстрых шага подошел ко мне почти вплотную. Он не прикасался ко мне, но наклонился так, что его лицо находилось не больше чем в трех дюймах от моего. Я чувствовал исходивший от него запах лука, видел его лоснящуюся, усеянную оспинами кожу.

– Я знаю правду, Марри, у меня есть свидетель, который все видел.

Свидетель? Что за ерунда? Наконец я взял себя в руки и снова обрел способность здраво мыслить.

– Кто этот свидетель?

– Этого я не могу сказать.

– Почему не можете?

– Послушайте, Марри, неважно, как зовут этого свидетеля. Важно, что у меня есть его показания, данные под присягой.

– Этот человек знает меня?

– Повторяю, этого я не могу сказать.

Роб! Это мог быть только Роб. Он говорил Кэти, будто видел, как мы с Дебби выходили в тот вечер из ресторана. Какую нелепость он наговорил в полиции?

– Итак, вы готовы добровольно признаться? Мы знаем, что вы убили мисс Чейтер. – Пауэлл снова стал расхаживать по комнате. – Для всех нас было бы намного лучше, если бы вы сейчас же рассказали всю правду. Нет смысла отрицать свою вину. Как я уже сказал, у нас есть свидетель. У нас есть доказательства.

Будь я проклят, если я и дальше позволю Пауэллу издеваться надо мной. Я кивнул в сторону Джонса, который бешено царапал в своем блокноте.

– Пусть он отпечатает мои показания, и я их подпишу. С этой минуты без адвоката я не скажу ни слова.

За следующие пять минут Пауэлл испробовал на мне все известные ему способы заставить меня заговорить. В конце концов он сдался.

– Вы – упрямый сукин сын, Марри. Но будьте спокойны, скоро мы с вами снова встретимся.

Пауэлл и Джонс оставили меня одного и через несколько минут вернулись с показаниями, которые я дал раньше. Я тщательно их проверил, подписал и ушел. Когда я оказался на улице, у меня подгибались колени. Я попал в весьма затруднительное положение. Я понимал, что Пауэлл хотел запугиванием заставить меня сказать то, что говорить не следовало. Я догадывался, что пока у него не хватает улик для моего ареста, но сомневаться не приходилось – мне грозила беда. Пауэлл не стал бы

извлекать из архивов давно закрытое дело, если бы не был уверен в успехе.

Меня беспокоил сам Пауэлл. Я уже не раз имел возможность убедиться, что он относится к числу людей, склонных быстро выносить категорические суждения. Он был упрям и нетерпелив, а его скрупулезность в поиске улик тоже не могла меня утешить. Пауэлл не сомневался в том, что Дебби убил я, и был твердо намерен тем или иным путем вывести меня на чистую воду.

Я был уверен, что обычно инспектор Пауэлл добивался своего.

Убийство! Подозрение в использовании конфиденциальной информации для собственного обогащения казалось мне достаточно тяжелым испытанием, но оно было сущей чепухой по сравнению с обвинением в убийстве. В убийстве не кого-нибудь, а Дебби, – это казалось мне высшей несправедливостью.

Вернувшись домой, я сразу позвонил Денни. К счастью, он работал допоздна. Денни дал мне конкретные советы. Отнеситесь к подозрениям Пауэлла серьезно. Маловероятно, чтобы инспектор уже собрал улики, достаточные для предъявления обвинения. Впредь в отсутствие Денни не говорить Пауэллу ни слова. Пока же нужно набраться терпения и ждать развития событий.

Двадцатая глава

Вечером в четверг я смотрел по телевизору соревнования по легкой атлетике, трансляцию из Осло. Мне было невыносимо тяжело, но почему-то я не мог заставить себя выключить телевизор. На восьмисотметровой дистанции первым финишировал испанец, которого я не раз побеждал, и я снова спросил себя, почему я бросил легкую атлетику? Я был в такой отличной форме! А теперь возвращаться в большой спорт было уже поздно. Мне никогда не восстановить прежнюю спортивную форму. Теперь все в прошлом. Ничего не остается, как только сожалеть о неверном решении.

В почти пустом баре было холодно и темно. Я пришел раньше назначенного времени и в ожидании Кэша и Кэти склонился над кружкой «Дейвис Оулд Уоллоп».

Кэша я сначала услышал и лишь потом увидел. Он спускался по лестнице, и в пустом пабе оглушительно загремел его голос:

– Боже, Кэти, здесь как в морге!

Я пытался выбрать самое тихое место. Возможно, это было моей ошибкой. В пустом зале голос Кэша будет привлекать гораздо больше внимания, чем в каком-нибудь переполненном баре. Я осмотрелся. Три воркующие парочки, тоже искавшие темноты и уединения, и компания молодых людей лет двадцати с небольшим, которые стремились побыстрей напиться. Вроде бы здесь было безопасно.

Я с тревогой ждал этой встречи с Кэшем, он же вел себя вполне естественно. В своей обычной манере он не

вошел, а скорее ворвался в бар; увидев меня, широко улыбнулся и зашагал прямо ко мне.

– Пол, страшно рад тебя видеть. Как твои дела?

Он подтащил к моему столику еще один стул. Кэти следовала за ним, отставая шага на два. Устраиваясь за столиком, она тайком улыбнулась мне.

– Черт! Тебе действительно дьявольски не повезло, – продолжал Кэш. – Кое-что мне рассказала Кэти. Не могу поверить, что все это случилось именно с тобой.

Я невольно ощутил что-то вроде симпатии к Кэшу. Его сочувствие казалось искренним, и я испытал удовлетворение от того, что кто-то еще верит мне. Осторожно, остановил я себя, доверять Кэшу – опасное дело.

– Привет, Кэш, – довольно холодно сказал я, вяло ответив на рукопожатие. Такой прием несколько ошарашил Кэша. Я сделал вид, что ничего не заметил. – Могу я предложить тебе чего-нибудь выпить? – Я пытался говорить если не дружеским тоном, то хотя бы вежливо.

– Конечно. С удовольствием выпью той же гадости, что и у тебя там, – сказал Кэш, показывая на мою кружку с «Дейвис».

Через минуту я вернулся с пивом для Кэша и перрье для Кэти. Все мы чувствовали себя неловко. Я молча поставил напитки на стол. Кэш сделал глоток, скорчил гримасу и произнес единственное слово:

– Интересно.

Затянувшееся молчание определенно стало раздражать и его и Кэти. Мне же вдруг расхотелось откровенничать с Кэшем, и я уже сожалел, что согласился на эту встречу. Наконец Кэш, скорее просто для того, чтобы нарушить неприятную тишину, сказал:

– За эти две недели ты много не упустил.

Кэш еще минут пять разглагольствовал о положении на рынке ценных бумаг, а я отнюдь не проявлял интереса к его болтовне. Без моей поддержки и красноречие Кэша стало быстро иссякать. Тогда его перебила Кэти.

– Послушайте, я свела вас вместе, потому что уверена – вам есть что сказать друг другу. Пол, не лучше ли начать тебе? – твердо сказала она. – Расскажи Кэшу о расследовании комиссии из ассоциации.

Я не испытывал большого желания, но все же заставил себя заговорить. Кэш слушал очень внимательно, ни разу меня не перебив. Когда я замолчал, он сказал:

– Мне все эти обвинения и подозрения кажутся довольно беспочвенными. Похоже, что у комиссии нет ни одной веской улики.

– Тебя комиссия тоже допрашивала? – спросил я.

– Да, – ответил Кэш. – Я перепугался до смерти. Представь, сначала ты мне говоришь, что тобой заинтересовался этот Боуэн. Потом за меня взялся Берриман. А потом тебя выгоняют за использование конфиденциальной информации. – Кэш сделал большой глоток. – Это меня выбило из Колеи. Я знал, конечно, что не делал ничего противозаконного, но в таких фирмах,

как «Блумфилд Вайс», всегда рады случаю найти очередного козла отпущения.

Потом – это было на прошлой неделе – меня вдруг вызвал шеф лондонского офиса. Он сказал, что обнаружены новые факты. Выяснилось, что конфиденциальной информацией располагал Джо Финлей, который приобрел для себя лично большой пакет акций «Джипсам оф Америка». Он же очень выгодно купил и облигации для «Блумфилд Вайс». Теперь все уверены, что Джо действовал в одиночку и из сотрудников фирмы никто другой не имел доступа к секретной информации. У меня не хватит слов, чтобы сказать, какое облегчение я тогда испытал.

Кэти, сосредоточенно нахмурившись, тоже внимательно слушала Кэша.

– Одного я не понимаю, – сказала она. – Почему до сих пор не оправдали Пола? Если комиссия убедилась, что Кэш вообще не располагал никакой конфиденциальной информацией, то и у Пола не было возможности ее получить – если только комиссия не уверена, что Джо и Пол поддерживали постоянную связь.

– Ты права, – согласился я.

Кэш кивнул.

– Кэти права. Тебе нужно с кем-нибудь поговорить. С де Джонгом или с Берриманом. Я тебя поддержу.

Я улыбнулся.

– Спасибо.

Я действительно был благодарен Кэшу. Для него кошмар расследования только что рассеялся, и, конечно, меньше всего на свете ему бы хотелось снова

впутываться в эту историю. Предложение Кэша было для меня неожиданным и тем более приятным.

– Я утром же позвоню в ассоциацию, – сказал я, отпил глоток пива, с минуту помолчал, потом добавил: – Интересно, знал ли Джо, что Дебби напала на его след?

– Что ты имеешь в виду? – не понял Кэш.

– Видишь ли, это ведь Дебби намекнула Боуэну, что в «Блумфилд Вайс» происходит нечто странное. Если бы Джо об этом узнал, он бы не обрадовался.

– Ты хочешь сказать, что Джо мог убить Кэти?

Я поднял брови.

– Это не исключено.

– Боже мой, он и в самом деле мог ее убить, – воскликнул Кэш. – Но я не уверен, что во всей этой истории Джо действовал совершенно один.

– Почему? – спросил я.

– Понимаешь, он должен был от кого-то получить сведения о том, что немецкая корпорация собирается купить американскую. Как иначе об этом может узнать трейдер, который сидит в Лондоне?

– Кто-нибудь проболтался, а Джо случайно услышал?

– Возможно, Но маловероятно.

Я на минуту задумался.

– А как насчет Ирвина Пайпера? Он – большой специалист в подобных делах, не так ли? Джо был знаком с Пайпером?

– Мне в голову пришла та же мысль, – сказал Кэш. – Да, они были знакомы. Не представляю, где и при каких обстоятельствах они встретились, но каким-то образом они нашли общий язык.

Я потер подбородок и снова погрузился в размышления.

– Это возможно. Но как нам узнать, был ли Пайпер на самом деле источником информации для Джо?

– Может, что-нибудь можно будет найти в бумагах Джо, – предложила Кэти. – Должно быть, они еще не сданы в архив. Я завтра же посмотрю.

– Это стоит проверить, – согласился я.

– Что ж, я рада, что мы до чего-то договорились, – сказала Кэти. – Но мы хотели обсудить с тобой, Кэш, еще одно дело.

Я бросил на Кэти недовольный взгляд. Я был готов признать, что Кэш не имел никакого отношения к распространению информации о поглощении корпорации «Джипсам», но это вовсе не означало, что я готов положиться на него и во всем другом.

– Пол, я думаю, мы должны рассказать Кэшу, – продолжала Кэти. – Поверь мне.

Я все еще колебался. Соблазн поверить Кэти был очень велик. К тому же я сам не мог себе представить Кэша в качестве мозгового центра операции «Тремонт». Черт побери, подумал я, а что мне терять? Разве не любопытно посмотреть, как Кэш отреагирует на мой рассказ? Неделями я пытался получить ответы на мучившие меня вопросы от разных людей так, чтобы те

ничего не заподозрили. Теперь мое терпение лопнуло. Мне нужно было знать. Немедленно.

– Хорошо, – кивнул я. – Кэш, разреши мне заказать тебе вторую кружку. Она тебе наверняка понадобится, когда ты будешь слушать.

Итак, я принес еще одну кружку пива и более или менее подробно рассказал ему обо всех событиях, которые произошли после гибели Дебби. Первый раз в жизни я стал свидетелем того, как Кэш лишился дара речи. Он слушал меня в полном смысле слова с открытым ртом. Я закончил рассказ и, заглянув Кэшу прямо в глаза, спросил:

– Ну, что скажешь?

Кэшу потребовалось время, чтобы прийти в себя.

– Черт! – сказал он, потом добавил: – Боже праведный!

– Ты не возражаешь, если я задам тебе пару вопросов? – спросил я.

– Нет, конечно. Валяй, – механически ответил Кэш. Он все еще не мог переварить мой рассказ и, очевидно, пытался предугадать наиболее вероятные последствия.

– Ты знал, что банк «Хонсю» никогда не давал гарантии «Тремонт-капиталу»?

– Нет, не знал, – ответил Кэш, потом его глаза сверкнули гневом. – Ты думаешь, что я тоже участвовал в этой афере?

Реакция Кэша на первый взгляд казалась самой естественной, но его способность врать не моргнув

глазом стала легендарной. Я не знал, лжет ли он и теперь или говорит правду.

– Такая мысль приходила мне в голову, – признался я.

Моментально от гнева Кэша не осталось и следа.

– Да, наверно, так и должно было быть, – сказал он и на минуту задумался. – Послушай, тебе пришлось нелегко, но ты мне нравишься. – Он заметил, что мои брови поползли вверх, и предостерегающе поднял руку. – Нет, я говорю совершенно искренне. Одни из моих клиентов совсем глупы, другие довольно сообразительны, но тебя я считаю, пожалуй, самым толковым. Мне нет смысла льстить, ведь сейчас тебя едва ли можно назвать моим главным клиентом, не так ли?

Мне было трудно не согласиться с последним утверждением.

– Как бы то ни было, – продолжал Кэш, – теперь я хотел бы помочь тебе всем, что в моих силах. Я не участвовал ни в одной из финансовых афер. Я понимаю, ты мне не доверяешь, но сейчас это не имеет значения. В любом случае мы должны найти того, кто стоит за всем этим. Пока мы его не нашли, можешь, если у тебя возникнет такое желание, считать меня подозреваемым номер один.

Почему-то мне очень хотелось поверить Кэшу. Трудно было ему не верить. Во всяком случае его предложение казалось вполне разумным.

– Согласен, – сказал я. – Давай начнем с облигаций «Тремонт-капитала».

Кэш улыбнулся.

– Отлично. Теперь дай мне подумать. Это была затея Вайгеля и только Вайгеля. Он поддерживал связь с эмитентом облигаций и один работал с ним в Нью-Йорке. Однажды он мне позвонил, объяснил ситуацию и спросил, не могу ли я разместить облигации. Помню, он сказал, что это нужно делать очень быстро.

– Как ты выбирал клиентов?

– Насколько я помню, Вайгель сам предложил мне поговорить с банком «Харцвайгер». «Де Джонг» тоже казался вполне подходящим клиентом. Такие операции вполне в духе Хамилтона. Немного запутанные, немного рискованные, но если у тебя хватит ума, то можешь получить огромную прибыль.

Я кивнул. Действительно, Хамилтон охотно купил бы такие облигации.

– Больше того, – продолжал Кэш, – неделей раньше Хамилтон просил присмотреть для него высокодоходные облигации с высоким рейтингом надежности. В конце концов операция прошла на удивление легко. За одно утро я продал весь выпуск. Не было необходимости подключать других агентов. Великолепная сделка.

– Что было очень удобно для Вайгеля. Чем меньше людей участвует в деле, тем меньше вероятность того, что кто-то докопается до сути.

Кэш вздохнул.

– Думаю, ты прав.

– Хорошо, а как насчет «Финикс просперити»? Ты знал, что этот банк был куплен «Тремонт-капиталом»?

– Нет. Я понятия не имел, кто распоряжается банком. Но там действительно происходило нечто очень странное. Насколько я помню, все началось вскоре после того, как мы разместили облигации «Тремонт-капитала». – Кэш отпил глоток. – С Джеком Салмоном я провернул много сделок. Он постоянно покупал и продавал облигации, радовался ничтожному доходу, когда курс повышался на одну восьмую пункта, и терпел колоссальные убытки, когда не угадывал ситуацию на рынке. Словом, не клиент, а мечта сейлсмена. Жирные комиссионные всегда обеспечены.

Потом вдруг все изменилось. Салмон продолжал активно работать, так что мне не было нужды беспокоиться, но он начал делать деньги. Теперь он играл по крупному, очень рискованно. Ты понимаешь, что я имею в виду – бросовые облигации, самые разнообразные неоднозначные сделки. Иногда они кончались полным провалом, но в целом Салмон определенно зарабатывал больше, чем терял.

– Странно, как Джек Салмон сумел делать деньги на таких операциях, – заметил я.

– Очень странно, – согласился Кэш. – Но в сущности это был не он. Джек ни разу в жизни не принял ни одного серьезного решения. Разумеется, он делал вид, что все решает сам, и я ему подыгрывал, но каждый раз он давал ответ не сразу. Я предоставлял ему столько времени, сколько нужно, чтобы посоветоваться с кем-то, потом Джек перезванивал мне и покупал мои облигации.

– Да, так оно и было, – поддакнул я и рассказал Кэшу, как Джек Салмон покупал облигации «Фэруэй», предварительно получив по телефону руководящие указания.

Мы помолчали с минуту.

– Я всегда знал, что Дик – далеко не ангел, но мне и в голову не приходило, что он может быть таким подонком, – как бы рассуждая вслух, пробормотал Кэш.

– Вы знакомы с детства?

Кэш вздохнул.

– Да. Впрочем, друзьями мы никогда не были. Думаю, я пользовался чуть большей популярностью, чем Рики. Диком он стал называть себя гораздо позже. Он смахивал на тупицу, да и вел себя, как настоящий болван. Ему изрядно доставалось от ребят, пока... – Кэш запнулся.

– Пока что? – подтолкнул его я.

– Пока он не занялся торговлей наркотиками. Он нашел себе помощников – двух обезьяноподобных воротил, и они продавали наркотики всем ребятам в округе. Нет, сам Рики никогда не продавал это дерьмо, для этого он был слишком хитер. Но вся торговля наркотиками шла через него.

Помню, как-то один парень попытался потеснить Рики с его территории. Кончилось тем, что этому парню всадили нож в спину. Все знали, что это сделали ребята Рики. Думаю, парня убили по его приказанию.

– Но ты все еще считаешь его своим приятелем.

– О да. Дело в том, что Рики был умен и хитер. Он понял, что на торговле наркотиками в Бронксе далеко не уедешь. Поэтому он поступил в Колумбийский университет, потом закончил Гарвардскую школу бизнеса и стал ведущим финансистом. Тут мало быть умным.

Чтобы добиться успеха в инвестировании, нужно посвятить этому всю жизнь.

Помнишь, я рассказывал тебе, как я гордился тем, что вывел наших ребят на Уолл-стрит? Так вот, из всех нас Рики, пожалуй, добился самых больших успехов, и я в какой-то мере восхищался им. Конечно, я понимал, что он играл на грани фола, но, чтобы выжить, всем нам приходится как-то крутиться. К тому же мы с ним провернули несколько очень удачных операций, поэтому я мог смотреть сквозь пальцы на некоторые его странности. Но убить Дебби Чейтер и Грега Шофмана? – Кэш сокрушенно покачал головой.

– Мы не знаем, кто убил Дебби, – возразил я. – Похоже, это был не ты. Вайгель в это время был в Америке. Но полиция уверена, что нашли убийцу.

Кэш и Кэти устремили на меня вопрошающие взгляды.

– Инспектор Пауэлл убежден, что Дебби убил я. Он говорит, что у него есть свидетель.

Кэти пришла в ужас.

– Это просто нелепо. Ты шутишь?

– Инспектор Пауэлл шутить не умеет.

– Но у него нет доказательств.

– Согласен, пока улик у него, скорее всего, не хватает. Но боюсь, он может их найти, – сказал я.

– Но как?

– Их кто-нибудь подкинет. Или сам Пауэлл что-нибудь придумает.

– И кто же этот свидетель? – спросил Кэш.

– Мне кажется, что это Роб, – ответил я. – Он говорил Кэти, что в тот вечер видел нас с Дебби. Но почему он стал лжесвидетельствовать в полиции – это выше моего понимания.

– Возможно, он и убил Дебби, – предположил Кэш.

Конечно, Роб мог убить Дебби. Но это мог сделать и Джо, и Вайгель, и даже Пайпер. С другой стороны, Роб был влюблен в Дебби. Джо сказал, что не убивал ее. Вайгель в день убийства был в Нью-Йорке. А Пайпер, судя по его реакции, узнал о гибели Дебби от меня. Мы блуждали в неизвестности. Убийцей мог быть и какой-то неизвестный, профессиональный киллер, нанятый Вайгелем, который, сделав свое дело, бесследно исчез.

Мы поговорили еще около часа и ни к чему не пришли. В конце концов мы были вынуждены сдаться. Допив пиво, мы поднялись и вышли из бара в тусклый сентябрьский вечер. Садясь в такси. Кэш пожелал нам с Кэти спокойной ночи. Его почти наглая ухмылка говорила о том, что установившиеся между нами отношения не остались для него тайной. Мы прошли около мили до небольшого итальянского ресторана недалеко от Ковент Гарден и отлично пообедали, запив обед бутылкой кьянти. Потом мы подбросили монету, я проиграл, мы сели в такси и поехали к Кэти в Хэмпстед.

Домой я вернулся на следующий день около восьми утра. Уже в прихожей я почувствовал неладное.

Я медленно прикрыл за собой дверь и шагнул в гостиную. Вроде бы все вещи были на своих местах, в том же виде, в каком я оставил их накануне. Из

распахнутой двери спальни тянуло ветерком. Я осторожно заглянул туда.

Проклятье! Снова у меня побывали незваные гости. В мою квартиру уже вламывались месяца два назад. Я не понимал, чем мое скромное жилище привлекает взломщиков. У меня не было ничего особенно ценного.

Я в панике вернулся в гостиную. Олимпийская медаль была на месте. Никуда не делись и переносной телевизор и дешевый музыкальный центр, который я недавно купил. Я открыл свой крохотный бар. На первый взгляд и здесь никто ни к чему не прикоснулся.

Я снова направился в спальню и подошел к окну. Очевидно, кто-то взобрался на крышу пристройки, дотянулся до моего окна, открыл защелку и вполз в комнату. Я отругал себя за то, что оставил окно не запертым на ключ, но летом я всегда спал с открытым окном, а каждое утро доставать ключ казалось мне напрасным.

Еще минут десять у меня ушло на более тщательную проверку квартиры. Вроде бы ничто не исчезло. Я сел и задумался. Я никак не мог понять, зачем кому-то понадобилось вламываться в мою квартиру, чтобы уйти с пустыми руками.

Странно.

Надо бы сообщить в полицию, подумал я, но тут же отбросил эту мысль. Мой опыт общения с полицейскими не вызывал желания обращаться к ним по собственной инициативе. Кроме того, раз у меня ничего не украли, то не о чем было и говорить.

Поэтому я взялся за более важные дела.

Разговор с Берриманом из комиссии Ассоциации рынка ценных бумаг не принес мне утешения. Поддавшись логике рассуждений Кэти, я был убежден, что комиссия, признав Кэша невиновным в использовании конфиденциальной информации, автоматически снимет все обвинения и подозрения и с меня. Но Берриман, очевидно, придерживался иного мнения. Он нехотя признал, что у него нет неопровержимых улик, но добавил, что я все еще нахожусь под следствием. Я спросил, действительно ли Хамилтон договорился с Берриманом о том, что комиссия прекратит расследование, если меня выгонят из компании «Де Джонг». Берриман отказался отвечать, заявив, что комиссию не интересуют какие-то странные договоренности между мной и руководством компании. Потом Берриман туманно намекнул на некое «параллельное расследование». Должно быть, он имел в виду того же проклятого Пауэлла.

Этот разговор выбил меня из колеи. Я не переставал удивляться собственной наивности – ведь я надеялся сразу же добиться полной реабилитации. Кроме того, меня раздосадовало, хотя и не удивило, что Берриман не признался в сговоре с Хамилтоном.

И все же мои дела были не так уж плохи. У Берримана не было против меня ничего конкретного, и со временем ему придется снять все обвинения. Если прежде меня не доконает Пауэлл.

Мои размышления прервал телефонный звонок. Это была Кэти. Она нашла-таки платежные документы, которые Джо выписывал для облигаций «Джипсам оф Америка». Кэти потратила два часа, по в конце концов, расположив все бумаги в хронологическом порядке,

выяснила, каким образом Джо собрал пакет акций и что он с ним сделал. Половину акций он продал, переведя их на номерной счет в небольшом лихтенштейнском банке. Кэти никогда не слышала об этом банке, зато Кэш его знал. Услугами именно этого банка изредка, когда дело было связано с особенно щекотливыми операциями, пользовался Пайпер. Никакой ниточки, которая вела бы от Джо к Пайперу, найти не удалось. О банке знали только Кэш, Джо и, возможно, еще два-три сейлсмена, пользовавшихся особым доверием. Будет очень трудно доказать, что облигации «Джипсам» купил Пайпер, но нам и без лишних доказательств было ясно, что они с Джо работали вместе.

Я достал блокнот и стал набрасывать схему. Мне казалось, что я очень близок к разгадке головоломки. Все ее кусочки – «Тремонт-капитал», «Таити», «Джипсам оф Америка», Пайпер, Джо, Вайгель, Кэш – были связаны многими нитями. Чем больше я размышлял, тем более запутанными казались мне эти связи. Кроме того, не нужно было забывать и о Робе, который угрожал сначала Дебби, потом мне и Кэти. Очень эмоциональный, непредсказуемый человек. Но ведь не убийца же?

Мои мысли прервал звонок у двери в подъезд. Я посмотрел в окно. Опять нагрянула полиция.

Я впустил полицейских в дом и встал в двери своей квартиры. Их было четверо: Пауэлл, Джонс и двое полицейских в форме.

– Можно войти? – спросил Пауэлл.

– Нет, если только у вас нет ордера на обыск, – сказал я.

Пауэлл улыбнулся и сунул мне какие-то бумаги.

– На этот раз у меня совершенно случайно оказался ордер, – сказал оп и протиснулся мимо меня в квартиру. – Заходите, ребята.

Четверо крупных полицейских заполнили все свободное место, и моя и без того небольшая квартирка показалась мне совсем крохотной. Я ничего не мог поделать.

– Что вы ищете? – спросил я.

– Если вы не возражаете, давайте начнем с документов о покупке акций.

Я нехотя показал ему папку с контрактами. Меня определенно нельзя было назвать самым активным покупателем на рынке акций. В папке хранилось всего четыре контракта. Пауэлл быстро их пролистал и вытащил контракт с «Джипсам оф Америка».

– С вашего разрешения мы заберем эту бумагу, – сказал он.

Трое полицейских стоя ждали его распоряжений. Пауэлл повернулся к ним.

– Приступайте, ребята. Перетряхните все.

Полицейские приступили к обыску. Они работали без особого энтузиазма, их подгонял лишь взгляд Пауэлла. Я старался уследить за всем, к чему они прикасались, особенно Пауэлл. Возможно, я стал параноиком, но мне вовсе не хотелось, чтобы Пауэлл вдруг «нашел» то, чего я в жизни не видел. Но уследить за всеми четырьмя полицейскими я не мог. Из моей спальни раздался крик:

– Сэр! Посмотрите, что я нашел!

Пауэлл и я бросились в спальню. Один из полицейских держал серьгу – довольно дешевую, но яркую, продолговатую красную каплю на золотой проволочке.

– Отлично, малыш, – довольно сказал Пауэлл, выхватывая серьгу из рук молодого полицейского. Потом он протянул серьгу мне. – Узнаете?

Да, я узнал ее, и у меня мороз пробежал по коже. Я кивнул.

– Это серьга Дебби, – с трудом выдавил я.

– Безусловно, – голосом триумфатора произнес Пауэлл. – Когда мы нашли тело, на нем была точно такая же серьга. Но только одна.

Он не сводил с меня глаз, внимательно следя за моей реакцией.

– Где вы ее нашли? – спросил я.

Полицейский показал на выдвижной ящик небольшого комода, стоявшего возле кровати.

– В глубине этого ящика.

Ящик был выдвинут до отказа, носки разбросаны по кровати.

– Вы знаете, где мы ее нашли, – ухмыльнулся Пауэлл.

Я задыхался от гнева, от собственного бессилия. Не зря я всегда относился к Пауэллу с подозрением, мелькнуло у меня в голове.

– Вы сами ее подбросили, – пробормотал я.

Пауэлл расхохотался.

– Все так говорят. Каждый раз. Молодой человек, с вашим умом вы могли бы придумать что-нибудь пооригинальнее. Пошли, ребята.

С этими словами Пауэлл, сжимая в руке серьгу и контракт на покупку акций, направился к двери. Трое полицейских последовали за ним.

У двери Пауэлл на минуту задержался.

– Подождите еще немного, молодой человек, – сказал он. – Мы почти у цели. Еще два-три дня, и мы обо всем очень обстоятельно поговорим. До скорого.

Я более или менее навел порядок в квартире и отправился на пробежку. На этот раз, подстегиваемый злостью, я дал себе максимальную нагрузку. Я кружил по парку, и во мне постепенно росла решимость. Кэти была совершенно права. Я слишком долго жалел себя. Мне грозили очень крупные непрятности, но я был намерен из них выпутаться. Пока я не знал, как это сделать, но я твердо вознамерился найти какой-то путь.

Пауэлл стал беспокоить меня всерьез. Я понятия не имел, каким образом сережка Дебби попала в мою квартиру. Должно быть, ее подбросили полицейские.

Я пробежал еще полкруга.

Ну конечно! Взломщик, который проник в мою квартиру накануне вечером! Он и подбросил серьгу. Поэтому он ничего не украл. Кто бы это ни был, он, очевидно, знал, что Пауэлл собирается вскоре устроить у меня обыск, или даже сам намекнул Пауэллу, что, где и когда нужно искать.

Пауэлл обещал, что мы скоро увидимся. Я не сомневался, что если я ничего не предприму, то так оно

и будет. Обвинение в убийстве – это не шутка. Теоретически я должен был с радостью довериться британскому правосудию, которое, разумеется, оправдает невиновного. Но Пауэлл был уверен, что он состряпал очень надежное дело. К тому же он производил впечатление человека, который привык добиваться своего.

В тюрьмах полно невинно осужденных.

Я бежал в очень быстром темпе, но почти не замечал ни боли в мышцах, ни нехватки кислорода. Я автоматически следовал по привычному маршруту и, даже обгоняя гуляющих, не снижал скорости.

И все из-за Роба! Я не сомневался – это он сказал полиции, что видел, как я столкнул Дебби в реку. Возможно, он же и подбросил серьгу. Но зачем? Я был полон решимости найти ответ на этот вопрос.

Роб жил на первом этаже многоквартирного дома рядом с Эрлз-Корт-роуд. Этот дом находился в пятнадцати минутах ходьбы от меня, но я решил подождать до половины седьмого, тогда Роб наверняка будет дома. Я распахнул железную калитку и спустился в крохотный дворик, где в горшках, окруженные сорняками, росли чахлые кустики. Я позвонил.

Дверь открыл Роб. Он был босиком, в майке и потрепанных джинсах. В руке он держал банку пива «Стелла». Увидев меня, он не пришел в восторг.

– Что тебе нужно?

– Можно мне войти?

– Нет.

Я сунул ногу в дверной проем. Роб пожал плечами, повернулся и ушел в гостиную.

– Ладно, входи, – сказал он.

Роб плюхнулся в большое серое кресло напротив телевизора. Чистая гостиная была обставлена просто и непритязательно. На полу возле кресла уже валялись три-четыре пустых жестянки из-под пива.

Я последовал за Робом и, не ожидая приглашения, сел на диван.

Роб поднес ко рту очередную банку пива. Мне он ничего не предложил.

– Так что тебе нужно?

– Много времени я у тебя не отниму, – сказал я. – Я знаю, что ты следил за Дебби той ночью, когда она погибла.

Роб смотрел на меня не мигая, на его лице не отражалось ни удивления, ни раздражения, ничего.

– И зачем бы мне за ней следить?

– Потому что ты ревновал Дебби ко мне.

– Чепуха.

– Года два назад у вас был роман.

– Ты сам сказал, что это было два года назад.

Наглые ответы Роба, растянувшегося в своем любимом кресле, стали меня раздражать. Я повысил голос.

– Видишь ли, Фелисити, соседка Дебби по квартире, рассказала мне, что незадолго до гибели Дебби ты снова не давал ей покоя. А о том, что ты следил за ней в ту

ночь, мне сказала Кэти. Так что мне все известно. Я думаю, только псих способен так преследовать женщин.

Последняя фраза попала точно в цель. Роб вдруг ожил. В его глазах свернула ярость, его щеки заалели, он взмахнул банкой с пивом, выплеснув на ковер немного пенящейся золотистой жидкости.

– Ты – ублюдок, – злобно выплевывал он слова. – Ты – последний подонок. Ты отнял у меня сначала Дебби, теперь – Кэти. Так вот, послушай, что я скажу. Если ты думаешь, что можешь безнаказанно отбивать у меня женщин, то ты ошибаешься. Это тебе даром не пройдет! – Роб перешел на крик.

– Я не собирался отбивать у тебя Кэти, – сказал я. – Ты сам ее потерял.

Такое объяснение Робу определенно не понравилось. Он вскочил и завопил:

– Не неси чепухи! Ты знал, что делаешь. Ты превратил мою жизнь в ад! В настоящий ад! И не смей говорить, хитроумный подонок, что ты чего-то там не собирался делать!

Роб покачнулся и снова упал в кресло.

– Я любил Дебби. Как я ее любил! Как плохо мне было, когда мы расстались. – Роб понизил голос почти до шепота. – Если я и ухаживал за другими женщинами, то только для того, чтобы забыть Дебби. И мне это удавалось. Я спрятал свои чувства, спрятал глубоко и надежно. – Он поднес банку ко рту и сделал большой глоток. – Потом появился ты. Я видел, что ты нравишься Дебби. Она кокетничала с тобой, вы вдвоем ходили на

ленч или в паб. Я все понимал, ведь это происходило на моих глазах. Я должен был что-то предпринять.

Поэтому я сделал Дебби предложение. Она ответила мне отказом, но я не сдавался. В конце концов она сказала, чтобы я от нее отвязался. Я был потрясен. А через неделю ее убили.

Роб проглотил слюну, откинул голову назад и потер глаза. В них стоял странный блеск.

– Я ощущал полное опустошение. А потом появилась Кэти, которая ничем не уступала Дебби. И такая красивая. Сначала я смущался, но с ней все было просто. Мне было с ней очень хорошо. По-настоящему очень хорошо. А потом я узнаю, что все это время ты строил свои планы насчет Кэти.

Роб испепелял меня ненавидящим взглядом. Он меня никогда не простит, понял я. В его воспаленном мозгу я стал первопричиной и его неудач с женщинами, и его внутренней неудовлетворенности. Но мне нужно было получить ответы па несколько вопросов.

– Значит, ты видел, кто убил Дебби? – спросил я.

Роб успокоился. Он отхлебнул пива и усмехнулся.

– Может быть.

– Ты убил ее?

– Конечно, не я. – Он все еще улыбался.

Я с трудом подавлял гнев.

– Это ты сообщил в полицию, будто видел, как я столкнул Дебби в реку, да?

Роб лишь молча ухмылялся. Мне страшно захотелось врезать по этой наглой роже.

– Если это так, то мы оба знаем, что ты солгал. А лжесвидетельство – серьезное преступление.

На Роба мое замечание не подействовало.

– Разумеется, я давал показания в полиции. Что бы я там ни сказал, в конце концов это станет известно на суде. Могу тебя заверить, что я не собираюсь отказываться от своих показаний, а в них я, конечно, говорил, только правду и ничего кроме правды.

– А как же серьга?

– Какая серьга?

– Серьга Дебби. Та, что была на ней в день убийства. Та, которую ты подбросил мне в квартиру.

Роб, казалось, был искренне удивлен.

– Понятия не имею, о чем ты болтаешь. Но должен тебе напомнить, что попытка запугать свидетеля – тоже серьезное преступление. Как только ты уйдешь, я позвоню инспектору Пауэллу и сообщу о твоем визите.

Я понял, что здесь больше ничего не добьюсь, разве что наживу лишние неприятности. Роб наврал в полиции, но теперь уже не откажется от своих показаний. Значит, суду придется взвешивать, чьи показания правдивей – мои или Роба. Шансов у меня было немного.

Я встал и ушел.

Через четверть часа я был дома. Я устал, я был зол, я не знал, что мне делать. Роб меня ненавидел, он дал лживые показания, и скоро мне будет предъявлено обвинение в убийстве.

И я ничего не мог с этим поделать.

В моей голове роились всякие мысли о Робе, Дебби, Вайгеле, Джо. Мой мозг настолько устал, что отказывался принимать разумные решения. Я без сил упал на кровать.

Двадцать первая глава

Несмотря на усталость, я спал плохо. Когда за окном ночную черноту сменил серый рассвет, я выбрался из постели, натянул тренировочный костюм и потрусил в парк. Я пробежал два полных круга, что после нескольких часов беспокойного сна было нелегко. Зато я успокоился. Вернувшись домой, я принял ванну, позавтракал кофе с тостами и почувствовал себя чуть лучше. Потом я позвонил Кэти в «Блумфилд Вайс». Она недавно пришла в банк. Я попросил ее зайти ко мне с Кэшем, как только им представится возможность улизнуть из офиса. Я сказал, что они мне нужны срочно.

Кэти и Кэш появились у меня около десяти часов. Я рассказал им про обыск в моей квартире и о своем разговоре с Робом. Кроме того, я вкратце поделился теми мыслями, которые пришли мне в голову накануне.

– Итак, мы не знаем, кто убил Дебби, – заключил я свой рассказ. – Мы можем быть уверены, что тут не обошлось без Вайгеля, но в день убийства его не было в Европе. Я подозреваю, что во всей этой истории замешан и Роб; кроме того, я думаю, что все события развивались вокруг аферы с «Тремонт-капиталом». Но я, хоть убейте, не могу свести концы с концами. Тем временем я влип, мне грозят серьезные неприятности. Пауэллу нужна еще одна крохотная улика, которую, очевидно, ему с радостью принесут многие, и он получит все основания для моего ареста. Если я сам не выясню, кто убил Дебби, мне не миновать обвинения в убийстве. Будь я проклят, если знаю, как это сделать. Поэтому я и позвал вас. Возможно, у вас появятся какие-то здравые мысли.

Кэш вздохнул.

– Черт возьми. Для меня все это, пожалуй, сложновато. Не знаю.

Кэти не сказала ничего. Она думала. Я тоже молчал в надежде, что у нее появится какая-то идея. Наконец она произнесла:

– Ладно, давайте попробуем подойти к проблеме с другой стороны. Что нам известно об убийце Дебби?

– Ну, он должен был быть в Лондоне в день убийства, – сказал я.

– Правильно. И, возможно, это именно тот человек, который дергает за веревочки в «Финикс просперити».

Я согласно кивнул.

– Ты права. Джек Салмон от кого-то получал инструкции, причем этот кто-то очень хорошо знает рынки.

Я задумался. Этот таинственный «кто-то» одобрил предложение Джека Салмона купить облигации «Фэруэй». Я говорил Хамилтону, что считаю эти облигации выгодной инвестицией.

Мои размышления прервала Кэти:

– Вайгелю повезло, что никто не проверил подлинность гарантии облигаций «Тремонт-капитала». Здесь он здорово рисковал.

– Это было частное размещение, – заметил я. – Раз облигации продаются помимо рынка, то никто не обязан предоставлять документы, а список покупателей ограничен.

– Очень ограничен, – согласилась Кэти. – В сущности, было всего два покупателя – «Де Джонг» и «Харцвайгер банк».

– Кажется, ты говорил, что Вайгель предложил швейцарский банк, а ты – «Де Джонг»? – спросил я Кэша.

– Да, так оно и было, – подтвердил Кэш. – Только прежде Хамилтон сам проявил интерес к высокодоходным облигациям с высоким рейтингом надежности.

– Что ж, мы можем быть почти уверены, что Дитвайлер работал с Вайгелем. Скорее всего, Дитвайлер сунул облигации «Тремонт-капитала» на счета клиентов в надежде, что никто ничего не заметит, – сказал я.

– Значит, остается «Де Джонг», – сделала вывод Кэти.

– Гм-м. Очень странно, что Хамилтон не проверил поручительство японского банка или хотя бы не поручил проверку Дебби, – заметил я. – Уникальная ошибка.

Мы пришли к неизбежному выводу, от которого теперь нам было не уйти.

Хамилтон.

Но этого просто не может быть, убеждал я себя. Да, Хамилтон выгнал меня с работы, но он еще значил для меня очень много. Я им восхищался, ведь во всей этой грязной и запутанной истории лишь один он прямо сказал мне все, что он думает и что он намерен делать. Нет, это чепуха. Я оказался вовсе не готов к новому повороту событий.

С другой стороны, как только я включил в число подозреваемых Хамилтона, все факты встали на свои

места. Схему аферы разработал Хамилтон вместе со своим дружком по школе бизнеса Вайгелем. Хамилтон купил пакет облигаций «Тремонт-капитала» у Кэша, точно зная, что он покупает. Хамилтон инвестировал деньги «Тремонт-капитала» в банк «Финикс просперити». Хамилтон указывал Джеку Салмону, что покупать и что продавать.

Хуже всего было то, что Хамилтон, очевидно, и убил Дебби.

Из ежедневника Дебби он узнал, что она договорилась о встрече с мистером де Джонгом. На ее столе он увидел проспект «Тремонт-капитала» с ее пометками. Он понял, что она собирается рассказать де Джонгу о фальшивой гарантии, и решил остановить Дебби.

Поэтому он ее и убил.

Я был в шоке. Мой разум отказывался воспринять очевидный вывод.

– Пол? Что с тобой? – Кэти положила ладонь на мою руку.

Запинаясь, с трудом выдавливая слова, я поделился с Кэшем и Кэти своими мыслями. Ошеломленные, они молча смотрели на меня, явно лишившись дара речи.

Я встал, подошел к окну своей крохотной гостиной и выглянул на залитую утренним солнцем улочку. Постепенно мной овладевали гнев и ярость. Я чувствовал себя одураченным и преданным. Я жаждал мести – и за себя, и за Дебби.

– Не могу поверить, – сказал Кэш. – Чопорный Хамилтон никак не укладывается в мое представление об

изощренном преступнике. Для этого он... – Кэш долго искал нужное слово и наконец нашел, – слишком скучен.

– А я могу, – возразила Кэти. – Мне он никогда не нравился. Он не человек, а машина. Но я одного не понимаю – зачем ему все это?

Ответ на этот вопрос был у меня готов. Я хорошо представлял себе ход мыслей Хамилтона.

– Хамилтон полагает, что вся жизнь – это игра. Он одержим идеей делать деньги. Не потому, что он любит их, нет, его привлекает сам процесс. К тому же он любит рисковать. Думаю, ему наскучили обычные операции с ценными бумагами, ему захотелось пощекотать собственные нервы. Преступление было спланировано почти безупречно. Он мог украсть десятки миллионов, и никто никогда ничего бы не заподозрил. Бьюсь об заклад, он получил огромное удовольствие, – горько пробормотал я.

– Но зачем воровать, когда каждый божий день сосунки на рынке сами отдают тебе деньги? – никак не мог взять в толк Кэш.

Он был прав. Он всегда заработает столько, сколько ему нужно.

– А как же с тобой? – спросила Кэти. – Почему Хамилтон позволил тебе так долго совать нос в его дела?

– Думаю, у него просто не было выбора, – ответил я. – Хамилтон понимал, что, раз у меня возникли подозрения, я в любом случае буду докапываться до истины. Вероятно, Хамилтон решил так лучше он будет знать, что я делаю в каждую минуту, что нового обнаружил, и контролировать меня, чем я буду предоставлен самому себе. Якобы боясь насторожить

мошенников, он убедил меня никому ничего не говорить до тех пор, пока мы не вернем деньги. Должен признать, Хамилтон предусмотрел практически все. Теперь я думаю, что он сочинил всю эту историю с юристами на нидерландских Антиллах. Возможно, он там вообще не был.

– Но почему он не расправился с тобой, как с Дебби?

Я задумался.

– Не знаю. Может быть, он боялся, что два убийства в течение месяца в одной небольшой фирме могут вызвать подозрения.

Возможно, Хамилтон по своему любил меня, пронеслось в моей голове. Как трудно отделаться от гордого звания любимого ученика Хамилтона! На меня снова нахлынула волна ненависти, отвращения. Подумать только, и я восхищался таким человеком!

Впрочем, он пытался остановить меня и почти добился успеха. Теперь мне стала понятна и история расследования комиссией покупки акций «Джипсам».

– Берриман был прав, – сказал я. – Хамилтон и не думал договариваться с комиссией.

Кэти бросила на меня непонимающий взгляд.

– Хамилтон воспользовался расследованием покупки акций «Джипсам». Здесь он нашел удобный предлог, чтобы выгнать меня. Потом ему не составило труда распустить слух, будто меня уличили в использовании конфиденциальной информации. Естественно, после этого на рынках ценных бумаг я стал изгоем. Потом он просто на всякий случай заставил Роба дать ложные

показания в полиции, и я стал еще и подозреваемым в убийстве. Он же проник в мою квартиру и подбросил серьгу Дебби, которую та потеряла, когда он сбросил ее в реку.

– Но почему Роб стал помогать Хамилтону?

На этот вопрос у меня не было ответа.

– Итак, что мы делаем теперь? – спросил Кэш.

– Идем в полицию? – предложила Кэти.

Я покачал головой.

– Это исключено. У нас нет никаких доказательств, одни подозрения. Как только Хамилтон узнает, что им заинтересовалась полиция, «Де Джонгу» никогда не видать своих денег. И не забывайте, что пока Пауэлл мечтает увидеть на скамье подсудимых меня, а вовсе не Хамилтона. Инспектор так просто не откажется от своего намерения.

Кэти нахмурилась и кивнула.

– Ты прав, пока ты – единственный подозреваемый. Если ты придешь к Пауэллу и скажешь, что на самом деле Дебби убил твой босс, тот самый, который выгнал тебя с работы, то на инспектора твои слова большого впечатления не произведут.

– Кроме того, – продолжал я, – я сам хочу вывести этого подлеца на чистую воду.

– Так что же нам делать?

– Нам нужно вернуть деньги «Де Джонг энд компани».

Кэш и Кэти непонимающе уставились на меня.

– Мы вернем деньги «Де Джонгу», – повторил я. – И по ходу дела выясним роль Хамилтона во всей афере. Тогда Пауэллу придется выслушать меня.

– План изумительный, – заметил Кэш, – но как, черт возьми, мы его осуществим?

– Кажется, у меня есть идея. Дайте подумать минутку. – Они молча ждали, а я, глядя в окно, раздумывал. Я был уверен, что можно найти способ вернуть деньги.

Потом я изложил суть своей идеи. С Кэшем и Кэти мы обсудили ее, кое-что уточнили, и через два часа у нас был готов вполне конкретный план действий.

Кэш и Кэти возвратились в «Блумфилд Вайс» на такси. Я поехал с ними. Мне пришлось ждать в вестибюле банка около часа. Потом вышла Кэти с охапкой проспектов, годовых отчетов и компьютерных распечаток. Я забрал все и вернулся домой, в свою квартирку.

Итак, за работу. Теперь я располагал информацией о пяти американских компаниях, находившихся в весьма затруднительном финансовом положении. Я разложил перед собой годовые отчеты, финансовые документы за последние два года, а также заключения «Стандарт энд Пурс», «Мудис», «Вэльюлайн» и сообщения брокеров. У меня получилось пять стопок документов. Потом я принялся за детальный анализ. Мне нужно было выбрать компанию, удовлетворявшую определенным критериям. Перспективы каждой компании я должен был оценить со своей точки зрения, с предполагаемых точек зрения

Хамилтона и рынка. Мне нужно было определенное сочетание всех трех оценок.

В три часа я сделал перерыв, чтобы позвонить по нескольким номерам. Первым из них был номер «Де Джонг энд компани». Мне ответила Карен.

– Привет, Карен. Это Пол. Как твои дела? – начал я.

Мне показалось, что Карен была рада услышать мой голос.

– Спасибо, хорошо. А как ты?

– Хамилтон на месте?

– Подожди минутку, я посмотрю, – ответила Карен гораздо более серьезным тоном.

Через несколько секунд я услышал голос Хамилтона:

– Макензи слушает.

Меня застала врасплох моя собственная реакция на голос Хамилтона, которая была очень близка к физическому отвращению. У меня зазвенело в ушах, а кожа вдруг стала настолько чувствительной, что даже прикосновение рубашки доставляло неприятное ощущение. В довершение ко всему еще и тошнота подступила к горлу. Разумом я давно понял, что Хамилтон предал меня, но до этого момента я даже не подозревал, насколько тяжелым эмоциональным ударом было для меня это предательство.

– Здравствуйте, Хамилтон. Это Пол.

– А, Пол, как ваши дела?

– Надеюсь, неплохо, Я хотел кое о чем вас попросить.

Я почти почувствовал, как насторожился Хамилтон.

– О чем же?

– Я подумал, не лучше ли мне провести в офисе те рабочие дни, которые мне еще оплачивает «Де Джонг»? Мне не очень повезло с поисками работы на рынке облигаций, поэтому я предложил свои услуги нескольким банкам. Я бы хотел вспомнить кое-что об искусстве кредитования. Кроме того, мне надоело бездельничать.

Последовала короткая пауза – Хамилтон обдумывал мою просьбу.

– Это было бы великолепно. Все мы будем счастливы вас видеть. К сожалению, я не могу позволить вам осуществлять сделки от имени компании, но мы будем вам рады. Дело в том, что мне действительно нужно проанализировать состояние нескольких компаний.

– Хорошо, – сказал я. – В таком случае увидимся завтра утром.

Пока все шло по плану. Следующим этапом был разговор с Клер. Как я и ожидал, с Клер у меня не возникло никаких проблем, она охотно согласилась мне помочь. Труднее был разговор с Денни. Я понимал, что требую от него слишком многого. Ему придется проделать колоссальную работу, за которую он не получит ни пенса, если наш план провалится. То, что мы намеревались проделать, по-моему, не было противозаконным, но и вполне законным назвать наш план было трудно. Мы говорили около получаса. В конце концов Денни согласился, и я облегченно вздохнул.

Наконец я не без опасений набрал номер телефона в Лас-Вегасе.

– Офис Ирвина Пайпера, – отозвалась секретарша. Ее голос прямо-таки излучал вежливость, воспитанность и убедительность.

Я попросил к телефону мистера Пайпера.

– К сожалению, мистера Пайпера в офисе нет. Я могу передать ему ваше сообщение.

Я был почти уверен, что с Пайпером так просто поговорить не удастся, поэтому приготовил сообщение заранее.

– Благодарю вас. Передайте, пожалуйста, мистеру Пайперу, что звонил Пол Марри. Скажите ему, что если он не перезвонит мне в течение двух часов, то я свяжусь с Комиссией по азартным играм штата Невада и предложу обсудить операцию с облигациями «Джипсам оф Америка» с участием лихтенштейнского банка мистера Пайпера.

Мой прием нельзя было назвать деликатным, но он сработал. Пайпер перезвонил мне через десять минут. Я не стал повторять угорозу, одного раза было вполне достаточно. Я вежливо попросил Пайпера о помощи, объяснив, что это в его же интересах и что, согласившись на мое предложение, он решит не только мои проблемы, но и свои. Я рассказал, что мне от него нужно.

Реакция Пайпера меня поразила. Он сразу согласился.

– Разумееется, у меня нет никаких возражений, – сказал он. – Я приложил массу усилий, чтобы «Таити»

было кристально чистым, а этот чертов «Тремонт-капитал» едва не испортил все дело. Ваше предложение мне нравится. В любом случае я собирался в ближайшие дни приехать в Англию. Я был бы рад отделаться от ваших угроз раз и навсегда.

Я заверил Пайпера, что навсегда забуду все, что мне о нем известно. За несколько минут мы договорились о сроках и некоторых других деталях.

Я набрал номер Кэша.

– Как успехи? – спросил он.

– Все согласились. Пайперу мой план, кажется, даже очень понравился, – ответил я. – Думаю, я нашел именно такую компанию, которая нам нужна. – Я назвал Кэшу компанию. – Можешь проверить, как у них дела? Кто является держателем облигаций, какова вероятность того, что в ближайшие дни у них появятся клиенты, и все такое прочее.

– Попробую. Я перезвоню.

Мне было приятно снова облачиться в деловой костюм. Поднимаясь на лифте на двадцатый этаж здания «Колониал-банка», я был готов к любым неожиданностям.

Когда я вошел в операционную комнату «Де Джонга», все замерли. Джефф, Роб, Гордон и Карен секунду-другую молча рассматривали меня, потом снова уткнулись в свои бумаги и телефонные трубки. Хамилтон не обратил на меня внимания. За столом Дебби сидел молодой человек в очках. Очевидно, его недавно взяли вместо нее. Я был рад, что Хамилтон еще не нашел замены и мне.

Я направился к своему столу.

– Доброе утро всем, – громко сказал я.

В ответ послышалось неразборчивое бормотание.

– Привет, Карен! – крикнул я через всю комнату. – Соскучилась по мне?

Слава Богу, хоть Карен улыбнулась. Это уже кое-что.

Я представился молодому человеку, который сидел за столом Дебби. Он сказал, что его зовут Стьюарт.

– А меня – Пол. Это мое рабочее место, – сказал я.

Краешком глаза я видел, как окаменел Джефф. Стьюарт был в полном замешательстве и в ответ пробормотал что-то нечленораздельное. Очевидно, ему обо мне рассказали, и теперь он разрывался между естественной вежливостью и боязнью показаться слишком любезным в разговоре с уголовным преступником.

Хамилтон закончил телефонный разговор и подошел ко мне. Он был настроен дружелюбно, по крайней мере по его стандартам.

– Доброе утро. Пол. Рад снова видеть вас в нашем офисе. Можете располагаться на вашем бывшем месте. – Слово «бывшем» резануло мне ухо. – Несколько основных правил. Я бы хотел, чтобы во время пребывания в нашем офисе вы не поддерживали никаких контактов с рынком. Поэтому не отвечайте на звонки и не звоните сейлсменам.

– Но вы не будете возражать, если я позвоню своим «охотникам за талантами»? – спросил я.

– Нисколько. – Он положил мне на стол пачку бумаг. – Я бы хотел поближе познакомиться с парой американских провинциальных банков. Только что они были переведены в более низкую категорию надежности, но их облигации приносят двенадцать процентов. Если эти облигации надежны, я бы хотел их приобрести.

Хамилтон в своем репертуаре. Раз уж я оказался здесь, он намерен извлечь из этого максимальную пользу. Но я был рад настоящей работе. Уткнувшись носом в какой-нибудь годовой отчет, я буду вызывать меньше подозрений.

За все утро никто не сказал мне ни слова. Я лишь изредка перехватывал недоуменные косые взгляды. Я не винил своих бывших коллег, ведь никому не хочется связываться с преступником. Но все равно это было неприятно. Наверно, они чувствовали себя обманутыми. Ладно, скоро этому придет конец, подумал я. Я попытался перехватить взгляд Роба, но безуспешно. Он постоянно был занят телефонными разговорами, а в перерывах между ними не сводил глаз со своих экранов.

Время шло. Я бросил взгляд на настенные часы. Без пяти одиннадцать. Ровно в одиннадцать я услышал голос Роба:

– Хамилтон! На второй линии Клер.

Я наблюдал за Хамилтоном во время его разговора с Клер. Я знал, что она говорит ему, но угадать реакцию Хамилтона было невозможно. Через пять минут Хамилтон положил трубку, откинулся на спинку кресла и погладил бородку. Хороший знак. Он проглотил наживку. Хамилтон сидел в такой позе две-три минуты, потом резко встал и

направился ко мне. Я успел опустить голову и уставиться на лежавший передо мной баланс какого-то банка.

– Пол, не могли бы вы проверить кое-что еще?

– Конечно. Что именно?

– Я имею в виду компанию, которая называется «Микс-н-Матч». Вы слышали о такой?

Я сделал вид, что пытаюсь припомнить.

– Кажется, да. Это торговая компания, зарегистрированная во Флориде. Вроде бы последнее время компанию преследуют неудачи.

– Правильно, – сказал Хамилтон. – Что еще вам известно об этой компании?

– Боюсь, что ничего, – соврал я.

– Так вот, только что мне позвонила Клер. Облигации этой компании продают по двадцать центов за доллар. Все уверены, что ее вот-вот объявят банкротом. Клер говорит, что по слухам «Микс-н-Матч» собираются купить японцы.

Я поднял брови. Хамилтон заметил мое удивление.

– Да, я понимаю, – сказал он. – Это всего лишь слухи. И Клер не имеет опыта работы с бросовыми облигациями. Но если ее догадки верны, то мы заработаем по восемьдесят центов; если она ошибается, мы потеряем в худшем случае по двадцать центов. Думаю, к этой компании стоит присмотреться. Вскоре Клер пришлет по факсу какие-то материалы. Просмотрите их, возможно, у вас возникнут свои соображения. – Он повернулся, собираясь вернуться к

своему столу, но в последний момент остановился. – Но вне стен нашей фирмы нигде ни слова об этой компании.

– Хорошо, – сказал я и принялся за работу.

Разумеется, я уже знал все о компании «Микс-н-Матч» из своих папок. Ждать факса от Клер пришлось недолго. Я разложил бумаги и стал вводить цифровые данные в компьютер.

Накануне из пяти компаний я выбрал именно «Микс-н-Матч» по нескольким причинам. Покупка облигаций по двадцать центов за доллар казалась выгодной в любом случае, потому что даже после банкротства компании держатели облигаций должны были получить по меньшей мере по пятидесяти центов на доллар их номинальной стоимости. Если же учесть возможность поглощения компании, то операция могла стать невероятно прибыльной. Перед соблазном получить такую прибыль не устоит никто, надеялся я.

Следующие четыре часа у меня ушли на сложный анализ состояния компании, которой грозило банкротство. Я тщательно оценил все ее активы, суммировал результаты в виде изящной таблицы, отпечатал ее и показал Хамилтону. Большую часть времени Хамилтон стоял у меня за спиной и сам просматривал некоторые документы. Глядя на таблицу и поглаживая бородку, Хамилтон задумался.

Я оставил Хамилтона, ушел к своему столу и набрал номер «Блумфилд Вайс». Мне ответила Кэти.

– Он готов. Самое время подключаться Кэшу, – прошептал я и положил трубку.

Не прошло и полминуты, как на телефонной панели загорелась лампочка. Трубку взяла Карен.

– Хамилтон! – крикнула она. – На первой линии Кэш!

Хамилтон все еще был погружен в раздумья.

– Скажите, что я ему перезвоню, – отозвался он.

Проклятье! Я не учел, что Хамилтон может отказаться от разговора.

Карен обменялась с Кэшем еще двумя-тремя фразами и крикнула:

– Кэш просил позвонить, как только у вас выдастся свободная минута. Он хочет сказать что-то насчет «Миксер Маш» или чего-то в этом роде.

Хамилтон заметно насторожился. Я знал, что он не станет звонить Кэшу сейчас же, он не любил проявлять излишнюю торопливость. Он выждал минут пять и взялся за телефонную трубку. Хамилтон разговаривал с Кэшем полчаса, потом подозвал меня.

– Что ж, вы выбрали удачный день для возвращения. Я рад, что вы оказались здесь, вам представляется возможность сделать полезное дело. Возможно, компания «Микс-н-Матч» намного интереснее, чем мы полагали.

– В самом деле? – отозвался я. Мне не пришлось разыгрывать радостное удивление.

– Только что я говорил с Кэшем. Любопытное совпадение, он тоже заинтересовался компанией «Микс-н-Матч». Судя по всему, на токийской фондовой

бирже ходят упорные слухи, что эту компанию вот-вот купит крупная японская корпорация.

Я перебил Хамилтона:

– Но Кэшу нельзя доверять, особенно в таких делах?

– Вы правы, доверять Кэшу нельзя. Но интересно, что сведения Клер подтверждаются. Впрочем, еще более интересно, что Кэш организует консорциум инвесторов для погашения колоссального долга компании «Микс-н-Матч».

– С какой целью? – с самым невинным видом поинтересовался я.

– Консорциум будет распоряжаться большей частью долга «Микс-н-Матч» и поэтому, когда дело дойдет до перехода компании к новому владельцу, вынудит японцев заплатить за облигации по номиналу.

– Понятно. Кто войдет в консорциум инвесторов?

– Пока есть еще только один инвестор. Но он обладает большими возможностями. Это Ирвин Пайпер.

– Но он же закоренелый мошенник! – возмутился я. – Уж с ним-то нельзя вступать ни в какие соглашения.

– Возможно, Пайпер не святой, но он умен, – возразил Хамилтон. – Он вкладывает двадцать миллионов долларов. Кэш просит, чтобы мы инвестировали еще двадцать миллионов. Кроме того, Кэш уверен, что в Штатах найдет третьего инвестора, который даст такую же сумму.

– Разрешите мне подвести итоги, – сказал я. – Итак, «Де Джонг» вкладывает двадцать миллионов долларов в фонд консорциума, еще сорок миллионов поступают от Пайпера и третьего инвестора. Консорциум использует

эти шестьдесят миллионов долларов для покупки облигаций на открытом рынке. Компанию «Микс-н-Матч» поглощает японская корпорация, которая тут же сталкивается с могучим держателем большинства выпущенных облигаций. Консорциум получает возможность выторговать оптимальные для себя условия продажи этих облигаций.

– Вы совершенно правы, – подтвердил Хамилтон. – И даже если поглощение компании японцами не состоится, то согласно вашему анализу мы все равно должны получить какую-то прибыль.

– Хорошо. В таком случае, каков будет наш первый шаг?

– Очевидно, Пайпер уже подготовил необходимые документы. Он воспользовался услугами адвокатской конторы «Денни энд Кларк». Пайпер прилетает в Англию завтра утром. Мы можем встретиться с ним у адвокатов. Если у вас есть такое желание, вы можете принять участие в переговорах.

Возле нас, пытаясь уловить суть разговора, уже давно кружил Роб.

– Вы не будете возражать, если я к вам присоединюсь? – попросил он Хамилтона. – Я был бы рад поближе познакомиться с рынком бросовых облигаций, а вам, вероятно, потребуется помощь, после того как Пол наконец уйдет совсем. – Все это Роб выпалил, не удостоив меня даже взглядом, словно речь шла о ком-то другом.

Хамилтон поднял брови, подумал, потом кивнул.

Я вернулся к своему столу. Карен сказала, что со мной хочет поговорить некий Джон Смит из агентства. Джоном Смитом оказался Кэш.

– Ты не мог придумать имя пооригинальней? – сказал я.

– Послушай, кто-то должен быть и Джоном Смитом, не так ли? – отозвался Кэш. – Он проглотил наживку?

– Вместе с крючком, леской и удилищем, – ответил я. – Остается надеяться, что Пайпер исполнит свою роль не хуже тебя.

– Не беспокойся. По части обмануть Пайпер – настоящий профессионал. Иначе как бы он нажил весь свой капитал?

– Пожалуй, ты прав, – согласился я.

– Я должен идти, – сказал Кэш. – Мне нужно продать кое-что одному ссудо-сберегательному банку в Аризоне.

Двадцать вторая глава

Хамилтон, Роб и я вошли в кабинет Денни. За длинным столом для совещаний уже сидели Денни, Ирвин Пайпер, Кэш и Фелисити. С портрета на нас строго взирал Денни-старший, напоминая о том, что мы находимся в офисе весьма уважаемой адвокатской конторы и потому должны вести себя соответствующим образом. Денни представил друг другу тех, кто были незнакомы, и отметил, что Фелисити уже подготовила все документы. У нее был очень усталый вид; оно и неудивительно, если учесть, какой объем работы ей пришлось проделать за такой короткий срок.

В сущности, совещание сразу превратилось в диалог между Хамилтоном и Пайпером.

– Кэш много рассказывал мне о вашей фирме, мистер Макензи, – начал Пайпер. – Признаться, его рассказ произвел на меня большое впечатление. Я знаком с несколькими аналогичными американскими компаниями, и все они добились очень больших успехов.

Хамилтон пропустил лесть мимо ушей и сразу перешел к делу.

– Расскажите о компании «Микс-н-Матч», – сказал он.

Пайпер откинулся на спинку кресла и поднял руки, обнажив накрахмаленные ослепительно белые манжеты, скрепленные золотыми запонками с монограммой.

– Вот уже двадцать лет я занимаюсь самыми разнообразными инвестициями и, могу вас заверить, кое-что понимаю в этом деле. Так вот, не чаще, чем раз

в десять лет, выпадает уникальная возможность, упустить которую просто грешно. Рискуя значительной суммой, можно почти наверняка выиграть значительно большую. Подобная возможность представляется каждому, но далеко не каждый способен ее распознать. Большинство инвесторов спешит заработать несколько долларов, на большее у них не хватает ни фантазии, ни смелости. Ситуация с компанией «Микс-н-Матч» является одной из таких редчайших возможностей. Перед нами открываются блестящие перспективы. Эту компанию купят японцы... – Пайпер помедлил, чтобы все оценили важность его слов, – и тогда я просто обязан заработать массу денег.

Хамилтон бесстрастно смотрел на Пайпера.

– Хотите присоединиться ко мне? – спросил Пайпер.

Хамилтон промолчал, очевидно, ожидая продолжения. Но Пайпер сказал все, что хотел, и тем более не собирался поддаваться давлению Хамилтона. Никто из нас не осмеливался нарушить молчание, продолжавшееся, должно быть, не меньше минуты. Наконец Хамилтон задал следующий вопрос:

– Насколько мне известно, вы, мистер Пайпер, не имеете большого опыта в инвестициях среди индивидуальных покупателей, – начал он.

– Называйте меня Ирвином, – прервал его Пайпер.

– Хорошо, пусть будет Ирвин, – неохотно согласился Хамилтон. – Как я уже сказал, в этой сфере бизнеса вы не имеете большого опыта. Каким же образом вы нашли эту уникальную возможность?

Я неловко поежился. Мы оказались в опасном положении. К этому вопросу мы не подготовились заранее.

Пайпер встал, подошел к окну и посмотрел на тихую улочку. Он хочет выиграть время, подумал я.

Пайпер повернулся к нам.

– Семья моей жены прежде жила в Японии, и среди японцев у нас еще осталось много друзей. Так, подруга моей жены вышла замуж за руководящего сотрудника одной из японских инвестиционных фирм. Она была в Америке и заглянула к нам в «Таити». Она должна была встретиться во Флориде с мужем, который приехал туда по делам фирмы. Она сказала, что фирма ее мужа уже в этом году намерена приобрести в Америке крупную собственность. Мне нетрудно было догадаться, что японцы имеют в виду «Микс-н-Матч». Я поговорил с Кэшем, он изучил финансовое состояние компании, и в результате мы собрались здесь. – Пайпер предостерегающе поднял руку. – Разумеется, я был бы вам очень признателен, если бы вне стен этой комнаты вы не повторяли ни слова из всего, сказанного мной.

Опять воцарилась тишина. Хамилтон взвешивал ответ Пайпера. Мне молчание Хамилтона казалось грубым и даже оскорбительным, но Пайпер, казалось, ничего не замечал.

– Но почему мы должны действовать вместе? – сказал наконец Хамилтон. – Не выгоднее ли мне тихо удалиться и купить облигации самому?

– В таком случае я был бы очень разочарован, – ответил Пайпер, – особенно если учесть, что о

возможности поглощения компании вы узнали от меня – не непосредственно, а через Кэша.

Этой фразой Пайпер как бы намекал, что предложение Хамилтона не выдерживает никакой критики с точки зрения этики финансового бизнеса. Высокий, худой Пайпер, сохраняя олимпийское спокойствие, стоял у окна и сверху вниз смотрел на сидящего Хамилтона. Меня восхитила способность Пайпера играть роль высоконравственного бизнесмена даже в столь щекотливой ситуации.

– Но объединение наших усилий целесообразно и из более прагматических соображений. Действуя как единый консорциум, мы сможем гораздо успешнее вести переговоры с будущим владельцем «Микс-н-Матч». Кроме того, мы добьемся гораздо большего успеха, если приобретем акции по единой цене. Напротив, если каждый из нас бросится покупать облигации на свой страх и риск, если мы будем соперничать друг с другом, то цена облигаций моментально взлетит, и в конце концов мы ничего не получим. Гораздо лучше делать это медленно и осторожно, соблюдая интересы всех участников консорциума.

– Это я понимаю, – сказал Хамилтон.

– Так вы присоединяетесь к консорциуму? – настаивал Пайпер. – Если вообще браться за эту операцию, то начинать следует немедленно.

– Мне нужно подумать, – ответил Хамилтон.

Кэш прокашлялся, решив, что настало время и ему вступить в дискуссию.

– Послушайте, я понимаю, что вам не хотелось бы торопиться. Но, как сказал Ирвин, если вы все же решите

присоединиться к консорциуму, то действовать нужно быстро. Слухи о поглощении компании японцами вот-вот проникнут на рынок. Я знаю нескольких держателей крупных пакетов облигаций «Микс-н-Матч», которые сегодня были бы рады их продать, но мы должны обратиться к ним в течение ближайших двух дней. Значит, мы должны быть готовы документально оформить создание консорциума в любую минуту. Поэтому я предлагаю сейчас же просмотреть подготовленные документы.

Кэш кивнул в сторону лежавшей перед Фелисити стопки бумаг. Способностями Кэша можно только восхищаться, подумал я.

Но Хамилтон и на этот раз вывернулся.

– Я понимаю, что вы хотите сказать. Кэш. Я не возражаю, что просмотреть проекты документов лучше сейчас. Но не считайте это моим окончательным согласием.

Пайпер подошел к столу.

– Меня это устраивает. Я могу понять вашу осторожность. А теперь, надеюсь, вы меня простите. Мистер Денни знает мое отношение к юридическим документам. Рад был побеседовать с вами, Хамилтон. Надеюсь на дальнейшее сотрудничество.

Излучая могущество и очарование, Пайпер протянул руку Хамилтону. Теперь в сравнении с Пайпером Хамилтон выглядел неуклюжим педантом, и это ему определенно не нравилось. Он встал, пожал руку Пайперу, повернулся к столу и взялся за стопку бумаг.

– Что ж, в таком случае давайте просмотрим документы.

Кэш тоже извинился и ушел, забрав с собой Кэти. Вскоре за ними последовал и Роб. Обсуждать документы остались четверо: Денни, Фелисити, Хамилтон и я. У Фелисити было слишком мало времени, чтобы тщательно подготовить проект соглашения. Я не сказал бы, что она плохо поработала, но в проекте было несколько упущений. Мы заранее договорились, что по возможности Денни будет удовлетворять все требования Хамилтона. Мы не могли тратить долгие часы на обсуждение юридических тонкостей, которые в конце концов все равно будут никому не нужны. Хамилтон не согласился с некоторыми пунктами, и Денни после непродолжительного сопротивления уступил. Через два часа у нас был готов документ, который устраивал всех. Если Хамилтон решит присоединиться к консорциуму, то он сможет тут же подписать соглашение.

Когда мы на такси возвращались в офис «Де Джонга», Хамилтон большую часть пути не проронил ни звука. Отвернувшись к окошку, он невидящим взглядом провожал проносившиеся мимо автобусы, такси и грузовики. Наконец он что-то неразборчиво пробормотал.

– Вы, кажется, что-то сказали? – спросил я.

– Мне это не нравится, – проговорил Хамилтон.

Я с минуту раздумывал над неожиданным заявлением.

– Что именно вам не нравится?

– Все слишком просто. Я чувствую, здесь что-то не так. И Пайпер лгал, когда рассказывал, как он узнал о

покупке компании «Микс-н-Матч». Я не знаю, в какую игру он играет, но он определенно что-то затеял.

Мне слова Хамилтона не понравились. Я считал, что Пайпер говорил очень убедительно, однако провести Хамилтона ему не удалось. Чтобы не возбудить подозрений, я решил не уговаривать Хамилтона согласиться. С другой стороны, мне позарез нужно было его согласие.

– Что он может сделать? – спросил я. – Соглашение составлено так, что ни в чем не допускает двусмысленного толкования.

Так оно и было. Ни Пайпер, ни кто другой не могли предпринять ничего, не спросив сначала согласия у «Де Джонг энд компани». Хамилтон имел право вето на любые финансовые операции консорциума.

– Не знаю, – признался Хамилтон. – не могу понять, что он задумал. – Он погладил бородку. – В отношении кредитных операций там все в порядке? – спросил он, глядя мне в глаза.

Я выдержал его взгляд.

– Все в полном порядке. Разумеется, ни в одной компании нельзя предугадать все подводные камни, но мне представляется, что при продаже долговых обязательств по двадцать центов за доллар банкротство – наилучший выход. Цена облигаций должна вырасти в любом случае.

Хамилтон, по-прежнему не сводя с меня взгляда, улыбнулся с искренней симпатией.

– Я рад, что в этом деле вы работаете вместе со мной. Приятно иметь сотрудника, которому можно доверять.

Должно быть, на моем лице невольно отразилось удивление, и Хамилтон снова отвернулся к окошку.

– Жаль, что вы не сможете и впредь работать со мной.

Этот короткий спектакль заставил меня на минуту возгордиться. Но лишь на минуту. Про себя я тут же посмеялся над анекдотичностью ситуации: вероятно, Хамилтон действительно думает, что я – единственный человек, которому он может доверять. Скоро я ему покажу, как жестоко он ошибается.

Мы вернулись в офис и разошлись по рабочим местам. Я позвонил Кэшу.

– Признай, Пайпер сыграл просто здорово, да? – сказал он.

– Я тоже так думал, но Хамилтон что-то заподозрил.

– Так он собирается присоединяться к консорциуму?

– Судя по его настроению – нет.

– Мы в чем-то просчитались?

– Сначала все шло хорошо, – сказал я. – Он не смог устоять перед искушением заработать огромные деньги. Но он не доверяет ни Пайперу, ни тебе. Он уверен, что вы что-то затеяли, но не знает, что именно. И я не думаю, что он станет рисковать такими деньгами лишь для того, чтобы получить ответ на этот вопрос.

– Черт! – сказал Кэш. – Послушай, я наверняка смогу его уговорить.

– Ничего не выйдет. К сожалению, Хамилтон относился к тебе настороженно и в лучшие времена. Ты просто дашь ему новую пищу для сомнений и подозрений.

– Ладно. А что если с ним поговорит еще раз Пайпер? Или ты?

– Пайпера он не будет слушать. А если его стану уговаривать я, он решит, что я тронулся.

Мы помолчали, обдумывая ситуацию.

– Как продвигаются дела с «Финикс просперити»? – спросил я.

– Джеку Салмону идея понравилась, – сказал Кэш. – Но он говорит, что ему нужно подумать. То есть проконсультироваться у Хамилтона.

– А что Хамилтон ему скажет в таком настроении, нетрудно себе представить. Позвони, если у тебя появятся свежие мысли, – сказал я и положил трубку.

Я был не в духе. Казалось, все шло идеально, мы были так близки к цели, но теперь наш план грозил рухнуть из-за того, что в последнюю минуту у Хамилтона возникли неопределенные опасения.

Я безуспешно пытался найти выход, когда на телефонном пульте замигала лампочка. Это была Кэти.

– У меня есть идея, – сказала она.

– Какая? – Мое сердце заколотилось быстрей.

– Возможно, Хамилтон не поверит Кэшу, Пайперу или даже тебе, но меня он во всяком случае выслушает.

– Ты хочешь сказать, что ты посоветуешь ему вложить деньги, и он примет все за чистую монету? – засомневался я.

– Нет, он поверит мне, если я посоветую ему не вкладывать деньги.

Кэти подробно изложила мне свой план. Я его одобрил. Кэти позвонила точно в половине четвертого. Я сделал так, что именно в этот момент разговаривал с Хамилтоном в надежде, что он предложит мне послушать разговор. Так оно и случилось. Как только Хамилтон узнал, о чем хочет поговорить с ним Кэти, он жестом показал мне на вторую трубку.

Я услышал как бы нерешительный, сомневающийся голос Кэти.

– Кэш поручил мне спросить, не приняли ли вы решение относительно участия в консорциуме.

Кэти произнесла эту фразу неохотно, с ленцой, словно ей самой было вовсе неинтересно знать ответ.

– Полагаю, наше участие маловероятно, – сказал Хамилтон.

– Гм-м, хорошо, – сказала Кэти. – Я передам Кэшу. Он наверняка расстроится.

– Передайте.

Хамилтон уже собирался положить трубку, когда Кэти вдруг выпалила:

– Можно задать вам один вопрос? – В ее голосе чувствовалась нервозность.

– Да?

– Почему вы не хотите присоединиться к консорциуму?

Хамилтон немного помедлил, потом, решив, очевидно, что, сказав правду, он ничего не потеряет, ответил:

– Мне вся эта затея кажется подозрительной. Не знаю почему. Но уверен, что здесь есть какая-то подоплека, а Пайпер не хочет в этом признаться.

– О, я очень рада, что вы так думаете, – с облегчением в голосе затараторила Кэти. – Вы совершенно правы, все это не просто так. Все абсолютно уверены, что компания перейдет в другие руки. Не знаю, откуда они получили эту информацию, меня беспокоит другое – насколько это законно. Я бы ни за что на свете не стала ввязываться в такую аферу. И я не знаю, что мне делать. Может быть, лучше сообщить руководству? – Хамилтон промолчал, и Кэти продолжала: – Если я скажу и Кэш об этом узнает, он меня убьет. А ведь может оказаться и так, что во всем этом вообще нет ничего противозаконного, да?

Хамилтон чуть заметно насторожился. Он внимательно ловил каждое слово Кэти.

– На вашем месте я бы не торопился сообщать руководству банка. Раз вам неизвестен источник информации, никто не сможет предъявить вам обвинение.

– Вы в этом уверены?

– Совершенно уверен.

– Ну что же... – с сомнением в голосе проговорила Кэти.

– Что будет делать Кэш, если я откажусь от участия в консорциуме?

– На этот случай у нас есть еще один инвестор из Штатов, который пока раздумывает, а если и он откажется, то мы уже получили согласие Майкла Холла из «Уэссекс траста», он дает все сорок миллионов.

Хамилтон прищурился. Майкл Холл был известен в Сити как один из самых ловких инвесторов. Его портрет часто появлялся в журналах, где он обычно похвалялся умением точно угадывать момент, когда нужно покупать или продавать ценные бумаги. Сам Хамилтон избегал журналистов и не раз говорил, что презирает Холла за его любовь к дешевой саморекламе, но на самом деле он просто завидовал Холлу. Если компания «Микс-н-Матч» действительно дает редкую возможность сделать большие деньги и если этой возможностью воспользуется Холл, перебежав дорогу Хамилтону, то мой бывший босс будет в ярости.

– Есть еще одна деталь, которую я не вполне понимаю, – сказал Хамилтон. – Почему Пайпер .остановил свой выбор именно на мне? У него наверняка были сотни других вариантов.

– О, Пайпер здесь не при чем, – охотно объяснила Кэти. – На этом настаивал Кэш. Знаете, я думаю, что вообще вся эта операция родилась в голове Кэша. Он смотрит на нее, как на способ дать возможность своим основным клиентам заработать большие деньги. Кажется, он боится потерять связь с вашим банком, особенно после такого непростого ухода Пола. Кэш очень хочет, чтобы вы согласились участвовать в консорциуме.

– Понятно.

– Значит, мне передать Кэшу, что консорциум вас не интересует?

– Да, – подтвердил Хамилтон и положил трубку.

Проклятье, подумал я. Кэти сыграла превосходно, но похоже, что Хамилтон не торопится глотать наживку.

К нам подошел Роб.

– Так мы будем работать с этой «Микс-н-Матч»? – спросил он.

Хамилтон, откинувшись на спинку кресла, молча ласкал свою бородку.

– Эта девушка слишком много болтает, – добавил Роб.

– Мне кажется, что она просто напугана, – пояснил я. – Хорошо, что мы спустили этот проект на тормозах.

– Думаю, спускать его на тормозах мы не будем, – возразил Хамилтон. – Я склонен ей верить. Полагаю, Кэш действительно располагает какой-то информацией. Уговаривать своих клиентов на верные операции – это в его духе. И будь я проклят, если позволю этой примадонне Холлу прибрать всю операцию к рукам.

– Значит, мы присоединяемся к консорциуму? – уточнил Роб.

– Да.

– Здорово!

Хамилтон позвонил Кэшу. Услышав в трубке голос Кэша, Хамилтон прежде всего спросил:

– Кэти нас не слышит?

– Нет, – ответил Кэш.

– Думаю, вам лучше остерегаться ее. Я только что с ней говорил, и у меня создалось такое впечатление, что у нее... – он помедлил, подыскивая подходящее слово, – возникли определенные подозрения. Успокойте меня, скажите, во всей этой операции или в способах, которыми вы получали информацию, нет ничего противозаконного?

– Нет, конечно, – запротестовал Кэш. – Поверьте мне, Хамилтон, эта операция кошерна на все сто процентов, даю слово.

Конечно, Хамилтон не поверил Кэшу, но на всякий случай он хотел уберечь себя от любых возможных неприятностей.

– Хорошо. Итак, я вхожу в консорциум и даю двадцать миллионов долларов. Пришлите мне документы с курьером, я их подпишу. И сделайте так, чтобы Кэти ничего не знала о моем решении. Любыми способами отстраните ее от операции. – Хамилтон положил трубку, повернулся ко мне и улыбнулся. – У нас все получится, – сказал он. – Я уверен, все получится.

Я вернулся к своему столу и позвонил Кэти.

– Все отлично! Ты была неподражаема! – сказал я.

– Ты думаешь, теперь он не отступит?

– Ни за что на свете.

– Завтра я улетаю на четыре дня в Нью-Йорк, – сказала Кэти. – Мне нужно встретиться с несколькими клиентами, с которыми мы с Кэшем разговаривали месяц назад. Держи меня в курсе. Кэш скажет, где меня искать.

– Не волнуйся, я обязательно разыщу тебя, – сказал я. Почему-то я почувствовал смутное беспокойство. – Кэти?

– Да?

– Остерегайся Вайгеля.

– Почему?

– Просто на всякий случай остерегайся. Он опасен. Мне вовсе не хотелось бы, чтобы ты попала в неприятную ситуацию.

– Не беспокойся, я с ним не собираюсь встречаться. К тому же у него нет никаких оснований охотиться за мной.

– Ладно, будем надеяться, что ты права, – сказал я без особой уверенности.

Документы были подписаны в тот же день после обеда, и Хамилтон распорядился о переводе двадцати миллионов долларов на счет нового консорциума. Примерно в то же время свою подпись под соглашением поставил и представитель «Финикс просперити»; ссудо-сберегательный банк тоже перевел двадцать миллионов на счет консорциума. Кэш сказал, что Джек Салмон рвался в бой и был ужасно зол на своего шефа, который не дал ему разрешения сразу. Пайпер тоже подписал соглашение, но с переводом своих двадцати миллионов торопиться не стал.

Итак, в течение двадцати четырех часов консорциум стал реальностью и уже имел в своем распоряжении сорок миллионов долларов.

Следующие два дня мне было очень трудно сконцентрировать внимание на работе или хотя бы сделать вид, что я работаю. Хамилтон, как всегда, был спокоен. Он лишь раз проверил, не упал ли курс облигаций «Микс-н-Матч».

Как только Денни, будучи доверенным лицом консорциума, подтвердил, что деньги поступили на счет, я стал действовать. Времени у меня было немного. Я дождался, когда Хамилтон на четверть часа вышел за сэндвичами. Почти все сотрудники тоже ушли на ленч, и в операционной комнате кроме меня остался лишь Стьюарт, которого взяли на место Дебби. Стьюарт листал бюллетень рынка ценных бумаг. Он мог бы меня услышать. Мне приходилось рисковать.

Сначала я позвонил Денни. Я включил запись телефонных разговоров и продал консорциуму по номиналу все облигации «Тремонт-капитала», которыми распоряжался «Де Джонг» – на все двадцать миллионов. Потом я выкупил у консорциума долю «Де Джонга» – тоже по номиналу и тоже на двадцать миллионов долларов. Обе операции отняли у меня не больше минуты. Стьюарт только раз бросил на меня взгляд, потом снова углубился в изучение бюллетеня. Он не мог слышать, о чем я говорил по телефону.

Потом я достал два комплекта бланков и занес в них все детали только что совершенных операций. Теперь облигации «Тремонт-капитала», хранящиеся в банке «Чейз» как собственность компании «Де Джонг», перейдут в банк «Барклиз», принимающий на хранение ценности от консорциума. Акционерный сертификат консорциума, который компания «Де Джонг» только что получила от Денни, будет снова отослан в консорциум.

Самое же важное заключалось в том, что банк компании «Де Джонг» будет поставлен в известность о предстоящем переводе сорока миллионов долларов от консорциума.

Я бросил взгляд на часы. Четверть второго. Самое время перекусить и мне.

Стоя в очереди в небольшой закусочной, я еще раз все мысленно просчитал. В результате всех этих операций «Де Джонг» получит назад свои двадцать миллионов, которые он заплатил за фиктивные облигации «Тремонт-капитала». Активы консорциума теперь включали двадцать миллионов долларов в виде облигаций «Тремонт-капитала», представляющих собой акционерный капитал «Финикс просперити». Поскольку единственными активами «Тремонт-капитала» были средства, вложенные в «Финикс просперити», или «денежный станок дядюшки Сэма», то ссудо-сберегательный банк «Финикс просперити» только что купил собственные акции. Если отбросить все несущественное, то результатом всех этих операций было возвращение тех двадцати миллионов долларов, которые компания «Де Джонг» неосторожно инвестировала в «Финике просперити» через «Тремонт-капитал». Все было прекрасно.

Сразу после ленча Хамилтон, Роб и я должны были поехать в адвокатскую контору «Денни энд Кларк». Денни обещал устроить Хамилтону особую встречу. Я с нетерпением ждал этого момента.

Я был доволен собой. Я играл с Хамилтоном на его поле и победил его. Конечно, Дебби уже не воскресить, но зато ее убийца предстанет перед судом, «Де Джонг»

вернет свои деньги, а с меня будет снято подозрение в убийстве. В общем, результат неплохой.

Я вернулся к своему столу с бумажным пакетом, в котором лежал бутерброд с сыром и ветчиной, в одной руке и с пластиковой чашкой черного кофе в другой. Кофе из закусочной был намного лучше, чем та мутная жидкость, которая капала из автомата в коридоре офиса. Стьюарт тоже ушел перекусить. В операционной комнате были лишь Хамилтон, рывшийся в каких-то бумагах, и Роб, который, склонившись над «Файненшал таймс», жевал бутерброд.

Я сел и потянулся к заполненным мной бланкам.

На месте их не было.

Я порылся в бумагах, пролистал стопку проспектов. Может быть, я уже передал их для исполнения? Нет. Возможно, я сунул их в портфель? Я был уверен, что оставил бланки на столе, но на всякий случай проверил и портфель. Нет. Может быть, я их спрятал? Нет.

Я хорошо помнил, что сделал с бланками. Я их заполнил и оставил на столе, даже не потрудившись перевернуть обратной стороной кверху. Теперь их на столе не было.

У меня бешено заколотилось сердце. Я набрал полные легкие воздуха и осмотрелся.

У меня за спиной стоял Хамилтон. Он держал в руке заполненные мной бланки и читал их.

– Что это такое? – совершенно спокойно спросил он.

Я встал, повернулся лицом к Хамилтону и, стараясь говорить как можно более бесстрастно, пояснил:

– Это операции, в результате которых «Де Джонг» возвратит деньги, отданные «Тремонт-капиталу».

– Очень умно, – прокомментировал Хамилтон, оторвался от бумаг и уставился на меня.

Холодный взгляд его голубых глаз проникал в мои самые сокровенные мысли, его не могло обмануть мое показное равнодушие.

Он понял, что мне известно все.

– Вы организовали аферу с «Тремонт-капиталом», – сказал я. Мне казалось, что мой негромкий голос исходит издалека, словно это говорил не я, а кто-то другой. – И вы убили Дебби.

Хамилтон молча смотрел на меня.

Я с трудом сдерживался, чтобы не взорваться. Как мог психически нормальный человек убить Дебби? Как мог Хамилтон так поступить со мной? Хамилтон, который терпеливо обучал меня своему делу, который передавал мне свои знания, свое умение, который поощрял меня, оказался всего лишь вором и убийцей. Несмотря на свою холодность, а может быть, благодаря ей, Хамилтон стал для меня не просто шефом, а учителем, образцом для подражания, почти отцом. И все это время он манипулировал мной, а потом, когда я стал угрожать его спокойному существованию, просто выбросил меня.

– Почему вы это сделали? – спросил я сквозь стиснутые зубы. Я был настолько зол, что с трудом выдавливал из себя слова. – Почему вы наделали столько невероятных глупостей? Почему вы разрушили все, чего мы добились?! – Я невольно перешел на крик. – И почему вы убили Дебби?!

– Успокойтесь, молодой человек, – сказал Хамилтон. – Вы слишком эмоциональны.

Мое терпение лопнуло.

– Как это «успокойтесь», черт возьми?! – выкрикнул я. – Вы что, совсем не понимаете, что наделали?! Или для вас все это – продолжение той же проклятой игры?! А все мы – просто фигурки в бесконечной головоломке, которая вам так нравится?! Нет, на самом деле мы – люди, и вам не удастся просто отодвинуть нас в сторону, когда мы мешаем вам на вашем пути. – Я перевел дыхание. – Я уважал вас. Боже, как же я вас уважал. Поверить не могу, насколько я был глуп. Не понимаю, почему вы не убили меня.

Взгляд Хамилтона не дрогнул.

– Вы правы, – сказал он. – Мне следовало бы вас уничтожить. Это было моей ошибкой. Я проявил непростительную мягкотелость. Дебби не повезло, ее пришлось убрать, но тогда это было единственным решением.

Я с трудом сдерживал желание ударить Хамилтона. Чтобы соблазн был не слишком велик, я повернулся к Робу. Вытянувшись в струнку, он сидел за своим столом и молча наблюдал за нами.

– Надо полагать, он с вами заодно? – презрительно произнес я. Должно быть, именно Хамилтон посоветовал ему донести в полицию, что Дебби убил я.

– Нет, Роб – всего лишь немного напуганный мелкий нарушитель, – объяснил Хамилтон. – Он заработал пятьсот фунтов на акциях «Джипсам» и теперь очень боится потерять работу – как и вы. Поэтому я попросил его рассказать в полиции небольшую сказку. И знаете, он

с удовольствием согласился. Похоже, он вас недолюбливает.

Роб покраснел и заерзал в кресле.

– И, надо полагать, это вы подбросили серьгу Дебби в мою квартиру?

Хамилтон лишь пожал плечами.

Я стал успокаиваться.

– Ладно, как бы то ни было, теперь все кончено.

На губах Хамилтона заиграла тонкая улыбка.

– Нет, не все, – уверенно заявил он.

– Что вы имеете в виду?

– Вы сами порвете и выбросите эти бланки.

Вот этого я ни за что не сделаю.

– Почему?

Хамилтон опять улыбнулся, взялся за телефонную трубку и четырнадцать раз нажал кнопки. Американский номер.

– Дик? Это Хамилтон. – Он помедлил, слушая ответ Вайгеля. – Послушай, Дик, у нас здесь возникли небольшие проблемы. Сейчас я не могу объяснить, в чем дело. Но если я не перезвоню тебе через пять минут, вызывай своего друга и приступай к выполнению плана относительно Кэти. Потом уходи из офиса и исчезай. Понял? – Хамилтон снова замолчал, слушая Вайгеля, потом бросил взгляд на настенные часы. – Хорошо, у нас сейчас тринадцать тридцать три. Если я не позвоню до тринадцати тридцати восьми, действуй.

Хамилтон положил трубку и повернулся ко мне.

– Кэти стала беспокоить меня с того момента, когда она призналась в намерении сообщить своим боссам о Кэше и Пайпере. Поэтому я предупредил Вайгеля, чтобы его человек не спускал с Кэти глаз на тот случай, если возникнет необходимость ее срочно убрать. Сначала это была простая мера предосторожности.

У меня мороз пробежал по коже. Кэти! В этот момент она должна быть где-то в Нью-Йорке, но не одна, кто-то неотступно следует за ней и ждет сигнала Вайгеля, чтобы убить ее. Сначала Дебби, теперь Кэти. Этого я не мог допустить.

Но не блефует ли Хамилтон? Меня нисколько бы не удивило, если бы он, попав в сложную ситуацию, пошел на любой обман. А если он решит блефовать, то будет это делать очень убедительно.

Хамилтон словно прочел мои мысли.

– Вы знаете, что я говорю правду, – сказал он. – Впрочем, в любом случае вы не пойдете на такой риск, не так ли? Возможно, я лгу, но просто так вы не станете рисковать жизнью Кэти.

Хамилтон был прав. Мы не раз вместе оценивали степень риска той или иной операции. С моей стороны было бы непростительной глупостью не обратить внимания на его угрозу. Хамилтон понимал, что этого я не сделаю.

Он по-прежнему не сводил с меня глаз. Он улыбался.

– Ведь вы в нее влюблены, правда? Для вас она – нечто большее, чем просто еще один сейлсмен в юбке? Так-так. Тогда вам придется порвать эти бланки.

Я был вне себя. Хамилтон опять выиграл, у меня не было выбора, и это мне вовсе не нравилось. Я почти загнал его в угол, но он опять перехитрил меня. Он стоял передо мной, чуть заметно улыбаясь, просчитывая все варианты и безошибочно находя единственно верное решение. Как всегда.

Я бросил взгляд на часы. Час тридцать пять. Не позже чем через три минуты Хамилтон должен позвонить Вайгелю.

– Теперь, когда вы сами порвали свои распоряжения, – сказал Хамилтон, – заполните другие бланки приказа. Распорядитесь о выкупе доли «Финикс просперити» в консорциуме, всех двадцати миллионов долларов, с расчетом в тот же день. Скажите, чтобы все было сделано немедленно и чтобы вам сообщили, когда деньги будут переведены. Я прослежу.

Я задумался. Приказ Хамилтона означал, что «Финикс просперити» в конце концов ничего не потеряет.

Я вздохнул. Мне ничего не оставалось, как точно выполнять все указания Хамилтона. Я сел за стол и достал несколько незаполненных бланков. В этот момент замигала лампочка. Хамилтон протянул было руку, чтобы остановить меня, но опоздал.

– Да? – сказал я.

– Пол, это Роберт Денни.

– О, здравствуйте, – отозвался я.

– Я понимаю, вы сейчас не можете говорить, – сказал Денни, – но у нас все готово. Мы ждем вас, Хамилтона и Роба. Полиция тоже здесь.

– Не Пауэлл, надеюсь? – уточнил я.

– Инспектор Пауэлл тоже у нас, но с ним его шеф, старший инспектор Дин, и два сотрудника отдела борьбы с особо опасными преступлениями. А ФБР готово схватить Вайгеля в Нью-Йорке.

Хамилтон не мог слышать, что говорил Денни, но не спускал с меня глаз. Я бросил взгляд на часы. Час тридцать семь.

– Осталась одна минута, – сказал Хамилтон, заметив мой взгляд.

– Они рядом с его кабинетом? – спросил я Денни.

– Подождите, – отозвался он. В трубке я слышал приглушенные неразборчивые голоса. Они переговаривались целую вечность. Я следил за секундной стрелкой, которая неумолимо приближалась к цифре 12. Наши часы показывали время с точностью до секунды. Мне оставалось надеяться, что часы Вайгеля не менее точны. – Да, они стоят за дверью.

– Я не стану звонить Дику Вайгелю, если вы сейчас же не положите трубку, – сказал Хамилтон.

Я посмотрел на него. Он был настроен серьезно. У меня в голове пронеслись тысячи мыслей. Мне представлялся единственный шанс остановить Хамилтона. Если я этот шанс упущу, то никто на свете не сможет поручиться за жизнь Кэти. К тому же я не мог просто так отпустить Хамилтона.

Я решился.

– Слушайте меня внимательно, – скороговоркой выпалил я Денни. – Передайте, что ФБР должно немедленно арестовать Вайгеля. И пришлите

полицейских сюда. Быстро. У нас считанные секунды. Через минуту я все объясню.

– Понятно, – ответил Денни.

Я понимал, что многим рискую, и оттого мое сердце заколотилось так, что, казалось, было готово выпрыгнуть из груди. Я положил трубку, встал и повернулся к Хамилтону. Его глаза в удивлении округлились. Такого поворота событий он не ожидал.

– Я не блефовал, – сказал Хамилтон. – Считайте, Кэти нет.

Он медленно наклонился, взял свой портфель и, ни на секунду не сводя с меня взгляда, стал пятиться к двери.

Краешком глаза я заметил, как за спиной Хамилтона метнулась чья-то тень. Это Роб перемахнул через стол, сбив компьютер, и прыгнул на Хамилтона. Оба упали, сильно ударившись о пол. Роб вскрикнул и схватился за плечо. Хамилтон стал подниматься, и я бросился на него. Он отчаянно сопротивлялся, но Роб подоспел мне на помощь, и мы вдвоем пригвоздили Хамилтона к полу. Роб держал его за ноги, я – за плечи.

– Свяжи ему руки! – крикнул Роб.

Я покрутил головой, увидел валявшийся на полу разбитый компьютер и одной рукой потянул к себе его электрический шнур. Однако мои попытки связать им Хамилтону руки были безуспешны. Хамилтон извивался, выкручивался, и даже вдвоем мы никак не могли соединить его запястья хотя бы на несколько секунд.

– Не вертись! – крикнул я.

Хамилтон все еще отчаянно сопротивлялся, и каким-то образом ему даже удалось ударить Роба ногой по ребрам. Я набросил шнур Хамилтону на шею и оттянул его голову назад.

– Я сказал, не вертись!

Хамилтон резко дернулся и едва не сбросил меня с плеч. Я сильнее затянул шнур. Во мне вскипела злоба. Этот сукин сын обманул меня, предал меня, он лгал, мошенничал и убивал. Если бы ему представилась возможность, он убил бы и Кэти. В сущности, я не мог быть уверен, что это ему уже не удалось.

Я стиснул зубы и затянул шнур сильнее. У меня звенело в ушах. Распростертое на полу тело застыло. До меня словно издалека доносились крики Роба.

Потом я почувствовал, как чьи-то сильные руки схватили шнур и вырвали его у меня. Другие руки оттащили меня от , Хамилтона. Я бросил взгляд на своего врага. Его голова упала на пол, широко раскрытым ртом он с трудом ловил воздух, на губах выступила пена, лицо стало пунцовым.

Я упал в кресло. Приступ ярости миновал. Здравый смысл подсказывал мне: я должен радоваться, что не успел задушить Хамилтона. Над ним склонился полицейский, другой полицейский крепко держал меня за плечи. В комнате находилось еще двое полицейских, один из них что-то требовательно говорил по радио. Мой мозг снова обрел способность мыслить. Кэти! Я рванулся к своему столу и набрал номер Денни. Он соединил меня со старшим инспектором Дином.

За несколько секунд я изложил ему все, что здесь произошло. Дин хотел задать мне какие-то вопросы. Но

мне некогда было выслушивать их. Я хотел знать, что с Кэти.

– ФБР арестовало Вайгеля? – спросил я. – Он успел позвонить своему киллеру? Вы можете узнать это прямо сейчас?

– Хорошо, – ответил Дин.

Я слышал переговоры по радио, но не мог разобрать слов. Двое полицейских надели на Хамилтона наручники и вывели его из комнаты. Мой бывший босс никак не мог восстановить дыхание. Я был рад, что его убрали с моих глаз.

Минута тянулась бесконечно долго. Наконец я снова услышал голос Дина:

– Вайгель арестован, – сообщил он.

– Он успел позвонить? – с надеждой спросил я.

– Когда агенты вошли к нему в кабинет, он как раз опускал телефонную трубку, – невесело ответил Дин. – Он не захотел сообщить, кому звонил, но парни из ФБР, судя по его реакции, считают, что он вполне мог разговаривать с киллером.

Господи! Я проиграй. О Кэти, Кэти, Кэти!

– Мистер Марри! – настойчиво звал меня голос Дина. – Нам нужно знать, где она сейчас находится.

– Конечно, я выясню.

Я тут же набрал номер Кэша.

– Алло.

– Кэш, все пошло не так. Вайгель успел дать команду киллеру. Ты знаешь, где она сейчас?

– Что происходит? Вы должны быть сейчас у Денни. Что случилось?

– Слушай, у меня нет времени объяснять. Ты только скажи, где сейчас находится Кэти, хорошо?

– Ладно, ладно. Здесь у меня ее программа. Дай посмотреть. – Мне хотелось поторопить Кэша. – Вот она. В девять часов у нее встреча в «Араб-Американ инвестмент». Это на Мэдисон-авеню, 520. Она остановилась в «Интерконе». Насколько я ее знаю, сейчас она как раз должна идти на встречу.

– Спасибо. Я позвоню тебе еще.

Я снова связался с Дином и пересказал ему все, что сообщил мне Кэш.

– Хорошо, – сказал Дин. – Сейчас у нас без десяти два, в Нью-Йорке – без десяти девять. Она уже должна быть почти на месте. Я сообщу в ФБР.

Невидящим взглядом я смотрел на экраны, не замечая зеленых цифр и букв. Мыслями я был на нью-йоркской улице, разыскивая там Кэти.

Громко тикали часы. За моей спиной хрипело радио полиции. Я сидел за своим столом и ждал телефонного звонка. Только на этот раз я ждал сообщения не о курсе облигаций, а о жизни Кэти.

Как я мог совершить такую глупость? Почему я пошел на риск? Это же не продажа пакета облигаций! Идиот! Идиот! Идиот!

На телефонном пульте замигала лампочка. Я схватил трубку и сначала услышал не голос, а лишь шум уличного движения.

– Пол! Это Кэти.

Это был не голос, а скорее настойчивый шепот. Но она была жива! Слава Богу! По крайней мере пока жива.

– Я боюсь. От меня не отстает какой-то мужчина. Я точно знаю. Он идет за мной от самого отеля.

– Что он делает сейчас?

– Прислонился к церковной стене, листает газету, делает вид, что не смотрит на меня.

– На улице многолюдно?

– Да. Я рядом с Пятой авеню. Тут везде толпы.

– Хорошо. Где именно ты находишься?

– В телефонной будке на 35-й улице, прямо у входа на станцию подземки.

– Подожди, не вешай трубку.

Я повернулся, передал слова Кэти стоявшему у меня за спиной полицейскому, который тут же повторил их по радио.

– Кэти, оставайся на месте, никуда не уходи. Полиция прибудет с минуты на минуту. Продолжай говорить по телефону.

– Кто он? Что он задумал? – недоумевала Кэти, в ее голосе слышался неподдельный страх.

– Его послал Вайгель. Но не беспокойся, на людной улице он ничего не сделает.

Я старался говорить уверенным тоном и надеялся, что не обманываю Кэти, но на самом деле я тоже ничего не знал. Мы были слишком напряжены, чтобы обмениваться ничего не значащими фразами, поэтому

довольно долго молчали. До меня доносился обычный шум нью-йоркской улицы: автомобильное движение, скрип тормозов, обрывки фраз прохожих.

Я не сводил взгляда с секундной стрелки настенных часов. Теперь она еле ползла по циферблату. Откуда должна приехать полиция? Я представил себе геометрически правильную сетку улиц в центре Манхэттена. В час пик там потребуется добрых десять минут, чтобы проехать три квартала.

Я вздрогнул. Где Кэти? Почему она молчит?

– Кэти?

– Да, Пол, я здесь.

Слава Богу.

– Тот мужчина ушел?

– Нет, он еще подпирает церковную стену.

– Хорошо. Если он сделает хотя бы шаг, сразу скажи мне, ладно?

– Ладно. – Пауза. – Пол, я боюсь. – Я еле слышал тихий голос Кэти.

– Не волнуйся, ждать осталось недолго.

Потом я услышал вой сирен, постепенно набиравший силу.

– Господи! – выдохнула Кэти. – Он переходит улицу. Он идет прямо ко мне.

– Бросай трубку и беги! – крикнул я. – Беги!

Я услышал стук трубки, ударившейся о стенку телефонной будки и звук лопнувшего пластика. Секунду в трубке было тихо, потом раздались крики, визг

женщин, вопли мужчин, все более громкий вой сирен, возглас: «Ее ранили!», другой: «Она истекает кровью!». Потом вой сирен заглушил все, раздались громкие, уверенные голоса полицейских. Они приказывали людям отойти, дать им возможность заняться своим делом.

– Кэти! – кричал я. – Кэти!

Потом я услышал ее голос. Милый голос Кэти. Испуганный, то и дело прерываемый всхлипываниями, но все же ее голос.

– Пол?

– С тобой все в порядке?

– Да. Он ранил другую женщину, а у меня все в порядке. Все хорошо.

Двадцать третья глава

Я с удовольствием следил за мелькавшими на экране цифрами. С утра на рынке казначейских ценных бумаг царило оживление, их курс за несколько часов поднялся в среднем на полтора пункта. Как обычно, Хамилтон идеально подобрал наш портфель. Мы должны были сделать немного денег. До меня дошли слухи о новом крупном выпуске для Всемирного банка. Облигации должны быть выставлены на аукцион во второй половине дня, и мне хотелось ухватить свою долю. С улучшением ситуации на рынке еврооблигаций их курс будет только расти.

Я бросил взгляд на часы. Уже двадцать минут первого! В свой первый после долгого перерыва настоящий рабочий день я явился в офис к половине восьмого, и мне казалось, что прошло не больше часа. Настроение у меня было превосходным. Формально место Хамилтона занял Джефф, но он дал мне понять, что не будет вмешиваться в мои дела. Я был уверен, что не обману его доверия.

В двенадцать тридцать мы с Денни, Кэшем и Кэти должны были встретиться в ресторане «Билл Бентли». Денни пригласил нас на ленч. Я схватил пиджак и помчался к лифтам. На первом этаже возле входных дверей я встретил стоявшего в ожидании Роба. Я сделал вид, что не замечаю его, и через весь вестибюль зашагал к вращающимся дверям.

– Пол!

Я остановился. Это меня окликнул Роб.

– У тебя есть минутка?

Роб кивнул в сторону кресел в тихом углу вестибюля. У меня не было ни времени, ни желания разговаривать с Робом, но все же я последовал за ним.

Мы не сели, просто остановились рядом с креслами. Роб неловко переминался с ноги на ногу. Я не собирался ободрять его. Наконец он набрался духу и сказал:

– Я очень сожалею, что донес на тебя в полицию.

Я промолчал. Простить Роба я не мог. Что касается меня, то нашей дружбе пришел конец.

– Последние месяцы мне не везло, – продолжал Роб. – Какая-то полоса невезения. Я сделал много такого, чего не стоило делать. Я только хотел тебе сказать, что я действительно очень сожалею.

– Хорошо, – сказал я равнодушно.

Мне было известно, что Робу грозили неприятности. Комиссия ассоциации заинтересовалась обстоятельствами покупки им акций «Джипсам», а полиции вовсе не понравилось, что он направил их по ложному следу. Но Роб помог задержать Хамилтона и обещал дать против него показания. Возможно, это облегчит участь Роба. Но в любом случае он потеряет место в компании «Де Джонг». Я был этому только рад. В моих глазах Роб был скорее слабаком, чем злоумышленником, но мне определенно не хотелось бы видеть его каждый день.

– Как Кэти? – спросил Роб.

– Хорошо. У нее все хорошо.

– Рад слышать. Кэти – отличная девушка. Не потеряй ее.

Должно быть, Робу было нелегко простить меня за Кэти. Во всяком случае его слова удивили меня.

– Мне нужно идти, – сказал я и направился к выходу.

Когда я проходил через вращающиеся стеклянные двери, я едва не столкнулся с высокой блондинкой лет двадцати. На ней были только узкая майка и очень короткие джинсовые шорты, открывавшие невероятно длинные золотисто-коричневые ноги. На нее оглядывались все, не стал исключением и я. Подпрыгивающей походкой она направилась к Робу, и я на секунду остановился. Роб встал, поцеловал девушку, и на его лице я снова увидел знакомое выражение.

Как это ему удается, черт возьми? Что они в нем находят? Я недоуменно покачал головой и поспешил в ресторан.

В «Билл Бентли» я спустился ровно в половине первого. Бар был переполнен. Денни заказал столик внизу.

Денни, Кэш и Кэти уже сидели за столиком. Я обменялся дружескими рукопожатиями с Кэшем и Денни, потом поцеловал Кэти. Я был счастлив снова видеть ее живой и улыбающейся.

– Рад тебя видеть, – сказал я.

– Я тоже.

– Когда ты прилетела?

– Сегодня утром. Нью-йоркская полиция не смогла поймать того, кто стрелял в меня, поэтому мне

посоветовали прервать поездку и первым же рейсом вернуться домой. Но полиция уверена, что мне больше ничто не угрожает. Раз Вайгеля и Хамилтона арестовали, маловероятно, что киллер станет настойчиво преследовать меня.

– Ты бы знала, как я переволновался, когда услышал по телефону крики.

– Он переволновался! Я до смерти перепугалась. К счастью, раненая женщина скоро поправится, так мне сказали.

Из стоявшего рядом со столиком ведерка со льдом Кэш вынул откупоренную бутылку шампанского и наполнил мой бокал.

– За всех нас! – сказал он и сделал большой глоток. – И за каникулы Хамилтона. Надеюсь, они будут долгими.

Мы выпили шампанское. Я чувствовал себя отлично. У меня снова была работа. Наконец-то я смогу выкупить коттедж мамы. Смогу проявить себя на рынке облигаций. И самое главное – у меня была Кэти. Я перехватил ее веселый взгляд.

Я повернулся к Денни.

– Я должен поблагодарить вас за все, что вы для нас сделали, – сказал я.

Денни протестующе поднял руку.

– Меня не за что благодарить. Я охотно помогал вам. Кроме того, Дебби была отличным юристом, и я доволен, что мне представилась возможность помочь схватить того, кто ее убил.

Мы заказали ленч, а Кэш попросил вторую бутылку шампанского.

– Как поживает Джек Салмон? – спросил я Кэша.

– Я разговаривал с ним вчера, – начал Кэш и замолчал в ожидании чашки с супом, которую принес официант. Он жадно отхлебнул. – Джек в полной панике. Говорит, что уже начато расследование. Конечно, он уверяет, что ничего не знал, но я сомневаюсь, что он удержится в банке больше недели.

– Повержен еще один из твоих клиентов, – заметил я.

– Да, это плохо, – сказал Кэш. – «Финикс просперити» обанкротится и перейдет в собственность государства. Правда, у банка много облигаций, которые можно выгодно продать. – Кэш замолчал, очевидно, прикидывая, не представится ли ему здесь удобная возможность поживиться.

В этот момент к нам подошел официант.

– Мистер Марри, вас просят к телефону.

Я пошел в бар, где стоял телефонный аппарат. Кэш не спускал с меня глаз. Звонил Джефф.

– Пол, очень хорошо, что я тебя нашел. Уже начинается крупная операция для Всемирного банка. Кажется, предлагают дешево. Ведущий банк – «Харрисон бразерс». Ты можешь сейчас же вернуться в офис?

– Буду через несколько минут, – ответил я и положил трубку.

Я вернулся к столу и извинился. Кэш с подозрением прищурился.

– В чем дело? – спросил он.

– Ерунда, просто мне срочно нужно купить пару-другую облигаций.

Я подмигнул Кэти, и она ответила мне широкой улыбкой. Я почти бегом бросился из ресторана, но Кэш засеменил за мной.

– Эй, подожди! – кричал он. – Что за облигации? Кто ведущий? Для «Блумфилд Вайс» там тоже найдется дело, я уверен! Ничего не решай, пока я не вернусь на место!

Я не ответил и помчался в свой офис, на ходу рассчитывая, сколько облигаций Всемирного банка мне следует купить.

Примечания

1

Андеррайтер – поручитель, который берет на себя обязательство разместить определенное количество ценных бумаг нового выпуска и закупает бумаги у эмитента для их последующей продажи инвесторам. – [Здесь и далее примечания переводчика.]

2

Сейлсмен – торговый агент, действующий в качестве посредника между покупателем и продавцом на рынке.

3

Трейдер – лицо, покупающее и продающее ценные бумаги с целью получения прибыли от краткосрочных колебаний цен, биржевой игрок.

4

Дилер – юридическое или физическое лицо, покупающее ценные бумаги за свой счет или продающее их из собственного портфеля в отличие от брокера или сейлсмена, выступающих посредниками между продавцом и покупателем. На практике многие фирмы выполняют как те, так и другие функции.

5

Позиция – количество ценных бумаг определенного типа, находящихся во владении индивидуального или институционального инвестора.

6

Строительное общество – специализированное сберегательное учреждение в Великобритании.

7

Cash (кэш) – наличные (англ.)

8

Франсуа Трюффо (1932—1984) – французский кинорежиссер и киновед, один из основателей направления «новая волна».

9

Имеется в виду рейтинг ценных бумаг агентства «Стандард энд Пур корпореишн» – ведущей фирмы по установлению рейтингов ценных бумаг.

10

Спред – разница, разрыв (англ.). Различие между процентными ставками, по которым банк получает средства и по которым выдает их заемщикам.

11

Ли Якокка – президент компании «Форд» (1970—1978), главный управляющий компании «Крайслер» (1978—1989) воплощает в себе

«американскую мечту», так как начал карьеру мелким служащим.

Эдуард Коч – американский политический и общественный деятель, с 1978 по 1990 гг. – мэр Нью-Йорка.

12

Маржа – в данном случае разница между рыночной стоимостью ценных бумаг и размером полученной под них ссуды, зарегистрированная на счете клиента в брокерской фирме.

13

Мерил Стрип – знаменитая американская киноактриса, исполнительница психологических ролей. Неоднократный лауреат премии «Оскар».

14

Джозеф Уитакер – английский издатель. В 1868 г. начал издание ежегодного альманаха-справочника, который выходит под его именем по сей день.